

**МАКС
КРАВЧИК**

БЕГЛЕЦ МЕЖДУ МИРАМИ

2017

Наша Вселенная оказалась намного загадочней и таинственней, чем мог себе представить менеджер среднего звена, обычной компьютерной фирмы. В скучную, размеренную жизнь Вячеслава ворвались невероятные события, которые заставили его покинуть родной мир, спасая свою жизнь от неизвестных преследователей из другого мира. Загадочная девушка, спасшая его, помогает парню сбежать, возлагая на него миссию не просто спастись самому, а спасти Вселенную от грядущего хаоса и уничтожения. Так он превратился в самого разыскиваемого беглеца среди всех миров. А Вы готовы добежать вместе с ним до конца?

Кравчик Макс
Беглец между мирами

Вы бы могли измерить пустоту? Как узнать ее вес, размер, длину или глубину? Наукой известно множество различных мер и величин, которыми можно измерить почти все, но как измерить то, чего нет? Когда «что-то» не имеет границ и оболочки, не имеет формы и размера — это то, чего и нет, по сути, как узнать какое оно, сколько его, и где оно? Но каждый знает, пустота есть. Пустота есть во всем и везде. В людях. О, как же много ее в людях. Они ее пытаются заполнить разнообразными методами: воспоминаниями, эмоциями, вещами. Даже такими же, как они сами, людьми. Но пустоты не становится меньше, пустота она везде.

* * *

Где-то в пустоте на окраине неизвестности или может в центре смысла всего — жило существо. Может даже не жило, а умирало, а может и вовсе не рождалось. Существо никогда не появлялось и никогда не исчезало, оно не взрослело, и не развивалось. Оно просто было. Было нигде и никогда. Было везде и всегда. В нем было все, что могло быть, и не было ничего, потому, что оно не знало, как это...быть. Оно не могло знать кто оно, и не знало, так же как и знало то, что оно и есть то самое существо, которое не знает кто оно. Оно было всем и никем, находясь вне времени и пространства, находясь за гранью понимания и внутри всего известного, что могло быть известным.

Существо заключало в себе: жизнь и смерть, материю и антиматерию, пустоту и полноту. Оно согревалось мертвенно холодным льдом или обжигающим пламенем, и прохлаждалось в тени невероятных вспышек света и следовавшей за ними темнотой, которых тоже возможно не существовало. В нем бушевали бури эмоций, которые никто не в силах был обуздать. Все то, что человечество пронесло сквозь всю свою эволюцию. Злость, ненависть, любовь, доброту и конечно одиночество. Бедное существо не могло понять в общем сумбуре всего с ним происходящего, хотя бы толику чего-то отдельного, но... одиночество, было тем единственным чувством, которое оно ощущало в полной мере.

Все имеет свое начало и все и имеет свой конец, но даже в этой простой аксиоме, не было никакого смысла. Ведь существо не могло ощущать хоть что-либо отдельно. Все с ним происходило одновременно и всегда, целую вечность, или же всего мгновение потому, что для него не существовало времени. И однажды, через века, тысячелетия или же миллионы лет, а может и сразу через секунду после осознания такого дикого, мерзкого, всепоглощающего одиночества, существу стало так невыносимо горько, что оно обронило слезу...

Слеза эта, пролетев миллиарды миль или же просто, не сдвинувшись с места, взорвалась, чудовищным по своей силе взрывом. Взрыв был невероятных масштабов, разнося всю сущность существа на огромные расстояния и высвобождая все его содержимое вокруг. Неся в себе все то, чем и было это несчастное одинокое существо. И осколки этой слезы стали разноситься везде, создавая время и пространство, разбиваясь на звезды и порождая галактики. Насыщая новую рожденную вселенную, жизнью. Сколько это все длилось, не дано узнать никому, но после этого чудовищного, но такого прекрасного взрыва, зародилась

сама суть начала. Начала всего известного в нашем мире.

А от слезы, осталась лишь крохотная звезда, в которой билось сердце вселенной. И горящая внутри нее искра, ярко светила, чтобы поддерживать огонь жизни всего сущего.

Глава 1

Очень противный, резкий и так настырно повторяющийся звук, пронзил сознание Славика. Будильник. Какое же это мерзкое слово. Да и не только слово, а вся суть этого адского устройства была ему крайне неприятна. Ну, почему нельзя вставать по утрам без вмешательства в такой приятнейший процесс как сон, этой гнусной, бездушной техники? Но вставать надо.

Вячеслав работал в небольшой компании, продающей компьютерную технику. Не то, чтобы ему не нравилась эта работа. Он вполне хорошо себя ощущал в должности старшего специалиста по продажам, но сказать, что это мечта всей его жизни, никак нельзя. Хорошая зарплата, не сложная работа, связанная с довольно таки интересной современной отраслью, но время, потраченное, на просиживание в офисе за монотонной работой, постоянно казалось, потраченным впустую. Он хотел большего, но того свободного времени, которое у него было в распоряжении, катастрофически не хватало. Поэтому, сидя за рабочим столом, он пытался восполнять все свои потребности, поглощая различного рода информацию чудовищными объемами. Большинство же его коллег, не утруждали себя попытками, нагрузить свой мозг излишней активностью, поэтому они, коротали свои свободные минутки, на разных развлекательных порталах. Не хватало свободного времени и на любимое хобби. В детстве родители его отдали на секцию спортивной стрельбы из лука. Их сын даже успел за несколько лет обучения, достичь определенных результатов, но коварная судьба злодейка, вмешалась в жизнь юного дарования и ввела свои коррективы.

Так, когда ему было уже четырнадцать лет, и он в третий раз подряд завоевал титул лучшего стрелка из лука города и уехал на соревнования страны в столицу, его ждали дома ужаснейшие новости. Его родители, возвращаясь с загородной дачи, попали в автокатастрофу. Их автомобиль слетел с моста, пробив ограждение, и угодил в реку. Тела их так и не были найдены. Парню же сказали, что они пропали без вести.

Многие годы спустя Славик, поднимая городские архивы, старые интернет издания местных газет, выискивал всю информацию о том несчастном случае. Фотографии с места событий никак не могли подтвердить версию о банальном ДТП. Место аварии на мосту, было похоже, скорее, на поле боя, во многих местах отмеченное черным нагаром, словно от взрывов. Машина была так искорежена, словно ее рвали несколько огромных медведей, причем даже в некоторых местах ее будто пытались вскрыть огромными когтями, как консервную банку. Но время оказалось лучшим лекарем, и он лишь с грустью вспоминал, своих, тогда еще очень молодых родителей. В память о них он до сих пор занимался стрельбой из лука, хотя конечно уже не в спортивной секции, а лишь в свободное от работы время.

Времени ему и не хватало, даже на свое любимое хобби. Вот поэтому сегодняшнее пробуждение по будильнику, было обратным по эффекту, и не похожим на все остальные, рутинные дни. Славик сегодня собирался после работы поупражняться в стрельбе, что невероятно повышало его настроение до уровня небес.

Еще одним фактором в его жизни была Аня. Девушка, мирно сопящая, рядом с ним, в момент пробуждения. Они уже несколько лет жили вместе и Аня, как и любая нормальная женщина, требовала от своего парня много внимания. Он же, будучи мужчиной воспитанным и приличным, не мог отказать своей спутнице в этом, но и она уважительно и

понимающе относилась к потребностям своего молодого человека. И в те дни, когда он собирался провести время, со своим драгоценным луком, она не претендовала на его свободу. К слову сказать, личностью она была, не в меру современной, шла в ногу со временем и модой. Прямо сказать это не радовало ее спутника, потому что Аня была сильно заиклена на себе, и в общем не отличалась особой смышленостью. Ее познания окружающего мира заключались в рамки информации, доступной из социальных сетей, а интересы и вовсе были замкнуты внутри этих границ. Хотя Слава был с ней, лишь потому, что она была невероятно наивным, и безгранично добрым существом. Поэтому он считал своим долгом оберегать ее от жестоких реалий жизни. А все, что в ней раздражало, он, как воспитанный мужчина, тактично пропускал мимо своего внимания. Любовь же обошла стороной его сердце.

Размышлениями такого рода, утренние часы Славика были заняты постоянно. С ними он принимал утренний душ, и ел традиционную на завтрак, яичницу с жареными сосисками и тостами с маслом, пил обжигающий чай и ездил на работу. Сегодня его привычный маршрут стал куда более длинным и загадочным, чем он мог представить еще час назад. По каким-то причинам часть города была перекрыта, и стандартный маршрут его автобуса пустили по объездной дороге, которая опоясывала город. В транспорте он узнал, что утром в городе случились два небольших землетрясения и какие-то аномальные явления, но что именно, он так и не понял.

Дорога, по которой они пустились в объезд, всегда была забита машинами, особенно грузовыми, но сегодня был аншлаг. Славик и сам ехал без надлежащего комфорта, а именно стоя, придавленный со всех сторон, другими спешащими на работу людьми. На каком-то участке их пути, вдруг, произошло что-то странное. Гулкий грохот донесся навстречу движения транспорта, а затем последовала бурная волна, прокатившаяся под колесами спешащих автомобилей, словно подкинула их на миг в воздух и также внезапно стихла. Люди, упавшие в салоне автобуса, вставали и помогали встать другим. Движение машин замерло, а водитель покинул салон и ушел вперед, чтобы разобраться в случившемся. В салоне царила легкая паника, люди боязливо оглядывались, глядя друг другу в глаза. Они пытались понять, что же произошло и искали, того, кто сможет им это объяснить, но среди пассажиров таковых не нашлось. Вернулся водитель и сказал что, скорее всего, был достаточно сильный подземный толчок и дорожное полотно, начинающееся сразу за мостом, встало дыбом. Такое объяснение успокоило почти всех, и лишь те, кто действительно опаздывал на работу, начали негромко возмущаться. В результате события, не свойственного обыденной жизни, образовалась пробка, хотя они в этом городе, из-за чего только не образовывались. Водитель открыл двери автобуса, выпуская людей на свежий воздух.

На улице была осень, хотя не дождливая, как обычно, в этот период года. Люди были одеты в легкие куртки или же теплые свитера, поэтому в салоне автобуса находиться было очень душно. Это та самая пора, когда не знаешь, как одеться. На улице уже прохладно, а в транспорте не выносимо жарко.

Славик вышел со всеми подышать и на мгновение замер... Мост, перед которым они стояли в пробке, был тем самым, на котором погибли его родители. Заграждения, конечно, починили много лет назад, но не узнать это место он просто не мог. Он направился в сторону речки, через которую этот мост и был перекинут. Речка была не сильно глубокой, но достаточно широкой и с быстрым течением. Именно так объяснили ему ненайденные тела

родителей. Их унесло течением. Он бывал здесь каждый год, в годовщину их смерти и каждый год, именно на этом месте он ощущал странные сомнамбулические ощущения. Чувство нереальности окружающего мира, жуткие, врывающиеся в сознание отголоски чего-то далекого, но при этом такого родного. Словно во сне он часто видел, как пространство вокруг него начинало дребезжать, искажаясь и истончаясь, словно сказочное марево, сквозь которое проступали очертания незнакомых мест. Все это сопровождалось легкими жжениями в груди, в том месте, где висел кулон, подаренный родителями, который любящий сын никогда не снимал.

В этот раз, ступая шаг за шагом, Вячеслав шел к мосту, ожидая именно этих ощущений. Все его естество кричало ему, что они появятся и сегодня. Здесь и сейчас. И вдруг земля под его ногами зашевелилась и пошла едва заметными волнами, а он продолжал напористо идти вперед, не обращая на это внимания. Все ближе и ближе подбираясь к мосту, он перешел на бег, не в силах остановить нарастающее наваждение. И вот, когда он ступил на него ногой, все повторилось. Та же иллюзия, тот же кошмар. Он перекинулся через ограждение моста и заглянул под него и все стихло. Сошло, на нет, словно ничего и не происходило, а внизу на берегу речки стояла девушка в коричневых штанах из грубой кожи и плотной, в серо-белую полоску, жилетке. Он посмотрел на нее, а она улыбнулась ему и исчезла, в тот момент, когда он моргнул глазами. Растерявшись от таких страстей, он плюхнулся на асфальт, закрывая руками лицо. Грудь его снова обдало теплом.

* * *

Сидя на холодном бетоне, из которого был сделан мост, Славик не мог прийти в себя. Он тер лицо руками и жадно хватал осенний воздух ртом. В солнечном сплетении что-то давило, словно кто-то пытается намотать его душу на кулак. Болью отдавало под правую грудную мышцу и под лопатку с той же стороны, словно пронзая все тело насквозь. Он похлопал себя ладонями по лицу и крепко зажмурил глаза. Затем резко открыл их и уставился взглядом в небо. Небо было пасмурным и темным. Ветер гонялся за тучами, но они ловко от него убегали, не замечая его тщетных усилий. Наваждение прошло, но осталось чувство, словно он уже не принадлежит этому миру, или мир теперь не такой как всегда. Словно кто-то прорвал его оболочку, и теперь, все его естество вытекает сквозь крошечный разрыв. Как будто кто-то взял огромную иглу и проткнул огромный воздушный шарик под название мироздание. Он перевел взгляд на происходящую вокруг обстановку и впал в некоторый ступор. Что-то изменилось. Нет, машины находились там, где и стояли до этого. Деревья по-прежнему росли там, где им и положено расти, небо вверху, земля под ногами... но его восприятие несколько изменилось. Все эти привычные вещи вокруг стали пепельно-серыми, ржаво-коричневыми или же угольно-черными. Машины и автобусы выглядели так, словно десятки лет ржавеют здесь, не сдвигаясь ни на дюйм с этой дороги, хотя он и явственно слышал урчание их моторов. Сама дорога разорвана трещинами и волдырями вздувшегося асфальта. Но транспорт неспешно продвигался по ней, словно по зеркальной поверхности. Деревья повсюду испещрены язвами и гнилыми нарывами, как будто неведомые жуки-убийцы пожирают их изнутри. Но он видел, как на них шевелятся от ветра еще зеленоватые, но уже начавшие желтеть, листья. Он резко встал и обернулся к реке. И увидел, что некогда прозрачная вода, несущая белоснежные барашки пены в местах

завихрения воды на камнях и порогах, стала красной словно кровь. Он, резким движением руки, захлопнул свой рот, который в порыве ужаса, попытался вскрикнуть, и тихо замер.

— Молодой человек! Молодой человек, с Вами все в порядке? — Окликнул чей-то немолодой голос Славика, и он резко обернулся. Перед ним возникла ухоженная женщина лет сорока и с неподдельной тревогой смотрела на него.

— Вы тут стоите, словно статуя уже несколько минут и ни разу не пошевелились. Мне показалось, что Вы даже не дышите. Я такое уже однажды видела. Парня на скорой помощи увезли, потому что он, так и не смог прийти в себя. — Повела женщина Славику и, увидев, что он хоть мало-мальски реагирует, добавила: — Ну, слава Богу, а то уж я подумала, что опять со мной такое повторится. Я Вам скажу, это страшное зрелище.

Ее беспокойство так его обескуражило, что он только и смог слегка улыбнуться. Женщина сказала, что пора возвращаться в автобус, потому что пробка уже рассосалась, и они могут продолжить движение. Славик еще раз осмотрелся вокруг, но ничего странного не увидел. Машины выглядели как обычно, блестели разнообразными покрасками, а некоторые даже аэрографией. Деревья выглядели здоровыми, и река шумно била берег своим потоком, переливаясь синими оттенками. Он глубоко вдохнул приятный прохладный осенний воздух, выдохнул и направился к автобусу.

Рабочий день уже наполовину был оставлен позади и Славик выбрался на обед в торговый центр, здание которого находилось по соседству с его офисом. Он сидел, ковыряя размокший рол в блюде с соевым соусом, тыкая в него деревянной палочкой для еды. Его сознание было поглощено размышлениями, связанными со странностями, произошедшими сегодня утром. Он не мог понять, что же именно с ним произошло. Почему привычный мир ему привиделся столь иным, отвратительным, умирающим? И почему это все произошло именно там, на мосту, где погибли его родители? И что это была за девушка, которую он видел всего миг, и которая ему так искренне улыбнулась, а потом исчезла? Что все это значит? Он сходит с ума? Или же всему случившемуся есть логические объяснения? Эти вопросы наводнили его сознание, не давая покоя и сея в душе тревогу. Рол превратился в рисовую кашу, и он позвал официанта принести ему чистое блюдо для соевого соуса. Официант кивнул, давая понять, что исполнит его просьбу, сею секунду, и отправился на кухню. Кафе, в котором он сидел, находилось прямо посреди торгового центра и выглядело как открытая площадка ничем не огороженная, вокруг которой сновали люди. Просто столики, которые располагались на первом этаже недалеко от великолепного фонтана, с яркой мигающей подсветкой. Когда официант ушел за блюдом, его внимание привлек шум, доносившийся со стороны фонтана, и он машинально повернулся в его сторону. Шум создавала молодая и, несомненно, привлекательная девушка, которая кричала на молодого человека, размахивая у него перед лицом какой-то бумагой. Она была хорошо одета и имела спортивную фигуру. Такие девушки пользуются огромной популярностью у мужчин любых возрастов, но и требуют к себе должного отношения и внимания. Насколько Славик понял из гневной тирады девушки, ей не понравился подарок, сделанный парнем в день ее рождения. Она рассчитывала, что он ей подарит смартфон очень известной марки, а не какой-то абонемент. Куда именно был абонемент, он не расслышал, но очень сильно посочувствовал парню, который стоял, потупив взор, и едва молвил слова, чтобы хоть как-то успокоить избранницу. «Даа...» — Подумал Вячеслав — «... угодить девушкам в наше время, не так уж и просто». Так оно и было. В современном обществе, люди (в особенности молодые люди) стремились к красивой жизни, о которой рассказывали многочисленные модные журналы и другие «глянцевые» издания. И в этом суровом мире, ценились сугубо определенные вещи. Особенно они были важны для молодых девиц: деньги, машины, клубы, шопинг и тому подобные атрибуты современных успешных людей, вот что их манило и притягивало. Ему было жалко парня, особенно когда, девушка, так войдя в раж своего негодования, начала прилюдно толкать своего молодого человека, а ее подружки начали над ним смеяться. Девушка, в свою очередь, увидев такую реакцию подруг, уже специально, начала оскорблять молодого человека и толкать его еще сильнее. Это было ужасно вульгарно и очень обидно. Обидно не только за парня, а за всю нашу жизнь. Где человеческие чувства были заменены вещами, которыми люди тешили собственное эго.

Славик наблюдал эту картину с горечью, которая понемногу стала перерастать в злость, а затем и ярость и мир перед его глазами снова пошел волнами. Словно все вокруг заиграло, как мерцает горизонт над раскаленным песком в пустыне. Грудь защипало, а затем обожгло сильным теплом. Он схватился рукой за белоснежный кулон, висящий у него на шее, и ойкнул. Это полупрозрачное украшение на серебряной цепочке, с мерцающей алой искрой

внутри, было невероятно горячим. И он вновь увидел все вокруг гнилым и проржавевшим, серым и истлевающим, болезненным и умирающим. А девушка ему увиделась совсем в ином облики. Он увидел, что в груди у нее бьется гнилое сердце, а лицо искажено и похоже на ужасную маску, что придавало девушке вид омерзительной ведьмы из детских сказок. Он посмотрел по сторонам и увидел, что таких людей в торговом центре много и у каждого свое обличие. Такое же мерзкое и уродливое, как и у той девушки. Вячеслав завертел по сторонам головой и увидел, как жуткий парень, проходя мимо, толкает плечом женщину и, грубо ее обзывая, идет дальше. А в соседнем магазине, охранник окликает выходящую девушку, с такими же ужасающими чертами лица, а она пытается от него сбежать, и в этой гонке из под ее куртки выпадет украденная ею одежда. Сам же охранник выглядит таким же уродом, как и женщина, и на его лице пляшет торжественная гримаса, на которой читается упоение собственной властью. Возле очереди за мороженым капризный ребенок, еще с обычным и невинным лицом плачет, потому что на него кричит мать, физия которой изуродована такой же злобной гримасой, как и у всех остальных, а все потому, что ее малыш уронил шарик мороженого и перепачкал свою курточку. И многие- многие другие, вселяющие ужас лица, принадлежащие уже скорее не людям, а каким-то монстрам.

И тут Вячеслав подскочил от испуга и удивления. Он вдруг заметил, что вокруг всех этих людей, как маленькие обезьянки пляшут, прыгают и извиваются какие-то существа. Они на вид такие же ужасные и мерзкие, как и люди, находящиеся рядом с ними, но эти монстры словно улыбаются, наслаждаясь тем негативом, который прямо таки источают люди. Они маленькие, не больше собаки по размеру, но очень юркие и подвижные. Эти чудовища имеют маленькие красные глазки, черное тельце и мелкие рожки, гребнем украшающим голову. Пасти клыкастые, а на лапах когти размером с зажигалку. Позади спины, хлесткими ударами извиваются два хвоста, украшенными острыми шипами. Осмотревшись вокруг, он понял, что их десятки, может даже сотни, но никто их не замечает. Они следуют за каждым таким обезображенным человеком и постоянно слегка к ним прикасаются, выплясывая вокруг людей, словно что-то им нашептывая. Слава так резко вскочил из-за стола, что случайно его пошатнул, и посуда упала на пол и частично разбилась. Он замер, глядя на жутких монстров, потому что шум от битой посуды привлек их внимание и они словно сговорившись, посмотрели на него. Они перестали прыгать и крутиться вокруг своих жертв, а те, в свою очередь, на миг прекратили делать то, чем они в тот момент занимались. Несколько монстров, в сторону которых он смотрел, как будто почувствовали, что их видят, и метнулись в его направлении. Но он, не подав виду, поднял с пола не разбившийся стакан, и усилием одной лишь воли заставил себя перевести взгляд на уже спешившего к нему, официанта. Официант крутился вокруг стола, убирая разведенный беспорядок посетителем, убеждая его попутно, что не случилось ничего плохого, и он моментально все уберет. А Славик старался смотреть за каждым его движением и почти не шевелился, натянув на лицо глупую улыбочку. Несколько монстров, которые, было дело, ринулись к нему, отвлеклись взглядами друг на друга, начали открывать свои пасти, а вокруг, сквозь придавленный шум торгового центра, он четко слышал их речь. Она звучала как пение, производимое шепотом, но гораздо громче, чем шепот, и на много отрывистее чем пение. Монстры перекинулись несколькими такими звуками и продолжили свои пляски вокруг людей.

Славик наконец-то смог выдохнуть. Время, застывшее до этого на месте, вернулось к обычному своему течению, а звуки набрали прежних децибел и заполнили пространство

торгового центра. Люди заторопились в своих направлениях, и суета торгового центра стала вновь похожа на муравейник. Как вдруг, сквозь всю эту толпу спешащих, мельтешащих и суетящихся людей, он вновь увидел ту самую девушку, которую он сегодня видел под мостом. Он побежал за ней, не скрывая панической атаки, которая с ним случилась от увиденных монстров, а люди, проходившие мимо, искоса на него поглядывали, не понимая, что с ним творится. Он вытер пот со лба и вдруг понял, что лица людей, вновь обрели свою человечность, а предметы вокруг перестали казаться гнилыми и умирающими. Когда он выбежал на улицу из торгового центра мир обрел свое прежние черты, а незнакомка словно растворилась в толщах суетливого города. И он вернулся на работу.

Успокоившись в офисе, Вячеслав решил, что на первом же выходном посетит врача. Психолога или психиатра, ему еще предстояло узнать, но сходить к кому-то из них, показалось ему мудрым решением. А сейчас он направлялся в старую часть города, где находился заброшенный кирпичный завод, который опытный лучник, давно облюбовал под тир для стрельбы из лука.

Огромное заброшенное здание старого завода, сросшееся казалось, с землей, огромным волдырем-исполином уродовало и без того, унылый, урбанистический пейзаж. Оно зияло чернушными провалами глазниц, словно гниющий труп побежденного многоглазого монстра, обнажая армированные клыки, в почти разрушенных в некоторых местах, стенах. Тишина, царившая вокруг, заполняла пустоты, и казалось, что даже солнечный свет поглощается этой угрюмой, огромной машиной. Лишь в одной части заброшенного кирпичного завода можно было расслышать едва уловимые звуки.

Там, прижавшись спиной к стене, и крепко сжимая в руках лук с вложенной в него стрелой, стоял Вячеслав. Он резко выскочил в дверной проем, в котором даже не было дверной коробки и, выпустив в стоящую в нескольких шагах мишень стрелу, спрятался за стеной, с другой стороны проема. Его сознание проделало все очень быстро и ювелирно точно, а руки, давно превратившиеся в часть четко слаженного механизма по стрельбе из лука, молниеносно и практически не заметно, уже потянули новую стрелу из висевшего на правом боку колчана и наложили ее на древко лука. Острый взгляд уловил точное попадание в центр мишени, а внутренний голос, машинально повторил про себя фразу: «В яблочко!». Он, тренировался не часто, но был всегда в отличной форме и старые залы, забытого завода, служили отличным пристанищем. Он, вновь заскочил в длинное, заброшенное помещение и выпустил стрелу в мишень стоящую слева, расположенную намного дальше предыдущей. Вторая стрела, спустя всего лишь миг, просвистела, пронзая затхлый и пыльный воздух помещения, и впиалась своим острым наконечником в ее соседку. Поразив две мишени к ряду, он направил лук к потолку и методично, с невероятной скоростью выпустил еще три стрелы в мишени, мерно раскачивающиеся под потолком. Пробив их насквозь, стрелы еще больше раскатали мишени, закрутив их в разных направлениях. Не тратя ни единой лишней секунды, Далее побежал к заранее подготовленному рубежу и, склонившись и уперевшись на одно колено, выпустил по дуге еще три стрелы, через стоящую в конце помещения баррикаду. За баррикадой раздались два приглушенных стука, которые означали новые попадания, и один дребезжащий деревянный звон от стрелы, которая пролетела мимо мишени, упав на грязный бетонный пол. Он направился к баррикаде посмотреть на мишень, но вдруг его сознание пронзила вспышка каких-то мимолетных видений, и все вокруг приобрело мрачновато приглушенные оттенки. Окружающий мир вновь зарябил, но на этот раз он знал чего ожидать.

Через баррикаду шумным потоком начали перепрыгивать те самые существа, которых Славик видел в торговом центре. Внутри него что-то дернулось, и все тело наполнило волной разбушевавшегося адреналина, который пытался вытеснить заполонившие все его клетки нотки страха. Секунду, пребывая в ступоре, а затем, выйдя из оцепенения, он схватился за стрелы и меткими выстрелами пустил их в сторону бегущих исчадий ада. Они были маленького роста, но мерзкие гримасы источающие всем своим видом злобу, не оставляли шанса подумать, что ему не грозит опасность. Две стрелы впились в монстров, пробив одному сердце, а другому, вонзившись в лоб. Монстры, пораженные смертоносными снарядами, упали навзничь, прямо на баррикаду и в душе парня загорелся огонь надежды, а в сердце сверкнула искра облегчения. «Их можно убить!» — подумал он, но едва эта мысль пронеслась в голове, как на ее место встала другая, которая кричала, что ему все равно не

удастся их перебить в одиночку. Их было слишком много. И он побежал прочь. Разъяренные монстры гнались за ним, и он отчетливо слышал их топот позади себя. Среди шума от собственного бега, звенящих в колчане стрел и топота преследователей, также слышны были их голоса. Они выкрикивали шелестящие звуки из своих пастей, переговариваясь между собой, а один голос врывался в их шаркающие переклички, словно отдавая приказы. Складывалось впечатление, что они четко организованы и ведут привычный для них загон жертвы. Именно так! Они охотились на него, а он был их дичью. Несколько раз он останавливался, услышав слишком близко их перешептывания, и выпускал в преследователей по стреле. Иногда смертельное древко находило свою цель, навсегда обретая пристанище в чьем-то мертвом теле, а иногда пролетало мимо быстрых и изворотливых тварей, но ему было плевать — он пытался их задержать и отеснить преследование. Петляя по коридорам мертвого здания и шумно дыша, он уже потерял всякую надежду оторваться от монстров-охотников, но жажда жизни гнала его вперед, выискивая все новые пути для бегства. Он понимал, что единственным шансом выжить, было выбраться из здания и бежать к людям, где возможно, его кто-то увидит и поможет. Хотя предательская мысль, о том, что этих мелких чудовищ видит только он, а остальные люди не в состоянии их обнаружить, гадким червем все сильнее вгрызалась в его нутро. Был еще один, крошечный шанс, что вся погоня с неизведанными зверями происходила всего лишь в его голове, но и она не обретала успокоительных свойств для уничтожения бушевавшего внутри него ужаса.

Свернув в очередной пролет, Славик с ужасом понял, что свернул не туда, и коридор с обеих сторон утыканный разными дверьми, заканчивается тупиком. Каждая из этих дверей могла быть, как и спасительной, так и той, которая навсегда захлопнется за спиной последних секунд его жизни. Как вдруг, самая дальняя дверь распахнулась и из нее вышла девушка. Та самая девушка, которую он сегодня видел уже два раза и именно при таких вот, странных обстоятельствах. Она держала в руках великолепный лук, в широком размахе натягивая тетиву. Он замер, остановив бег на середине этого длинного коридора, а мимо его головы со стрекочущим звуком пролетела стрела. Его сердце остановилось на один удар, но ему показалось, что оно не бьется, целую вечность. Но обернувшись назад, он увидел катящийся труп монстра, который принял стрелу в свое тело прямо на бегу, и сейчас стрела разлеталась на щепки от умопомрачительных кульбитов, которые исполняло крутящееся мертвое тело этого мелкого хищника. Он резко взглянул в сторону незнакомки, и она ему махнула рукой, приглашая в свое спасительное и такое своевременное убежище.

Не раздумывая ни секундой больше, Славик помчался навстречу к девушке, и когда он влетел в комнату находящуюся за этой открытой дверью, его изумлению не было предела. Это была электро-щитовая. Комната где находились трансформаторы и распределительный щит, и являлась распределительным пунктом подачи электроэнергии на этом заводе. Других дверей здесь не было. Очередной тупик. Он, сменив быстро улетучившееся недоумение на яростный гнев, повернулся к девушке, которая старательно баррикадировала дверь всем, что попадалось под руку. Он смотрел на нее словно замороженный, потому что ему, наконец, удалось ее рассмотреть вблизи. Он понял, что она одета как эльф или еще какой-нибудь сказочный персонаж из мира фэнтези. Он слышал, что существует множество молодежных субкультур, в которых молодые люди и девушки наряжаясь в сказочные одежды, реконструируют и воплощают в жизнь эпизоды, описанные в фантастических книжках. Хотя в данный момент ему, вообще все вокруг происходящее казалось именно таким вот

эпизодом. Ролевой игрой. Он хотел было наорать на девушку, которая взялась, столь неудачно ему помогать, но она, забаррикадивав дверь легким движением руки сжимающий лук, оттолкнула его со своего пути и направилась к дальней стене комнаты, где находился распределительный щит. Опешив от такой наглости и от силы хрупкой девчушки, он просто смотрел на нее, не в состоянии даже пошевелиться, позабыв о том, что она заманила его в ловушку. Незнакомка, воздев руки вверх, начала делать ими непонятные движения, выписывая изящными кистями рук, плавные узоры, словно чертя какой-то рисунок в воздухе. Голова ее была опущена на грудь, которая так и ходила ходуном, от ее учащенного дыхания. Кожу покрыло серебряными капельками пота, а от всего тела повеяло жаром и мощью. Она словно сгусток энергии, который пытается найти выход и прорвать некую оболочку или невидимый барьер. Вячеслав стоял не дыша. Ему никогда прежде не приходилось видеть ничего подобного, даже учитывая предшествующие события сегодняшнего дня. Зрелище завораживало и привлекало, одновременно внушая подлинный страх и благоговейный восторг. Он тонул во всем происходящем. Девушка же, продолжала выписывать невидимые узоры, на пыльном холсте заброшенной комнаты, а все это время в дверь нещадно ломились ужасные монстры, не давая надежды на спасение в случае их прорыва через заваленную хламом дверь.

В одночасье звук исчез из окружающего мира, словно сознание Славика вначале погрузилось под воду, а затем попало в вакуум. Он перестал слышать удары в дверь злых мелких чудищ, и перестал слышать стук своего сердца. Как будто все звуки вокруг выкачали огромным насосом. В глазах на миг потемнело и когда зрение к нему вернулось, он понял что стена, где находился распределительный щит, потеряла свою плотность и замерцала. Она словно истончалась, превращаясь в некое подобие кальки, на которой ее всего на всего нарисовали. Этот огромный полупрозрачный ватман начал рваться, вначале в одном месте, а затем и по всему периметру этого новоявленного холста. Сквозь эти рваные ранки, начал проступать яркий белесый свет, постепенно наполняя собой электро-щитовую. С мерцающими лучами этого света, прорывающимися, словно в середину его сознания, вернулся и звук. Он был скорее не слышен, а осязаем. Каждая клеточка тела, каждый его волосок слышал-чувствовал, словно ультразвуковой писк, перерастающий в оглушительный рокот, несущейся на него невидимой лавины. В этот момент вернулись и звуки ударов в дверь, которая уже на половину была разбита, а сквозь дыры в ней виднелись морды и лапающие пасти монстров. Вскоре, они разрушат ненадежную преграду, и уже ничего их не остановит от расправы над своими будущими жертвами.

К Вячеславу вернулась способность мыслить, которая напрочь исчезла из его сознания от дикого животного ужаса и искреннего детского восторга, заполнивших весь его организм, во время всего происходящего. И он подумал, что еще пару секунд пройдет и его жизнь закончится, после того как сюда ворвутся кровожадные бестии. Но к его радости он ошибался, потому что знакомка повернула к нему свое прекрасное молодое личико, и крикнула ему какое-то знакомое слово:

— Баргелум!(Бежим).

Славик ничего не понял, но когда он перевел взгляд на стену, то обнаружил, что ее больше нет. Вместо нее был огромный, размытый тоннель, заполненный, словно вязким едва прозрачным воздухом. Реальность вокруг дрожала, а девушку трясло от перенапряжения, но она собрала силы в кулак и вскочила в направлении спасительного тоннеля. Ему ничего не оставалось, как последовать ее примеру и едва он вскочил в эту вязкую субстанцию,

заполнившую таинственный тоннель, мир вокруг него побежал калейдоскопом.

* * *

Он двигался в непонятном направлении, почти не видя ничего перед собой. Тишина, царившая вокруг, напевала ему какие-то незнакомые мотивы, а в ушах свистел ветер, хотя Вячеслав мог поклясться, что вокруг нет ни единого звука. Его тело продиралось через вязкую жижу, похожую по своей консистенции на гель или желе. Субстанция сопротивлялась прорыву, пытаясь исторгнуть его из себя, и ему казалось, что своим вторжением, он, причиняет ей боль. Из-за чего на душе у него стало невыносимо тоскливо, а сердце словно сжали в тиски. Он начал плакать. От этой невыносимой пытки, которую он причинял этому месту, ему хотелось завывать и в отчаянном припадке забить кулаками по земле, но сил хватало лишь на то, чтобы двигаться вперед. Боль все нарастала и нарастала, и уже грудь его, словно жгло напалмом. Он попытался закричать, но субстанция набилась ему в рот, затрудняя возможность даже дышать. А боль только усиливалась по экспоненте. Он попытался нащупать руками область, где бушевал пожар и уже почти схватился за изящный белый кулон с красной искрой внутри, который ему подарили родители, как обнаружил, что его нет. Он обшарил ладонью грудь, преодолая боль, но кулона не нашел и тут его грудь обдало таким жаром огня, а в мозг ударила такая страшная и острая боль, что он потерял сознание и упал, выпав на той стороне этого дьявольского прохода.

Огромное кроваво-красное поле, как живой организм переливалось, как будто двигаясь в пространстве. Это яркое покрывало стелилось частыми волнами, закрывая своим рубиновым сиянием другое такое же одеяло изумрудного цвета. Волны накатывали друг на друга, сменяя расцветку, и вновь возвращались в исходное положение. Это поле было прекрасно, но добрых эмоций оно не вызывало. Оно завораживало бескрайностью и пугало, неизмеримым охватом пространства, вселяя опасность. Это огненное море достигало до самого горизонта, окрашивая небо, граничащее с ним, в полу прозрачные гранатовые оттенки.

Сознание Вячеслава взмыло над этим удивительным и таким пугающим полем и полетело вдоль него. Казалось, что этому полю, не было ни конца, ни края, а приглядевшись внимательнее, он понял, что поле, которое так будоражит его воображение, полностью состоит из маков. Эти цветы дрожали на ветру, склоняя свои алые головы в разные стороны, описывая небосвод своими черными сердцевинами от одного края к другому. Сочные зеленые стебли этих маков, робко прятались под румяными шляпками не желая показывать небу свои утонченные формы. Небо же, словно злилось по этому поводу, клубилось серыми ватными барханами, разделенными между собой яркими солнечными трещинками, подсвечивая облака с обратной стороны. Облака все набирали свинцовой тяжести и серо-синяя чернеющая гамма, вскоре вытеснила из них хоть какое-нибудь дружелюбие, превращая изящные клубни облаков, так похожих на сигаретный дым, в мрачные темные тучи. Неоново-зеленые плети сорвались из трещин сквозь тучи и метнулись к потемневшему из-за отсутствия солнечного света, полю. Его сознание металось над этим маковым полем и трубило о смертельной опасности, разрывая напуганную душу на мелкие лоскуты, но он не мог понять, что происходит вокруг, и что все это значит. А сердитые тучи, так похожие на хмурые брови над глазами создателя, резко закружились в вихре и из них на его лицо начала капать влага. Мелкий теплый дождик оросил его лицо, и он обрел покой.

* * *

Глаза Славика постепенно начали открываться и через образовавшуюся щелочку между веками, проступила полоска очень яркого слепящего света. Губы прилипали друг к другу, а во рту сильно пересохло. Тело нещадно болело, а суставы словно выворачивало наизнанку. Внутренние органы тоже давали о себе знать. Ощущения были такими, словно их перемешали большой ложкой, перед тем как подать этот фарш к обеду. Перед глазами стояла пелена, а звуки вокруг были слегка приглушенными, но они стали для его ушей истинной усладой. Вокруг щебетали птицы, стрекотали насекомые, и шумела листва деревьев с кустами. Лицо приятно согревало теплыми солнечными лучами, хотя земля, на которой он лежал, была немного прохладной и влажной.

К лицу Вячеслава прикасались влажной тряпицей, которая напомнила резкой вспышкой воспоминания о пребывании на пугающем и прекрасном одновременно, маковом поле. Перед тем как его сознание провалилось в пустоту, на том поле пошел приятный мелкий дождик, который дарил живительную влагу уставшему лицу. Вот и сейчас, мокрая ткань,

нежными движениями прикладывалась к разгоряченной коже, принося облегчение и удовольствие. Нежным прикосновением пальцев, кто-то разжал его потрескавшиеся губы и меж ними скользнули несколько капель прохладной воды. Он машинально их облизал и прильнул к горловине сосуда, которую бережно поднесли к его измученному жаждой рту.

Жадно глотая спасительную жидкость Славик, приоткрыл глаза, и перед его взором оказалось прекрасное личико юного создания. Это была та таинственная девушка, которая помогла ему избежать неминуемой гибели. Её раскосые глаза были посажены на небольшом удалении от идеально ровного носа, с немного припухшими ноздрями. Наливные губы были плотно сжаты между собой, но как только девушка заметила, что он приходит в себя, они разошлись в лучезарной улыбке, обнажая ровный ряд жемчужных, аккуратных зубов. Он улыбнулся ей в ответ и на ее заостренных скулах, появился игривый румянец, который запылал розовым цветом, затмевая веснушки, щедро рассыпанные по щекам и носу. Она смутилась и, приподняв левой рукой его голову, прислонила к его губам флягу с водой. Он еще раз испил из сосуда и попытался привстать, но в голове звонким шумом заиграли звуки, похожие на мелодию ударяющихся друг о друга бокалов. Он застонал, но все же, сделав усилие, сел, уперевшись руками в сырую землю позади себя.

Девушка встала с колен и запустила свои изящные ручки в свою небольшую тканевую сумку. Из нее она достала небольшой тряпичный мешочек и, развязав его, извлекла несколько зеленых листочков. Вернувшись к Славику, она вложила листья ему в рот и сказала: — Жуй! Он, покатав листья на языке и, не опознав неприятного вкуса, принялся их пережевывать. Листья были кисловатыми, с нотками горечи и похожими по вкусу на мяту. Сок из листьев проник к нему в горло и, преодолевая боль, он их проглотил. Его самочувствие резко улучшилось, а сознание прояснилось, взбодрившийся организм, словно включив резервное питание, стал отдохнувшим и энергичным.

Незнакомка, увидев ожидаемый эффект, уверенно кивнула, что-то бубня себе под нос, и скромно улыбнулась. Она кинула мешочек с листьями в сумку и, обойдя небольшой костерок, едва дымящийся между сложенными в круг камнями, села напротив Вячеслава. Она впила взор своих необычных янтарных глаз в язычки костра, положив подбородок на плотно прижатые к груди колени, и обняла их руками. Черные пряди волос упали на ее кремовое личико, подчеркивая его идеальную форму, а рыжие тени огня заплясали на нем замысловатыми узорами. Солнце еще светило и нужды в костре он не видел, но едкий дым от огня очень удачно отгонял насекомых, что не могло не радовать. Возможно, ради этого эффекта, она его и разожгла.

Он встал и осмотрелся по сторонам. Лес вокруг был словно живой, и кишел мириадами звуков и шорохов. Кусты и высокая трава иногда шевелились, под натиском пробегающих сквозь них животных. «Главное, чтобы они не были хищными, и тогда, проблем с ними не должно было возникнуть»- подумал Слава. Но даже эти тревожные мысли не могли затмить шок от произошедших ранее событий. Повернувшись вокруг себя, он резко дернулся и в душе, словно задули огонек последней храбрости, которую он за сегодня успел исчерпать. Перед ним стояли три статуи, несомненно, каменные и безжизненные, как чудовищные надгробия готического кладбища. Статуи выглядели точь-в-точь, как те свирепые коротыши, которые гнались за ним по заводу. Их позы были различны, но все они тянули свои двухдюймовые когти в сторону их костерка. Пасти открытые в оскале и даже слюна свисающие с них, каменной нитью спадала на их тела. Он жутко испугался, но осознав, что безжизненные камни не причинят ему зла, вопросительно посмотрел на девушку. Она,

заметив его испуг, улыбнулась и сказала:

— Все в порядке! Не бойся! Они не причинят тебе вреда. Мертвые на это не способны. Они не смогли пройти тоннель до конца и навеки застыли.

— Кто они? Почему они пытались меня убить? — присаживаясь к костру, задал, наверное, самый волнующий вопрос Славик.

— Это Ляrvы. Ищейки, гонцы. Они искали тебя, потому что у тебя есть одна вещь, которая нужна их хозяину. Поэтому они за тобой гнались. — Так же задумчиво глядя в костер, сказал девушка.

— Что это за вещь? Что у меня может такого быть, о чем я даже не подозреваю, но это могло вызвать гнев этих монстров? — Округлив глаза, выкрикнул он, но сразу обернулся по сторонам, потому что вспышка гнева переполошила кого-то в кустах.

— Не знаю, но эта вещь, никогда и не при каких обстоятельствах не должна им достаться. — Спокойным тоном ответила девушка. Она подняла голову с коленей и резко сказала: — Но я сейчас поняла! Эта вещь должна быть при тебе, иначе они бы ни за что не осмелились на тебя напасть, а значит, они уверены, что она у тебя с собой. И ты скорее обладаешь ею всю свою жизнь.

— Но, из всех вещей, которыми я владею, единственная вещь, с которой, я никогда не расставался — это кулон, подаренный мне родителями. К сожалению, я его потерял в этом сумасшедшем туннеле и вернуть его нет никаких шансов. — Славик досадно вздохнул, а сердце его кольнула обида. Девушка резко вскочила и подбежала к нему.

— Снимай рубаху! — взвизгнув от нетерпения, сказала она. Славик же в свою очередь, от такого стремительного наскока с ее стороны, отпрянул назад, не понимая, зачем ему понадобилась его пропахшая потом футболка. Но девушка, требовательно на него посмотрев, сама принялась стягивать его футболку через голову и, закончив эту процедуру, замерла. Она смотрела ему на грудь, которая вздымалась от волнения. Затем ее пальцы нежно коснулись кожи в районе сердца, но он не почувствовал этого прикосновения, а внутри груди запылал пожар плещущейся силы. Мощь так и рвалась из него наружу и, не сумев ее обуздать, он схватил девушку за плечи. В этот самый момент, словно волна выплеснулась из его груди и девушка, отброшенная ею, перелетев костерок, упала на зеленую траву, а его отшатило на несколько шагов назад. Он, не понимая, что произошло, но сделав несколько шагов в сторону незнакомки, остановился. Девушка сидела на сырой земле и ошеломленно смотрела на него. Точнее не на него, а туда же, куда и прежде, на его хорошо развитые грудные мышцы. Он опустил голову и посмотрел в район своего солнечного сплетения. Там, он увидел нечто непостижимое и пугающее, одновременно. Чуть выше солнечного сплетения, точно между грудных мышц, красовалось неведомое пятно, ярко белого цвета. Пятно было похоже, на белое солнце по форме, с тянущимися в разные стороны щупальцами, разной длины. По кромке этого солнца бежали темно-синие венки, внедряясь вглубь кожи, предавая всей фигуре бледно-голубой светящийся ореол. Лучи этого солнца светились белесым светом, а центр этой фигуры, словно пылал, ярким мерцающим красным проблеском. На ощупь, новая часть организма Вячеслава, была рельефной, хотя каждая из граней, была гладкая как, отполированное бушующим морем, стеклышко. Он дотронулся до этого кристалла в груди, и это прикосновение показалось ему до боли знакомым. Таким же по тактильным ощущениям был потерянный им, кулон. Это украшение он проносил с собой всю свою жизнь, и те попытки его снять, принимая горячий душ или же отправляясь в экстремальные путешествия, которые он так любил, никогда не увенчивались успехом. Ему

каждый раз было жутко неуютно без подаренного родителями талисмана. Это чувство было сродни ощущению себя обнаженным, перед предстоящим проходом, через многометровую, колючую рощу.

Вначале Славик испугался этого волшебного имплантата в своей груди, но все его естество, просто кричало ему, что все в порядке, что так и должно быть. И он начал потихоньку успокаиваться, уже не так рьяно противясь новой части своего организма. Сознание подсказывало ему, что это тот же самый кулон, подаренный его папой и мамой, но теперь это не просто ювелирное изделие, теперь — это часть его самого.

Он слушал пульсирующую мощь у себя в груди, словно плавную мелодию, порожденную самой жизнью, и наслаждался. Он видел необузданный поток энергии, оживший в этом белом солнце, врезавшемся ему в грудь, и пытался мысленно в него пробраться, пытаясь понять, что же оно из себя представляет. Эти попытки были похожи на пробу, разбить головой мраморную гору или же проплыть через толщу моря к самому дну, с горящей спичкой в руках. Чем больше Слава пытался проникнуть в недра этого энергетического потока, тем больше это казалось невозможным. Он тратил жизненные силы, пытаясь пробиться за грань неизведанной, первобытной энергии, натываясь на все новые преграды, пока, наконец, они не иссякли. И обессилив, он упал на колени, схватившись руками за грудь. В отчаянии и диком испуге, он пытался врезаться пальцами под этот мутно-белый кристалл с алой пульсирующей нитью внутри. Пытаясь подковырнуть его по краям и вырвать его из груди, но чувствуя лишь боль, причиняемую собственной коже, обреченно завыл и упал на колени.

Девушка, подбежала к нему, и нежно, по-матерински обняв, приласкала его голову, погладив по русым, слегка волнистым волосам. Он успокоился и страх отступил, а кристалл внутри, словно подтверждая его же собственные чувства, дал понять, что бояться нечего, что теперь они единое целое.

* * *

Просидев до сумерек в тишине, Славик уже полностью успокоился, ожидая возвращения его таинственной спутницы. Она, указав куда-то в сторону леса, взяла свой лук и ушла охотиться. Голод совершенно не чувствовался из-за пережитых эмоций и не думая абсолютно не о чем, он просто смотрел в костер, пламя которого девушка велела поддерживать до ее возвращения. Это была не глупая идея, так как он совершенно не знал, какие хищники здесь могут обитать.

Девушка вернулась с охоты, неся в одной руке свой лук, а в другой руке не признанную памятью Славика, дичь. Она ловко разделала тушку, избавившись от лишних внутренностей, и насадив на палку, похожую на тростник, опалила дичь над костром. В воздухе мерзко пахло палеными перьями, но в то же время, рот переполнился слюной, в предвкушении ужина. Он был жутко голоден.

Через некоторое время, когда ужин был готов, и они молниеносно с ним покончили, получив долгожданное насыщение, Славик решил расспросить девушку. Вопросов у него накопилось великое множество.

— Как твое имя? — начал он, с наиболее нейтрального вопроса. Все же многие из тех загадок, на которые он хочет услышать правдивые ответы, были для него еще слишком

эфемерными.

— Эралия! А тебя Варэн! — затачивая о камень свой нож, непринужденно ответила она.

— Варэн? — удивленно переспросил Вячеслав. — Нет, меня зовут Вячеслав.

— Уыятадляуы — повторила за ним Эралия. Словно пытаюсь очистить свой рот от гадкого привкуса после гнилого фрукта.

— Нет же! Вя-че-слав! — по слогам разложив свое имя, медленно произнес он, сделав ударение на твердый последний слог, но она опять его исковеркала: — Уыятадляуы?

— Ну, можно просто Слава! — Не понимая того, почему она не может выговорить его имя, предложил ей альтернативу.

— Варэн! — обрадовано воскликнула Эралия, отложив нож в сторону, и хлопнула в ладоши, в знак того, что у нее получилось выговорить имя Вячеслава.

— Ну почему Варэн? Разве не понятно Слава, Славик?

— Варэн. Вар — Ик? — Судя по всему, окончательно запуталась девушка и спросила: — Что не так? Я неправильно произношу твое имя?

— Ты меня понимаешь, ты со мной говоришь, но имя мое в твоих устах звучит совершенно иначе, чем есть на самом деле. Я совсем не понимаю, почему так происходит.

— Твое имя на твоём языке что-нибудь означает? Поясни мне его другими словами. — Спокойно попросила она, вновь взявшись за заточку ножа.

— Ну, да! Славу и означает. Почесть, хвала, за заслуги или за деяния, еще может означать молву, репутацию. И что значит на моем языке? А мы сейчас не на русском языке разговариваем?

— Нет, мы разговариваем на кейпе, местном языке. Я сама удивилась, что ты можешь меня понимать. А описанное тобой значение имени на местном языке и звучит именно как Варэн и имеет примерно такое же значение. Наверно из-за этого я его воспринимаю именно в такой форме, а ты, разговаривая со мной на кейпе, слышишь его правильную форму. Каждый, кто проходит через грань реальностей, получает возможность воспринимать все языки нового мира. Никто не знает, как это работает, но это упрощает путешествия между мирами. Твой переход сюда обусловил твое восприятие языка и переводит все слова на кейпе. — Она, объяснила мне положение вещей и вроде как сама успокоилась, определив ситуацию, как очевидную и слегка потеряла к этой теме интерес. Он покрутил в уме фразу «Твой переход сюда...», набрался мужества и все-таки решился задать вертевшийся на задворках сознания, вопрос, на который боялся услышать ответ:

— Мы в другом мире? — Он помолчал и добавил. — Это не моя родная планета?

— И, да и нет. Понимаешь... — она тоже сделала паузу, прежде чем продолжить, словно подбирая правильные слова. — ... Мы находимся в другом мире, отличным от твоего, но утверждать, что это другая планета, я не могу. Я и сама этого не знаю толком. Это один из миров, который в основе своей такой же, как и твой, но некоторые вещи здесь...немного другие. Между этими мирами есть некие стенки, которые не позволяют мирам пересекаться, но такие люди как я умеют проходить сквозь их ткань, путешествуя из мира в мир. — Вячеслав, услышав ее пояснения, не произнес ни слова, пытаюсь осознать то, что она сказала. Затем спросил:

— Такие люди как ты? Что ты имеешь в виду? — Но его вопрос так и остался висеть в воздухе, потому что Эралия вскочила, и резко затоптав костер ногой, выкрикнула:

— Вставай! Нам надо уходить! Они уже совсем близко. — Славик тоже подпрыгнул на месте как резиновый мячик и настороженно начал оглядываться по сторонам. — Видишь,

вон та мерцающая синим цветом звезда? Иди в ее сторону и никуда не сворачивай через лес. Когда упрешься в горы, найди обходной путь или взбирайся по ним. Тебе нужно их перейти и попасть на ту сторону. Когда будешь идти в дневное время суток, ориентиром послужит солнце. Тебе необходимо идти прямо за ним, в сторону его заката, пока оно не спрячется за горизонт, а ночью вновь за этой звездой. — Славик напряженно вслушивался в каждое ее слова, стараясь запомнить все в мельчайших подробностях, но его мозг как заевшая пластинка крутил в голове один и тот же вопрос: «Зачем она мне все это говорит, разве мы не сбежим от этих Лярвов вместе?» Но Эралия торопливо рассказывала ему путь, все быстрее ускоряя свою речь: — Горы сойдутся в равнине, и тебе нужно будет ее пересечь, но идти уже придется в направлении схода горной воды и ручьев. Там ты найдешь поселения горного народа. Их именуют здесь сайлоками, он мои друзья, но не делай глупостей и веди себя с ними учтиво, с уважением. Они помогут тебе всем, чем скажешь. Пусть укажут тебе путь к Нойду, а у него ты узнаешь, куда тебе двигаться дальше, я свяжусь с ним, как только смогу. Скажи ему, что «Сарбасес Тира»(Последняя стрела) просила о помощи для тебя. Дай им это кольцо в подтверждении своих слов и удачи тебе «Сиаб Миажи»(хранитель искры). — Она сняла с тонкого пальчика, миниатюрное колечко и протянула ему. Затем передала ему, нож который точила, флягу с водой на длинном шнурке и тот тряпичный мешочек с «мятными» листьями. Он сунул нож в карман, а флягу перекинув через голову надел на плечо. С земли схватил свой колчан на ремне и опоясался им. Лук же прочно занял свое место в левой руке. Эралия попрощалась с ним и сказала:

— Поспеши Варэн! Они уже совсем рядом! Беги и не останавливайся. — И она умчалась в уже скрытый ночным небом лес.

Славик постоял еще секунду на месте, и словно в подтверждение слов Эралии, вдруг резко почувствовал леденящую кровь опасность и смертельную угрозу, а перед глазами, вспышками-фрагментами начало появляться маковое поле из его сна. И он, посмотрев в сторону покинувшей его спасительницы Эралии, а затем на синюю пульсирующую звезду в ночном небе, побежал за ней вдогонку.

Ночной лес кишел разнообразием живности. Звуки, царившие вокруг, заполняли собой окружающее пространство едва шелестящего на ветру ночного леса. Где-то хлопали крыльями неведомые птицы, завывали и трещали ветвями кустов ночные звери. В высокой, и зеленой траве копошились грызуны или их подобие. Даже иногда отчетливо слышались шипения змей и рычания хищников. Уханье, свист, хлюпанья и хлопки — этих звуков было сотни и каждый из них пугал, будоража воображение. Сам лес был похож на живой организм, старающийся сберечь от чужих взглядов своих обитателей. Деревья и растения, впрочем, были похожи на земные, что давало надежду на то, что звери здесь такие же обычные, хотя это не значит, что менее опасные.

Во всем этом разнообразии живности и природы, звуки переполнявшие темноту ночного леса, вписывались безукоризненно и величественно. Помогая наделить все вокруг неповторимым шармом и уютом, который только природа может создать и сохранить. Так было вчера, так было сотни и тысячи лет назад, но сегодня, к этим привычным и удивительным звукам, добавились еще некоторые нотки, прежде, здесь незнакомые.

Славик пытался бежать сквозь чащу леса, стараясь ловко перепрыгивать торчащие из почвы корни деревьев, коряги и пни, оставшиеся от выкорчеванных бушующей стихией деревьев. Он уворачивался от пытающихся ударить по глазам, внезапно выскакивающих веток, раздвигая плотные калитки из густых кустов. Получалось у него откровенно плохо. Он шумел, шелестел, спотыкался и падал. Больно ударялся о камни и пни. Ко всему дико шумно дышал и то и дело отплевывался от попадающей на лицо и в рот паутины. Все потому, что он совершенно ничего не видел.

Он бежал уже около часа, и нельзя сказать, что сильно далеко удалился от того места, где он расстался с Эралией. Вначале бежать было легче, потому что лесная проплешина, где они набирались сил, хорошо освещалась лунным и звездным светом, но затем деревья начали смыкаться ближе друг другу, затрудняя доступ к слабому ночному свету. Высота и размеры деревьев, также росли, а их разнообразие и хаотичное расположение вовсе затрудняли движение. Часто приходилось останавливаться и сверяться с местонахождением звезды, потому что он не хотел сбиться с пути и обнаружить это поздно. И в очередной раз упав, зацепившись за неведомую подножку, Славик решил остановиться и подумать, над решением проблемы. По-хорошему, следовало бы осмотреться, как следует, и сменить бег на быстрый шаг. Так, по крайней мере, можно было бы избежать мелких ссадин и увечий, которые он, своим безрассудным бегом, себе причинял. Осмотр места привала не дал ничего конкретного. Видимость вокруг не прояснилась. Он попробовал закрыть глаза, чтобы они привыкли к темноте, но открыв их вновь понял, что ситуация кардинально не изменилась. Он знал об этом способе еще с детства. Им пользовались еще во времена пиратства, собственно, поэтому они и носили повязки на одном глазу. Те пираты, что работали и на палубе и в трюме, и часто в него спускались, надевали повязку на глаз, создавая ему иллюзию темноты, а затем, когда нужно было спуститься в трюм, снимали ее, закрывая «дневной» глаз. Так они могли видеть в темноте, но, даже постояв некоторое время с закрытыми глазами, лучше видеть он не стал.

В его сознание вертелось решение, но он никак не мог поймать его за хвост. Оно ускользало, распадалось, истаявало. Попробовав дотянуться до истоков этого решения, он

обратил свой взгляд из внешнего окружающего мира, в его обратную сторону, и понял, что темнота она есть всегда. Даже, когда солнце ярко светит, темнота, она просачивается в наш мир, облачая себя в контуры освещенных вещей, превращаясь в дубликаты всего материального, расплескиваясь лужицами теней, с четкими границами. Темноту нельзя бояться, ее не стоит воспринимать как нечто злое, таящее опасность. Темноту надо понимать и принимать, как равное, естественное существо вне рамок света. Это понимание начало появляться в голове Славика постепенно, словно кто-то бросил щепотку соли в кипящий котел, и наблюдает как пузыри бурлящие в кольце греющейся посуды, спадают, разглаживаясь как морщины на натянутой коже. Затем он почувствовал силу внутри себя, которая также понимает и более того ценит темноту. Ценит, то спокойствие, которое она приносит. Ему захотелось к ней прикоснуться, почувствовать себя единым целым с огромным темным пространством, стать ее частью. И вот, он уже увидел, как кристалл открыл ему тонкую струю силы, которая поползла к внутреннему стержню его сознания, и впустил в себя. Он понял, что темнота такая, потому что мы привыкли ее так воспринимать, но она может быть разная, неожиданно гостеприимная и дружелюбная. Он мысленно воссоединился с потоком силы кристалла и посмотрел на темноту вокруг по-другому.

Перед его глазами все расплылось на секунду, а затем, вновь обретя резкость, наладилось. Он смотрел на ночной лес уже другим зрением, словно внутренним, и отчетливо все различал. Деревья, кусты, коряги и пни, ветки и сучья, торчащие повсеместно, все было четким и ясным, за исключением цветности. Весь мир был похож на черно-серый рисунок, сделанный углем и карандашом. Фактура же виделась ему совсем удивительно и была похожа на помехи на телевидении, плавно перетекающие в пространстве. Он увидел все четко, и на душе стало сразу спокойней, хотя те животные, которые прятались в темноте до этого, стали также ему видны и уж точно не внушали уверенности в себе. Славик помчался вслед за мерцающей синей звездой, надеясь вскоре добраться до гор.

* * *

Бег по ночному лесу, прекрасно отрезвлял, выветривая из головы все лишние мысли. Он думал не о том, как его сюда занесло и не о том, может ли все происходящее вокруг происходить на самом деле. Может он по дороге на работу попал в аварию и уже покинул мир живых, а его душа переселилась в иное пространство, заполняя его неизведанные грани привычной для восприятия и понимания информацией. Или он на самом деле находится в другом мире, бежит по таинственному ночному лесу в окружении опасных животных? Может или не может — все это сейчас не играло никакой роли. Он должен бежать, и не потому, что ему так сказала Эралия, которой может и вовсе, не существовать. Славик бежал, потому что чувствовал опасность. Его сердце было переполнено тревогой и страхом. Простым животным инстинктом — бежать. Новое зрение облегчало эту непосильную, поначалу, задачу.

Славик бежал, поглядывая сквозь тьму на наблюдающих за ним животных, и чем дальше он этот делал, тем явственней ему казалось, что они не просто осторожничают, скрываясь от неизвестного зверя во тьме, нет. Они присматриваются к нему, изучают. Хотят понять силу противника, и свои шансы на победу над ним. Звери чувствовали его страх, гонимый которым, он мчался по неизведанной чаще. Их удивление и желание держаться на

безопасном расстоянии, по немного исчезало, оставляя место любопытству, а в итоге, подлинному интересу. Наиболее хищные звери и опасные уже появлялись неподалеку, бесшумно скользя между деревьев и кустарников, улавливая запах его страха. Запах, который манил их, соблазнял. Они его хотели, жаждали. Их глаза вспыхивали в ночи, отражаясь в его новом зрении, белыми точками на серых тенях. Он не видел деталей, да ему и не требовалось. Еще не хватало, чтобы напуганная фантазия, добавила бы красок в и так жутко рисующейся картине. Бег человека, по этим древним местам, смотрелся как некий глумливый рок, в котором царь всех зверей, превращался всего на всего в жертву. Умение думать и острота ума в целом, явно проигрывают в опасных ситуациях, не имея в мире животных никакого толка, когда лишь инстинкты решают, выживет человек либо нет. Но он бежал.

Его организм наполняла сила. Она бурлила в нем, кипела раскаленным маслом, наполняя каждую клеточку тела энергией и мощью. Мышцы были упруги и эластичны. Тело крепкое, натянутое, как струна. А грациозные движения, с которыми он мастерски управлялся, придавали ему вид хищного зверя. Но уверенности это внушало мало. Славик все чаще замечал силуэт одного животного, пасть которого не оставляла сомнений, что это хищник. Оно телом было похоже на волка, но с массивной шеей как у гиены, а вот голова принадлежала некому подобию ящера или же, динозавру. Мощные передние клыки, и тонкая выпирающая вперед нижняя челюсть, похожая на штык-нож, создавали уверенность, что животное явно не миролюбивое. Череп мускулистый, с мощными надбровными дугами, а морда, вытянутая как у муравьеда. Силуэты, словно услышав его тревоги, и осмелев, начали размножаться в ночи, показываясь уже со всех сторон. Эта стая, тихо преследовала его, параллельно сопровождая в пути. Но чем дольше длился этот забег, тем явственнее он понимал, что рано или поздно, они перестанут ждать и нападут. Видимо, в подтверждении этих мыслей, некоторые особи, от несдержанности и нетерпения, начали произвольно рычать. Этот рык, звучал, словно рык, перемешанный с урчанием голодных животов этих ящериц-псов. И ему стало еще страшнее, он прибавил скорости, но начал понимать, что шансов потягаться в выносливости с лесным зверем, у него просто нет. Он начал искать решение. Побег стоило прекратить в каком-нибудь безопасном месте, но пещер, как собственно и гор, в этой местности не наблюдалось. А шанс наткнуться на заброшенный охотничий домик, так и вовсе, вызывал у него саркастический смех.

Деревья! Вот куда надо взобраться. Он начал выглядывать на своем пути подходящие экземпляры, по-прежнему ловко, укрываясь от таящих опасности, лесных ловушек. Но стая начала потихоньку завывать, исторгая из своих глоток, некое подобие боевого клича, предвещая скорое нападение. Затем животные резко сбросили скорость, и придержались позади Славика, немного от него отстав. Как вдруг резко стая начала набирать скорость, издавая рык и прерывистый писк. Славик понял, что медлить поздно и взбежал по стволу не сильно массивного ореха, раскинувшего в пару саженей от земли, хватаясь за ближайшую ветку и выходя на одну руку, подтянулся за нее и замер. Как оказалось, что никогда в своей жизни он не делал ничего настолько своевременно и организованно. Сразу за тем, как он, перекинув лук через шею и взмыв на дерево, а его нога, убравшаяся с земли последней, секунду назад чуть не оказалась в пасти ящерицы-пса, несколько зверей гулко ударились в ствол дерева. И это спасло ему жизнь.

Минуту отдышавшись, и взяв себя в руки, Славик начал взбираться по дереву, похожему на орех, но с крупными колючими каштанами, размером с кулак. Он добрался почти до его

середины и понял, что ветки каштана-мутанта перекрещиваются с ветками соседнего дерева, похожего на дуб, но имеющего разноцветный радужный рисунок. Различные оттенки на разных полосках от светло-салатового до темно-оливкового цвета и такие же наливные гаммы оранжево-розовых цветов. Оно было в несколько раз шире и выше, чем орехо-каштан, и он принял решение подняться еще выше по каштану и перепрыгнуть на соседнее дерево. Он мысленно окрестил его эвкалиптовым дубом.

Поднявшись до вершины лже-ореха, Славик пополз по средней толщины ветке, но в том месте где она становилась совсем тонкой, ему пришлось повиснуть на ней всем весом, как на турнике. Эта ветка находилась на высоте середины эвкалиптового дуба, и с нее он намеревался перелезть на соседнюю ветку радужного дерева. Когда его руки вцепились, в край ветки, который уже был толщиной похож на хворост, он осознал, что ветвь слишком тонкая для его веса. А деревце в этот момент хрустнуло и помчало его тело навстречу гравитации. К счастью он успел ухватиться за нижнюю ветвь эвкалиптового дуба, больно приземлившись на нее грудной клеткой. Толстая ветвь массивно извивалась своими изгибами, уходя к центральному стволу, который был увенчан клубком растущих из него таких же ветвей. Он пополз к центру дерева и уселся там как в кресле. Стая внизу бурливо металась в разные стороны, скребя в основание дерева, но взобраться наверх, она не могла. Не спеша, восстановив свое дыхание, он успокоился и закрыл глаза. Тело было спокойным, словно не было этого напряжения, во время многочасового бега и восхождения на дерево. Он сосредоточился и попробовал по медитировать. Когда-то он увлекался йогой и буддизмом, ну и медитировал по несколько часов в день. Сейчас, умение в пару мгновений углубиться в подсознание, ему было как нельзя кстати. Он прильнул к потоку собственных энергий, но обнаружил, что по мимо обычных, привычных и свойственных любому человеку энергий, там их в тысячи раз больше, в миллионы. И понять, что там происходит, у него никак не получалось. Складывалось впечатление, что там присутствовали энергии и их нити абсолютно всего на земле, и ими можно управлять, только ему не дано знать, как.

Он открыл глаза и увидел такие же потоки, но в сотни раз меньше по количеству, и менее запутанные, чем в клубке внутри сознания Славы. Его разум осознал, что всем на свете насущным управляет энергия, и у каждого она своя. Эти потоки, походили на неоновые, разноцветные нити, энергетические линии, которые тянулись ко всему вокруг. Синие, зеленые, розовые, красные, пурпурные, бирюзовые, желтые — все. И в этих невероятных вихрях и размеренной вязи вокруг, он сперва не заметил нитей тянущихся в него самого. Они входили в середину его кристалла, сплошным и сложным энергетическим потоком, растворяясь внутри. Он не испытывал из-за этого дискомфорт или же каких-нибудь других эмоций, и он решил в них разобраться.

В начале, он мысленно взял синий поток, и попробовал его на ощупь. Поток энергии был упругим и эластичным, мягким, но с плотной структурой. Он попытался надавить на него, но поток не поддался. Затем он решил его растянуть и разорвать его, войдя в его понимание, но и это не удалось. Славик немного подумал и решил перестать лезть нахрапом. Он решил соединиться с потоком на ментальном уровне. Мысль, формирующаяся у нас в мозге, ни что иное как поток информации, и если ее запрограммировать и настроить на определенную частоту, влиться в поток лучей, то может тогда, они ему откроются.

Он так и поступил, а перед его глазами в магическом зрении, где он учился оперировать энергиями, потоки собственной силы протянулись от кристалла и эти красные лучи, раздвинув волокна в плотном жгуте энергий, сплелись с ними. Он начал получать заряд

жизненных сил, но испугавшись напора, его контакт с потоком прервался. В попытке защитить организм кристалл потратил много энергии на магическую защиту и Славик серьезно ослаб. Его энергия освободилась от синего потока и усмирилась. Он погрузился в беспокойный сон, то и дело резко просыпаясь и вновь, тревожно засыпая. Синий, зеленый и желтый потоки энергий, по-прежнему ему передавали свои силы, но лишь пока он был близок к их источнику, а такое редко встречается.

* * *

Огромный грозовой фронт бушевал, над чудовищной, по своим размерам, территорией. Матово-черные огромные тучи, валунами-исполинами клубились в темно-фиолетовом небе, перемалывая собственные туши о бока еще больших своих сестер. Молнии магической сеткой окутали разрушенный город под собой. Они били, не переставая, то и дело, разбивая в пыль и разбирая на камни, полуразрушенные строения и здания, окрашивая и без того черные стены, другими отпечатками нагара. Дождь бушевал над огромной могилой, которой город и был, и лишь там молнии освещали пространство, поэтому видеть окружающую территорию ему не удавалось. И вот он словно становится меньше. Он теряется в ночной темноте, словно тлея, как печной уголек, и Славик понимает, что это он удаляется от этого мертвого и жуткого места. Как вдруг молния чертит замысловатый узор, размашистым росчерком огненного пера, и освещает одинокую гору закрывающую горизонт. И наступила пустота.

Вячеслав пробудился от жуткого сна и заморожено огляделся. Вокруг сияли бриллианты росы на листьях деревьев и траве, а солнце наполняло эти драгоценные капли различными красками из радужной палитры, превращая их в самоцветы. Воздух был по-утреннему свежим, и приятно пахнущим. Бархатный ветерок легко обдувал его пыльную кожу, и дарил ему искреннее наслаждение. Он попытался встать из колыбели, в которую за ночь слегка провалился и выпрямился на руках, упертых в дерево за спиной. Птицы взбудоражено перезванивались на ветвях деревьев, хлопали крыльями и вели себя очень взвинчено. Он еще раз осмотрелся и внизу обнаружил, спящих ящериц-псов, но лишь завидев макушку своей будущей жертвы, псы резко оживились, и вновь стали скрестись в дерево. Мелких зверьков в окрестностях видно не было, значит, ждать, что его сторожа отвлекутся на новую жертву, не приходилось.

Вячеслав попил из фляги воды и осмотрел свой колчан. Не хватало несколько стрел, чтобы расправится со всей стаей одновременно, прямо с дерева. Пара стрел лежала на земле, уже разгрызенная жуткими пастями остроносых ящерок. Хотя даже если бы он их не выронил, когда падал с дерева на дерево, то ему все равно осталось бы две твари для рукопашного сражения, которого, по правде говоря, он боялся не выдержать. Их было девять, а стрел осталось пять. Узник эвкалиптового дерева решил найти вопрос в своем подсознании и легко скользнул на его изнанку. Пока он перебирал там нитку за нитку, ленту за лентой, поток за потоком, окружающая обстановка едва заметно менялась. Вокруг воцарилась гнетущая тишина. Птицы закрыли клювы и перестали бойко переговариваться, а в кустах и траве, словно все замерли. Даже насекомые, казалось, перестали дышать. Эта тишина, пришла извне, вместе с внешней информацией и нерешенной завесой, замаячила у него в голове. Он вышел из транса и увидел все собственным, человеческим зрением. Все замерло

вокруг и лишь, ящеро-псы, увлеченные своим карабканьем и скулежом, ничего не замечали. А из чащи внезапно выпрыгнула тварь, которая накинулась на ящеро-псов, и уже вспоров шею одному из них, грызла глотку другому. Не осознавшие сразу момент нападения псы накинулись на зверя, который был похож на огромную ящерицу с головой дракона. С острым шиповатым хвостом, который так и метался над рептилией, нанося удары неосторожным, прыгающим на нее ящеро-псам.

Славик понял, что другого шанса у него не будет, и неуклюже слетая с дерева, упал с его задней стороны. А за столбом исполина, происходила ожесточенная грызня, животная битва, и это все будоражило его сознание, придавая приятных победных эмоций. Но он понимал, что мешкать не стоит. Рано или поздно, но победитель будет объявлен судьбой, и новая битва заблестит на горизонте. Едва успев отбежать на полсотни ярдов от неистового сражения, он с ужасом понял, что исход битвы имел и третий вариант. Ящер, размером с корову, но значительно ниже и длиннее ее, позабыв о своих прежних соперниках, мчался вслед за ним. Три ящеро-пса бежали следом, и один из них уже почти нагнал и поравнялся с ящером. Он на бегу выхватил одну стрелу и в полу развороте выпустил ее в монстра, но она глухо брякнув, словно ударившись в хитиновый панцирь, отскочила в сторону. Лучник такого уровня, как он, не мог не промазать и во второй раз, но оперенный снаряд, угодив животному в голову, также не поразил его плоть. Как вдруг один ящеро-пес прыгнул на василиска и смог уцепиться когтями за нежную кожу, под брюхом, где природные латы заканчиваются грубой панцирной мозаикой на больших расстояниях друг от друга. Ящер взвыл, но бег не прекратил, и вот когда они уже были в десятках саженей от жертвы, Славик выпустил третью стрелу, которая угодила в длинную шею ящеро-пса, и сбросила его с ящера. Последний, резко затормозил и в мощном развороте, опрокинул двух других гончих своим мощным хвостом, дробя внутри все кости. Драконья морда добила их агонизирующие тела и принялась рвать на порции, а беглец помчался за ходом солнца, к неизведанным горам.

Мысли это все, что сейчас было у Славика. Он бежал по ухабистой лесной местности, не замечая ни времени, ни пространства, будучи полностью поглощенным в собственные раздумья. Лес в дневное время суток, было неярко, но достаточно для передвижения, освещен. Животные держались в стороне, явно недовольные отсутствием спасительной камуфлирующей их в ночи, темноты. Влажный воздух, смешиваясь с нежным ветерком, обдувал его кожу, испаряя на лице проступающие капли пота, поэтому его побег, был исключительно комфортным и размеренным.

Он бежал, не чувствуя усталости или боли в мышцах и теле. Его организм, награждал его чудодейственной выносливостью и силой, кипящей в теле. Славик был неисчерпаем. Но проведя в таком режиме полдня, давая себе едва пятнадцати минутные передышки на привалах, он начал понемногу чувствовать усталость. Тело заныло, мышцы растянуло, а суставы загудели, словно вибрирующая машина. Он решил остановиться и отдохнуть. Чувство тревоги уже давно покинуло его, а опасность, которую он испытывал, была уже другой природы, менее зловещей. Но он решил, не давать себе расслабиться. Он бежал, пока не обессилил и не рухнул на траву.

Вначале он решил, что необходимо развести костер, пока хворост можно собрать, при нормальном освещении. Походил по окрестностям и собрал четыре охапки сухих веток и пару крупных трухлявых, но еще целых поленьев. Затем сложив все под деревом, раскинувшим свои ветки шатром, у него над головой, побрел искать ужин. Славику пару раз приходилось участвовать в охоте на лесного зверя, и делал он это именно с луком, но тот в отличие от нынешнего орудия, был блочного строения, что позволяло удерживать тетиву в натянутом состоянии, многие минуты. Особенностью такой охоты являлось, проведение ее в засаде. Для этого требовалось отыскать на местности звериные тропки и, приманив зверька, произвести удачный выстрел. В лексиконе лучника-чемпиона, не было такого выражения — «удачный выстрел». Оно звучало, как «точный» или «стабильный» выстрел, потому что он был мастером своего дела. Найдя пару тропок, и определив место их пересечения, как оптимальное, он достал из кармана пачку с одной жвачкой и, разорвав ее, аккуратно вывернул алюминиевой изнанкой, а сверху водрузил раскрошенную и разломанную подушечку. В таком виде он поставил приманку на пересечение троп и прикрыл листиком.

Сам же он отстегнул ремень с колчаном и снял его с пояса. Оставшиеся две стрелы перекачивали ему в рот, плотно зажавшись между стиснутыми зубами. Он перекинул ремень через шею и, подойдя к соседнему дереву, без нижних веток, принялся по нему лезть вверх, обхватив ногами и руками гладкий ствол. Преодолев полтора фута и добравшись до ближайшей ветки, он уселся на нее, привязав себя к дереву ремнем с колчаном. Пришла пора ждать. Звери здесь любопытные и мало привыкшие к хитростям людей, вдругполучится.

Просидев так меньше часа, все тело его изнывало от усталости. Видимо эффект от растения, тоже способен иссякать, но ничего не поделаешь, нужно ждать добычу. Небо стало серым по прошествии еще немного времени и на лес накатились сумерки. Стало совсем плохо видно, и он переключился на ночное зрение. Очертания лесных пейзажей, вновь приобрели четкость, а таившиеся звери в темнеющем пространстве, обретая заветную ширму, зашевелились, под пологом надвигающейся ночи. И вот один кандидат на звание ужина сегодняшнего дня, осторожно, но сноровисто начал продвигаться к нездешнему

лакомству. Зверек был похож на кролика, только без длинных ушей и милого хвостика, а с широкими ушами локаторами, круглой формы и виляющим змеей в разные стороны, хвостом. Он неуверенно крался, оглядываясь по сторонам, на разные шорохи, и воздевая сизый нос кверху. Исследуя запахи и незнакомые энергии. Выйдя к перекрестку, зверек пробежался по периметру, несколько раз затаился, но любопытство взяло верх. Шустрый зверек обнюхивал обертку и саму жвачку, морща нос, от едкого мятного запаха. А Слава в этот момент, беззвучно натянул тетиву, целясь в зверька, но на миг был охвачен сомнением. Стоит ли ему убивать незащищенное животное. «Определенно да» — твердило сознание, но что-то в душе переполнялось жалостью к этому зверьку. Превозмогая слабость, он прицелился, и уже почти отпустил стрелу, как зверь, почуяв опасность, посмотрел точно в глаза человеку и оскалил четыре ряда, тонких как иголки, зубов. Славик дернулся, и стрела его метнулась в убегающую добычу, и о чудо, точно вонзилась в тельце зубастого малыша, который так неудачно под нее выскочил. Исход был прост. Зверек отдал свою жизнь во спасение жизни человека.

Разжечь костер, было таким же сложным заданием, как и добыть себе еды. Спичек у него не было, зажигалки тоже. Славик никогда не курил и теперь сокрушался над этим, тщетно пытаясь разжечь огонь. Спустя десятки неудачных попыток, развести костер трением, он вновь задумался над проблемой. Обычная логика и методы здесь не работали. Нужно было обратиться за помощью к внутренним резервам своего организма. Он погрузился в себя, выискивая в бесчисленных потоках энергии, нужную нить. И вот перебирая их одна за одной, он наткнулся на линию, от которой веяло теплом. Не смыслящий практик аккуратно внедрил в нее, поняв, что выбирая глубину погружения в эту энергию, можно ее обуздать, подчинить, контролировать. Он плавно с ней соединился, переправляя ее бурлящие потоки в свое русло, и дал ей выход. Из пальцев метнулись рубиновые искры, и хворост с трутом загорелись, прорезавшись из-под своего шалаша, тоненьким дымком. Этот этап также был пройден, хотя измотал немало энергетических сил беглеца.

Теперь пришла пора заняться самым деликатным процессом. Выпотрошить и обесшкурить тушу. Он долго не решался разделять добычу, но голод диктовал свои правила. Поэтому взяв себя в руки, он просто начал делать то, что должен был. Спустя еще час, когда тушка была сносно обжарена, он, было, собрался отведать ее диковинного вкуса, как из недр ночной чащи донеслось свирепое рычание, после которого у Славика застыла кровь в венах. Он, поздно спохватившись, схватил свою добычу и кинул мясо в кусты, бегом залезая на дерево. Из кустов раздалось мерзкое чавканье, а затем удовлетворенное рычание. Кусты зашевелились, и из них вышел ушасто-хвостатый зубастик, такой же который был зажарен им на костре. Зверь сонно взмахнул веками, довольно рыгнул, и убрался с его стоянки. А он голодный и уставший решил погрузиться в свое подсознание и попробовать изучить хитросплетения потоков.

* * *

Еще пару часов перед сном, Славик, обратив свое магическое зрение в окружающее пространство, копошился в энергетических линиях, пытаясь понять, за что они отвечают. Синий луч, входивший в кристалл на его груди, был мощным и крепким. Чувствовалось, что

его источник совсем неподалеку, и поэтому напор достаточно мощный. Чтобы понять эту энергию, ему понадобилось некоторое время, но спустя пару попыток бережного внедрения в него, он понял, что энергия отвечает за жизненные силы, которые подпитывают его, как физически, так ментально.

Затем он разложил на волокна, зеленый поток, так же стремящийся, к кристаллу в груди. Он был гораздо сложнее и замысловатее. Эта нить, словно состояла из сложных геометрических фигур, оплетенных еще более хитрыми узорами, энергий разного рода и различных консистенций. Такая непонятная Славику вязь, мало что говорила сама за себя, и он решил отложить ее на потом, чтобы более подробно с ней поработать и разобраться в ее предназначении.

Третья линия — желтая, была на вид самая толстая, но и самая прозрачная. Ее очертания просвещались, и смешивались в узловатые сетки, в которых намешано было, вселенная знает что. Соединяясь с ним, Славик погружался в сокрушительную какофонию энергетических, ментальных, физических и информационных потоков. Там были намешаны звуки, образы-картинки, образы-видения, различные силы и метафизические связи. Этот гул стоял в голове, не давая ему шанса, хоть в чем-либо разобраться и понять суть этой энергии. Когда сил уже не оставалось бороться даже с сонливостью, он бросил свое занятие и лег спать, надеясь, что остальные его попытки будут более удачными.

Утро встретило чужака в этих землях, крепко спящего на ветвях кудрявого дерева и с осторожностью приласкало солнечными лучами, по морщащемуся, взбудораженному тревожными снами, лицу. Славик раскрыл веки и зажмурился на миг, от едких лучей. Еще через миг он вспомнил, где находится и тревожно осмотрелся. Видимой или осязаемой (даже учитывая его новые ощущения) опасности он не обнаружил и поэтому принял решение немедленно отправиться в путь. Устраивать вчерашнюю гонку он был не в состоянии, потому что изголодавшийся организм, не мог его порадовать полнотой сил. Вчерашний неудачный ужин, и разочарование, мутным осадком оставшееся на стенках пустого желудка, в очередной раз доказали, что он не принадлежит этому месту. Но обдумав немного ситуацию, в которой он, по правде, никак не смог найти положительные стороны, он решил, хотя бы, не раскисать и не жаловаться. Эти вольности не придадут ему сил, а уверенности, которой и так осталось три капли на дне душевного равновесия, вовсе могут его уничтожить.

Он решил двигаться дальше, но на этот раз не бегом, а быстрым шагом. Таким образом, он рассчитывал сэкономить силы и выиграть больше времени для поиска пропитания для себя. Благо в лесу хватало, кроме животных и других источников еды. Плоды деревьев, орехи, которые он встречал, растущими на кустах, ягоды на более маленьких и приземистых кустиках. Оставался главный и очень важный вопрос: что из этого можно употреблять в пищу без риска умереть от травления? Ответа у него не было.

Начать, новоявленный иномирянин решил с орешков, которые на его глазах поедал, какой-то грызун, похожий на бурундука. Он знал, что орехи и зерна, а также злаки, очень питательны и имеют высокую энергетическую ценность, но найти, а тем более распознать, знакомые ему по земной жизни продукты, вряд ли получится. А эти самые орешки, росли прямо на кустах, в небольшой скорлупе, похожей на шишки. Славик медленно подобрался к кусту, и грызун который там сидел, метнулся в чащу, не разбирая дороги. Со всеми животными следовало соблюдать осторожность, потому что даже такой безобидный ушастохвостатый зверек, какого он подстрелил вчера, имел крайне опасные и острые зубки в несколько рядов. Когда путь к источнику пищи был свободен, он подобрался к кусту и

осмотрел его со всех сторон, на всякий случай. Вдруг, в кустах или за ним прячется змея или еще какая-нибудь недружелюбная зверюга. Все было чисто. Он с опаской взял одну шишечку, и усилиями пальцев, раздавил ее скорлупку. Внутри, оказалось три орешка нежно-бежевого цвета. Он взял один, и разрезал его на половины, надавив на податливое тельце ногтем. Внутри орешек был такого же цвета, что не могло его не радовать. Зная о том, что ядовитые и опасные для человека продукты, обычно имеют яркие, кричащие цвета, он обрадовался, что цвет ореха был вполне дружелюбным. Выискивая способы попробовать орехи без вреда для организма, он помазал кожу руки с внутренней стороны одной из половинок. Никаких жжений или покраснений спустя десять минут, он не обнаружил, что было еще одним фактом о съедобности орешка. Также осторожно он помазал кончик языка, второй половинкой, вновь выжидая и прислушиваясь к своим собственным ощущениям. Ничего. Он не почувствовал ни горького привкуса, ни мыльно-гнилостного вкуса, ни жжений во рту. Закинув половинку в рот, Славик стал ее рассасывать, пока не убедился, что и по прошествии еще пары минут, никаких неприятных признаков не опознавалось. Он сглотнул сок и решил подождать, опять же, прислушиваясь к своим ощущениям. Пока что все шло как надо и Вячеслав, все же решился и проглотил орех целиком. По его суждению, чтобы выявить негативные или пагубные свойства ореха, ему бы стоило подождать пару часов, чтобы убедиться в его безопасности, но его вдруг озарило. Можно же рассмотреть эту еду с другой стороны. Со стороны новых навыков и умений.

Он обратил свой взор вглубь себя, пытаясь найти отклик собственного тела, чтобы понять, как оно реагирует на новую, чужеродную пищу. Сканирование организма не выявило никаких отклонений и он, наконец-то расслабившись и успокоившись, принялся собирать с куста урожай. Напряжение спало, и он уже вдоволь наелся этими мелкими, но как оказалось, сытными лакомствами. Его новое мироощущение, связанное с новой частью тела, в виде кристалла в груди, сейчас ему было только в помощь, хотя по началу, Славик воспринимал его как увечье, которое изуродовало его тело. Он набрал орехов впрок, расфасовав их по карманам штанов, и пустился в путь. Теперь стояла другая проблема: у него заканчивалась вода в подаренной Эралией фляге. Как ее искать он понятия не имел, но догадывался, что если он идет в сторону гор, то здесь непременно должна быть, хоть какая-то речушка. Искать воду, бегая по кустам и заглядывая за пригорки и холмики, на которых так же росли многочисленные деревья, казалось ему ненадежным вариантом поисков и он, уже в который раз, решил обратиться к кристаллу за помощью.

Разбирая причудливые потоки, входящие в его грудь, он догадался, что поток желтой энергии, скорее всего, информационный поток. Вплетаясь в его структуру, Славик увидел множество образов и звуков, а также ощущений и предчувствий, среди которых, всего на секунду мелькнул источник живительной влаги. Предгорный родник, где-то таился среди деревьев, в этой лесной глуши, и ему нужно было найти его. Только как это сделать? И он решил погрузиться в медитативное состояние, чтобы отвлечься от всего лишнего и настроиться на поиск воды, глубже внедряясь в информационный поток. У него ничего не получалось, все сливалось в один гвалт, перетекая из состояния в состояние, звуки, образы, видения. Все сплошной стеной загораживало ему способность видеть, чувствовать, знать. Он абстрагировался от всего вокруг, пытаясь удалить из своего восприятия вообще все, и погрузился в состояние абсолютного покоя. Затем, он словно приоткрыл заслонку в структуре огромной плотины и впустил в себя тонкую струйку информации, пытаясь ее впитать. Так, вначале он прочувствовал на себе ветер, солнце, жизненную силу леса. Затем,

он приоткрыл заслонку еще шире, и уже начал видеть: образы птиц парящих над лесом, зверей живущих в нем. Потом струйка желтого потока стала увеличиваться. Он уже мог распознавать очень многое: мелких зверьков, насекомых и даже сроднился в мироощущении с деревьями, а затем и с мелкими растениями. Со всеми живыми организмами, живущими в этом чудесном лесу. Теперь он мог стать лесом, чувствовать все, что чувствует он, знать то, что знает он. Это было поистине удивительно и прекрасно. Славик на миг, ощутил себя частью природы, ведь теперь он мог распознать, что твориться даже не несколько сотен футов вокруг себя. Он соединился и сроднился с окружающим миром, и только ему стоило задать интересующий его вопрос, как ему открывалось то, чего он жаждал. Вода, показалась из разлома, огромного отполированного валуна, поросшего зеленым мхом. Она струилась серебристой лентой, сбегая по каменистым порожкам и разливаясь лужицей, растворялась в зеленой траве, растущей прямо на пороге родника. Видение было таким явным, словно он смотрел на родник чужими глазами. Как только он спросил себя где находится этот жизненный источник, как его сознание получило, четкий путь от родника, до его местонахождения. Он понял это так явственно, словно с детства бегал к этому ручейку запускать бумажные лодочки. Выйдя из транса, он понял, что с таким умением, он точно не пропадет без еды и воды. И на душе у него стало тепло и спокойно.

Человек, очень интересное существо. Он разумен, вынослив, целеустремлен, хитер, и когда им движут животные инстинкты, несомненно, опасен. Одним из главных же качеств, можно бесспорно назвать, приспособляемость. Если человеку не грозит запредельно высокая или низкая температура, если по близости есть хоть какой-нибудь источник питания и питья, причем не важно, в какой форме он будет, человек обязательно выживет. Если, конечно, сам того пожелает. Главное, чтобы у него было на то сильное желание. Эмоции у людей играют фундаментальную роль, с тех пор как цивилизация сдвинулась с мертвой точки, когда чтобы выжить требовалось либо охотиться и собирать дары природы, либо умереть. Но как только еды, воды и тепла у людей стало вдоволь, они перестали руководствоваться инстинктами. Не сразу, конечно, постепенно, человеческие эмоции вытеснили желания человека: есть, спастись и размножиться, превратились в нечто большее. Теперь, для счастья людей требовалось нечто иное. Кем-то движет любовь, кем-то тщеславие, кем-то жажда наживы, а кем-то одиночество. Люди, обустроили свою жизнь, таким образом, чтобы заниматься можно было чем угодно, но не тратить свою жизнь, на действительно важные и полезные вещи, которые останутся в веках. Поколение созидателей выродилось, превратившись в поколение разрушителей и осквернителей. Это прогрессировало и развивалось до наших дней. Хотя рассвет духовного богатства людей уже прошел, и теперь все катится по ниспадающей траектории, все же остались люди, которые не утратили истинные ценности. А ценности становились все мельче, пороки все изощреннее и извращеннее. Но заберите у человека все то, что обеспечивает ему комфорт и он окажется в ловушке собственной невежественности и лени, превратившись в беспомощного зверя — жертву. Лишь тогда, он сможет доказать природе, себе и всему окружающему миру, на что способен. И лишь тогда, к такому индивидууму, можно будет применить слово человек, в подлинной его сути. Существо, единственное на земле, которое способно творить и созидать.

Славик потерял все. Хотя сейчас, бегущий по чужому лесу, он думал о том, а что у него, собственно было? Кем он был на самом деле? Чего хотел? К чему стремился? Что для этого делал? Что делал для себя и для других? Ответов не было. Словно и самого человека не было. Он был мертв, он был бесполезен и не нужен, как в прочем и все те люди, которых он знал, и которые его окружали. Сейчас же, он словно дикий зверь, шел по враждебному и, одновременно, прекрасному лесу, понимая, какую никчемную жизнь он влачил, в том мире. Теперь у него была одна цель — выжить. Выжить и найти выход из ситуации случившейся с ним. И может, затем, он смог бы обрести цель и смысл в жизни.

Его путешествие длилось уже несколько недель и за это время он смог неплохо изучить этот лес и законы, царившие здесь. Он охотился, собирал ягоды, орехи и сладкие плоды экзотических деревьев. Спал на деревьях, спасаясь от хищников, и стал хищником, для многих других животных, убивая их из своего надежного лука. У него осталась всего одна стрела, которую он берег как зеницу ока, потому что лес был настолько плавным и волнистым, что разыскать здесь мало-мальски ровную ветку, для изготовления стрелы, не было ни единого шанса. Хотя это не мешало Славику охотиться на зверье, а защитой от более крупных здешних хищников или же мифических созданий типа василисков, которых здесь было на радость мало, отлично служило искусство маскировки. Он уже умел скрывать

свой запах, натирая себя безопасными для кожи, но очень специфическими по запаху растениями, которые отлично справлялись со своей задачей и хорошо отгоняли не только хищников, но даже насекомых. Последних же, здесь было великое множество.

Он сделал из ножа, подаренного Эралией нечто на подобии альпинистского ледоруба, примотав его к кривой, дугообразной палке шнурком от фляги. Флягу же он приспособил на пояс колчана, где ей было самое место. Воду теперь он мог найти легко, лишь обратив свой магический взор в ядовито-желтый информационный поток. За эти несколько недель он почувствовал себя гораздо увереннее в себе, да и физическая форма его стала более совершенна. Он стал силен, вынослив, а тело высыхало, отдавая жировую прослойку в пользу роста мышц. Сейчас оно напоминало многослойный узловатый, стальной канат. Жизнь в постоянном движении, борьба с превратностями природы и борьба с самим собой, вот что приходилось делать ему каждый день — выживать. Он не желал даже вспоминать о своей прошлой жизни, в которой, как он сам для себя выяснил, не было места для хоть чего-то настоящего, требующего полной самоотдачи и выкладки. Он не хотел даже думать, чем бы он пригодился своему прошлому миру, да и сам мир, в котором он прожил всю жизнь, вряд ли заметил исчезновение, такого посредственного своего иждивенца.

Путешествие отнимало все силы, но он восполнял их, через источники, к которым был присоединен его организм, через мистический кристалл в его груди. Правда, Слава начал замечать, что эти потоки не всегда имеют к себе стабильный доступ, и в некоторых местах, они становились ничтожно тонкими, практически неощутимыми. Чтобы пополнить запас энергии для постоянного, быстрого передвижения, ему иногда требовалось по несколько часов «качать» через них энергию, так полностью и не восполнив то, что было истрачено.

Его незапланированный побег, в основном, проходил относительно спокойно. Он уже привык и к зверям и к самому лесу. Были стычки с некоторыми неведомыми представителями фауны, которые пытались его слопать, но в основном, когда он отдыхал или разбирался в своих энергетических ресурсах, сидя на дереве. В такие моменты, информационное поле, к которому он был подсоединен, било тревогу о грозящей ему опасности, как некое шестое чувство, поэтому Слава всегда оказывался готовым отразить нападение, хитрого зверя. В основном это были толстые и длинные змеи, типа удавов, но их внешний вид (рога вдоль хребта и неоновое-синие точки по всему мускулистому телу) всегда оставлял неизгладимое впечатление на возбужденный разум нового обитателя, диких земель. Почему, диких? Да потому что, никто в здравом уме не решился бы, жить в этот опаснейшем месте.

Прошло немало времени, с тех пор как он начал новую жизнь, которая пугала его, предстоящими переменами и испытаниями, но Славик не сдавался. Он твердо знал, что дорогу осилит идущий и шел, как упрямый вол, которого запрягли в плуг, для вспашки поля. Только этим полем и был он сам, и плугом и тягловой силой. Ему приходилось быть: твердым и гибким, быстрым и терпеливым, выносливым и вовремя уметь расслабиться, чтобы не рухнуть от бессилия и перенапряжения. А, как известно, любое старание, любой труд, рано или поздно, но будут вознаграждены. Вот так произошло и с ним. Он не задумывался, как много ему еще придется пройти, как много трудностей предстоит преодолеть, как много страхов погасить в себе, что словно пожар, каждый раз разгорались в его душе. Он не хотел знать. Ему было достаточно чувствовать то, что он выкладывается на полную, отдавая себя на милость судьбы, так как он понимал, что больше ему нечего предложить взамен своей жизни. И судьба ему сооблаговолила, она любит помогать

настырным и упорным, а Славика нельзя было упрекнуть в обратном.

Наслаждаясь путешествием, разглядывая и изучая более досконально лес и его обитателей, в Славика на миг ворвалось видение. Он четко увидел горную грядку, тянущуюся с севера на юг, вдоль кромки зеленого леса. Ледяные шапки снега, серебряными коронами венчали каждый пик гор, рассыпая вокруг мириады отблесков, в которых отражались краски леса, превращая эти отблески в драгоценные камни. Бархатистые, но могучие облака, исполинскими нимбами кружили над горами, выделяя их среди прочей местности, над которой простиралось чистое небо. Сперва, он не смог уловить, что же он сейчас увидел, но как только он попытался восстановить с помощью своего периферийного информационного восприятия потерянный контакт, «картинка» возобновилась. Он был вне себя от счастья, понимая, что если ему удалось увидеть горную грядку, то значит, его путь к ней почти окончен. С другой стороны, у него закрались подозрения, на этот счет.

Славик полагал, что способен видеть информацию не дальше, чем на пару сотен футов, но в таком случае ему бы уже удалось и обычным зрением обнаружить горы перед собой. Не могут же они вырасти как грибы после дождливой погоды. Но гор по близости не было. Это насторожило его, и он попытался просканировать путь к горам, как это проделывал, в поисках воды. Установив в голове мысленно образ гряды, он попытался увидеть предстоящий ему путь. Задумка принесла плоды, и он словно увидел, как горы отдаляются от него, открывая дорогу, ведущую к нему самому. Он, как будто полетел над склонами гор, зарываясь в густую чащу леса, склонившись над зеленым морем листвы, как над пиалой украшенной сочными мятными побегами. Как вдруг, зеленая палитра, сменилась черным пятном, идеально круглой формы, словно невидимая кисть, поставила в этом месте черную жирную точку. А в душе Вячеслава запылал огонь тревоги. Он постарался прогнать видения, которые причиняли ему почти физическую боль и, придя в себя, обнаружил, что тело его обильно покрыто испариной. Он постарался прогнать гнетущие мысли, зародившиеся в сознании и порождающие неприятные ощущения, но тьма, источающаяся тем ужасным местом, пробудила в нем особенный, животный страх, который не желал покидать его разум. Он вновь возобновил связь со своими магическими линиями и стряхнул с помощью их эти мерзкие черные щупальца. Оказалось, что это место проникло в его сознание, с помощью таких же энергетических потоков, как и те, что он использовал, но линия этой энергии была черного цвета и очень неоднородной, словно булькающей структурой. Он оборвал эти нити, и только теперь ему удалось успокоиться. Сказав себе, что это место можно просто обойти Славик решил, не полагаться полностью на свои новые навыки, а перепроверить местонахождение гор, старым известным способом — залезть на дерево и увидеть их собственными глазами.

Выбрав, в качестве наблюдательного пункта самое высокое дерево, похожее на секвойю, как листвой и ветвями, так и голиафскими размерами, Славик начал взбираться на него. Вначале он не имел представления, как можно вскарабкаться на столь широкое и высокое дерево, которое у своего могучего основания не имело ни малейших ветвей. Но затем он вспомнил, как в самую свою первую ночь своего побега, он просто перебрался на эвкалиптовый дуб, с соседнего, меньшего дерева. Быстро взмахнув на соседний «клен», как мысленно окрестил его сам, он с ловкостью и скоростью опытной белки, перепрыгивая с ветки на ветку, начал свое восхождение. Во всех его движениях читалась такая грациозность и изящность, что его можно было сравнить с дикой кошкой, которая тягучими движениями маневрировала по дереву.

Добравшись до вершины, Славик попытался взглянуть вдаль, в сторону бега солнца, где должны быть горы, но более высокие деревья, не позволили ему этого сделать. Значит, требовалось перебираться на «секвойю». Учтя горький опыт прошлого такого «перехода»(как он упал, с подломившейся ветки), он решил не болтаться как тряпка на ветру, держась одними руками за ветку, как за перекладину, а попробовать преодолеть путь между деревьями более дерзким способом. Он присел на ветвь на корточках и, держась за толстый пик «клёна», отшатнулся назад. Затем в том же положении сидя, резко изменил направление, все своим телом подался вперед, словно пытаясь нырнуть вниз головой. Такие манипуляции он проделывал раз за разом, пока вся верхушка дерева не пришла в состояние качки, словно огромный метроном, отсчитывающий такты. И вот когда кустистая корона «клёна» качнулась в сторону «секвойи», он выпрямил упругие, закаленные длительным походом ноги, словно сорвал чеку, удерживающую пружину, и прыгнул на другое дерево. В полете он выгнулся полумесяцем, выпячивая грудь назад, а ноги неестественно поджимая к ягодицам. Руки его были устремлены в сторону ближайшей ветки, цепкими пальцами-крючьями за которую он и зацепился. Ноги вместе с телом полетели по дуговой траектории, вырисовывая фигурный путь маятника, и ловко отпустив руки, полетел к более нижней ветке, как гимнасты прыгают с турника на турник. Он приземлился на нее вытанцовывая всем телом, пытаясь обрести баланс и равновесие, а затем без труда, как канатоходец, проделал несколько быстрых шагов к стволу дерева и обхватил его.

Путь на вершину «секвойи» предстоял более трудоемким и затруднительным. Расстояния между ветвями в высоту были больше среднего роста человека даже с вытянутыми руками, и он задумался, как же ему допрыгнуть до следующей ветви. На помощь пришел самодельный ледоруб. Славик вонзал его лезвие в ствол дерева, при этом делая аккуратный и сбалансированный прыжок вверх, с яростью впиваясь острием ледоруба в твердую плоть дерева и подтягиваясь на его древке, цеплялся за верхнюю ветвь левой рукой. Из каждой такой раны, наносимой своим инвентарем, сочился вязкий и скользкий нектар, сбегая по глубоким желобкам рельефной зелено-коричневой коры. Раз за разом, удар за ударом, проделывая не хитрые, но физически тяжелые трюки, он добрался до вершины «секвойи». У него перехватило дыхание.

Вид, открывшийся перед ним, нельзя было описать словами. По крайней мере, Славик не настолько хорошо обладал нужным количеством слов и эпитетов, чтобы даже попробовать, осмелиться, это сделать. Вокруг него бушевал океан, состоящий из зелени, который своими волнами захлестывал обильные стаи разноцветных птиц, нес их на своих волнах, вздымаясь, словно грудь при дыхании древнего великана или гиганта. Голубое небо, казалось огромным зеркалом, которое все стремится впитать в себя буйство зеленого цвета и отразить эту красоту в своих кристалликах, но у него ничего не получалось. Птицы же ныряли из одной пучины в другую, словно стая дельфинов, ныряя в одно море, выныривая из другого и наоборот. Лес был бескрайний, огромный, пугающий. Только сейчас Слава понял, насколько он сам мелок и жалок, в сравнении с этим живым организмом, перед лицом которого его даже не представив, поставили на колени. Он ужаснулся от его величия и спокойствия. Эта стихия, почему-то приняла его как равного, достойного того, чтобы иметь право на жизнь, почти не пытаясь убить. Он испытал гордость за себя. Вдалеке же он увидел горы. Они блестели своими шапками, щедро разбрасывая солнечные лучи, отраженные в заснеженных верхушках. Эта горная гряда сверкала острыми зубами на фоне зеленого лесного языка, подпирая нежно-синее небо-небо, превращая все вокруг в гигантскую пасть

сказочного чудища. Пики этих гор ревностно отблескивали изумрудной зеленью, отражающейся от лесной чащи, но переполнялись гордостью, перед бессильным такое проделать небом. Он был на вершине мира, на пике эмоций, хотя какой же вид ему откроется с острия одной из гор, он просто не мог себе вообразить. Его видения, в которых он уже видел эти горы, ни на каплю не смогли передать, то величие и ту красоту, которая открылась его взору. Ничего прежде он не видел красивее, и в этот момент он понял, что не был никогда так счастлив, как сейчас. И если это было бы последним, что довелось увидеть Славику, он бы сказал, что прожил свою жизнь не зря.

Тяжелая волна навалилась на верхушки деревьев, приведя в движение весь зеленый массив леса, и помчалась на Славу. Он, наслаждаясь незабываемыми видами, не заметил притаившуюся опасность в этом беззвучном, но стремительном порыве. Его подсознание забило тревогу слишком поздно, так он был упоен окружающей красотой и, не успев среагировать во время, но, все же, дернувшись в последнюю минуту, он крепко зажмурил глаза и ухватился, что было мочи, за верхушку «секвойи». Лес задрожал. Завибрировал. Ожил. Нехорошо ожил. Дурно.

Этот ледяной ветер, разворошивший мирно спящий лес, обладал невероятно удручающей энергетикой. Такое отчаяние накатило на Славу, что он просто завыл. Он слабел от душевной боли, рвущей его душу на части, кричал от страданий, звонкими колоколами, забившими у него в сердце, он похолодел от ужаса, пришедшего в его сознание. Он опустел. И не имея сил больше сопротивляться этому урагану, сдался. Разжав руки, он камнем полетел вниз, чудом лавируя между толстыми ветвями дерева, и не разбиваясь о них в кровь. Но расшибиться ему еще предстояло. Земля уже готовилась принять его на свою твердую кожу, впитав затем его кровь и внутренности, которые непременно выплещутся из его тела, обильно орошая почву и растительность. Действие потустороннего ветра немного смягчалось, с каждым сантиметром его полета, и вот уже он не ощущал его гнетущего давления, рвущего все самое хорошее внутри него. Страх овладел им, но не черный, неизведанный, потусторонний страх, как был до этого, а страх неминуемой смерти и его тело выплеснуло сгусток энергии из себя, предотвращая нелепую и ужасную гибель. В груди шевельнулось чужое сознание. Энергия забурилась в его сердце, и разум затопила волна образов, которые ему не принадлежали. Нечто перехватило контроль над энергиями, и начало незамедлительно действовать. Кристалл задрожал в его груди, а из рук и ног, вырвались потоки плотного воздуха, которые устремились к земле. И в полуметре возле нее, воздушная подушка подхватила парня, задержав его, парящего в воздухе. Провисев еще пару мгновений, в этой спонтанной, воздушной колыбели, он слегка расслабился и рухнул на землю, больно забив легкие и спину. В его сознании бродил еще где-то этот липкий страх, пришедший от гор, но он знал, что не они тому виной. Он уже испытывал эти эмоции в видении, в котором некое черное пятно причиняло ему схожие переживания. Что его ждало впереди, он не знал. Выяснить это, не было ни малейшего желания, и он твердо решил, что обойдет то зловещее место стороной.

Пролежав на сырой земле еще некоторое время, он понял, что ему просто необходимо правильно научиться пользоваться информацией приходящей извне. Научиться держать все образы и видения на заднем плане, словно фон той реальности, в которой находился его разум в данную секунду. И самое главное, ему совершенно необходимо было научиться разделять всю информацию на составляющие, чтобы понимать, что ему может сослужить добрую службу, а что станет для него губительным ударом. Он решил не спешить бежать к

горам, понимая, что спешка может стоить ему очень дорого, самое малое — это жизни. Погрузившись в подсознание, путем мгновенной медитации, он сплелся с энергетическими потоками, бушевавшими в нем, и начал в них разбираться. Ему было жизненно важно найти способы защиты от таких вторжений в подсознание, которые могли в следующий раз ворваться к нему в «святая из святых», в самый неподходящий момент. Он попробовал каждую из тех нитей, хаотическим клубком спутавшихся перед ним, прикоснулся к ним и попытался изменить силой своей мысли. Пытаясь подчинить их своей воли, он понял, что незначительное их количество легко поддается манипуляциям, хотя их практического применения Славик не находил. Основная же масса была ему и вовсе неподвластна, и он, попробовав их подчинить, понял, что это ему пока не удастся сделать. И вновь в голову пришло незаурядное решение. Не лезть напролом, не пытаться взять эти потоки силой, а найти к ним подход, который удовлетворит их самих, прежде всего. Ему было тяжело признать, но эти потоки обладали неким сознанием, как все живые существа, хотя ему казалось, что сознания этих энергий были гораздо сложнее для его понимания, и имели куда более сложную структуру и очень мистическое происхождение. А то пространство где они властвовали, и вовсе представлялось для него «глухой стеной», некой чернильно-черной червоточиной, охватывающей абсолютно все вокруг и не желающей впускать чужака на свою территорию.

Он понял это положение вещей и смирился. Если он раньше и считал, что человек венец творения природы, то теперь он четко понимал, что есть существа и сущности, обладающие куда более безграничной силой и властью над окружающим миром. Так или иначе, но ему придется считаться с этими силами, и возможно поняв, как с ними скооперироваться, он получит частичку их могущества. Приняв все это во внимание, Слава успокоился и дал «запрос» в окружающее его поле, которое должно было услышать его просьбу и откликнуться на нее. Посыл был прост — он просил те энергии, которые были ему доступны, оградить его подсознание от черных потусторонних потоков. Понимая, что они также связаны с ним и зависели от него, также как и он связан с ними и принадлежит частично им, он пытался наладить двустороннюю связь.

Он жаждал получить от них помощь. И они откликнулись. Некие потоки ринулись к нему быстрее, рьяней, сплетаясь между собой, выстраиваясь в некую стену, барьер, который оградил его от темной энергии, и ее воздействия. Они выстраивали чудное, замысловатое плетение и работа их была четко организована и налажена. Как часовой механизм, каждая из их ниточек, оттачивала определенную свою задачу, выполняя ее четко и безукоризненно, а будучи плотно сплетенными, вместе с сущностью Славика, он чувствовал их движения, как чувствовал свои конечности. Точнее чувствовал это все его кристалл, а он воспринимал это все через его призму. По времени это все произошло почти незаметно, в доли секунд, но эффект был достигнут. Энергетический барьер был установлен, но так филигранно и тонко, что он не затмил остальные бурлящие потоки, а лишь оттеснил их полупрозрачной оболочкой. Это отняло у него множество сил и он понимал, что не только энергии, но и он сам, того не заметив, принимал в проделанной работе серьезное участие. Но задача была выполнена, а Слава лежал и улыбался.

Поход к горам продолжался. Местность пошла в горку, что говорило о приближении цели. Вячеслав уже успокоился, подавив тревоги от недавнего вторжения, и бодро шел вперед. Он прислушивался к своим новым «друзьям» — энергетическим потокам, питаясь их энергией, до тех пор, пока они не начали постепенно истощаться, а затем и вовсе угасли. Осталась лишь желтая нить, которая помогала ориентироваться в пространстве и заранее обнаруживать опасность. Но чем ближе он подходил к горам, тем запутаннее становилась информация приходящая из информационного пространства. Он сканировал местность и мысленно, даже ментально, прокладывал дорогу к горной гряде, пытаясь найти безопасный путь в обход того зловещего, черного пятна. Его инстинкты были на острие активности, словно маленькие волоски-антенны, кричащие об опасности, но как он не силился, а понять природу этой тревоги он не мог. Подсознание же, не улавливало видимой опасности, показывая приблизительный путь чистым и безопасным. Он периодически проверял наличие защитного барьера, но каждый раз убеждаясь, что тот никуда не исчез, успокаивался.

Постепенно приближаясь к пункту назначения, он начал замечать, что зверей в округе стало меньше. Научившись по дороге входить в транс, не останавливаясь для этого на привал, он переключался на ментальное зрение и, проанализировав информацию, понял, что те животные, которые здесь еще остались, чем-то встревожены. Они боялись и спешили покинуть это место, как можно быстрее. Птицы же были больше уверенны в себе, но по мере продвижения и они начинали давать задний ход, поспешно улетая из этих мест. Вскоре лес стал почти необитаем и кроме самого Славы, уже не возможно было обнаружить ни одного живого существа на многие сотни футов.

Лес также начал меняться. Зеленные кроны, меняли свои наряды на более темные расцветки. И со временем, некоторые из них уже не блестели изумрудными листьями, а угрюмо дрожали на уже довольно холодном ветру зелено-коричневыми, а кое-где и вовсе коричневыми одежками. Не только в деревьях Слава заметил изменения, но и в остальной растительности: траве, кустах. Даже земля под ногами приобрела какой-то мрачный черный цвет, словно по ней, своими карминными языками прошелся лесной пожар, выжигая все дотла. Почва была сухая, потрескавшаяся и явно безжизненная. Изменения были вначале незначительные, но чем дальше он продвигался, тем больше природа вокруг теряла свой лоск, тоскливо рдея угрюмыми пейзажами.

На душе становилось так кисло, что печаль, казалось, захлестывает Вячеслава. Он старался найти другой путь, заручившись своими новыми возможностями, но, сколько бы он не сворачивал на другие тропки, как бы он не пытался обогнуть эти странные земли, у него это не выходило. Он даже возвращался назад и начинал свой путь с новой точки, но все было тщетно. Каждый раз он набредал на эти безжизненные земли, в полумертвом лесу. Силы иссякали, голод нарастал, потому что вокруг не было дичи, на которую он смог бы охотиться, холод все больше тревожил его тело, из-за чего ему приходилось больше двигаться, чтобы не замерзнуть. Расход сил и энергий, стал несоизмерим с пополнением их запасов, и ему становилось все тяжелее идти.

Деревья и природа вокруг начали казаться Славе, такими, какими он видел недавно окружающий мир перед переходом сюда. Но не было тех ощущений, которые он испытывал

тогда. Ни чувства нереальности, ни наваждений, все было взаправду. Гниль и желчь бушевала в природе. Листва с деревьев проржавелыми, гнилыми комьями спадала с них и продолжала гниение на безжизненной почве. Стволы их, выкручиваясь змеями, застыли в неестественных, пугающих позах, становясь похожими на причудливые надгробия, превращая местность в подобие сюрреалистического кладбища. Ледяной воздух, словно загустел вокруг, прилипая к стенкам легких, затрудняя дыхание. Все вокруг источало враждебность и смерть. По земле начал клубиться густой белый туман, скрывая камни и торчащие из земли корни умирающих деревьев. Его щупальца подползали к идущему путнику, аккуратно к нему прикасаясь, словно боялись спугнуть жертву, но он даже и не думал останавливаться. Он слишком устал. Это место обладало чудовищной энергетикой, высасывая силы из его организма и души.

Каждый его шаг, образовывал вокруг ног водовороты тумана, потоками воздуха разгоняемые на несколько шагов вокруг. Это облегчало ходьбу, потому что Славик, по крайней мере, видел, куда наступает и не опасался споткнуться или вывихнуть ногу. Шаг за шагом он продвигался, борясь с собственными страхами, делая все новое и новое усилие над собой, чтобы не развернуться и не убежать прочь от этого мерзкого места. Почва под ногами стала мягче, податливей и уже через какую-то сотню футов, начала расползаться под его ботинками. Своим весом он выдавливал грязь из-под подошв, которая зелено-коричневыми комьями налипала на обувь. К счастью некоторые участки оставались более сухими и твердыми, и идти по ним было одно удовольствие. Они были покрыты мхом и какими-то, коричневыми нарывами, похожими на лишайник, но все же, по ним идти было на много приятнее. Те участки которые были раскисшими, все больше наполнялись влагой, и когда его нога поднимаясь, для того чтобы сделать очередной шаг, след от нее был заполнен мутной водой. Но он этого как будто и не замечал. Каждый волосок шевелился на его теле, а мурашки сновали по нему как стадо блох, по бродячему псу, так его ужасало это место. Он гнал от себя мрачные мысли и страшные картины, которыми обильно награждал его воспаленный ум. Фантазия безгранично сыпала образами, щедро приправляя их таинственными шорохами и мистическими звуками. Он был очень напуган.

Сухие участки и мокрые чередовались довольно часто. В какой-то момент Слава с трудом начал идти по, довольно, длинной тропинке, в которой было все больше влаги, а земля под ногами, засасывала каждый его шаг, своими крепкими объятьями, обволакивая ноги. Сначала ноги утопали всего на пару сантиметров, затем грязь добралась до щиколоток, а затем ноги всасывались в мерзкую жижу по самую голень. Он сопротивлялся, но чем больше он это делал, тем больше его засасывало, и когда он очнулся от мнимых страхов, придя в себя, то понял, что тонет в болоте. Он замер, зная еще со школы, что чем больше ты сопротивляешься болоту, тем быстрее оно тебя поглотит. Осмотревшись вокруг, он искал решение из сложившейся ситуации, пытаясь придумать, что можно использовать для своего спасения. С крючkovато-сгорбленного дерева, свисала лиана, похожая на плющ и он подумал, что если ему удастся ее достать, то ее можно как-нибудь использовать. Проблема заключалась в том, что она свисала достаточно высоко над головой и дотянуться до нее будет не просто.

Потянувшись к ней пару раз, вытягивая свое тело в струнку, он понял, что дотянуться у него не получается, а вот такие движения еще больше вгоняют его в болото. Ноги уже увязли по колено, и шевелить ими стало очень трудно. Слава взял свой импровизированный «ледоруб» и, не сильно вытягиваясь, зацепил его лезвием лиану. Начал тянуть, но она не

поддавалась, а острое лезвие, так и норовило разрезать ее надвое. Он потянул чуть сильнее и его ноги еще больше погрузились в пучину, а тонкая лиана, под напором острого ножа, примотанного к палке, разрезалась. Он выругался и потянулся к следующей лиане. Она находилась еще выше предыдущей, а сам он все больше был погружен в болото. Взяв свое орудие за самую крайнюю часть палицы, одними лишь кончиками пальцев, он попытался закинуть «ледоруб» на лиану. Первая попытка не увенчалась успехом, во второй раз он также промахнулся, и в последний раз, вытянувшись так, что мышцы заболели от растяжения, а ноги еще больше погрязли в болоте, закинул острое за лиану. Она была не так плотно обвита о дерево, с которого зелеными подвесками, похожими на бахрому, свисал мох, облюбовавший мертвые ветви. Он плавно потянул, чтобы не разрезать лиану, и она с легкостью соскочила в его левую руку. Длинной она оказалась всего метра три, но до ствола этого дерева, нависшего над парнем, было примерно столько же. Он привязал лиану спереди оперения своей последней стрелы, снял лук и наложил снаряд на древко. Остаток лианы подмотал манером скрученного лассо и выпустил стрелу четко в ствол дерева. Затем начала медленно подтягивать себя за спасительный «трос», аккуратно тянув его, опасаясь порвать. Лиана оказалась прочной и тягучей, и хотя он уже погряз в трясине почти по пояс, его ноги начали постепенно высвобождаться. Почти достигнув спасительного островка, на котором располагалось дерево, лиана со звонким треском лопнула, неприятно хлестнув его по рукам и животу, но это уже не имело никакого значения. Он взялся вновь за свой «ледоруб» и, ударив им о дерево, прочно и глубоко всадил его лезвие в трухлявую скользкую кору. Подтянулся и выбросил свое тело на островок, лежа на спине в припадке дикой усталости, как выброшенный на песчаный берег, кит.

Придя в себя и немного отдохнув, он возобновил свой путь, придерживаясь теперь строго островкам, которых здесь было великое множество. Он перепрыгивал с одного на другой, все быстрее и быстрее пытаясь пройти это адское место, продолжая сосредотачивать лишь на кульбитах своего тела и дороге. Мрачные мысли и липкие страхи, он решил держать от себя на расстоянии.

Передвижение по островкам было изнурительным испытанием. Усталость поглощала его тело, подвергая каждую мышцу невероятному напряжению. Слава собрал с молчаливых деревьев несколько лиан и, свернув их в импровизированную бухту, перекинул через голову, повесив на плечо. Рисковать в этом опасном месте было бы глупо, поэтому спасительные канаты он приберег для крайнего случая. Он не мог представить, как долго ему придется пробираться через опасную местность и в его сердце вновь заиграла тревога.

Время тянулось липкой вязью, напоминая трясину, по которой он передвигался. Оно словно отображало ту монотонную атмосферу, которая здесь царила. Слава старался двигаться быстро, технично преодолевая участок за участком, выработав для прохождения болота определенную схему. Листвы на деревьях не было, и казалось в это полуденное время, солнце должно было ярко светить, хорошо освещая путь, но здесь законы природы отступали под натиском некой первобытной сущностью зла. Свет не достигал пологих гор, словно большой зонт накрыл это место, скрывая мертвые земли от живительных, солнечных лучей. Он понимал, что двигаться нужно быстро, иначе ночь застанет его врасплох на этой чуждой для жизни территории. К чему это могло привести, какими проблемами и бедами могло для него это обернуться, он даже боялся представить. По его соображениям, до заката оставались не менее шести-семи часов, но гонимый страхом и нетерпением, он выжимал из своего организма все до последней капли, чтобы скорее покончить с этим недружелюбным

участком.

Но планы и надежды, в человеческой жизни всегда имеют специфическое чувство юмора. Полагаясь на них, люди всегда сталкиваются с неожиданными поворотами судьбы и виражами непредвиденных ситуаций. Так было и в этот тяжелый для Славика час. Солнечный свет, итак едва проступавший сквозь густой серый воздух, начал постепенно исчезать, словно его выкачивали из окружающего пространства. Небо над головой из темно-серого перетекло в густо-черный купол, скрывая последние остатки света. Закат был еще далеко, но мертвый лес диктовал свои правила, перед которыми любое живое существо было бессильно. Скоротечность событий подогревало энтузиазм в сердце и адреналин в крови. Беглец прибавил ходу.

С уходом света, все вокруг погрузилось в крошечный мрак, и в этом мраке застыло все, даже звуки. Такой оглушительной и абсолютной тишины, Славику не доводилось слышать еще ни разу в своей жизни. И в душе его вновь забили барабаны ужаса, который волна за волной накатывал на горе-путешественника. Он остановился, предчувствуя страшную опасность, скрывающуюся за каждой тенью, за каждым деревом, в пучине вязкого зловонного болота. Решив передвигаться более осторожно, он перешел на ночное зрение, в котором теперь он едва-едва, но смог узнавать островки сухой почвы под ногами. Его дыхание участилось, а сердце норовило вот-вот выпрыгнуть из груди. Сознание же не могло никак определить источник угрозы, и он обратился к своему подсознанию, которое было тесно переплетено с кристаллом у него в груди.

Легкий, едва уловимый ветерок заплясал в этой свирепой мгле, лаская своими ледяными ладонями, бугристую от мурашек, кожу, проникая, казалось, в самую душу. Он запускал свои пальцы под мокрую от пота и сырости футболку, шевеля волоски на теле и обволакивая свою жертву в простыню холода. Тишина слегка надорвалась, впустив в себя едва уловимую мелодию, похожую на звон крохотных колокольчиков, которую он даже не слышал, он ощущал ее нутром. Затем к ним присоединились дребезжащие отголоски звуков, похожих на дрожащие волны, которые издает затухающий под ударом молота гонг. Звуки играли с его сознанием в прятки, повышая душевное и физическое напряжение. Слава стал похож на оголенный нерв, каждое прикосновение к которому вызывало почти физическую боль. И тут он услышал голоса:

— Ваа-рээн... Ваа-рээн... — Повторил чей-то тихий, зловещий шепот, словно сам ветер, пытался позвать Славу по имени. А следом за ним, раздались едва уловимые, похожие на звенящие бубенцы призывы, произнесенные девичьим, тоненьким голоском:

— Варэн! Варэн! — Они были отрывистыми и внятным. Следом за ними вновь повторился тягучий, шепчущий зов:

— Ваа-рээн... Ваа-рээн... — И вновь, женские и короткие: — Варэн! Варэн! — А затем прозвучал тоненький, детский смех.

У Славика похолодело все внутри, и он начал судорожно оборачиваться по сторонам, выискивая источники голосов. А звуки продолжали метаться из стороны в сторону, словно бегая вокруг него, и звали-звали. Он крепко зажал в руке «ледоруб» и метался по кругу, словно загнанный в смертельную ловушку зверь. Дыхание его участилось, а пульс барабанил по вискам безжалостной дробью. В отчаянии и изнеможении от напряжения и усталости, Слава крикнул в пустоту:

— Кто вы? Покажитесь? — Но ответа не последовало, а лишь снова позвало его по новому в этом мире имени: — Варэн!

Слава бросился бежать, но его попытка так и не воплотилась в жизнь, потому что тело окаменело от ужаса, и он часто задышал, пытаясь избавиться от предательской паники. Ветер подул позади него, и все его обостренные чувства мигом закричали в один голос: «Обернись, оно сзади!» Он обернулся и увидел сквозь плотные клубы туманы, танцующие в темноте, серый силуэт женщины в белой рубашке, подолы которой ниспадали до самой земли. Волосы светлого цвета, а лицо имело едва уловимые черты. Он всмотрелся внимательнее в ее лицо и подумал, что она ему знакома, а затем с ужасом понял, что видит перед собой погибшую мать. Она подняла свою руку ладонью вверх и поманила его, сказав, не раскрывая губ: — Варэн! Затем она плавно развернулась к нему спиной и исчезла в тумане.

Слава помчался за ней. Он прыгнул на один островок, затем на другой, пробежался по сухому участку и вновь прыгнул через полосу болота на новую сушу. Призывы повторились, но он не видел никого вокруг. Резко обернувшись, он вновь наблюдал за женщиной, которая выглядела как его мать. Разум его хоть и был затуманен ужасом, но он понимал, что это все галлюцинация, что его мать мертва и он никак не может ее видеть. Женщина смотрела на него не моргая, сложив руки на своем животе, а затем убрала их. И он увидел на ее руках кровь, которая тягучими, густыми каплями капала в болото, окрашивая мутные воды в алый цвет. По белоснежной рубашке в районе живота также расплывалось кровавое пятно, и Слава не удержав чувства, хлынувшие через край, крикнул: — Мама! Затем он бросился ей на помощь, как вдруг его окликнул другой голос, знакомый и ласковый:

— Нет, Варэн! Не делай этого! — Он резко обернулся на голос, запрещающий ему помочь собственной матери и увидел едва прозрачную фигуру Эралии, которая смотрела на него с нежностью, словно она была его родной матерью, а не женщина со смертельной раной на животе. — Не подходи к нему! Это ловушка!

— Что? К кому не подходить? Это же моя мать! — Он закричал, глядя в эфемерное изображение недавней знакомой. Он не хотел верить в ее слова, но кристалл в груди так взбесился, противясь его словам, что грудь обожгло жаром. А Эралия закричала: — Осторожно, сзади! Он резко обернулся и едва успев отпрыгнуть в сторону, как его чуть не ударило внезапно вылетевшей веткой из тумана. Она хлестнула по островку, словно плеть, рассекая воздух и разрубая пень стоявший рядом со Славой. За ней из тумана вылетели еще три такие же упругие ветки-кнуты, и Слава, перекатываясь в бок, ловким нечеловеческим прыжком, перепрыгнул на соседний островок. Он вскочил на ноги и резко присел уворачиваясь еще от одной, просвистевшей над головой веткой. Туман слегка рассеялся, и он увидел два летящих с двух сторон, огромных снопа этих ветвей объединенных в подобие плети, точно на него, по принципу ножниц. Он прыгнул, цепляясь за ветку дерева и подтягиваясь на руках, поджал прямые ноги со всем телом, горизонтально земле. Сокрушительные удары хлестнули по стволу дерева, оставляя в нем глубокие борозды, а Славик спрыгнул вниз и метнулся за дерево.

В этот момент болото зашевелилось, вздулось огромным пузырем, и когда его оболочка лопнула, из недр пучины вырвалось огромное существо. Оно было двенадцати футов высотой, с худым, высохшим телом, состоящих из переплетенных гнилых ветвей, коричневого цвета. Ветки прилегали не плотно между собой, и внутри чудища ярким, желтым огнем горела пустота. Оно было похоже на плетеного человека. Огромные руки, свисающие до пола, увенчивались огромными ладонями с невероятно длинными (в шесть футов) пальцами. Которые и переплетались в те смертоносные плети, обрушившиеся на

него. Такие же отростки, но менее длинные торчали из его груди и неторопливо шевелились. Голова монстра была около двух футов в высоту и очень узкая примерно в фут. Раскосые глаза вращались в орбитах, находясь на узком расстоянии, друг от друга, и близко к переносице. Носа не было. Вместо него каплевидная морда, с двумя соплами в центре, чуть выше пика. Кожа вокруг носа блестящая, с синеватым отливом и голубыми венками. Вокруг глаз и переходя на лоб, блестели, переливаясь цветами, чешуйки, похожие на лобовую броню ящерицы. Пасть в форме луны, с опущенными вниз тонкими губами. По бокам темени, свисали длинные водоросли, слипаясь между собой прядями волос и опадая на плечи, облаченные в мантию из мха. Козлиная борода, свисающая до пояса, также была из водорослей.

Чудовище стояло по пояс в болоте и медленно, хоть и очень плавно, двинулось к нему. Его огромные руки плети вновь потянулись к нему, хлеща во все стороны длинными пальцами, что словно змеи извивались перед лицом Славика. Он вновь прыгнул в бок, делая три длинных огромных шага и перепрыгивая на соседний островок. Нужно было пройти этот участок, но он резко обнаружил, что направление, которое он выбрал для отступления, оканчивается тупиком. Островки почти закончились, и бежать можно было только в сторону монстра. Чудище утробно заклокотало, и метнулась еще быстрее к вожделенному мясу. Он решил, что если уж и сражаться, то нужно для этого выбрать место просторнее, и перескочил на последний островок, который внушал уважение своими размерами. Но расстояние между островками были слишком большим, и одной ногой, он приземлился в болото. Болотный монстр урчал и клокотал, а с этими звуками, он приближался все ближе. Ногу безжалостно засасывало в трясину, а он ее бесцеремонно вырывал из пучины, сильно напрягая все тело. Монстр был уже близко, как Слава начал вгрызаться в землю лезвием «ледоруба» и подтягиваться за его ручку, упираясь свободной ногой в почву, как спринтер на старте. Плетеное существо взмахнуло рукой, и толстые плети полетели в его сторону, грозя рассечь податливую плоть своими ударами. Вновь чужое сознание перехватило контроль, подчиняя его тело под свой контроль. Тревога в голове обожгла раскаленным металлом и в кристалле накопилась энергия, которая высвобождаясь через его руки и ноги, словно вытолкнула из него мощнейшие потоки воздуха. Они оттолкнули Славика от почвы, вырывая застрявшую ногу и закидывая его вглубь островка.

Ветви с огромным плеском, обрушились на болото, упустив в последнюю секунду свою жертву. А он, перекатившись на спину, начал пятиться назад. Чудище начало расти, вздыматься еще выше, и уже одна нога монстра нащупала берег островка. Водяной монстр выбрался на сушу и пошел на него без колебаний. Еще один удар угрожал жизни Вячеслава, но кристалл повторил свой фокус и вновь потоки воздуха из рук и ног вырвались из него, предавая ускорение по земле. Он сильно одер спину, в этом невероятном скольжении, но страх не позволил ему даже задуматься об этом. Он вскочил на ноги и отбежал на другой край островка. Его мысли скользнули в подсознание, ища механизм, который задействовал кристалл. Он начал перебирать потоки и энергии, управляя которыми, он смог бы найти способ защиты. Спустя мгновения кристалл словно подсказал, чем нужно воспользоваться и указал на два потока и как их сплести между собой. Он, не раздумывая, положился на интуицию и отбросил в сторону сомнения. Плетение начало вырисовываться, и уже обрело структуру. Мысли вернулись в реальность, и произошло это все так быстро, что ему показалось, будто он едва моргнул. Кристалл подсказал, как применить астральные потоки, высвобождая создаваемое ими заклятие, воплощая его в реальности. Пальцы рук согнулись в

крюки, словно держали невидимые бейсбольные мячи и из рук начал вырываться ветер, закручиваясь спиралью в маленькие торнадо. Он перевернул руки, с по-прежнему скрюченными пальцами ладонями вверх, прижав локти к груди. В ладонях начала появляться вода. Она обвивалась вокруг потока воздуха, обволакивая в бережный кокон. Он словно почувствовал их упругость и эластичность, и в его сознание пришло понимание, творимого им заклятия. До этого все было на одних инстинктах. Для того чтобы сразить монстра, необходимо оружие, которое поможет разить его на расстоянии. И убедившись в своих догадках, он схватил эти силы природы, буйствующие на его ладонях, как бичи и обрушил их в сторону монстра. Водяной кнут далеко хлестнул вперед, но все же, не достал до чудища. Понимание того, что лишь силой мысли он может управлять его длиной, структурой и движениями. Он метнул такую мысль, пропуская ее через кристалл и выводя в руки. Бичи устремились к чудищу и хлестнули его в морду. Монстр издал дикий вопль и сделал короткий прыжок, выпустил свои пальцы-ветви в сторону обидчика. Слава взмахнул кнутами крест-накрест, и бичи, пройдя сквозь друг друга эффектной голубоватой волной, резанули по веткам нечисти, отсекая их от руки. Плетеный водяной взвыл и отдернул свои щупы к себе. Но из руки начали вытягиваться новые ветки, сплетаясь из более тонких ростков в толстые канаты. Медлить было нельзя. Он завертел руками по кругу, закручивая водяные бичи, внутрь друг друга, до тех пор, пока не образовалось подобие спирали ДНК. И он начал наступать, вращая кнутами. Спираль все расширялась, и когда он подошел к монстру, тот выпустил свои щупы навстречу. Ветви ударились в водяные столбы, мельтешащие в водовороте, брызги разлетелись в разные стороны и вопль монстра заполнил все вокруг. Славик поменял рисунок и начал вращать бичами хаотично и очень ритмично и монстр не удержался на ногах и рухнул на спину, отступая под напором своего опасного противника. Строптивая жертва продолжала атаку, и водяные кнуты обрушились на незащищенное тело чудовища, перемалывая его в жидкий фарш. Одна единственная голова, состоящая и плотного не свитого из ветвей черепа, упала на пол, уставившись на него, удивленными раскосыми глазами. Потоки кнутов разлились в этот миг водяными лужами и впитались в землю. Он подошел к монстру, вытягивая на ходу из-за пояса «ледоруб», и воткнул его точно в лоб, пробив голову. Глаза чудища потускнели и успокоились. А Слава упал на землю, полностью лишившись сил. Ему требовался отдых.

После короткого отдыха на поле битвы с неведомым монстром, новоявленный беглец выдвинулся в путь. Он уже прошел болото и карабкался по крутому склону вверх горы. Деревьев здесь почти не было, только камни и огромные валуны. Дорога становилась все тяжелее, а угол наклона все больше. Невыносимо хотелось, есть и спать, потому что в организме не хватало энергии. Слава пытался несколько раз найти подпитку из внешних энергий, но кроме информационного, желтого потока, другие не были ему доступны. Мышцы ныли от перенапряжения, а рана на спине горела огнем от недавнего скольжения. Но выбора не оставалось, он лез дальше.

Вскоре гора его встретила отвесными стенами, и так просто карабкаться вверх уже не удавалось, и Славик пошел зигзагами, выискивая пути и тропки. Ночь застала его неожиданно и наградила леденящим холодом. Он нашел огромный валун, торчавший из тела горы, заполз в его выемку пытаясь защититься от разгневанного на эти несчастные горы ветра, хлещущего со всех сторон. Было очень холодно, но он не желал так просто сдаваться. «Умереть от холода в горах, пережив уже столько опасностей, битву с болотным монстром, оставляя свое брненное тело на растерзание диких животных, в параллельном мире, нет уж».

Он скользнул в подсознание и, найдя поток энергии, которым он уже много раз пользовался, который отвечает за тепло, нагрел большие камни и уложил вокруг себя. Стало гораздо теплее и Славика уволокли к себе, прекрасные девы сна из царства Морфея.

Проснувшись рано утром, когда солнце едва показалось над лесом, Слава выбрался из своей берлоги наружу. Его изумлению не было предела. Океан разнообразия зеленых цветов, переливающийся всеми оттенками, бушевал перед его изумленным взором. Малахитовые трава, перемешиваясь с нефритовым сиянием деревьев и кустов, предавая всему вокруг вид ореола, изумрудного цвета. От такой красоты он ахнул. Птицы, сбившись в стаи, носились среди этих волн леса, представляясь ему в виде дельфинов ныряющих и вынырывающих из зеленого моря. Сердце его переполнялось спокойствием, подаренным вездесущими красотою этих мест.

Наблюдать такую красоту, казалось, можно веками, но выбираться из этих приключений все равно надо. Вот и он решил не откладывать поход и выдвинулся в путь. Тропки становились все круче и он, усевшись на гладкий, полированный камень, решил просканировать гору, выискивая пути. Спустя полчаса сидения, будучи глубоко погруженным в подсознание, он обнаружил в структуре горы полости. Они вели куда-то на ту сторону громадных гор, начинаясь прямо над головой Славика. Медлить не было смысла, и он отправился искать в ход в пещеру.

Последние метры он уже лез на гору, упираясь ногами в трещины скал, а руками подтягиваясь за выступы камней, используя «ледоруб», вонзая его трещины. Ухватившись сверху за ровный камень, он подтянул все свое тело и выбрался на ровную площадку. Перед ним открылась зияющая, черная пасть огромной пещеры. Войдя внутрь, он прислушался, а за тем и принялся. Необычных запахов и звуков не обнаружилось, и он пошел вглубь. Ночное зрение, пришедшее на помощь, открыло внутренности пещеры его взору, и идти стало легче. Сверяясь с желтым потоком энергии, как с картой, он петлял по коридорам пещеры, выискивая нужный путь, и вышел в огромную залу, раскинувшую свои высокие потолки над ним. Внутри залы располагались сталактиты, свисающие с потолка, и сталагмиты, растущие

из пола. В центре помещения, стояли несколько деревьев, состоящих, словно из камня. На каждой ветви висело по несколько белых плодов овальной формы, по футу длинной. На одном таком дереве висели десятки этих плодов и при этом ни одного листочка. А деревьев было не менее пяти штук.

Слава прошел еще глубже, аккуратно ступая, чтобы не издавать лишних звуков. Сколько здесь еще может быть разных опасностей, ему не хотелось даже представлять. Зал подходил к концу, но деревья с белыми плодами, нависшие над ним, не внушали никого спокойствия. Изредка тишину разрывали глухие похлопывания, словно ткань развивалась на ветру, и сразу же прекращались. Он смотрел по сторонам, но признаков опасности по-прежнему не было видно.

Возле выхода из залы, он мысленно сверился с информационным полем, которое подсказывало, что тоннель, ведущий из этого помещения, оканчивается выходом из пещеры. Подтверждением тому стал резкий сквозняк, вырвавшийся из тоннеля, который ударил в лицо Славе и сорвал с «каменных» веток дерева, несколько белых плодов. Плоды лежали у него на пути, и он решил подойти ближе, чтобы их рассмотреть. Сжимая в руке ледоруб, он ткнул им в мягкую плоть плода. Она была похожа на кокон или перепончатую ткань, свернувшуюся в него. Плод шевельнулся и в одну секунду развернулся как бутон, став похожим на прямоугольную, белую тряпку. Точно по центру тряпки располагалось узкое тельце, с бугристыми жилками, уходящими в полотна тряпки, как конечности в крылья. Мелкую мордашку с закрытыми глазками, снизу обрамляла тонкая полоска рта. Славик ужаснулся от этого зрелища, и аккуратно переступая через создание, двинулся к выходу. Он быстрым шагом вскочил в туннель и помчался по нему, так быстро, как только мог. За спиной раздались частые хлопанья, издававшие звуки, развивающегося флага на ветру. Через момент к ним присоединилась еще одни такие же самые и еще одни, секунду спустя. Они приближались с невероятной скоростью, хлопая своими бумажными крыльями, а затем начали издавать такой противный ультразвуковой писк, похожий на соколиный, что в ушах зазвенел звон. Он обернулся и увидел летящую, белую «тряпку» прямо на него, а по бокам еще двух других. Он вонзали в спину беглеца горящие взгляды, скаля пасти с острыми зубами. Их писк нарастал, и он в приступе паники выпустил в одну мерзкую «летучую мышь» свою последнюю стрелу. Оперенный снаряд, пробив крыло одной твари и вылетев насквозь, вонзился в тушку сзади летящей бестии. Та упала, а твари заверещали еще громче, вызывая мощные головные боли.

Огромный гул вырвался из пещеры и заполнил тоннель, по которому он бежал. Сотни, тысячи хлопков, раздались вокруг, отбиваясь эхом от каменных стен, объединяясь в звук роя, злобных тварей. Понимая, что от такого количества летучих созданий он просто не отобьется, даже если успеет покинуть тоннель, Слава решил его завалить. Вскинул руки на бегу, скрючив пальцы, манером когтей и вызвав, вначале воздушный поток, затем водяной, объединил их в плети. Затем резко остановившись, ударил бичами в потолок. Камни задрожали, а по потолку заструилась трещинка. Новый удар и уже мелкая крошка посыпалась вниз. Третий же удар обрушил потолок, который падал, ломаясь и продвигаясь дальше по туннелю. Он помчался к выходу, а за ним безжалостно рушился потолок. Увидев вдалеке тонкую полоску света, он поднажал, и когда вырвался через десяток секунд из пещеры, прыгнул на пол, перекатываясь на спину. Вход в пещеру рухнул, а сквозь пыль и падающие камни вырвалась одна тварь, на ходу хватая своими крыльями пролетающую мимо сороку, и обволакивая ее собой. За ней вылетела еще одна тварь и ринулась в атаку. Он лишь

успел выхватить свой «ледоруб» и вонзил его в крыло «летучей мыши». Крыло под напором острого лезвия расползлось, как хлопчатобумажная ткань и затрепалось асинхронно со вторым. Тварь упала, а он вонзил острие летающему монстру прямо в пасть. Кислотно-красная кровь вырвалась из раны, и существо забулькало умирая. Он резко вскочил и метнулся ко второй «тряпке», которая лежала в позе раздувшегося кокона. Под утончившимися и растянувшимися мембранными крыльями существа, что-то шевелилось и чавкало, а затем крылья начали медленно разворачиваться. Взору Славы открылась ужасная картина. Птица, пойманная тварью на лету, была почти вся переваренная. Остался лишь скелет да перья. Монстр, словно растворил ее какой-то кислотой и поглотил. Тварь явно не собиралась нападать, будучи пресыщенной своей неожиданной жертвой, но он решил не рисковать и убил ее своим незаменимым оружием.

* * *

Больше нападений на него не происходило в течение всего пути. Выход из пещеры оказался путем к огромной, тянущейся до самого горизонта ледяной равнине, по которой Слава побрел в поисках сайлоков. Ветер свирепствовал над равниной, которая блестела снегами в лучах плывущего солнца. Он хлестал своими ледяными плетями лицо и руки, вонзал тонкие холодные иголки по всему телу, проникая в подсознание. Он здесь ощущал тоненькую струйку магической энергии, которая даже не была видна, но он знал, что она есть. Щупы, тянущиеся от подсознания человека, пустились изучать окружающий мир, выискивая следы энергии. Аккуратными манипуляциями, осмотрев возможные направления, они нащупали фон, остающийся после этой энергии и потихоньку начали его впитывать, накапливая силы. Он был жутко голоден и жутко слаб, а энергии хватало только на то, чтобы поддерживать тепло своего тела. Вокруг ничего не было. Ни животных, ни растений. Только лед и ветер. Иногда шел снег, иногда град.

Сражаясь со стихией, он остался со своими мыслями наедине. Но это было еще хуже, чем терпеть холод, и безжалостный, ледяной ветер бушующей стихии. Метель гнала охапки снега, разбивая их о его лицо, мокрая одежда прилипала к замерзшему телу, ветер рвал холодом добираясь даже до костей. Время остановилось, и только дорога под ногами, неспешно утекала назад, оставляя позади все дальше хрустальные горы.

На ночь Слава выдолбил в снегу и льду углубление, применив немного жара тела, подогрев его кристаллом. Ночь была беспокойная, удручающая, внушающая ужас, боль и... отчаяние. Но он решил бороться до конца, заслужить право на жизнь. Он старался не думать о холоде или еде. Он погрузился в свои воспоминания и размышления. Вспоминая их, он невольно коснулся образа Эралии. Невероятно красивая девушка с азиатской внешностью, с такой прекрасной улыбкой и великолепными глазами, цвета янтаря. Он вспомнил ее в своих видениях, и как оно его спасла. Он видел перед глазами, как она смотрела на него, вытирая его лицо влажной тряпкой, когда он умирал. Он вспомнил кольцо. Она ему дала его, чтобы оно служило доказательством его добрых намерений. Он ощупал карманы, но кольца не нашел. Это его не удивило, потому что те события, которые с ним произошли, его едва самого не потеряли в мире мертвых. Он с жалостью выдохнул и забылся.

Проснулся беглец, едва лучи скользнули по льду и снегу, отблескивая бирюзовыми кристаллами. Вылез из своей берлоги и изумился в который раз. Окружающая природа не

прекращала его удивлять своими красотами. Перед ним красовались три солнца. По центру одно большое на горизонте и два малых на одинаковом расстоянии между собой. Слава в университете изучал это явление, которое называется Гало — особое преломление солнечного света через кристаллы льда. Каждое солнце испускало круговые лучи, которые замыкались, пересекаясь с такими же кругами двух других солнц. Лед переливается самоцветами, превращая льдинки в драгоценные камни. Великолепие цветов и красок буйствовало на равнине. И наслаждаясь этим блестящим шоу, он пустился в дорогу.

Новый день выдался не легче предыдущего, и Вячеслав почти изнемогал от усталости и холода. Не говоря уже о том, что он умирал от голода. И вот уже и этот чудовищный день подошел к концу, устремляя солнце к закату. Он вновь обзавелся берлогой и лег спать. Но усталость и голод так терзали его тело, что он даже не мог уснуть, и вынужден был наблюдать за свирепым поведением этой лютующей погоды. Затем его мысли, вновь вернулись к Эралии и вот он уже с ней на берегу какого-то моря, и она его жалеет, просит выдержать все испытания, но он не хочет больше терпеть и страдать. Она дает ему мешочек, который когда-то давала и достает из него зеленые листики. Он резко проснулся и не осознавая, что незаметно уснул и вспомнил о сне. Мешочек, который ему дала Эралия, был по-прежнему с ним. Он развернул его задубевшими пальцами, и съел сразу несколько листьев.

Вначале стало тепло. Затем появились силы в теле, а за ними и уверенность в себе. Сознание пришло в норму, мозг заработал быстрее и он понял, что сил у него вдвое больше. Он решил не терять время действия эффекта и использовать каждую его минуту. Вячеслав покинул свой ночлег и как заведенный пустился в путь.

Силы его все росли, усталость все исчезала, хотя должно было быть наоборот, ведь прошел он сегодня уже вдвое больше чем вчера. Источник, фон которого он уловил некогда, также усиливался, а значит, приближался, и Слава побежал на всех парах в его сторону. И уже не надеясь успеть до заката пройти большего расстояния, он собрался через час остановиться и готовить ночлег. Вдруг он увидел, что равнина заканчивается спуском и устремился туда. Внизу в небольшом ущелье показался человеческий табор. Поселение людей. Одеты они были в синие одежды, похожие на халаты и туники. Простой быт, даже примитивный. Юрты из кожи животных, лошади, костры и все остальные атрибуты кочевых племен, включая бубны. Прежде чем спустится с ледника к людям, он решил за ними понаблюдать. Туда ли он попал, угрожает ли ему опасность? Все это предстояло выяснить.

Словно отъявленный шпион, он сидел на краю ледника, припорошенный пустившимся снежком, тело горело под эффектом чудо листьев, а мозг был ясен и трезв. Чистое сознание, казалось, открывает перед ним запретные знания и помогает замечать мелочи, которых раньше бы он не заметил. Внизу копошились люди: женщины что-то готовили и стирали, дети помогали многочисленным старикам по хозяйству, а с самыми маленькими нянчились и игрались. Славик пришел к выводу, что мужчин нет в поселении, а значит, они где-то добывают еду или на другом промысле. Наблюдение не показало какой-либо агрессии со стороны этих, обычных (насколько это возможно в этом мире), людей. Он решил начать спуск.

Ледник был огромен, и спускаться придется долго, а путь будет опасным и изнурительным. Хотя сейчас, под действиями зелья и вблизи источника, можно было и рискнуть. Тем более, что выбора он особо не видел. Слава осмотрелся и увидел небольшой спуск, в виде горки, в месте, где талая вода пробила себе путь из глубины ледника. Он сел в

углубление, расставив ноги и руки в стороны, упираясь ими в края желоба. Затем поерзал из бока в бок, раскатывая под собою лед, и оттолкнулся, притормаживая ногами и руками, чтобы сильно не разгоняться. Он очутился на новом пласте, которое несколькими десятками футов распласталось ниже предыдущего. Ледник немного сворачивал вправо, изгибаясь под тупым углом, и уходил к еще одному пласту. Он преодолел путь до окончания этого уровня и посмотрел вниз. Внизу его ждал более длинный спуск, чем предыдущий. Внезапно раздался резкий удар, но он не понял, что это было, свалив шум на движение ледника. Он обернулся назад, где возвышалась стена «верхнего этажа» ледника, и увидел, что горка, по которой он съехал, покрылась трещинками. С этой стороны, она выглядела как замерший водопад в статическом падении. «Хорошо, что еще выдержала и не обрушилась». — Подумал он, и продолжил спуск. Чтобы спуститься с этого пласта, можно было воспользоваться двумя способами. Либо спуститься по аналогичной горке, с одним исключением, что она была длиннее в раз десять, начиналась с небольшого холмика, стоящего не далеко от него и выгибалась полумесяцем, уходя далеко в середину пласта. На конце она разветвлялась на высокий выступ, с опасно торчащими сосульками и острыми льдинами, и на пологий спуск, который мягко переходил в равнину пласта. Внезапно раздался мощный удар по пласту и лед слегка завибрировал. Он не смог понять, то ли это удар такой сильный, то ли его чувства слишком обострились за время побега. Он обернулся в сторону источника звука, но увидел лишь разрушающийся под своим огромным весом замерзший водопад. Вторым путем спуска, он рассматривал спуск по отвесной стене, при помощи «ледоруба» на огромной высоте. Оба пути ему не нравились. При спуске по стене он мог сорваться с внушительной высоты и разбиться в блин, а во втором случае спуск с горы грозил огромной скоростью, которую он может набрать и вылететь с пласта сразу на следующий уровень. Какая высота ступени была со следующим пластом ледника, он даже не представлял. Он знал одно, что если ему до сих пор не очень-то везло, то ожидать подарков от судьбы еще не время. Раздался еще один резкий удар, а за ним еще и еще. Он обернулся назад и увидел, как лед водопада трещит по швам, под каждым таким ударом. Ледяные глыбы и осколки сыпались на плато, бьющий во все стороны снег, дребезжал туманной стеной. С последним ударом, низ водопада взорвался и сквозь ледяное крошево, вырвалось какое-то существо, упав на лед. Животное было огромным, белого цвета, со здоровенными лапами и маленькой головой. Ему не потребовалось даже секунды, чтобы понять, что произойдет дальше, и он побежал в сторону холмика, с которого начинался гладкий спуск на нижний пласт. Животное тем временем оклемалось после мощных ударов о замерзший водопад и, вскочив на лапы, побежало в его сторону. Он мигом на него взглянул и подумал: «Ну конечно! Кто бы сомневался?» Слава выхватил свой «ледоруб» на бегу и, вонзая лезвие в холм начал карабкаться на его вершину. Ноги предательски скользили по скользкому льду, но иногда они попадали в выступы и наросты, что помогало ему карабкаться на пик холма. Он посматривал через плечо и уже видел, как огромная туша зверя бежит к нему, свирепо ревя, и стремительно рассекая снежный занавес мускулистым телом, оскалив огромные клыки.

Перебравшись через холм, Славик пол вдоха подумал, посмотрев вниз на ужасающую по своей высоте и длине, горку, но все же, собрался с мужеством и прыгнул в ее желоб. Тело его стремительно понеслось по ложбине, как по бобслейной трассе. Мимо проносились острые осколки льда и сосульки, торчащие в виде кристаллов, норовя его исполосовать. Поэтому он прижал руки и ноги плотнее к телу, чтобы не пораниться или не оттяпать себе конечность.

Лицо хлестал пронзительный ледяной ветер вперемишку со снегом, оставляя на нем

рябь мелких, розовых порезов. Голову вжимало назад от давления ветра, сопротивлявшегося такому стремительному полету его тела. Он мчался, не разбирая ничего перед собой молясь лишь о том, чтобы его не разбило о ледяные глыбы и не раскидало по белоснежной равнине, кровавыми ошметками. Спустя десять секунд спуска на горке, он почувствовал огромный, сотрясающий все вокруг удар, который заставил природную, ледяную горку скрутиться и слегка перекоситься. Слава глянул наверх и увидел, что чудище последовало его примеру и мчится вдогонку по тому же пути. Он грязно выругался, да так поэтично, как могли выражаться только люди его родного народа. Но поделаться с ситуацией он ничего не мог. Судорожное перебирание энергий и сил, которые у него роились в подсознании, не давали нужных ответов, как избавиться от преследователя в такой опасной ситуации. А впереди его ждала развилка, которая смотрела на него веселыми блестящими кристалликами льда, словно насмехаясь над ним. Он начал соображать, как ему себя вести, чтобы не промахнуться и влететь в нужный пролет, выбирая менее опасную дорогу. Зверь быстро нагонял свою жертву из-за того, что вес животного был значительно больше, легче поддаваясь силе притяжения. А перед глазами уже виднелась развилка. Он вильнул влево, затем вправо, попытался выровнять и сбалансировать свою траекторию. Сместился снова влево, выходя по крутому виражу и чуть было не вылетел на соседнюю полосу льда, которая уже поползла вширь, расходясь в развилку. Та правая сторона оканчивалась обрывом над плато, нависая над ним, на высоте в десяток футов. Падение с такого аттракциона не убило бы человека, но расшибить о лед пару костей, вполне было возможно. Славик скользнул по левой дорожке развилки и помчался к равнине пласта. Зверь почти настигнул свою жертву, и в этот момент, проходя развилку, зацепился когтем за льдину, что дернуло все его тело, умчав по правой дорожке развилки. Теперь они мчались параллельно друг другу: он по нижней дорожке, а зверь по верхней. Оба их пути практически закончились, и когда его выкинуло на ровную, как хоккейное поле поверхность, в этот момент сверху него, пролетая по воздуху и безумно в нем вертясь, падало тело зверя. Они упали почти синхронно, и их понесло инерцией по скользкому катку ледника. Он вначале скользил лежа на спине, вгрызаясь «ледорубом» в лед, оставляя в нем глубокие рытвины, а затем перевернулся на живот, притормаживая тем же способом. Рядом в нелепом вальсе кружило зверя, который размерами оказался похожий на медведя, но с кошачьим туловищем, и мордой, похожей на череп гиппопотама без мышц и кожи. Зубы-бивни торчали в разные стороны, также пытаясь зацепиться за лед. Лапы зверя были раскинуты в стороны звездой, а мохнатое тело, крутясь вокруг себя, прекрасно скользило по отполированному ветром пласту. Ветер выл в ушах, заполняя все вокруг своим свистом, и лишь страшный рев животного, отчаянно боровшегося за свою жизнь, был способен его перебить. Славик пытавшийся кричать всю дорогу, спускаясь с горки, уже едва мог открывать рот, из недр которого сыпались уставшие, сиплые стоны. Лицо, тело и руки облепило снегом, и за ним растянуло широкую рубиновую дорожку, блестящую в закатных лучах красного солнца.

Бесконечным этот путь показался наверно им обоим. И человеку и зверю, но не был он таковым не для одного, не для другого. Обрывы, которыми венчались пласты, как блины, сложенные в стопку и образовавшие эти ледники, здесь знаменовали окончание одного пласта, нависающего над другим. Обрыв этого уровня, приближался с бешеной скоростью, желая поглотить в себе нежданных гостей. Слава отчаянно вонзил «ледоруб» в лед двумя руками, вложив в них столько силы и энергии (возможно даже магической), что понял, если этот маневр его не спасет, он полетит вниз с обрыва. Торможение было незначительным,

чего не скажешь о той глубокой канаве, которую после себя оставляло оружие. Конец все приближался и вот зверь, уже едва обогнавший ускользающую жертву на половину своей туши упал вниз, соскользнув с обрыва, издавая громкий рык отчаяния. Этот хриплый рев сразу исчез в пустоте за обрывом и Славик ужаснулся. Но цепко хватаясь в древко своего снаряда, он все же, повис на самом краю пропасти и теперь пытался не соскользнуть с него, извиваясь всем телом как змея и подтягиваясь вверх. Силы были на исходе, и он понимал, что их не осталось даже на пару рывков, чтобы вытащить измученное тело наверх. Он приготовился умереть.

Громкий смех раздался внизу, раскатисто сотрясая горные породы вокруг. К этому смеху присоединились еще с десятков голосов, дружно ржущих, разными тембрами. Слава раскрыл, крепко зажмуренные глаза и посмотрел вниз. Там стояли, окружив тело зверя упавшего на острые копы, дюжина мужчин. Они были одеты в синие камзолы и халаты, с убранными по бокам подолами, чтобы не мешало бегать, насколько он потом понял. Люди смеялись, показывая на него пальцами, явно глумясь над ним. Он перевел взгляд ниже и понял, что висит всего в дюжине футов над ледяной поверхностью. Он раскачался на «ледорубе» и когда его лезвие выскользнуло из ледяной шапки, беглец рухнул на ледяную корку наста, больно ударившись боком. Осмотрев людей, окруживших его, он не смог больше сопротивляться усталости и рухнул без памяти на лед.

«Нет ничего прекраснее гор!». - крутилось в голове у Славика. Камни, из которых они состоят, настолько величественны и спокойны, что внушают одним своим видом уважение и трепет. Каково это быть камнем? Лежать на земле, давя на нее своим огромным весом и не имея возможности самостоятельно передвигаться. Только время, с помощью сил природы, может повлиять на их монотонную жизнь. Ветер может сточить камень, земля передвинуть его, даря новую жизнь в новом месте. Вода способна огранить любой камень, превращая его иной раз, даже в стекло. Но что чувствует при этом камень? Кажется, что беспокойство причиняемое камням, даже ими не замечается. Они продолжают нести свою службу, наблюдая за тем, как меняется мир. Летописи, которые хранятся в памяти камней, были бы самыми полными и сказочными, раскрывая тайны жизни планеты.

Сознание Славика сейчас находилось именно в одном из таких камней. Оно парило в пустоте и темноте, сквозь пологи, которых, едва пробивалась информация из окружающего мира, давая ему понять, что с ним происходит. Он был камнем, абсолютно не чувствуя своего тела, не улавливая своих мыслей, не понимая, где он и что с ним. Только ненасытный холод рвал его где-то снаружи, ввергая в шок, от причиняемой им боли. Он был не просто камнем, а ледяной глыбой, застывшей в вечных снегах.

Его тело лежало на кровати, сделанной из двух бревен на ножках, между которыми натянут прочный материал. Вокруг на него смотрели закопченные стены палатки, нависшие с четырех сторон. В центре потолка палатки имелось отверстие, куда неторопливыми вихрями вздымался белесый дымок, гонимый ярко-желтыми снопами искр от костра. Огонь был разведен под небольшим котлом, стоявшим в глиняном обрамлении, и на его металлической крышке шипели, какие-то пузыри да корешки.

Славик несколько раз вырывался из пут темноты, в которой парило его сознание, и пытался осмотреться. Помещение палатки кружилось каруселью вокруг него, а элементы интерьера плясали в бешеном танце, ритмично огибая кровать. Его начинало подташнивать. Все его тело горело страшным жаром. Пот, мелким бисером покрывал его кожу, янтарными бликами сверкая под пляшущими языками костра. Но все что он мог тогда чувствовать — это был холод. Он сильно замерз на этом леднике. Едва он вновь опускал голову на подушку, как лихорадка, бившая его, вновь уволакивала сознание в долину снов.

Так продолжалось какое-то неопределенное время. То самое время, которое бежит неумолимыми темпами, оставляя за собой горы мертвецов и разбитых судеб. Время, с которым может сопротивляться только надежда на лучшее завтра. Слава лежал, сражаясь за свою жизнь, но борьба его перенеслась из телесного мира, в мир духов. Множество видений его посещали в тот смертный час, рассказывая неизвестные истории, и показывая не произошедшие трагедии. Много времени спустя, рассуждая над тем состоянием, в котором он был, он понял, что видел. Из фрагментов образов и видений, ему тогда открылся его путь, но сейчас для него это все ничего не значило. Он боролся, чтобы выжить, он боролся, чтобы заслужить право пройти свой путь.

Пожилая, седая женщина, закутанная в платье из десятков разных тканей серого и коричневого цвета, переплетающихся с темно синей материей, регулярно кормила беглеца, подсовывая то и дело, какие-то корешки и лепестки. Запивал он все это отварами и чаями, иногда приятными, а иногда невыносимо гадкими на вкус. Старуха постоянно что-то

шептала. Он знал, что находится в безопасности, и она его лечит. Он слышал сквозь сон многие разговоры, с иногда навещавшими ее мужчинами, которые спрашивали о здоровье их гостя. Он понимал их речь, и слышал, как они подгоняют знахарку, чтобы она ускорила его исцеление. Зачем им это было нужно, он не знал, но постепенно холод покинул его суставы и мышцы, а сердце вновь забилося часто, разливая застывшую кровь по сосудам.

На следующий день или через несколько дней, (он не знал) ему стало легче. Тело, наконец, согрелось и мысли стали ясней. Слава очнулся, и смог уже самостоятельно сидеть и принимать пищу. Горло только оказалось охрипшим и застудившимся, из-за чего говорить у него совсем не получалось. Он едва мог выдавить из себя стон, сквозь острые шипы, прилипшие к горлу изнутри, но слова ему не давались. Знахарка сначала рассказала, как тяжело было излечить его, вывести из летаргического сна, которому он подвергся. Эта болезнь называлась некрсомна — смертельный сон. Оно-то и отравило его.

— Это была передозировка! — Сказала она, на вполне понятном языке. Лицо ее было сморщенным и очень белым, как снег на улице. — Те листья, которые я у тебя нашла: очень сильное зелье. Это листья морвы теюрджинской (магической). Очень редкое растение, но я в своей жизни с ним уже сталкивалась. Не знаю где ты его взял, но оно не из нашего мира. Листья морвы дают человеку именно ту энергию, какая ему необходима в данный момент, и тогда организм выделяет дополнительные ресурсы для той или иной задачи. Ну да ничего мы тебя вылечим. Меня зовут Кайра, кстати. Не беспокойся беглец, ты в надежных руках.

Слава пытался что-то ей сказать в ответ, но у него не получалось. Ему страшно не терпелось узнать, куда он попал. И кто они, люди его спасшие и приютившие. Но моменты прилива сил и бодрствования быстро заканчивались и обессиленный болезнью, измотанный путешествием и еще слегка под воздействием интоксикации морвой, он падал головой на подушку, погружаясь в беспокойный сон.

Сколько он был без сознания, Слава не знал. Он не видел здесь восхода и заката солнца, не наблюдал смену дня и ночи, не понимал и не улавливал бег времени. Все, что ему доводилось лицезреть — это плавные танцы теней и оранжево-красных бликов, которые разыгрывали на закопченных стенах палатки, нешуточные драмы и трагедии, со сражениями и смертью. Или же это воспаленное сознание потешалось над ним, развлекая и отвлекая от насущных проблем, он не знал. Но так продолжалось не долго.

Вечером или же в другое время суток, в палатку ввалились трое сильных и устрашающе больших мужчин. Один из них, в почтенном возрасте и проседью смольных волос, начал добиваться от знахарки ответов. Он грозно шипел ей что-то на ухо. Она пыталась уйти от ответов, изображая бурную деятельность и носясь по палатке, гремя посудой. Тогда он схватил ее под локоть, да так сильно встряхнул, что казалось, старушка рассыплется по полу песком. Его мощный широкий подбородок, покрытый густой, но короткой бородкой, как стальная дуга капкана клацал зубами, в порыве гневной тирады, а Кайра, испугавшись, закивала головой. Некоторые обрывки фраз Славику удалось уловить:

— ... он еще слишком слаб, нельзя его сейчас на совет вести. — Грозно прошипела Кайра.

— ... старейшин это не волнует, если он тот, за кого себя выдает, то нам необходимо с ним поговорить и узнать, что ему известно. — Ответил ей мужчина с белым лицом и челюстью-капканом. Остальные мужчины с такой же бледной кожей, стояли молча, не привлекая внимания.

— Но он даже не разговаривает! — Воскликнула старушка.

— Ты прекрасно знаешь, что ему и не обязательно что-то нам говорить. Все, что нужно мы уже и так знаем, но его воспоминания сейчас такие сумбурные и перемешанные, что мы не можем понять, что правдиво, а что нет. Завтра к полудню мы хотим видеть его в шатре Наймар (Старейшин) и это не обсуждается.

— Хорошо! — Сдалась, наконец, Кайра. — Я приведу его в порядок, до завтрашнего полудня.

* * *

После ухода делегации мужчин, Кайра принялась за работу еще усерднее. Она поила Вячеслава отварами и давала ему лекарства. После чего он почувствовал себе немного легче и вновь забылся, на этот раз, очень крепким сном.

На следующий день Слава проснулся отдохнувшим и чувствовал себя гораздо лучше. Лихорадка прошла, а тело почти перестало болеть. Голова уже не болела и не пыталась завалиться на бок, каждый раз, когда он ее поворачивал в стороны. В палатке никого не было и, будучи в ясном сознании, он хорошенько осмотрелся. В помещении везде были развешаны травы и высушенные тушки каких-то мелких зверьков. Куча разной посуды была расставлена, где только было можно. Посуда была из глины, но встречалась и медная или же, бронзовая тара. Посреди палатки, где стоял раньше котел в глиняной оправе, теперь располагался железный чан с водой и рисунками, оттиснутыми на его шероховатой поверхности. Под чаном был разведен слабый костерок, который постепенно нагревал воду в сосуде. Он встал и осмотрел свое тело. Он был раздет, а из одежды на нем оставалось лишь его нижнее белье. Кожа была покрыта слоем грязи, а паутина мелких порезов и уже зарубцованных шрамов, покрывала почти все его тело. В углу шатра он увидел рукомойник, с подставленной под него миской. Сверху висело зеркало из идеально отполированного железа. Он посмотрел в него и не узнал себя. Серое, высохшее лицо, отразившееся в нем, не было похоже на его собственное лицо. Впалые щеки и глаза, грязная кожа, сбившиеся в грязные колтуны, коричневые от грязи волосы, сосульками спадавшие на его лоб и уши. А глаза, походившие раньше на глубокие озера, в которых отражалось чистое синее небо, потускнели и потеряли свой блеск.

Откидная дверь палатки зашуршала, и Слава обернулся на этот звук. К себе в жилище зашла Кайра. Она стояла в проходе и глядя на него, слегка улыбаясь. То, что он смог подняться с постели, явно ее радовало и она, хлопнув в ладоши, заговорила:

— Ты уже встал? Как хорошо! Как ты себя чувствуешь? — Она потирала руки и чуть согнувшись, заглядывала ему в лицо. Он попытался ей ответить, но из его рта не вылетело, ни единого слова, лишь сиплые свисты и хрипы. — Ладно, ладно! Не надо ничего говорить. Я подумала: может твое горло тоже исцелилось, но вижу, что нет. Меня зовут Кайра, если ты не запомнил. — Слава улыбнулся уголками рта, но его улыбка была больше похожа на оскал дикого зверя, из-за впавших щек и утончившихся губ. Этим жестом он хотел показать ей, что ему лучше и что он ей благодарен. Вышло у него не очень, но знахарку это похоже уже не волновало. Она принялась готовить какое-то снадобье, и когда закончила, протянула кружку своему пациенту:

— Пей! Не бойся! Это поможет. — Она улыбнулась, обнажив нижний ряд зубов, которые неровными пеньками торчали в темно красной десне и добавила: — Как выпьешь,

полезай в чан и хорошо вымойся, а то от тебя разит, как от старого Руйта (снежная кошка размером с медведя и головой гиппопотама), который тебя чуть не слопал. Чистую одежду я оставлю на пне, рядом с лежаком. — Она положила сверток, чистого тряпья и, потирая руки, и со стреляющими взглядами в сторону Славы, вышла из шатра.

Славик вымылся, наслаждаясь горячей водой, размышляя над тем, как мало ему оказалось надо, для полного счастья. Горячая, чистейшая вода, чистая одежда и ко всему было бы хорошо еще что-нибудь поесть. Но и без этого он был благодарен судьбе, за возможность отдохнуть в безопасности и в окружении добрых людей. Хотя на счет последнего, он решил не торопиться с выводами. Он хорошо знал, что те, кто тебе помогают, не всегда делают это с добрыми намереньями. Иногда за маской бескорыстия прячутся: холодный расчет и личная выгода.

Когда с обрядом очищения тела было покончено, он оделся в новую одежду, которая на практике оказалась не совсем традиционной в его понимании. Его одеяния состояли из серых плотных, многослойных штанов, сделанные из шерсти и мешковины. На ощупь они показались ему очень добротными и надежными. На тело ему досталась белая, тонкая рубаша с длинными рукавами, поверх которой он одел, черный жилет с горлом (узкий как корсет) и в завершении наряда, темно-синий халат без рукавов, какие он видел у охотников. Такой же халат без боковых подолов с широким поясом, который, почему то зашнуровывался сзади. Спереди пояс был гораздо шире, как страховочные пояса тяжело отлетов и украшала его в центре широкой части, металлическая бляха с выпуклой головой волка, с пастью в оскале.

Одевшись и посмотрев в зеркало, Славик покинул шатер. Он ахнул. Шатер располагался не на открытом пространстве, как вначале подумал он, а в глубине самого ледника. Над его головой нависали тонны сине-голубого льда, огромные сосульки, которые по размерам напоминали сталактиты и просто пласты кристально чистого льда. Потолок был полупрозрачным, через лед которого можно было видеть на полметра внутрь него. Пещера была огромна, солнечный свет сюда попадал, путем преломления его лучей через систему зеркал, как в древнем Египте, но таким образом освещалось пространство вблизи входа в поселение. Глубь поселения освещалась факелами, торчащими из стен или находившимися на специальных столбах, типа фонарных, но ровных и низких, в несколько футов высотой. Часть поселения находилась на открытой местности, и как уже он сам догадался, там располагались палатки и шатры ремесленников, которые там только работали, а жили все в самом леднике.

Когда он вышел, его заметила Кайра, которая перебирала травки, на дне глубокой ступки.

— Надо же! А ты не так дурен собой, если тебя привести в надлежащий вид. — Она хихикнула и, потирая руки, поспешила к нему. Схватив своей холодной, высохшей рукой его за подбородок сжала его щеки. Слава дернулся, но она врезала ему затрещину и сказала, что она только его осмотрит. Затем она довольно крикнула и сказала: — Иди за мной! Тебя уже ждут!

* * *

Пробираясь через многочисленные палатки, они углублялись в ледник. Один зал,(в котором лечился в палатке Кайры Слава) переходил через широкий коридор в другой, а

затем его провели еще через несколько таких же коридоров и залов. Наконец они оказались в большом ледяном помещении, где не было скоплений тряпичных жилищ. Лишь один огромный шатер находился в центре зала, у дальней ее стены. Возле входа в шатер стояло два воина, облаченных в те же одежды, что были на нем, но с оружием в руках. Вооружены они были ледяными пиками, а на поясах у них был мечи, белые, словно покрытые инеем. По всем стенам были развешаны факелы, которые своим жаром подтапливали стены, но не могли причинить им серьезный вред.

Кайра остановилась посредине зала и указала ему на шатер. Шатер был мрачно-синего цвета и распростирался на десятки футов в высоту и не менее тридцати ярдов в ширину. Он посмотрел на травницу вопрошающим и слегка испуганным взглядом, но она лишь махнула на шатер рукой еще раз и резко развернувшись, ушла. Слава постоял на месте еще минуту, а затем набрался мужества и зашагал к шатру.

Когда охрана расступилась перед ним, и он вошел внутрь, он снова удивился. В шатре было много народу. Все они разместились на больших подушках и мешках-креслах вокруг большого, высотой не менее пяти футов костра. Перед каждым располагался низкий деревянный столик, с резными ножками, темно красного цвета. Прямо по центру, с другой стороны костра, на небольшом помосте, в который было вмонтировано подобие широкого трона-лежака, обильно заваленного полушками, сидели трое стариков, находясь выше над костром. Напротив них, но уже со стороны входа в шатер, где сейчас стоял Слава, находился такой же, столик, перед которым лежали подушки. Старик, сидевший в самом центре трона, при виде вошедшего парня, сжал руку в кулак и поднял ее над головой. Люди, сидящие в шатре на остальных местах, до этого оживленно переговаривавшиеся между собой, резко замолчали. Старик, удовлетворившись тишиной, опустил руку и указал гостю на столик перед ним.

— Добро пожаловать! Присаживайся путник. — Он замолчал и пристально всмотрелся в его глаза. По крайней мере, ему так показалось. Глаз самого старика ему рассмотреть не удалось из-за его кустистых бровей. Славик проследовал к столу и, аккуратно сел за него, подогнув согнутые в коленях ноги под себя, умахиваясь на удобных подушках. Он молчал, потому что горло его по-прежнему болело. Откуда-то из глубины шатра, через ниспадающие занавеси, появилось несколько молодых девушек в бело-синих нарядах. Две были с подносами, а одна с кувшином. Они расставили перед ним тарелки с едой, налили из кувшина красной жидкости, похожей на вино и так же грациозно удалились. Жареное мясо с пиалой бежевого соуса, горячая лепешка, еще дымящаяся и горсть каких-то мелких, красных плодов, похожих на клюкву.

— Ешь, прошу тебя! — Сказал старец и умолк. Слава вначале с опаской попробовал лепешку, которая была просто великолепна, затем отщипнул мяса и отправил в рот. Ротовую полость переполнила слюна и едва не хлынула через губы. Он жадно накинулся на мясо с хлебом, рвя его зубами и руками, периодически вмакивая их в бежевый соус, который был похож по вкусу на тартар. Умяв половину трапезы, он запил все вином (это оно и оказалось) и продолжил кушать, уже не так быстро и не так жадно цепляясь зубами в еду. Покончив с основным блюдом, он попробовал «клюкву», которая на вкус была кисло-сладкой и вполне приятной. Затем отодвинул тарелки в сторону, он осмотрел сидящих людей.

Мужчины здесь сидели полукругом, и были всех возрастов. От самых пожилых и умудренных в центре, до более молодых и совсем юнцов к краям полумесяца. Рядом с ложей старцев, Слава увидел сидящего воина, с челюстью-капканом. Он смотрел на иномирянина с

пренебрежением и явно с недовольством. Вновь заговорил старик, сидящий на самом почетном месте.

— Поскольку мы выполнили все обязательства и традиции нашего народа: приютили тебя, вылечили и накормили, мы бы хотели получить от тебя ответы на наши вопросы. Ты согласен, беглец? — Слава был согласен, но он не мог разговаривать. Простуженное горло сильно болело, и иглы так и вонзались в него, когда он пытался выдавить хоть малейший звук из себя. Он лишь кивнул, оставаясь серьезным и сосредоточенным. Опасности он не чувствовал, но оставался наготове. — Как тебя зовут? Я знаю, что ты не можешь мне отвечать словами, но этого и не требуется. Отвечай мысленно, а я все пойму. — Вячеслав удивился такому заявлению и сказал, про себя: — Слава.

— Значит имя твое Варэн! Что ж да будет так! Мое имя Хейрок — я глава Наймар, совета старейшин. Ты находишься в Сайдалоке, в одном из поселений племя сайлоков. Мы хотели бы узнать кто ты, и как сюда попал? — Голос его разносился по шатру, сухим шелестом, но обладал такой уверенностью и властью, что Слава морщился от каждого его слова. Говорить у него по-прежнему не получалось и он начал думать, вспоминая те события, которые с ним приключились. Затем он замер, ожидая ответа Хейрока. Тот сверлил его взглядом, но спустя пару минут сказал:

— Ты перенес много бед и пережил много опасностей, но мы не можем понять твой рассказ. Слишком сумбурно ты делишься образами. — Он что-то шепнул двум старикам с обеих его сторон и они, не сговариваясь, воздели руки кверху все втроем. Пальцы их были растопырены в кошачьей хватке, а губы беззвучно зашевелились. С пальцев начались срываться ярко-синие точки и улетать в воздух, зависая рядом со старцами. Когда этих синих точек скопилось несколько десятков, старейшины взмахнули ладонями и синие точки медленно поплыли к Славе. Он немного испугался, но его кристалл подсказывал ему, что опасности в их колдовстве нет. Поэтому он замер и внимательно наблюдал за синими огоньками. Огни плавно закружились в воздухе, объединяясь в небольшую вьюгу, и обволокли шею бегльца. В горле парня запершило и защекотало, затем, словно что-то смазало ему гортань и вызвало сильный кашель. Когда он откашлялся, то понял, что горло больше не болит. Хейрок спросил:

— Теперь ты можешь говорить?

— Да. — Машинально вырвалось у него изо рта.

— Тогда поведай нам свою историю. — Сказал Хейрок и впился цепким взглядом в Вячеслава. И он начал рассказ.

После длинного и подробного пересказа, беглец замолк, ожидая, решения совета. Он им рассказал и про Эралию, и про побег, и про ее просьбу помочь Славе, когда он встретит сайлоков. Также он упомянул и про кольцо, которое ему дала Эралия, и которое он потерял. В общем все. Начиная от перехода в этот мир и заканчивая встречей с сайлоками.

Наймар сайлоков долго молчал и ни один из присутствующих не сказал ни единого слова. Они лишь переглядывались друг с другом и периодически смотрели на него. По их лицам было видно, что они не просто обдумывают его слова, каждый по-своему. Они общались телепатически между собой, решая, что им делать. Эту догадку подтверждало начало разговора, когда Хейрок просил отвечать на его вопросы мысленно. Затем тишина нарушилась, и по шатру разлетелся шелестящий голос старца Хейрока:

— Ты говоришь правду Варэн! Мы видим, как твои слова соединяются с мыслями в твоей голове, не искажая суть событий и происшествий. Мы верим тебе и на счет Эралии и

ее подарка тебе — кольцо. Наймар принял решение помочь тебе и отвести к шаману. Он проведет обряд переходов. Если ты, конечно, сумеешь его в этом убедить. Слава до этого молчавший, удивленно спросил:

— А что он еще может и отказаться? Как же мне его убедить? — Но Хейрок ответил:

— Это уже твои заботы Варэн. Мы лишь укажем тебе путь к нему. А теперь если у тебя есть к нам вопросы, задай их или покинь Наймар.

Разговор со старейшинами продлился еще несколько часов. У Славика было много вопросов, но получить ответы на все, ему все равно не удалось. Как сказал Хейрок, что они не могут знать того, что еще не произошло, но и то, что уже сбылось иногда сокрыто от них не хуже. В основном ему удалось немного пополнить свои географические познания и узнать о здешнем мироустройстве.

Сайлоки — это народ, который живет в северной части материка Профар. Вся часть материка, покрытая снегами и льдами, принадлежит их народу и на это есть причина. Сайлоки обладают некой сверхъестественной силой, магией, сродни той, которой мог управлять сам Вячеслав. Но их магия была полностью построена на управление стихией. Лед, снег, холод, мороз, выюга, метель — любое из этих зимних явлений, было подвластно сайлокам. Конечно не всем. Такие племена, как это, на которое он наткнулся, не владеют магией даже на несколько процентов. Им доступны простейшие виды колдовства, которые направлены на исцеление неопасных болезней или помогают незначительно в охоте. Главное их преимущество в том, что сайлоки живущие в племенах, обладают телепатией. Они читают мысли друг друга, что очень помогает им как в мирные часы, во время охоты, так и в войнах с соседями или недоброжелателями. Одаренные маги жили в столице империи, которая находится севернее поселения Сайдалок. Она называется Сайлор. Сама же империя называлась Айтара и охватывала все заснеженные земли материка.

Управлял государством император Лойк, а помогали ему в этом маги и колдуны, отбিরавшиеся по всей Аитаре и призывавшиеся на службу. Соседним государством была империя Нувок на западе. Она находилась через море, но один из городов находился на материке Профар, не далеко от ледников сайлоков. На востоке пройдя через огромный лес, который частично прошел Славик, можно было посетить империю Хурулон. Про эти территории они знали мало. Географических конфликтов здесь не вспыхивало, потому что никому не нужны были ледяные земли сайлоков, а сайлокам были без надобности земли соседей. Жили мирно, но отчужденно.

После краткого экскурса, когда вопросов не осталось, Хейрок приказал отвести гостя к шаману вглубь соседнего ледника, где он обитал в системе подземных пещер. Звали шамана Нойдом, но было очень мало людей, которые его встречали. Это Славе рассказал его провожатый, парнишка по имени Кайк. Его отправили отвести Варэна к Нойду, и как он сам поведал ему, это была для него огромная честь. Конечно, вопросов у обескураженного путника осталось огромное количество. Он не знал, зачем Эралия перенесла его в этот мир. Почему за ним охотились Лярвы, и почему его амулет превратился в кристалл, который врос ему в грудь? Что ему теперь делать? Куда его засылает Эралия, и зачем она это делает?

Может на эти вопросы сможет ответить шаман Нойд, к которому они вместе с Кайком шли. Возможно. Он не хотел терять надежду, после всего пережитого. По крайней мере, он сейчас находился в относительной безопасности, хоть и вдали от дома.

Они дошли до еще одного ледника, проламываясь сквозь бушующий ветер и снег, хлещущий по незащищенным участкам кожи. Славе эта дорога далась не просто, чего не скажешь, про его спутника, Кайка. Парень шел легко и непринужденно, а метель, бушевавшая на пласте, словно огибала его, проходя стороной. Он с удовольствием отвечал на вопросы Варэна, и, казалось, радовался каждому мгновению, проведенному с ним. Слава не

понимал такого отношения, но не жаловался, потому что черпать знания откуда-то требовалось, а источников не так уж и много. Да и не до этого сейчас. Все приходилось изучать по возможности.

— Ты можешь мне рассказать о животных, которые на меня нападали в лесу, за горами? — Он быстро описал каждого зверя и с нетерпением, смотрел на Кайка.

— К сожалению, нет, о Варэн! Я никогда не ходил за горы, да и вообще не покидал Сайдалок. Но некоторые из нас, бывали в Сайлоре. Так вот там, местные жители рассказывают такие дивные истории, что иной раз поверить в них, тяжелее, чем встретить Кианга (ледяной дух волка).

— Кианг? Кто это? — Заинтересовался Слава. — Не тот случаев зверь, что гнался за мной по леднику?

— Нет! То был Гаталос — ледяной потрошитель. Он охотиться за всеми животными в наших краях, но тоже встречается не часто. Хотя его мясо, считается у нашего народа, одним из самых вкусных. Поэтому то, что ты его к нам привел, большая удача. А вот если бы ты встретился с Киангом, то мы вряд ли сейчас бы разговаривали. Кианг это ледяной дух холода, который бродит по ледникам и горам, в виде волка. Он белого цвета с бирюзовыми прядями. Его шерсть белоснежными лентами, развивается на ледяных ветрах, великолепными узорами. Глаза его горят, синим огнем, а всюду где он идет, воем вьюга и метель подгребает все на своем пути под себя. Кианг сотворил наш мир, и мы служим ему, как прародителю.

— То есть Кианг — это ваше божество, которому вы поклоняетесь? — Уточнил Славик, пытаясь растереть замерзающие на ветру, холодные руки. Перчатки у сайлоков не были в ходу.

— Да, о Варэн! Истинная, правда. Если бы не Кианг, не было бы снегов, ледников, не было бы холода и морозной свежести, а значит, не было бы сайлоков. — Кайк был настолько одухотворен посвящением своего нового знакомого в тайны их культуры и религии, что его глаза, казалось, также горят, как должны гореть у Кианга — синим светом. Славику нравилась эта беседа, хоть из-за бушующей стихии, она давалась ему нелегко, но он получал удовольствие от разговора. Новый мир, неизвестные народы, города и империи. Магия, царившая в этих краях. Все это завораживало чужестранца, удивляло и восхищало. Ему захотелось изучить этот мир более подробно. В душе проснулась искра авантюризма, которая долгие годы, как тоненькая лучина, тлела где-то на задворках его души. А сейчас она разгоралась с новой силой, вселяя надежду и детский трепет перед предстоящими приключениями.

Кайк также расспрашивал о родном мире беглеца. Ему хотелось знать все, и Славику так много было, чего рассказать, что он не знал, за что браться. Хотя он понял, что парнишку можно удивить, если не магией, то хотя бы ее аналогом — наукой. Вячеслава нельзя было назвать ученым или даже хотя бы сведущим в науке человеком, но для Кайка достаточно было описать те научные достижения, которыми обзавелось человечество за последние сто лет, как у парня просто голову снесло. На него обрушился такой огромный поток вопросов, что эта лавина едва не раздавила его, под своим натиском. Хотя Слава был доволен результатом. Он смотрел на восхищенное лицо Кайка и улыбался, как мальчишка. А парень просто сиял изнутри потому, что ему были открыты тайны другого мира.

Так за неторопливой беседой они дошли до ледника, где Славика ждала встреча с шаманом по имени Нойд.

Кайк оставил своего подопечного на задворках ледника, откуда, хорошо просматривался небольшой вход в пещеру. Ветер еще бушевал на равнине, но они уже стояли закрытые и защищенные двумя скалами с обеих сторон, поэтому метель их уже не особо тревожила. Ему нельзя было входить в эту священную пещеру, да и сам парнишка явно не желал увидаться с шаманом. Кайк поблагодарил Славу и умчался обратно в Сайдалок, а тот ответил ему тем же.

Войдя в пещеру, его разум сразу ощутил потрясающую тишину, которая ворвалась в его сознание, после нескончаемого грохота от вьюги, бушевавшей снаружи. Пещера была темной, и он перешел на ночное зрение, так как здесь не было ни факелов, ни системы зеркал. Затхлого запаха здесь совсем не было, как обычно бывает в сырых и подвальных помещениях, только свежесть. Слава начал плутать по коридору, который сворачивал то влево, то вправо и все время вел, хоть немного, но вниз. Он почувствовал это не сразу, но постепенно даже давление на его организм, постепенно увеличилось. До определенного момента не было никаких развилок или ответвлений, что не могло не радовать, но в итоге нижние уровни пещеры обзавелись и этой обычной особенностью. Ответвлений было не много, и заканчивались они, как правило, тупиками, чего никак не мог понять Славик. Зачем нужны эти лже-коридоры, если они не имеют функциональности. Затем он обнаружил большой зал, который был кем-то обжит и обустроен чем-то похожим на мебель. Но зал был пустынен, и не было здесь даже намека на освещенность. Пройдя сквозь зал, он очутился в маленькой комнате. В ней вообще ничего не было, кроме дыры в стене, на уровне колен и диаметром около четырех футов. Он нагнулся, чтобы в нее заглянуть, и увидел внутри куча соломы, вороха и еще какого-то непонятного тряпья. Складывалось ощущение, что это была нора неизвестного животного, но куда же, подевался шаман? Вот, что его волновало.

Стоя не четвереньках, и заглядывая в отверстие в стене, его кристалл шевельнулся бегом своей энергии, словно давая понять, что ситуация изменилась. Это не было похоже на чувство опасности или тревоги, просто констатация того факта, что все происходящее до этого: ходьба по подземелью и поиски Нойда, как-то изменились. Слава высунул голову из дыры в стене и увидел перед собой две худые и длинные ноги обтянутые белой, грязной кожей, опиравшиеся на огромные ступни, похожие на ласты, но без перепонки и с когтями. Секундный ступор и сознание мгновенно метнулось в пятки от страха, а глаза попытались взмыть вверх и осмотреть существо целиком. Но едва уловимое прикосновение к плечу, холодным липким щупом и отправило его сознание в обморок, не дав даже возможности защититься. Он провалился в бездну.

* * *

Тишина. Едкая как кислота, проникающая за шиворот, под одежду и даже под кожу. Тишина, которая оглушает своим могуществом, поработает сознание своей величием и обескураживает своей безграничностью и силой. Сознание Варэна попало в Запределье. Именно так теперь Слава воспринимал свое имя. Как его понимал и использовал этот мир. Мир, где нет ничего физического, мир ментальных и метафизических энергий, мыслей, информационных потоков и мистических полей. Варэн, который теперь был в его власти, в его подчинении и в его распоряжении, здесь был узником. Такие ощущения у Славика уже случались, когда он пользовался своим подсознанием, за действуя

энергии мироздания. Но в те моменты они принадлежали лишь ему, а не наоборот. Теперь он сам был здесь затерян. Окружающее пространство не показывало ему ничего, просто черная пустота вокруг и оглушительная тишина. Он сам пытался просканировать окружающую среду. Но соприкасаясь с ней, он чувствовал, как она вытягивает из него энергию, предпочитая самой изучить своего гостя, а не давать ему такую возможность. Физических ощущений здесь не было.

Слава пытался как-то охарактеризовать это место, но у него ничего не получалось. Одно слово — бездна, приходило на ум, и мир вокруг него удовлетворенно соглашался с его выводами. Бездна — звучало в его голове, пониманием этого места. «Бездна!» — повторяло оно, и разум не мог в это не верить.

Вячеславу хотелось хоть что-то предпринять, чтобы вырваться из этого пугающего и страшного места, но кроме его сознания здесь не было ничего. Ни дверей, ни выходов, ни самого помещения или здания, из которого можно было сбежать. Ничего. Он обращался к своим воспоминаниям. К тем событиям, что случились недавно и к тем, которые произошли в прошлой жизни. Они крутились у него в подсознании, но не вызывали привычных всплесков и ярких образов, которые появляются, когда что-либо вспоминаешь. Надежда на то, что ключ к выходу из этого безликого мира, находится в нем самом, также иссякала. И вот он решил прибегнуть к кристаллу.

Из всего сущего и несущественного, единственное, что мог ощущать Слава — это присутствие силы кристалла. Его пульсация, как бьющееся сердце, мерно раскачивало жизненные силы, но где-то очень далеко. Где, Славе было не дано знать. Он чувствовал, что могущество кристалла имеет одну и ту же природу возникновения с этим миром. Они были словно брат и сестра. Только бездна была более враждебной средой, а кристалл напротив — дружелюбной. Пульсирующая красная нить внутри кристалла, легонько потрескивала, маленькими разрядами тока, как крохотная молния, сорвавшаяся с небес во время бури. Она сама потянулась к истокам бездны, пытаясь найти выход. Как ему показалось, кристалл без труда справился с поиском выхода и удовлетворенно успокоился, мерно гудя в его подсознании. Создавалось ощущение, что он сам желает от своего подопечного, чтобы тот справился с этим заданием самостоятельно, без его помощи. Что ж на то воля его и нареченный этим миром Варэн отправился на поиски.

Здесь он не ощущал абсолютно ничего. Ни усталости, ни боли, (хотя этого ему еще не довелось выяснить) ни голода. Хотя все же некоторые чувства играли с ним ярче, чем обычно. Он ощущал сильный страх, невыносимую, словно наматываемую кишки на кулак, тревогу и конечно одиночество. Ему больше не на кого было положиться, не у кого спросить совета или попросить о помощи. Он даже не мог воспользоваться силами своего организма, так как не было в этой бездне его плотской оболочки. Его тело осталось где-то за пределами бездны и ничем не могло ему помочь.

Постепенно в его сознание начали врываться нотки паники и жалости к самому себе. Он находился в этом мире уже слишком долго, терзаемый гнетущей тишиной, сводящей с ума тревогой и отчаянной безысходностью. Сколько он выстрадал в этом нереальном мире: неделю, месяцы, годы? Ответа не было. Как и не было ответа на вопрос, где он и зачем он здесь оказался. Ему хотелось выть, но даже собственный голос остался на задворках бездны, за ее границами. Капля за каплей в его разум просачивалось желание умереть, оборвать эти мучения и страдания, все больше переполняя душу отчаянием и одиночеством. Но в какой-то момент, как ему самому показалось, его горе и страдания начали приманивать кого-то

извне. Словно, сквозь темную пелену, состоящую из абсолютного «ничего», кто-то посмел просочиться, и в душе его замерцала надежда. Маленький тлеющий уголек разгорался, под воздействием ветра перемен, едва подувшего из ниоткуда, вселяя надежду в спасение. Слава благодарил судьбу, а тем временем, спокойное и размеренное мерцание искры в кристалле, начало усиливаться. В кристалле забурлила тревога, которая нарастала, как снежный ком, грозя превратиться в лавину. Кристалл зашевелился и словно начал выкачивать из бездны дополнительные ресурсы, пополняя энергии искры. Слава же всего этого не замечал. Его душа пела, обрета вновь надежду на спасение. Но из тишины и пустоты вдруг образовалась тень. Черно-серый сгусток энергии, заползший на изнанку бездны и пытающийся подобраться близко к нему. Кристалл забил тревогу, и пребывающий в эйфории беглец, вдруг сорвался с утеса спасительной надежды. Он запаниковал, и забился в истерике неминуемой гибели. Понять, что происходит, у него не получалось. У него было два варианта. Первый это: что неопознанное существо, эта черно-серая тень, вселяющая в него ужас, просто поглотит его сознание, и он никогда не сможет вернуться в свое тело. Второй вариант: он по-прежнему находится в бездне, но опасность грозит именно его телу, которое осталось в пещере и в случае его гибели, уже его собственный разум не сможет вернуться обратно. Оба варианта были паршивыми. Но как ему показалось, именно здесь кристалл вел себя необычно. В реальности он не выказывал таких тревог, служа ему лишь подспорьем и помощью в решении опасных ситуаций. Даже когда на болоте, он сражался с болотным монстром, кристалл лишь помогал ему, а не пытался вмешаться. Сейчас же все было наоборот.

К одной тени, присоединилась вторая и третья. Они набирались сил и становились более быстрыми. До сознания Славы докатывались отголоски их эмоций, которые хоть и слабо, но вполне понятно ощущались кристаллом. Они хотели заполучить кристалл. Им нужна была искра, которая металась в его груди или не в груди, а в нем самом. Тени набирались сил и объединялись в более сложные структуры, становясь еще больше, еще сильнее. Через некоторое время их уже были десятки, и они жаждали заполучить кристалл и Варэна. Они были похожи на большие черно-серые паруса, с рваными краями и большими дырами в своих матерчатых «телах». Широкими лентами, как щупальцами, они махали в разные стороны, и если бы здесь был звук, то звуки от их движений, наверное, выглядели бы как хлопки тканей, которые подхватил неистовый ветер. Их шепот, как клубящийся дым, стелился по несуществующим граням бездны, но не производил, ни малейшего звука. Здесь не было никаких звуков. Их мысли отравляли сознание человека, внушая ему трепет и покорность перед столь могущественными существами. Лишь сам кристалл не желал поддаваться на их манипуляции и отчаянно копил силы, чтобы сразиться с немыслимой угрозой. Славик дрожал всем естеством, понимая, что еще мгновение и его разорвут на части десятки духов, которые едва уловимыми тенями плясали в пространстве бездны.

Действия кристалла в момент прекратились, и он замер выжидая. В этот же самый момент у Вячеслава потухла в душе последняя надежда, ибо он нутром чувствовал ту силу и мощь, которую успели накопить серые тени. У него не было сомнений, что даже кристалл с его пульсирующей искрой, теперь ему не смогут помочь. Ведь он чувствовал, что они с кристаллом слабее и не имеют того опыта, которым обладают их темные оппоненты. Но искра сумасшедшее пульсировала, где-то на окраинах его подсознания, внушая смелость и отчаянное рвение к победе. Он решил не сдаваться.

Когда его защитный кристалл перестал подготавливаться к битве и в долю секунд смог

убедить Славу сражаться до конца, тени тоже прекратили приготовления, а лишь замерли, плавно покачиваясь своими размытыми силуэтами. Тишина по-прежнему царила в бездне, но едва уловимые щелчки, исходящие от серых теней, словно стартовый пистолет своим выстрелом ознакомили начало боя. Они кинулись к сознанию Варэна, пытаясь разорвать его душу на тряпки. Их невидимые цепкие когти, вонзались в мысли противника, пытаясь высосать из него силу, выкачать всю энергию. Они стремились дотянуться до кристалла, но у него еще был силы отбиваться от них ментальными ударами. Затем на острие атаки существ, он словно увидел крохотную искорку в каждой из теней. Словно сам кристалл показывал ему на нее, давая понять, что сущность этих теней, не такая уж и не объяснимая. Их тела имеют форму, просто не уловимую для его понимания. Их сознания такие же уязвимые, как и у него самого. Он понял это, а кристалл отплатил ему за догадливость теплой волной наслаждения, приправленной разъяренным боевым духом.

Слава ухватился за искры теней и начал выкачивать их силу, не прекращая атаковать и наносить удары по этим невразумительным сущностям. Его подсознание начало расширяться и наполняться силой. Дикой, необузданной силой и животной яростью. Злость захлестнула его душу и обнажила кинжалы ненависти, которые до этого момента не давали о себе знать всю жизнь. Он сокрушал тени, выкручивая их наизнанку, раскатывая и сминая как бумагу. Уничтожал частицы теней и отрывал их недостижимую плоть. Ему все это удавалось без труда, и такое он получал от этого наслаждение, что на секунду остановился. Когда он пришел в себя, после этой сокрушительной карусели, кристалл вопил внутри него, тревожными трелями. Он пытался остановить своего носителя от этой неистовой жестокости, но было поздно. Славу поглощала тьма, которую он победил. Она превращалась в энергию, начавшую заполнять его душу. Процесс едва начался, но уже часть души поглотила темная сила, и это было необратимо. Но едва он перестал сопротивляться силе, как бездну разорвал ярчайший свет и все вокруг исчезло.

Он очутился на полу, возле той самой норы, а в дальнем конце комнаты сидело существо с огромными длинными ногами. Глаза его были закрыты, а рот и вовсе отсутствовал, но его сосредоточенное выражение лица не внушало опасности, и Славик успокоился.

Вячеслав на этот раз не терял сознания. Он был полон сил и энергии такой мощи, которую не дарят даже волны адреналина и жестокие плети страха. В его теле пульсировала страсть и злость, гнев и ярость и... ненависть. Ему казалось, что встретиться ему на пути любая из тех тварей, с которыми он уже успел сразиться, то непременно уничтожил бы их, без всяких усилий и сомнений. Он чувствовал, что невероятно силен и могуч, способный на невероятные вещи и ему теперь подвластно абсолютно все. Он был несокрушим и непобедим, но самое главное — он был очень зол. Злость выплескивалась наружу ядовитыми струями, гнилой желчью и неистощимой яростью. Он бы посочувствовал каждому, кто бы посмел сейчас встать на его пути.

Варэн сейчас не был похож сам на себя. Его ногти на руках почернели, словно покрытые угольным лаком. Его глаза, потеряв белесый цвет оболочки и голубой цвет радужки, стали однородно черными и непроницаемыми. В этом образе он походил на разъяренного демона, человеческие черты лица которого, полностью изменились и искривились в жуткой, злобной гримасе. Высохшее и изнуренное длительным путешествием тело, вздулось буграми мышц, поигрывая на стальных канатах рук и торса мощными узлами. Кристалл в его груди, мерно гудел, светясь белым светом и поигрывая пульсацией красной искры внутри. Он жаждал мести и крови, для тех, кто довел его до такого состояния, но он уже покинул неизвестное ему место, где он столкнулся с ужасными черно-серыми тенями.

Слава перевел взгляд на существо, сидящее в углу пустынной комнаты пещеры, скрестив огромные ноги в позе «по-турецки». Он думал о существе именно так, потому что, не смотря на общую схожесть с человеком, оно таковым не являлось. Оно было почти голым, не считая набедренной повязки, сделанной из какой-то ткани, похожей на мешковину. Лысое, бледное тело было внушающего размера, а кожа свисала дряблыми морщинами, как бывает у стариков в глубокой старости. Голова существа не имела растительности и самое странное, у существа не было лица. Вместо рта, словно натянутая перепончатой мембраной, полупрозрачная кожа, с голубоватыми капиллярами, просвещающимися через нее. Вместо носа — два крохотных отверстия овальной формы, расположенные под углом, которые раскрывались и закрывались, выдыхая потоки ледяного, пещерного воздуха, походя на жабры маленькой рыбы. Вместо глаз — две тонкие полоски, как незажившие, глубокие разрезы на тонкой пленке кожи. Бровей и ресниц, также не наблюдалось.

Вячеслава накрыло волной бешенства, которая хлынула через край его сознания. Ему захотелось вскочить на ноги и наброситься на существо, жадно терзая его плоть, но оно словно его и не замечало, не выражая белой плотью отсутствующего лица никаких эмоций. Порыв гнева, взорвавшийся в нем, застелил его магический взор серой пеленой, пробуждая в душе неистовый пожар ненависти, и он вскочил на ноги. Ему хотелось метнуться к существу и уничтожить его, раскидав ошметки дряблой плоти по пещере. В груди забилась искра, пытаясь уговорить этот безудержный порыв, но Слава не хотел обращать на нее внимание. Когда он поднялся, то понял, что сил в нем настолько много, что ему сейчас было под силу разрушить любую преграду, вставшую у него на пути. Существо даже не дрогнуло. Лишь две щелки на месте глаз разомкнулись, и в незваного гостя впились, два леденящих душу белых глаза. Варэн кинулся в атаку, но существо подняло долговязую руку, с утолщенными предплечьями и неестественно длинными ладонями. Пальцы его походили на костяные

спицы, с буграми бамбуковых суставов. Оно направило свою бледную руку в сторону человека и легко махнуло вниз. Неведомые силы схватили беглеца в безжалостные тиски, скрутив его тело в натянутую стропу, и надавили на него таким тяжелым прессом, что он рухнул на пол, там где стоял. Кристалл по-прежнему протестовал против сопротивления этому существу, которому Славик пытался противостоять.

Гнев и злость схлынули. Попытавшись освободиться от гнета существа еще несколько мгновений, он сдался и перестал сопротивляться. Обессилив от борьбы, он расслабился и почувствовал, как злость, бушевавшая в его организме, отступила. Тело забила крупная дрожь, и затряслось в легкой конвульсии. Слава почувствовал как его черные ногти, стали белеть, полностью приобретая свой естественный цвет. Он этого не видел из-за магического зрения, но знал, что это именно так. Как знал, что и глаза теперь вернулись к привычному виду, рассеивая серую пелену гнева. После такого эмоционального и физически тяжелого потрясения, он не выдержал и сорвался в крике-вопросе:

— Кто ты? Что тебе от меня нужно?

— Ты знаешь, кто я... — Славик не понял, откуда прозвучал шипящий и гулкий голос, ведь на лице существа, на котором чудным образом показались глаза, по-прежнему не было рта. И серая, тонкая мембрана никак не шевелилась, обозначая речь существа.

— Что тебе от меня нужно? — Срываясь вновь на крик, повторил свой вопрос Варэн.

— Разве мне что-то нужно от тебя Вар-эн? — Существо, смотрело на Славу, не моргая глазами, шипящими звуками протягивая слова и поворачивая голову на бок, как делают некоторые птицы. — Разве это я пришел в твоё жилище и искал ответы на свои вопросы?

— Ты...ты шаман? Тебя зовут Нойд? — Спустя пару секунд молчания, догадался Славик.

— Да, это мое имя Варэн. Ты, наверное, хочешь задать мне немало вопросов, не так ли? — Шаман произнес эту фразу, закончив ее похожим на карканье ворона, смешком, а Слава, слушая его, понял, что он общается с ним телепатически.

— Да, шаман, у меня есть вопросы! Ты ответишь мне на них? Ответишь на них всех? — В запале неожиданности встречи, затараторил Славик.

— Если ты задашь правильные вопросы, и если я буду иметь на них ответы, я дам тебе насладиться ими. — Нойд вновь каркнул и перекинул свою гладкую голову, склонив ее на другой бок. Начнем...

— Что со мной только что произошло? Ты знаешь, где я побывал? — Неторопливым тоном, подбирая слова, спросил он. Шаман, также не торопился с ответами, буравя его своими белыми, как молоко, глазами:

— Ты был «нигде», и происходило это «никогда». Ты и сейчас в некотором роде там находишься и уже находился, и будешь находиться еще. Это место на твоём родном языке называется Астралом. Это изнанка миров, которая существует вне времени и вне пространства, на всех изгибах мироздания, во всех уголках вселенной. Из твоих воспоминаний, я понял, что шаманы твоего мира, вы их называете учеными, ищут черную материю, из которой частично состоит вселенная. Это и есть та самая материя, которая заполняет все пространство между всеми материальными вещами, любого мира.

— Как я туда попал? Ты причастен к этому или на меня напали? — Вячеслав смотрел на шамана с подозрением и опаской. Существо, обладающее силой для таких манипуляций, само по себе вызывало страх и уважение. Гость сидел, скрестив ноги, по примеру Нойда.

— Да, я причастен к этому и да, на тебя напали. Там где ты был — в астрале, ты

оказался из-за меня, но к нападению, я не имею никакого отношения. В астрале много различных существ, сущностей и довольно абстрактных явлений, о которых большинство людей не имеют даже представления. Прежде, чем ты спросишь, зачем я это сделал, я отвечу. Это была проверка. Я хотел узнать, кто ты и зачем явился сюда. Кто тебя послал и с какой целью. А напали на тебя из-за твоего кристалла, который у тебя в груди. Я знаю только то, что эта искра, бьющаяся в нем, это часть вселенной, которая необходима для безопасности всего живого во всех мирах. Злые силы пришли на зов энергии кристалла, которая разошлась по астралу на бесчисленное расстояние, и теперь за тобой открыта охота. Со мной недавно связалась Эралия и объяснила, в какую ситуацию вы оба попали. Она меня просила помочь тебе и провести обряд «переходов», который теперь тебе жизненно необходим.

— Зачем он мне необходим, этот обряд? И, что Эралия имела в виду, когда говорила, что он мне жизненно необходим?

— Я отвечу на эти вопросы позже. А сейчас задай другие. — Мерным гулом отозвались в голове Славы, слова Нойда.

— Что от меня хотели тени? И почему на меня накатило такое бешенство?

— Существа нижнего уровня — нежить, как в реальности, так и в астрале ищет энергию для пропитания себя, но энергия должна быть чистой. Вот почему нежить нападает на простых людей. Чем проще люди, тем меньше их прегрешения, тем чище их энергетика. Твой кристалл обладает самой чистейшей энергией, которую я только мог видеть. Она являет в себе частичку Бога. Существа из астрала, сквозь прослойки изнанки почувствовали эту энергию, и пришли ею лакомиться. Ты, сражаясь с ними, нашел их слабое место, но вместо того, чтобы нанести им удар, ты начал выкачивать их энергию и теперь, часть ее стала частью тебя. Внешние изменения также связаны на молекулярном уровне деформацией атомов, во время выработки нового гормона, отвечающего за злость.

— Вспышки гнева еще вернутся? Я снова буду становиться таким разъяренным? — С неким отчаянием спросил Славик, но резко добавил: — Не отвечай! Знаю, что ярость — это теперь часть меня... — Почему всем нужен этот кристалл? Чего Эралия хочет от меня? Что я должен сделать, чтобы вернуться домой, в свой мир?

— Кристалл — это один из ключей, к тайнам богов. Существует древняя легенда, пророчество, которой позабыто, но в ней шла речь об обряде, способном открыть мир богов и призвать их себе в службу, для порабощения всех миров. Но многие теперь ищут осколки этой загадки, считая древние артефакты под названиями «Божьи искры» ключами к этому обряду. Во время обряда «переходов» ты увидишь, почему ты не должен возвращаться домой и что грозит всем мирам...

— Почему я не могу вернуться домой и затеряться там? Ни одна ищейка меня не найдет? Зачем Эралия требует от меня бежать в чужие миры?

— Скоро ты сам все увидишь... — Сказал шаман и умолк, ожидая новых вопросов.

— Я, сроднившись с кристаллом, научился делать некоторые вещи, раньше мне не подвластные. Это магия? — Славик поморщился, от звучащей нелепости из своих уст, но других объяснений у него не было.

— Да. В твоём мире ее называют именно так. Дам тебе совет Варэн. Каждую свободную секунду тратить на изучение своего подсознания и энергий с ним взаимосвязанных. Только тебе одному известно, на что ты будешь способен, обуздав эти безграничные силы.

— Я хочу разобраться во всем, поэтому я готов участвовать в обряде. Может,

приступим? — Едва дрожащим от волнения голосом, предложил он.

— Да будет так, Варэн!

* * *

Обряд подразумевал собой, новое путешествие в астрал, но уже не так глубоко, как в первый раз. Когда Нойд закинул Варэна на изнанку, он исследовал его мысли, знания и умения. Он перебрал каждое его воспоминание, просеивая их сквозь свое сознание. Шаман теперь знал о Варэне все. Он вновь поднял узловатую руку и сделал ею несколько плавных движений. Славик провалился в сон, став сторонним наблюдателем собственного подсознания.

Перед его глазами понесся калейдоскоп образов и картинок, сцен из чужих жизней и грядущих событий. Он увидел десятки различных городов, тысячи разнообразнейших и великолепнейших пейзажей, и миллионы лиц. Горы, моря, океаны, подземелья, леса, выжженные земли. Подводные города и неизвестные, пугающие, но такие необычные расы — вот что он увидел. Сражения, погони и магия. Всюду магия. Ему было совершенно непонятно, что происходит, но он смотрел, смотрел, смотрел... Жестокие битвы, тысячи мертвецов и пылающие города, встали на место живых пейзажей, представших ему ранее. Сотни чудовищ, ужасающих тварей и орды нежити, выжигали целые поселения, уничтожая города. Затем его взору предстали чудища, совершенно невероятных видов и размеров. Одни толпами бежали в атаку и походили на гибриды львов с людьми, совершенно разъяренных и необузданных. За каждым таким десятком неслись огромные существа, похожие на прямоходящих буйволов, с несколько футовым размахом острых рогов. Такие же по размеру существа, атлетически сложенные бараны, бегущие на задних копытах с закрученными в дугу, длинными рогами на голове, и рогами такого же размера растущих из груди, огибая плечи, устремлялись за спину. Плечи в свою очередь были украшены рогами самого маленького размера. Среди этой чудовищной армии сновали исполинские скорпионы, с тремя жалами, бьющими в воздух, своими острыми шипами. Такие же по размеру двадцати футовые монстры, видом своим походившие на кентавров, только вместо лошадиных туловищ, они восседали телах чудовищного размера раках и имели вместо рук клешни, размером с экскаваторный ковш. Были еще монстры, но обилие информации, хлынувшее в сознание Славы, переполняло его, начиная отбирать жизненные силы.

Его тело покрылось серебристым бисером пота, а глаза беспокойно шевелились под закрытыми веками. Видения затапливали его свободную память, размещая в ней чудовищные пласты не пережитых событий и чужих воспоминаний. А затем он увидел свой родной мир. С его войнами и загрязнением окружающей среды, с болезнями и голодом тысяч несчастных людей по всему миру. Увидел разрушающие последствия деятельности человечества, и хрустальная слеза скатилась по его щеке. Но затем его взору открылась и другая сторона медали. Он увидел счастье людей, живущих в гармонии с природой, окруженных родными, любящими близкими. Он наслаждался невероятной красотой земной природы и мелодиями человеческих сердец, как вдруг пространство разверзлось, прорывая грани реальности и те чудовища, которых Вячеслав видел раньше, хлынули на улицы его мира, принося хаос, разрушения и смерть.

Славик секунду или две, наблюдал за этими событиями с ничего не выражающим

лицом. Мир, который он знал всю свою жизнь, рушился, как карточный домик. Реальность рвалась на тончайшие лоскуты материи мироздания, сквозь которые ордами Землю заполоняли чудовищные, исполинские твари. Нечто знакомое мелькало в их образах, нечто знакомое и неестественное. Словно чужие кошмары проникли в реальный мир, уничтожая его. Обозленные твари несли горе в дома обычных людей, разнося все и всех в крошево. Ужас царил на его родной земле, истончая душевную броню, делая ее уязвимой для вселенского зла.

Эфемерные образы, уничтожающих миры тварей, выбили Славика из колеи. Он смотрел блуждающим, отсутствующим взглядом, перебирая эти ужасающие видения, как зловещие четки, от бусинки к бусинке, пытаясь понять, что он видит. Происходит ли все на самом деле, в этот самый смертельный час, пока он скитается по чужому миру или же это грядущее будущее гибели его родины и мира в целом? Единственное, в чем он был уверен, что это непременно произойдет или уже происходит. Обезображенные лица, перепуганных людей, которые десятками, даже сотнями гибли под ужасающим натиском исполинских монстров, кровавым калейдоскопом переливались перед его сознанием. Он замер, не вынося больше этих ужасов, и попытался закрыться магическим заслоном от рвущих душу картин. Энергия полилась по его телу сотрясающими разрядами, тянущимися к жилам и мышцам, дробя непоколебимую стену эмоциональной защиты. Славик задрожал, словно его окатило сотней тон ледяной воды из горного водопада. А затем все в раз прекратилось.

Он увидел истлевший мир, тихий и безжизненный. Словно вкопанная стела, с белым, как постиранная простыня, лицом, он стоял посреди выжженных земель, где не росло не единого растения. Темные облака темно-фиолетовыми вихрями кружились над головой в безумных водоворотах, подсвечиваемые разрядами зеленых молний, расчерчивающих небо над ними. Полупрозрачные ветра и воздушные потоки, носились над черной землей, напоминая невидимых драконов, которые своим леденящим воздухом, рвали все на своем пути, проникая в каждый закуток и каждую щель мертвого мира. Острый оскал зубов, торчавших неподалеку гор, вонзал свои клыки в черно-фиолетовое небо. По скалам мчались ржаво-красные потоки грязи и глины, превращая их в кровавые реки, сбегаящие с острых клыков разверзнутой пасти.

Те же самые твари или другие, похожие на них, здесь тоже были. Они заполоняли многие пологие насыпи и скалистые утесы, своими группами и стадами. Некоторые, особенно огромные, похожие на пауков с человеческими телами, но с остроконечными лапами и двумя пирамидальными головами, поджав под себя конечности, спокойно лежали на пологих выступах гор, по которым текли реки грязи, а в трещинах тонкой скорлупы этих гор, мерцали потоки лавы. Эти потоки подсвечивали тела этих монстров, предавая им адский вид, дьявольских животных. Но эти омерзительные создания выглядели настолько умиротворенно, что трудно было поверить, что они способны на такую жестокость.

Поток образов завершился и Славика отпустил чудовищный водоворот обжигающих душу страхов. Его сознание пронеслось сквозь тысячи лиг, пронизывая грани миров, как стрела пробивает на вылет газетную подшивку, оставляя затягивающиеся кратеры позади своего полета.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Слава открыл глаза и увидел мерцающие ледяные кристаллики, инкрустированные в свод комнаты, которые самоцветами и алмазами сверкали, глядя на корчившегося, на влажном полу, человека. Ему было жутко холодно, как и в те злосчастные, бессонные ночи,

когда он шел по леднику в поисках поселения сайлоков. Его тело била дрожь, но он заставил себя успокоиться и подняться с сырого пола. В углу по-прежнему сидел шаман сайлоков — Нойд. Его бесцветное лицо не выражало никаких эмоций, но ему показалось, что шаман разделяет чувство тревоги от всего открывшегося его сознанию. Слава поднялся и спросил:

— Что это было? Что за чудовищную вещь ты со мной сотворил? Я...я... — Он закрыл лицо руками и ритмично потер его своими холодными ладонями. — Я хочу знать, что это все неправда! Я не должен был это видеть! Видеть гибель своего мира! Зачем ты мне все это показал? — Сорвался он в крике и задохнулся порывом ледяного сквозняка, ворвавшегося в пещеру.

— Видения, которые так тебя огорчили всего лишь вуаль грядущего будущего, которая по дуновению ветра может вновь сокрыть эти чудовищные события и никогда не явить этому миру. Миры, в которых живут множество рас и народов, вскоре столкнутся с неизбежным хаосом, порожденным первозданным злом. Они будут рушиться как песчаные замки, развиваясь на ветру пеплом и тленом выжженных цивилизаций. Миллиарды живых существ, разумных, любящих, строящих планы на будущее, сметет в океан пустоты, словно крошки со стола после трапезы богов. Во вселенной запущен механизм, настолько древний и всеобъемлющий, всепоглощающий и необузданный, что гибель миров, просто неизбежна.

— Те существа, которых я видел: кто или что они такое? Почему они стремятся поглотить миры, в своих ненасытных чревах, не давая шанса всем этим расам наслаждаться миром и счастьем? — Его переполняла горечь, сравнимая только с горечью потери родных и близких людей. Он переживал события, явившиеся в видении, словно все миры погибли у него на глазах, а он остался последним разумным человеком во всех реальностях бытия. Вспышки-образы кружили перед его взором безжалостным хороводом, обрекая его собственную душу на невыносимые страдания. Эмоции так его захлестнули, что казалось, оставили рваную рану в груди, на месте того самого кристалла, с которым он сросся.

— Ты должен успокоиться и взять себя в руки! — Ласково, словно по-отечески устроил его гнев Нойд. Еще не все потеряно. Миры еще можно спасти. Многие из тех событий, что тебе явились, уже произошли, еще больше из них еще не наступили и только богам известно, что может остановить существ из мира Зодиак. — Глаза Нойда не моргали, а ноздри мерно открывались, вдыхая новые порции воздуха ледяной пещеры. На месте рта зашевелились бугорки, словно под тонкой мембраной бледной кожи заиграли желваки и зубы в отчаянном оскале. Нойд умолк.

— Мир Зодиак? Что это за мир такой? — Славик был уставшим и растерянным. Его душа металась в заключении обессиленного тела, не находя покоя.

— Мир Зодиак — это один из закрытых миров, в котором живут те существа, которые станут погибелью всего живого в остальных мирах. — Ответил Нойд и продолжил: — Вселенная будет уничтожена, в том виде, в котором ее привыкли видеть, оставив после себя безжизненные пустыни и горы истлевших останков. В чертогах астрала застрянут миллиарды душ, которые будут обречены на вечные муки, а жизнь застынет посмертной маской, вырезанной из мертвого гранита миров. — Слова шамана гулким эхом дребезжали в сознании Вячеслава, и он знал, что это правда. Тихо гудящий кристалл в груди, казалось, подтверждал каждое слово Нойда.

— Что мне надо сделать, чтобы предотвратить гибель вселенной? — Спросил Слава. Он понял, даже почувствовал, что теперь он стал неким связующим звеном во всей этой истории, но ему не хотелось в нее вовлекаться. Теперь ему хотелось вывести у Нойда

больше информации, чтобы понять, как ему вернуться домой.

— Твой путь только начал формироваться. Что тебе предстоит пережить и испытать, известно лишь богам. Только ты способен будешь узнать, что тебе предначертано судьбой, и никто другой не сможет сделать выбор вместо тебя. Мне не дано знать, как помочь умирающим мирам, также как и не видно твоего будущего. Я могу сказать лишь одно: ты должен будешь пройти через всевозможные лишения и страдания, прежде чем сможешь найти путь домой. — Он говорил эти слова, но его рот по-прежнему отсутствовал, хотя Слава прекрасно его слышал и понимал. Может также и с его собственной судьбой будет — она пока не известна, но... Он пока не имеет возможности ее узнать, но теперь, по словам Нойда, от него зависит очень многое.

— Что сейчас от меня требуется сделать? Обряд я прошел. Теперь я смогу путешествовать между мирами? — В его голове толпились мысли, расталкивая друг друга, как наглый человек, расталкивает себе дорогу сквозь толпу зевак, наблюдающих за казнью.

— Путешествовать между мирами возможно только через порталы рассеянные по разным мирам. Одни миры находятся на внутреннем круге, начиная с самого первого, другие расположены на внешних кругах и продолжают расширяться. Во многих мирах установлены магические пространственные воронки — это порталы. Они существуют парами. Одни делают проход во внутренний мир, а другие порталы во внешний. Сейчас ты должен идти к portalу, который приведет тебя во внутренний мир, потому что ты прибыл из внешнего. Там ты встретишься с Эралией, но ты должен быть осторожен. Тебя ищут не только ищейки Лярвы, но и множество других опаснейших существ. Лярвы не смогли бы причинить тебе серьезного вреда, они хотели лишь завладеть твоим кристаллом. Но множество других, более кровожадных существ, захотят тебя разыскать и захватить, если не хуже. Поэтому тебе придется скрываться от них, чтобы кристалл не попал в их руки. Чем это может грозить тебе, я думаю, не стоит даже объяснять.

— А как же мне вернуться домой, в мой мир? Мне кажется, что там бы я был в большей безопасности, и найти меня было совсем не просто. — Ему хотелось услышать от Нойда утешений и разрешения вернуться в свою прежнюю жизнь, а не убегать остаток века от своих преследователей.

— В нашем мире нет порталов, ведущих в твой мир, но Эралия знает, как тебе его разыскать. Тебе в любом случае, необходимо отправиться на поиски Сарбасес Тиры (Последней стрелы). Если с ней что-то случится, то ты можешь навсегда потерять шанс вернуться домой. — Он говорил очень задумчиво и медленно, словно опасался сказать лишнего, открыв тем самым Славику, только Нойду известные тайны.

— Что значит Сарбасес Тира? Почему ты так назвал Эралию, и знаешь ли ты, как ко мне попал этот кристалл? — Славик жутко устал и замерз в пещере, поэтому задавая эти вопросы, он легонько прикоснулся к своему подсознанию, активизируя энергию, отвечающую за тепло тела. Стало теплее, и он, не отрываясь от странного бледного лица шамана, ожидал ответов.

— Сарбасес Тира — переводится как Последняя Стрела и это Эралия. Но о ней я расскажу тебе немного позже. Сейчас же я бы хотел бы ответить на твой второй вопрос. Испытав тебя бездной, мне открылись многие моменты из твоей жизни, даже те, о которых ты сам не подозреваешь. Поэтому я тебе покажу, как тебе достался кристалл.

На воздушной волне порывистого ветра плыл по темному, тяжелому небу, пожелтевший, слегка надорванный листок. Он покинул родные ветви уставшего за многие сотни лет дерева и отправился в последнее путешествие. Его короткая жизнь была полна сражений и ударов судьбы. Его много раз пытались сдуть с ветки несносные, озорные ветра или полакомиться его сладким соком настойчивые насекомые, но судьба хранила его, подарив долгую жизнь. Этой холодной осенью он сорвался из родного дома, став уже пожелтевшим стариком и теперь ветер гнал его по миру, рассказывая об окружающих его чудесах, неторопливые истории. Ловкой лодочкой он плыл по бушующим потокам ветров, которые подхватывали его, сменяя друг друга, унося далеко за горизонт. Последнее путешествие отважного листочка привело его в чуждый ему лес, точнее на ту сторону его родного леса, где этот храбрый кораблик никогда не бывал. Он закружился в танце ветра, плавно опускаясь на его игривых потоках, пока не обрел свое последнее пристанище в лижущих языках костра, мерно горевшего под чаном с варящейся в нем похлебкой.

Вокруг костерка кружилось несколько женщин в меховых одеждах из шкур лесных зверей. Они готовили пищу для людей, живших в пределах небольшого лагерного поселения. Таких полевых кухонь здесь были десятки и возле каждого из них сустились поварики, готовя обед для своих соплеменников. Поселение людей объединяло в себе несколько разных народов, которые скрывались в пожелтевшем лесу от своих недоброжелателей. Этот лагерь принадлежал расе людей, обладающих способностью превращаться в больших грозных медведей, и назывались они — Берендеи. Они выглядели, как и все обычные люди, жившие семьями, в сделанных на скорую руку избах и в обычных тентовых палатках. Их способность помогала им использовать магические силы, чтобы перекинуться в обличье своей второй сущности — медведей. В таком виде они были грозными противниками, способные разорвать обычного человека зубами на мелкие кровавые куски или же разрубить пополам, всего лишь ударом мощной когтистой лапы. По периметру лагеря, бродили группы вооруженных охранников, которые оберегали поселение от незваных гостей. Они были облачены в кирасы на растягивающихся как резина тканях-жгутах и великолепно выкованных железных масках, которые защищали их глаза. Остальная одежда была изготовлена из плотной, прессованной кожи, с резными узорами, выдавленными на ней. В момент обращения в медведя, такая амуниция хорошо расходилась под массивными, бугристыми от мышц телами медведей, защищая сердце и спину, а железная маска оберегала глаза и короткие уши, от случайных попаданий оружия врагов. Берендеи чаще всего ходили в обличии людей, не вызывая косых взглядов от окружающих любопытных глаз. Это поселение объединяло в себе не только берендеев и обычных людей, но и некоторых магов, разных рас. Это был древний орден, который называется — Киранхоши (Хранители Звезды). Они прятались от смертельно опасных слуг одно кровожадного правителя, жившего в далеком мире, который жаждал захватить все доступные ему миры и поработить все народы. Его слуги — опаснейшие из существ метаморфы, способные также превращаться в других существ, меняя свой облик. Их называют Мимикридами. Они выглядят как плотные жгуты сухожилий и мышц, переплетенных между собой и создающих структуру тела, без кожного покрова. На спине расположены крылья, как веер из острых кинжалов и коротких мечей разного размера. Мимикриды очень сильны, хоть и выглядят высохшими и тощими. Их тела

способны чудовищно быстро регенерировать и принимать множество форм, тем самым давая возможность превратиться в кого угодно. Также их руки могли трансформироваться в разнообразное холодное оружие, от мечей и топоров, до боевых вееров, которыми они умело пользовались. Ходили легенды, что их невозможно убить, так как то, что не живо, не может умереть. Вот эти самые твари и были основой армии правителя внутренних миров Баргозара, который многие десятки лет назад начал уничтожать города, захватывая вначале империи, а затем и миры.

По протоптанной тропинке между деревьями и кустами краснеющего и желтеющего в объятиях осени леса, шли две молодые девушки, одна из которых была незначительно старше другой. Более молодая девушка обладала белокурыми волосами, струившимися золотистыми водопадами локонов, ниспадающих на плечи и очень симпатичным личиком. Ее голубые глаза, едва прикрытые длинными, светлыми ресницами, поблескивали на изредка появляющихся из-под тяжелых туч, солнечных лучах. Она была стройна, но округлый живот, выпирающий из-под теплой, шерстяной туники, говорил о ее беременности. Срок явно был близок, но будущее появление малыша, все еще было для нее, чем-то вроде неожиданности. Вторая девушка была не так красива и хорошо сложена, как ее подруга-блондинка, но также выглядела привлекательно и изящно. Она была более широкоплеча и имела мужественные черты лица. Накаченное тело подруги переливалось буграми мышц, шевелящихся под ворохом одежды.

Они неторопливо прогуливались, наслаждаясь прохладным воздухом осеннего леса, ведя тихую беседу. Они делились своими переживаниями по поводу отсутствия их мужей, которые уже как неделю ушли на разведку и промысловый поход. Их мужчины состояли в почетном отряде, всеми своими силами защищающего безопасность поселения берендеев. А жены занимались хозяйством в лагере. Муж девушки, которая не носила в себе дитя, был предводителем берендеев и мудро управлял своими людьми, добиваясь всеобщего благополучия. Он сплотил между собой различных представителей ордена Киранхоши, дав им пристанище и убежище, а также взял на себя ответственность за их безопасность и жизни. Это тайное поселение сейчас скрывало беременную женщину и ее мужа от преследования слуг Баргозара, которые на них охотились, но в данный момент, они просто любовались лесом, делясь переживаниями.

Девушки не спеша дошли до лагеря, где их встретили доблестные стражи, охранявшие периметр. Молодых женщин пропустили, через замаскированный пост, ровно также как и двух их охранников, словно тени, скользивших незаметно за ними. Беременную девушку звали Бехита. Она была одной из главных хранителей тайн ордена Киранхоши, но про это знало всего пару человек из всего лагеря. Только те, кто был готов до смерти защищать ее жизнь. Ребенок, который должен был у нее родиться, имел невероятную судьбу, и она это чувствовала каждой клеточкой материнского сердца. Но сейчас главной задачей Бехиты было не только выносить и родить ребенка, но и сохранить ценнейшую тайну ордена.

В лагере девушки расстались, и Бехита зашла в свой домик, который ей возвели берендеи. Они были непревзойденными мастерами по работе с деревом, поэтому даже сделанная на скорую руку изба, была воплощенным искусством. Убранство дома было более чем аскетичным, но все необходимое у нее было. Большая кровать, для мужа и нее. Стол и стулья, хорошая печь и много посуды. В углу избы стояла новехонькая детская кроватка, вырезанная из можжевельника, запах которого наполнял помещение изнутри. Этот аромат всегда ее успокаивал и она, ощущая его, представляла, как ее новорожденный ребенок, будет

сладко в ней спать. За эту колыбель она была благодарна лично Бергодру — вожаку берендеев и мужу ее лучшей подруги Берольды по совместительству. Присев в удобное и уютное кресло-качалку, сплетенное из множеств тончайших прутьев, она взяла свою пряжу и продолжила вязать, что-то уже очень похожее на детскую одежду.

Минута за минутой утекала сквозь пальцы Бехиты, перетекая в часы также как, новые витки пряжи слетали с ее спиц, превращаясь в сложный узор на готовящейся одежде. Она была погружена в свои мысли и мечты, не прекращая при этом труды. Легенький желтый лепесток горел теплым светом лежа рядом на столе. Это был подарок ее тети Лейты на ее шестнадцатый день рождения — загадочный лепесток от магического цветка из другого мира. Он давал ей свет, который тускнел за окном, прячась в красно-желтой листве полыхающего осенью леса. Она тихо напевала старую колыбельную песню, которой воспитавшая ее тетя, убаюкивала Бехиту перед сном. Так она успокаивалась, запрещая себе думать об опасностях, которые подстерегают ее мужа на каждом шагу. Муж Бехиты — Герон, был славным и отважным воином, участвовавший во множестве битв и войн. Он также состоял в ордене Киранхоши. И когда мир, в котором прятались основные силы ордена, был подвержен нападению армии Баргозара, все их тайны попали под угрозу раскрытия. Поэтому глава ордена Киранхоши Адарог, приказал снарядить одну из своих лучших учениц Тир(Стрел), спрятать самую важнейшую реликвию их ордена — частичку бога. В защиту он послал с ней самого бесстрашного и неистового воина ордена — Герона. Многие годы они скитались по мирам, прячась от слуг Баргозара — ненасытных метаморфов Мимикридов и их приспешников. Они вдвоем пережили сотни бед и преодолели тысячи трудностей, многие десятки раз, они срывались с насиженных и обжитых мест, чтобы вновь пуститься в бегство, прячась в новых городах и даже мирах. Герон и Бехита, имея столь взаимосвязанную судьбу, находились все время вместе и зерно их безграничного доверия друг к другу, зерно их дружбы проросло и превратилось в нежный, сладко пахнущий цветок чистой любви. Они больше не мыслили себя друг без друга, а долгая разлука жгла душу, как будто их встречам больше никогда не суждено было произойти. Они любили друг друга, и плод их чувств постепенно рос в чреве Бехиты, не подозревая, какие ему уготованы испытания.

* * *

Жужжащее древко стрелы, как свирепый шмель, пролетело мимо кривых деревьев осыпающегося леса, сбив охапку ржавеющей листвы. Ее острый клюв блестел на падающих отблесках тухнущего в закате красного солнца алыми вспышками, и рьяно пронизывал воздух, словно по запаху, своим кончиком носа, выискивая жертву. Как только его жертва приблизилась, наконечник, ринулся в упругую плоть мышц, убегающего оленя, разрывая волокна и вгрызаясь в тело животного до самой кости. Тонкий вопль, выплеснувшийся из пасти оленя, шарахнулся по сторонам, вибрируя в потоках осеннего ветра, и утих. Пробежав еще несколько десятков футов, умирающее и перепуганное животное, начало замедлять ход, пока обессилив, совсем не рухнуло в высокую траву.

Победный клич раздался в пятидесяти ярдах от агонизирующего зверя и подхваченный холодным ветром, унесся прочь в лес. Группа грозных воинов, спешила к своей добыче, проламывая сквозь хрупкие преграды из тонких веток кустов себе дорогу. Впереди бежал

Герон, в большой кирасе, которая казалась ему не по размерам, но огромные мускулы, словно жидкий бетон, застывали в напряжении, перетекая в расслабленное состояние, заставляли думать, что под латами его кованой брони, бугрятся не менее большие мышцы. Он сжимал лук в левой руке, размеренно постукивая им по ножнам меча, во время бега. В правой руке он сжимал среднего размера меч, заостренный с одной стороны. Сталь горела красным пламенем, отражая суть осенней природы, а он мчался, не глядя под ноги, размалывая мелкие преграды, точно жернова на мельнице перетирают зерно в муку. Он был светловолос, и сероглаз, а проницательный взгляд, казалось, никогда не наполнялся страхом, он был ему чужд. Этим взором, казалось, он смотрит в суть самих вещей. Так бывает у людей, которые на своем коротком веку, повидали такие ужасы, которым остальным людям и в кошмаре не приснятся. Сбавляя темп, уже приблизившись к добыче на пару ярдов, он перешел на шаг. Переступая заваленное на бок дерево, Герон подошел к умирающему зверю, заглянул ему в глаза и, сказав едва слышно: «спасибо», он неуловимо взмахнул своим клинком, разрезав воздух и заодно артерию на шее умирающего животного.

Бергодр — вождь берендеев, тем временем находился в лагере, занимаясь разработкой стратегии, выживания поселения ордена Киранхоши. Впереди зима и следовало немедленно позаботиться о запасах провианта и самых необходимых припасов. Их отряд только что вернулся из дозора окрестных поселению земель. Они проводили разведку, пытаясь выяснить, нет ли поблизости расположения вражеской армии или отрядов убийц. Патрулирование показало, что они в безопасности и теперь, все что им требовалось, это запастись на зиму и пережить ее. Охотники, которых Бергодр послал на добычу еды для поселка, во главе с Героном, его верным другом, сейчас были в лесу на промысле, пока основная часть отряда отдыхала, стоя лагерем на небольшой поляне. Лошади всадников сейчас наслаждались высушенной травой, щипая ее прямо на поляне. Воины занимались своими делами: кто готовил пищу, кто затачивал оружие, кто-то просто спал. Брат Бергодра — Баллар, помогал организовать охрану стоянки, раздавая приказы своим подчиненным. Баллар был правой рукой своего брата, занимаясь теми вопросами, на которые у Баргодра не хватало времени.

Когда закатные лучи обласкали последние верхушки деревьев, в лагерь вернулся Герон со своими людьми, неся три увесистых туши, убитых оленей. Заднюю ногу, одного из оленей принялись вымачивать в соленом растворе воды, перед тем, как зажарить ее на костре. Солнце спряталось за лесом, а небо стало непроницаемо черным, затянутое черными тучами.

В десяти лигах от стоянки отряда, жестоко прищипывая гнедого коня, мчался всадник в рваном плаще, с карминного цвета шарфом, опутанный вокруг жилистой шеи. Он мчался в лагерь берендеев, который находился в глубине леса, чтобы передать Бергодру важное донесение. Его бок был мокрый и красный, от вытекающей крови из рваной раны, но его решимости до этого не было никакого дела — он был обязан добраться до цели. Ветер хлестал его лицо, делая его пунцово-красным от холода. Потрескавшиеся губы, обветрились и кровоточили, но он яростно бил верного коня в бока, своими шпорами, подгоняя животное свистящими ударами хлыста. В его рту все высохло, а глаза слезились на ветру. Тело ныло от усталости, ведь он гнал коня уже второй час. То, что ему довелось увидеть, выехав из родного города Нурам, встревожило его честную душу, и он понял, что просто обязан предупредить своих друзей из поселения берендеев. Парень в красном шарфе, был сыном одного фермера, который помогал отряду беженцев, состоящих из берендеев и людей. Отец

еще в детстве рассказывал ему, как Баргозар, захватывая очередной мир, наткнулся на сопротивление одного небольшого, но очень смелого народа. Это были берендеи. Эти отважные медведи лоб в лоб столкнулись с армией Баргозара, которая превосходила их в двенадцать(!) раз. Захватывая столицу берендеев — город Бересарда, Баргозар призвал всех своих Мимикридов себе на помощь. Этих существ на свете не много и никто точно не знает, сколько их на самом деле, но даже один метаморф стоит целой армии, не говоря уже о нескольких веерах. (Веер — это пять морфов, мера исчисления морфов.) В результате кровопролитного сражения Бересарда пала, а все берендеи были истреблены. Государство Берендея было стерто с лица мира и об их существовании начали забывать. Баргозар делал все необходимое, чтобы учиненный им геноцид, не остался в истории, а развеялся на ветрах времен, мелким песком.

Медведи-оборотни, которые жили в поселении берендеев и ютились вместе с беглецами ордена Киранхоши, были последними представителя своего рода. Поэтому парень в красном шарфе мчал своего коня столь рьяно и безжалостно, чтобы предупредить о надвигающейся беде. Это был его долг.

* * *

Связав один рукав, шерстяной распашонки, Бехита уже принялась, вязать второй, когда в их с Героном дом без стука ворвался мальчишка лет пяти, с криками и невнятными словами, не строящимися в связное предложение. Мальчишку звали Берон. Он был младшим сыном Берольды и Бергодра. Мальчуган был напуган и сильно запыхался от стремительного бега. Сердце Бехиты замерло от навалившейся тревоги, и она легонько потрясла Берона, чтобы оно успокоилось и рассказал, что именно стряслось. Он ей рассказал, что в поселок примчался гонец из Нурама, который видел выдвинувшиеся отряды армии Баргозара в их сторону. Это были не просто отряды — это была элита. Отряд магов-некромантов из людей — некросы, с тремя десятками охотников из расы Ратгулов и сотня пехотинцев. В качестве поисковых собак, они использовали Лярвов, которыми управляли некросы, отдавая взамен за свои услуги страдания умирающих от рук этих безжалостных убийц, людей. Юный Берон не знал всех этих подробностей. Бехита их слышала уже от Берольды, когда бросила свое ремесло и прибежала, неуклюже поддерживая округлый живот, в дом лучшей подруги.

Молодого всадника, с красным шарфом, уже успели перевязать, заткнув рану на его боку, которая досталась ему по неосторожности. Он, въехав в густой лес, не сразу привык к здешней темноте и напоролся на острую, неудачно торчавшую ветку, прорезав бок. Незаметные стражники, патрулировавшие периметр лагеря, пропустили парня, так как хорошо знали его и его отца, и когда парень все рассказал, немедленно послали гонца на поиск отряда Герона и Бергодра.

Берольда начала собирать сумки для своей подруги, не обращая внимания на нее саму. Бехита стояла посреди дома подруги и не могла поверить, что им вновь приходится бежать. Ее лицо застыло гипсовой маской, не выражая абсолютно ничего. Она страшно устала от этого бесконечного бегства и лишь хотела одного — спокойной родить и вырастить ребенка. Но зная, что ответственность, лежащая на ее плечах — тот артефакт, который ей доверили, просто не может и не должен попасть в плохие руки, заставила ее выйти из ступора. Она поинтересовалась у Берольды, как долго им придется ждать возвращение мужей, потому что

бежать без Герона, она отказалась на отрез. Подруга ответила что-то невнятное, но Бехита поняла, что та вовсе не надеется на скорое возвращение их вторых половинок. Она лишь продолжила сборы, а Бехита молча, ушла к себе, собрать все необходимое.

Где-то совсем близко к лагерю берендеев уже мчались Лярвы, как ловкие обезьяны, перепрыгивающие через преграды и валуны, а некоторые и вовсе передвигались по деревьям. Они уже взяли след медведей-оборотней и теперь стремительно вели за собой маленькую армию, кровожадных существ. Им наперерез с другой стороны желтого леса мчались три десятка берендеев, среди которых было три человеческих мага и муж Бехиты. Они гнали коней, не жалея ни их ни себя, бросив лагерь в том виде, в котором его застал гонец, примчавшийся из поселения. Герон очень переживал, что не успеет вовремя и произойдет что-нибудь непоправимое, ужасное. Он должен был, круглые сутки находится рядом с Бехитой, охраняя ее жизнь и их ребенка. Не говоря о том, что его святым долгом перед орденом Киранхоши, была обязанность охранять Тиру клана и реликвию, ею оберегаемую, не щадя своей жизни.

По лагерю суетливо бегали воины, как берендеи, так и люди. Маги строили защитные заклинания и ловушки вокруг лагеря, а солдаты активно и шумно звенели оружием и латами. Внутри поселения творился хаос и гвалт. Люди кричали, раздавая указания и принимая их. Кто-то спорил, кто-то спешил к другому на помощь, возводить баррикады вокруг поселения. Дети плакали от гнетущей предвоенной атмосферы, а женщины второпях собирали вещи и кухонную утварь, сворачивая в огромные тюки и груза их на телеги и лошадей.

Бехита уже собрала свои вещи и принялась собирать вещи мужа. Она дрожала от нетерпения и тревоги, ожидая Герона из похода и переживая за его длительное отсутствие. Шум за окном плавно начал исчезать, заполняя пространство поселения, гробовой тишиной. Затем она поняла, что в лагере нет ни единого звука, все члены ордена и их друзья замерли, в предвкушении битвы. Каждая секунда, отражалась в голове у Бехиты ритмичной, но очень медленной пульсацией крови. Стук ее сердца, сейчас отбивал тяжелыми ударами, траурную мелодию, которая саднила ее сердце, в ожидании катастрофы. Время остановилось... Время остановилось на одно лишь мгновение и прорвалось сквозь плотный полог грядущего сражения, ускоряя его приход. Битва началась.

В лагерь хлынули десятки Лярвов, нападая на всех жителей без разбора, и пытаясь их отвлечь. Хотя они были и хищные существа, но им не было нужды рвать чужую плоть, кусать и царапать. Лярвы питались человеческими и не только, негативными эмоциями, переживаниями и страхами. Они начали кружить в беспорядочном танце, прыгая по несколько особей на воинов, вовлекая их в свои мистические игры и вселяя в людей ужас. Страх разлился по лагерю, затапливая сердца всех живых существ, обрекая их на чудовищные страдания и переживания, которые отвлекали их, как ничто другое.

Этот маневр помог силам противника с легкостью прорвать оборону лагеря и сотни воинов хлынули в поселение. Солдаты в доспехах и латах били людей ордена и берендеев без разбора, и те принимали моментальную смерть не успев опомниться. Звон мечей и гулкие удары о деревянные щиты, образовали не мыслимую какофонию звуков. Крики умирающих и раненых воинов метались между кривых деревьев, приманивая на поле брани, хищных птиц и падальщиков. Женщины и дети убегали вглубь поселения, пытаясь добраться до противоположной стороны лагеря, чтобы там спрятаться.

Берендеи, откинутые в середину поселка силами противника, бросили бесполезную затею сражаться на мечах и алебардах с преобладающим над ними числом врагов и начали обращаться в медведей. Вначале, один крупный мужчина, который уже успел заколоть, разрубить и проткнуть около шестерых солдат, резко отступил назад. Он, широко расставив ноги и руки в стороны, вздернул голову к небу, обнажая шею, и издал дикий, протяжный рык. Этот гортанный, утробный рык начал трансформироваться в животный рев, впрочем, и тело самого хозяина, начало на глазах меняться. Его бугристые мышцы заиграли, словно волны бушующего моря в чудовищную грозу, и начали расти на глазах, обрастая длинной, коричневой шерстью. Кожаные полоски набедренной повязки, зашевелились и через них начали проступать лохматые, бурые ноги-лапы медведя. Жгуты, на которых держались доспехи, растянулись и дали волю растущему во все стороны телу. Лицо его вытянулось, обретая звериные черты и покрываясь густой, короткой шерстью. Огромная зияющая пасть, наполненная острыми клыками, заполнилась слюной и начала капать, свисая с губ. Медведь, уже не человек, вновь злобно взревел и кинулся на ближайшую группу противника. Солдаты Баргозара, на секунды сжались от ужаса, а в их глазах мелькнуло отчаяние, но было уже поздно. Медведь ринулся на воинов, одним ударом лапы срывая с плеч солдата голову, которая пролетев десятку ярдов, глухо ударилась о ствол дерева, расплескивая содержимое на высохшую траву. Солдат слева, в наскоке пытался разрубить пасть медведя топором, но тот остановил его прыжок, выставив здоровенную, когтистую лапу вперед. Солдат ударился об нее и отлетел назад, упав прямо в костер. Он загорелся и с криками, начал кататься рядом с очагом, пытаясь сбить пламя с горящей одежды. Третий сразу же уперся всем весом в свой щит, и попытался оттолкнуть грозное животное назад, но медведь-воин схватил его за этот самый щит лапой и, приподняв в воздухе, подтянул к себе. Одно ловкое движение и зубы с треском и скрежетом сомкнулись на лице бедолаги, а медведь вырвал клыкастой пастью, часть лица вместе с лицевыми костями и челюстью, обнажая вывалившийся язык. Берендей отшвырнул обезображенный труп, принимая на лапу в защитной пластине, удар острого меча и резко оттолкнув его в сторону владельца, нанес стремительный удар когтями правой лапы по груди солдата. Воин отлетел назад и вбок, раскрыв свое чрево от самой ключицы и

демонстрируя внутренние органы. Медведь же, встав на все четыре массивные лапы, помчался в атаку, разбивая своей тушей ряды противника.

Все остальные берендеи последовали его примеру, обращаясь в свое второе обличие. Они метнулись на захватчиков, плотной стеной, сминая под своими телами и лапами, людей в доспехах, как консервные банки. Стройные отряды Баргозара, заметались в панике, но за их спинами возникло три десятка воинов в черных доспехах, с дредлоками волос, заколотых в причудливые прически. Они были смуглые, но кожа была сероватого оттенка, словно эти воины, вырезаны из камня. Черные кирасы солдат расы Ратгулов, плотно закрывали мускулистые тела воинов, а матовый цвет, практически не давал отблесков, делая из них, невидимок, в ночное время суток. Некоторые из них носили длинные бороды, до середины груди, некоторые были выбриты, но амуниция и оружие охотников Ратгулов, давала четкое представление об их принадлежности. Ходили слухи, что Ратгулы непревзойденные воины, которые живут в военизированном обществе, воспитывая детей, исключительно воинами. Те люди, которым выпало несчастье встретиться с ними в поединке, могли бы подтвердить, что слухи о мастерстве Ратгулов, преувеличены совсем немного и то, так могли бы подумать только опытные воины.

Ратгулы накинулись на берендеев в их животном обличии и начали сражение. Они передвигались очень ловко и хищно, как звери. Высоко прыгая и перетекая из позы в позу, они рассекали своими черными клинками воздух, вновь занося их для более удачных ударов. Они были одеты в похожие на берендеевские набедренные повязки из плотных кожаных полосок. Эти полоски вздымались кверху, застывая в воздухе, и вновь ниспадали на бедра солдат. Их копья, вилы и трезубцы были выполнены из редкого, почти никому не известного, металла, которые был не способен сломаться или затупиться. Каждый меч или другой клинок, а также любое другое оружие было темно синего цвета с немыслимыми гравировками, которые казались черными, воронеными змеями, пляшущими в смертельном танце. Проворные движения и нечеловеческая скорость, давала Ратгулам небольшое преимущество над солдатами ордена Киранхоши, и над берендеями, поскольку массивные медведи были менее быстрыми и поворотливыми. Битва вновь склонилась в сторону нападавших войск, пока на помощь берендеям и членам ордена не пришли местные колдуны. Магов был всего трое, и они были очень уставшими, после того, как выставили охранные ловушки вокруг лагеря и расставили магические «сюрпризы» по периметру. Но делать было нечего. Им пришлось ввязаться в бой, иначе они все бы здесь погибли.

Первые заклинания полетели вперед и были похожи на огненные шары, которые обычно извергают колдуны в дешевеньких фэнтэзийных фильмах. Один из взрывов поглотил в себя сразу троих солдат Баргозара, включая и одного охотника из Ратгулов. Второй взрыв угодил в дерево, переломив его надвое. Верхняя часть начала плавно заваливаться на бок и придавила двоих солдат Баргозара, больно ударив по плечу пробежавшего берендея в облике медведя. Второй маг пустил два воздушных вихря в сторону отряда Ратгулов и воздух, взметнув пожелтевшие листья и пожухлую траву в небо, кинулся стеной на противника. Эти смерчи выхватывали из толпы сражающихся воинов, выкидывая их из гущи сражения, больно ударяя телами о стволы деревьев и лежащие вокруг валуны. Третий колдун стоял, не шевелясь с закрытыми глазами воздев руки в стороны, скрючив пальцы, как коршун. Его губы незаметно шевелились, выпуская воздух резкими струйками, произнося слова заклинания. Он удерживал магическую сеть, которая сковала скачущих вокруг умирающих и страдающих воинов Лярвов, не давая им творить свое колдовство, заставляя людей вести

себя трусливо и недостойно. Лярвы бились в агонии заклинания, не сумев разорвать плетение колдовства, и сейчас не чинили смуты среди оборонявшихся братьев и сестер ордена.

Заклинания магов очень помогли людям и берендеям, оттеснить врага дальше, почти вытолкнув за пределы лагеря. Но итог сражения был еще не ясен, потому что главная сила карательного отряда Баргозара — некросы, еще не вступила в бой. Как только они вступили в сражение, воздух вокруг поля битвы задрожал и пошел еле заметными волнами. Темнота вокруг сгустилась, укутав своими липкими пальцами, все предметы и всех живых существ. Некроманты выскочили из плотной черной стены, ночного леса и, пролетев несколько ярдов, плавно приземлились за своими солдатами. Их было десять, и они начали свое колдовство. Огромные дымчатые щупальца сорвались с их пальцев и черными молниями полетели в берендеев. Многие нашли свои цели, и лагерь переполнился отчаянным ревом, медвежьей боли. Сражения вновь переломилось, и удача встала на сторону слуг Баргозара.

Когда Бехита складывала последние вещи в мешок, в дверь ее дома громко ударили. Она вздрогнула, и в ее мыслях вспыхнули образы неминуемой гибели. Ужас захватил ее в крепкие объятия, и руки, задрожав, напарили на столе нож. Удар повторился, и дверь вылетела, повиснув на одной петле. В дверном проеме стояла Берольда и ее сын Берон. Они несли тюки с вещами и, вбежав на порог, Берольда закричала:

— Бехита! Скорей! Киранхоши проигрывает! Мы больше не можем здесь оставаться — нужно бежать! — Она подбежала к Бехите и схватила ее за руку. Берон оставался на улице и смотрел в сторону разгоревшейся битвы, на случай, если оборона будет смята и воины Баргозара побегут захватывать лагерь. Бехита постояла секунду, затем вырвала локоть из мощных рук Берольды и сказала:

— Герон! Пока он не появится, я с места не сдвинусь! — Берольда посмотрела ей прямо в глаза и сказала:

— Если тебе дорога жизнь вашего ребенка? Если ты хочешь сохранить тайну ордена и выполнить свою миссию, ты обязана пойти со мной. Герон сделает все возможное, чтобы ты и твой малыш выжили. Не глупи, вы должны жить. Если судьба будет благородна, то вы обязательно с ним еще увидите. Пойдем, прошу тебя!

— Ты...ты... Нет, я не могу... — Взмолилась Бехита и закрыла глаза руками.

— Ты должна... Если бы Герон был рядом, он сказал бы тебе те же слова. — После этих слов Бехита разжала ладони и вытерла ими слезы:

— Ты права... Он бы хотел этого...

Девушки вместе с Бероном выбежали из дома и помчались в дальний край лагеря, к выходу. Позади, полыхало сражение, где умирали люди, маги и берендеи. Часть лагеря уже догорала, а другая часть только начала гореть. Сражение выдалось тяжелым, как для врагов, так и для ордена. Они бежали без оглядки и лишь смотрели под ноги, чтобы случайно не зацепиться и не упасть. Каждая из молодых женщин, думала о своей второй половинке и переживала за исход сражения. Их целью было добраться до скалы, возле которой была истончена грань реальности мира. Там можно было вызвать ненадолго портал, который может помочь им скрыться в другой мир, но до него еще нужно было добраться. Они бежали и бежали, и звук сражения, начал стихать, по мере их удаления от поля битвы.

Выскользнув из мечущийся горы человеческих и медвежьих тел, один из обычных солдат Баргозара, стирая грязь и кровь с лица, шел в сторону убегающих женщин с ребенком. Едва уловив их запах, он понял направление их движения, и хищно улыбнулся.

* * *

Некросы одним движением руки ломали шеи ошалевшим воинам ордена, которые не знали, как им справиться с некромантами врага. Один маг Киранхоши был уже убит, а второй по-прежнему жег и взрывал вражеские войска. Третий же не сдвинулся с места с начала всего сражения. Он по-прежнему сдерживал Лярвов и строил магическую защиту, жителям поселения, которые отчаянно бились с врагом. Некросы не сговариваясь, прекратили уничтожение ордена и, воздев руки вверх, на распев начали произносить слова заклинания. Черная стена, в виде рыбацкой сетки поднялась в воздух, и понеслась в сторону лагеря. Маг Киранхоши, который сдерживал Лярвов, в этот самый момент открыл глаза и кинул мысленный призыв своему напарнику. Тот перестал кидаться огнем и также устремил свои руки в стороны, как это делал его коллега. Белая стенка, полупрозрачной пелены образовалась от их тел и устремилась навстречу черной сетке Некросов. В том месте, где два заклинания встретились, образовался провал, словно две ткани, черная и белая, прожгло солнцем. Все кто попали в этот провал, остались стоять, безжалостно убивая друг друга. Те же, на кого попали жгуты черной сети, просто закаменели на мгновение, и рассыпались черным пеплом, развиваясь на осеннем ветру.

В это самое мгновение из-за спин Некросов выскочили воины, которые уже имели облик медведей. И только двое из них оставались людьми. Это был Герон и парень гонец, принесший страшные вести на место стоянки отряда Бергодра. Сам же Бергодр, в облики черного медведя, с седыми висками рвал зубами и длинными когтями вражеских некромантов. Остальной отряд, в облики медведей, так же безжалостно и рьяно уничтожал Некросов.

Бехита, Берольда и Берон уже почти подбежали к скале, выискивая место, где они давно обустроили небольшой алтарь. Они начали обустраивать место обряда, подготавливая место будущего прохода. Берон опять встал в дозор, выискивая, не идет ли кто-нибудь за ними. Бехита от быстрой ходьбы сильно устала. Все же быстро передвигаться с таким большим животом, на последнем месяце беременности было совершенно невозможно. Она сидела на пне, и часто дышала. Внизу живота, сильно тянуло, и тупая боль медленно пульсировала у нее в висках и в животе. Берольда же чертила на сырой земле магические знаки и символы, начиная вырисовывать очертания места обряда.

Бехита резко закричала, и Берольда с Бероном моментально обернулись на крик. Лицо Бехиты исказила ужасная боль, и она обхватила руками низ своего живота, широко расставив ноги. Ее штаны были мокрыми насквозь, а глаза выпученными и красными.

— Началось! Берольда, я рожаю! — Она облизнула пересохшие губы и вновь закричала от боли. Видимо стресс и страх из-за нападения, а также близкий срок родов, сыграли свою роль, вызвав преждевременные схватки.

— Борхос! — Выругалась Берольда, вспомнив невольно имя бога Смерти в их мифологии. — Сейчас дорогая! Потерпи! Берон, живо ко мне. Вот возьми платки в том тюке и сбегай к ручью, намочи их, а затем живо сюда. Мальчик кивнул и живо умчался, быстро

перебирая маленькими ножками. Берольда кинулась на помощь Бехите и схватила ее за руку. Бехита кричала от боли, корчась на пне. Звезды слегка осветили их из-за тучи, и кожа Бехиты заблестела под их взглядом, переливаясь каплями пота. Ее крик не прекращался, и Берольда откровенно занервничала, испугавшись, что что-то пошло не так.

Кусты зашевелились и девушки обернулись на звук, гнущихся веток. Вдали стоял Герон. Увидев жену, он помчался в ее сторону. Поняв, что помощь уже близка Бехита расслабилась и заулыбалась, затем вновь закричала от боли, вспыхнувшей внутри живота. Герон мчался в их сторону, стараясь как можно быстрее прийти на помощь супруге. Берольда уже продолжила обустройство обряда, но обернувшись на мгновение в сторону бегущего Герона, замерла. Что-то было не так. Движения Герона не походили на человеческие. И она невольно задумалась, как ему удастся так быстро и грациозно бежать, через гущу умирающего в осени леса. Затем в голове у нее вспыхнула тревога, и она не медленно закричала:

— Герон! Не подходи! — Она достала из свернутого рулоном одеяла меч и направила его в сторону мужа подруги. Бехита непонимающе уставилась на нее, и закричала:

— Ты что с ума сошла Берольда? Это же Герон — мой муж! — Герон остановился, и начал медленно идти в их сторону.

— Берольда — это же я Герон. Почему ты не позволяешь мне подойти и помочь своей жене. — Его лицо было бесстрастным и неживым. Глаза не выражали никаких эмоций, и казалось, абсолютно безжизненными.

— Нет, Герон! Стой, где стоишь, иначе я убью тебя! — Выражение лица Берольды походило на звериную маску, которую она незаметно надела. — Если это и в правду ты, то скажи, как зовут брата моего мужа, друга Герона. — Герон на секунду замешкался, и сказал:

— Какое это имеет значение? Ты разве не видишь, моей жене плохо? Ей надо срочно помочь. — В эту самую секунду грудь Герона взорвалась каплями черной крови, и блестящий клинок, выскочил из его груди. Герон посмотрел вниз, на торчавший из сердца клинок, а затем хищно улыбнулся. За его спиной показалась голова человека, а затем и все его тело. Это был...Герон. Он прокручивал меч в теле своего двойника и злобно кричал:

— Его — зовут — Баллар!!!

Тело лже-Герона начало преображаться. Кожа лопалась на мышцах, а те в свою очередь бугрились и меняли свою структуру. По всему телу прошла едва уловимая волна, словно кожа истлевала на глазах, и вот уже перед ними стояло мерзкое чудище, из груди которого торчало лезвие меча. Капли черной крови капали с него в мокрую землю, оставляя прожженные следы в почве. Оно было абсолютно слепо. Кожи не было, а лишь черные жгуты переплетались, ровными полосками, выстраивая структуру тела и походя на мышцы человека, с которого заживо сорвали кожу. Кожи, которая должна была быть вокруг зубов и образовывать губы, также не было. Слюни тянулись от верхней челюсти к нижней, когда метаморф открывал рот. Десятки лезвий выскочили за его спиной, превращаясь в великолепный веер крыльев. Это был Мимикрид.

Он резко обернулся, взмахнув рукой и Герон, стоящий за ним, отлетел на несколько ярдов назад, ударившись о ветку дерева, поясницей. Герон закричал от боли, а метаморф молниеносно скользнул в его сторону, на ходу трансформируя руки в металлические веера, с четырьмя острыми лезвиями-клинками. Берольда, не раздумывая ни секунды, прыгнула на Мимикрида, в полете превращаясь в небольшую медведицу. Они покатались по гниющей листве, нанося друг другу резкие и смертельные удары. Герон остался лежать на земле без

сознания. В один прыжок Мимикрид оттолкнулся от дерева, мимо которого они катились с Берольдой, и одним резким маневром положил медведицу на лопатки. Он занес свой великолепный веер над ней и уже собирался обрушить его ей на шею. В этот момент, огромный черный медведь с седыми висками, выпрыгнул из-за упавшего дерева и накиннулся на метаморфа. Они также повалились в листву, разрывая плоть друг другу, в клочья. Это был Бергодр. Огромный черный зверь, с когтями-саблями, наносил чудовищные удары по меняющейся и сразу же регенерирующей коже метаморфа, не причиняя ему серьезного вреда. Казалось, что Бергодр этого совсем не замечает, а просто рвет своего врага на части, полностью поглощенный святой яростью, из-за того, что его жену пыталась убить эта неизведанная тварь.

Мимикрид резким движением, словно туша Бергодра весила всего пару фунтов, перекинул его через голову, уперевшись упругими ногами в мягкий, шерстистый живот медведя. Бергодр отлетел от места их схватки на десяток футов и упал между двумя деревьями. Сухая, острая ветка, сорванная холодным ветром, пробила его ляжку насквозь, вызвав у медведя чудовищный по мощи и громкости рев. А Мимикрид поднялся на ноги и медленно направился к, продолжающей строить аркан перехода, Бехите. Беременная девушка, краем глаза уловила это и еще быстрее ринулась обустривать алтарь. К этому моменту Берольда пришла в себя и уже поднималась на задние лапы. Бергодр зубами выдрал ветку из раненой лапы и, опираясь о два соседних дерева, пытался подняться, часто рыча, и отплевывая кровь из разодранной пасти. Они переглянулись с Берольдой и, не сговариваясь, бросились в атаку на Мимикрида, издав боевой вопль, который у Бергодра захлебнулся в пасти, kloкочущим звуком. Метаморф резко развернулся и одна из его рук начала «перетекать» в иное состояние, превращаясь в длинный меч. В этот самый момент, на него уже бежал Бергодр. Он прыгнул, словно скакун, преодолевая заваленное дерево и приземляясь, наделся на выставленный клинок Мимикрида, который сделал резкий выпад вперед и выставил свою руку-меч. Изящно выныривая из-под заваливающегося мордой вперед медведя, он сместился в сторону, и правой рукой, которая была выпячена клинками веера вперед, нанес два крестообразных ранения на груди у Берольды. Она заревела и попыталась достать его своими мощными когтями, но ловкий метаморф, выскользнул из под ее атаки, заходя ей за спину. Берольда качнулась назад, и едва не упала на проскальзывающего сзади, словно тень, метаморфа. Он отпрыгнул назад и повторил серию перекрестных ударов по спине медведицы, веером и мечем. Бехита увидев, как ее подруга отчаянно борется с темной тварью, закончив приготовления, начала строить аркан перехода. Метаморф шел к ней, стуча зубами незакрытыми губами и, лязгая своим грозным оружием. Бехита, взяв всю свою волю в кулак, продолжала обряд, нервно поглядывая в сторону приближающегося убийцы. Она схватила амулет на шее, дернув за веревку, на которой он держался, и сорвала его. Амулет в виде полупрозрачного кристалла с алой, пульсирующей искрой внутри, замерцал, как звезда на ее ладони. Алтарь начал светиться в темноте и переливаться волнистым маревом. Метаморф ускорился и быстрее направился к Бехите. Вокруг алтаря заискрились алые молнии, и воздух вокруг задрожал еще сильнее. Вдруг из-за горы послышался треск, высохших веток и Бехита, обернувшись на этот звук, увидела убежавшего Берона, с мокрыми, чистыми тряпками для родов в руках. Увидев мертвого отца, который уже превратился в человека и лежал, с окровавленной грудью, лицом в землю, он отчаянно закричал. Этот вопль отразился в темном лесу, другим криком, принадлежавшим Бехите. Схватки, утихшие во время боя, неожиданно возобновились, и боль

пронзила все ее тело, в районе живота. Мальчик кинулся на убийцу своих родителей, невзирая на смертельную опасность. Он был молод, и поэтому еще не умел обращаться в медведя, но злость прибавила ему решительности, а ярость затмила рассудок. Мимикрид обернулся в сторону Берона и, выставив трансформированную конечность обратно в руку, вперед, схватил ребенка за горло, прямо в прыжке. Он прижал его к себе и резко развернулся в сторону Бехиты. Она вскрикнула и замерла. Бехита не могла допустить гибели сына ее друзей, которые погибли, защищая ее жизнь. Она схватила какое-то бревно, лежавшее под ногами, и медленно пошла в наступление. Мимикрид издал kloкочущий, гортанный звук, похожий на смех и смотрел в ее сторону, той частью лица, где должны были быть глаза.

Вдруг рука, которой метаморф держал Берона, дернулась и отлетела в сторону. Именно в том месте, где сверкнуло в ночи лезвие клинка, и отделило конечность мерзкого существа. Мальчик отпрыгнул и попытался убежать, но Мимикрид ударил его по лицу, мощным ударом, который и взрослому человеку мог бы оторвать голову. Парень отлетел на несколько шагов, зарывшись в ковер листвы, устлавший землю под ногами и потерял сознание. Хотя может он погиб на месте от этого удара, Бехита не знала.

— Герон! — Закричала она, но муж уже шел уверенной поступью к Мимикриду, выискивая его слабые места. Чудовище развернулось в его сторону, а затем посмотрело на отсеченную конечность. На месте культи, зашевелились мышцы и сухожилия. Новая рука начала расти из обрубка, превращаясь поочередно в меч, затем в два клинка, походивших на вилы, перебирая варианты холодного оружия, затем превратилась в веер, и так и осталась в таком виде. Герон хотел прыгнуть на тварь, но она начала передвигаться слишком быстро, поэтому ее движения показались ему размытыми. Он не знал, как подступить к существу и нанести сокрушающий удар.

Вдруг из-за плотного ряда деревьев выбежала стая медведей и ринулась в атаку. Метаморф резко сместился в сторону, отбежав почти на десяток ярдов, становясь напротив бегущих берендеев, и принял необычную для такого существа позу, как испанские танцоры, танцующие с веерами в руках. Его спина прогнулась вперед, тело наклонилось, а голова, запрокидывавшаяся в разные стороны, защелкала тупыми, почти человеческими зубами. Герон, увидев, что Мимикрид нашел новые жертвы, помчался к Бехите.

Она стояла в ареоле строящегося портала, который мерцал рубиновыми молниями, и вздымал в воздух охапки желтых листьев. Воздух переливался мощными волнами, которые сотрясали все вокруг. Портал был почти готов, и теперь в грани мироздания начала прорастать огромная темная дыра, со светящимися лучами внутри. Герон был уже близко, и Бехита оперлась об огромный валун, который стоял рядом. Боль пульсировала в ней, стуча потоками крови, по барабанным перепонкам. Она смотрела в сторону Берона, который лежал по-прежнему без сознания. Сама же она была уже в предобморочном состоянии и едва держалась на ногах. Подбежавший Герон подхватил ее на руки и понес в сторону портала. Единственное, что она успела заметить перед тем, как погрузиться во мрак, — это огромный черный медведь с чудовищной рваной раной на морде, оставленной тремя лезвиями веера Мимикрида, несший Берона на руках, в глубину леса. Мир закружился перед ее слезившимися глазами и исчез в пучине спасительных грез.

Эмоциональное потрясение после видения, которое охватило Славика, настолько его вымотало, что он не выходя из транса, погрузился в глубокий сон. Теплая энергия, которая согревала его, помогала не замерзнуть от холода на ледяном полу. Он проспал почти до утра. До рассвета было еще несколько часов, когда он проснулся и встрепнулся, словно выныривая из глубокой пучины. Это ужасное нападение на лагерь ордена Киранхоши, до сих пор стояло перед его глазами. И его родители, которых он там увидел, еще совсем молодые, пробудили в нем настолько теплые чувства, что он немедленно испытал невыносимую тоску по ним. Мать и отец парня сражались до самого конца. Они все таки, смогли сбежать от безжалостного Мимикрида, который пришел в лагерь берендеев, убить их. Его отец — храбрый и опасный воин, смог увести мать через таинственный портал, который привел их в новый мир. Он назывался Землей и сюда путь был неизвестен даже слугам Баргозара. В этом новом мире, его родители очутились возле моста, где его мать Бехита, родила сына. В новом мире он получил имя Вячеслав или Слава. Бехита надеялась, что больше им с Героном и новорожденным сыном, больше никогда не придется убегать. В новом мире, они хорошо обустроились, сделав себе имена, и обзавелись достойно оплачиваемой работой. Купили жилье и жили ничем не примечательной жизнью, теряясь в толпе миллионов таких же семей.

Амулет, который Слава носил всю жизнь не снимая, был в тот день у матери, и он догадался, что это и есть та самая реликвия, тот артефакт, который его родители, так яростно обороняли. Ему было жаль тех прекрасных людей или же медведей, которые помогли его родителям укрыться, сражаясь, за их жизнь, дав возможность сбежать от Баргозара. Теперь у него не было вопросов, как к нему попал кристалл, и почему погибли его родители. С того самого дня, когда ему сообщили о гибели родителей и он побывал на том злосчастном месте, он знал, что их смерть, не простое стечение обстоятельств, а нечто большее. Теперь он узнал правду, как к нему попал кристалл с осколком божественной слезы, и почувствовал, что обязательства, которые на себя взяли его родители, стали и его обязательствами. Он никому не давал никаких клятв, но уважение и память о родителях, требовали его душу, продолжить их дело. Он решил спасти искру.

Он открыл глаза, и никого не увидел перед собой. Нойд куда-то ушел. Он встал на затекшие ноги, похрустел залежавшимся телом, и сладко подтянулся. Его глаза по-прежнему были в режиме ночного зрения, и поэтому Слава без труда ориентировался в пещерах. Он прошелся в главный зал, а затем еще в одно помещение, но шамана нигде не было. Он окликнул его и эхо его слов, разлетелось по сводам и стенам пещеры, отталкиваясь от них и ускользая куда-то вглубь. Выйдя почти из пещеры, и став так, что он уже отчетливо видел утренний рассвет, восходящего солнца, он огляделся. Слева в стене имелся небольшой, узкий альков, который был скрыт тенями сталагмитов, и поэтому был совершенно незаметен. Он вошел в его пространство и обнаружил там еще один туннель. Ход шел вверх, состоя из самодельных ступенек и закручиваясь по спирали, как винтовая лестница. Поднявшись, он увидел шамана, который топил в небольшом казане снег, который закипев, превращался в воду. Шаман, не оборачиваясь на звук шумного гостя, предложил ему чая и позавтракать. При слове завтрак, у беглеца засосал желудок, требовательно выпрашивая пищу, и он согласился разделить трапезу с шаманом. Нойд налил кипятка в глиняные чаши с какими-то

травами, и их аромат заполнил коморку, которая служила ему кухней. На завтрак, Нойд приготовил мясо, и насыпал горсть орехов и синих замороженных ягод, похожих на чернику. Слава смотрел за этими приготовлениями, все время, размышляя, как же шаман будет кушать еду, если у него нет рта. Бледное безволосое тело, как у старика, сотрясилось от каждого движения Нойда, а синюшные вены, проступали из-под полупрозрачной кожи, извиваясь толстыми червями под ней. Гость принялся за еду, а Нойд сел напротив него и сказал:

— Когда закончишь прием пищи, я отвечу на оставшиеся твои вопросы. Но если ты можешь кушать и говорить, то можем начать немедленно. — Он положил руки, выставив их ладонями вверх. Руки расположились параллельно друг другу, с обеих сторон тарелки с едой. Нойд впил в Славу немигающие глаза, а на его руках, под кожей, начали двигаться вены, словно змеи спешащие на теплый камень. Заполнив предплечья, плотный мотком синюшных вен, они начали искать выход. Несколько участков на каждой руке, взбугрились, превращаясь в орудие соски, из которых вылезли щупальца, точно черви, потянувшиеся к тарелке с едой. Эти извивающиеся жгуты сперва понюхали пищу, а затем присосались, кто к чему, впитывая через себя еду. Вид был мерзким, но Славик быстро к нему привык и решил не терять времени, и начать разговор с шаманом Нойдом.

— Видение, которое ты мне показал... — начал осторожно Слава, — это действительно были мои родители? — Он как-то поежился и протер озябшие руки ладонями.

— Все, что ты видел, было на самом деле. Это воспоминания твоей матери Бехиты, и они как-то передались тебе, еще до рождения. Я лишь сумел выловить их из общего потока и структурировать. Затем мне лишь потребовалось показать эти воспоминания тебе. — Нойд не шевеля губами, отвечал на вопросы Славика. Его глаза не моргали, а десятки мелких щупов, впитывали еду, растворяя ее прямо на тарелке, какой-то слизью.

— Те звери в человеческих обличиях... они на самом деле существуют? Я имею в виду берендеев. Что с ними случилось дальше? Они выжили? — У Славика в голове было множество вопросов, только он не знал за какой из них хвататься. Что следует узнать у шамана, прежде чем он решит, что ему делать дальше?

— Та битва была роковой для берендеев и для ордена Киранхоши. Почти все члены братства в том поселении были уничтожены, по крайней мере, так считалось до недавнего времени. Но Эралия где-то наткнулась на след, одного из участников того сражения. Он ей рассказал, что в одном из соседних миров, ходят слухи о захватчиках Баргозара, которые сражаясь, могли превращаться в медведей. Эралия сделала вывод, что кто-то мог и выжить в той резне. Орден посчитал, что либо артефакт был захвачен Мимикридами, либо Тире (Стреле) удалось сбежать. Но куда она могла исчезнуть и полтора десятка лет не выходить на связь, они не знали. Со временем стало ясно, что кристалл не попал в руки Баргозара, иначе уже бы началось тотальное вторжение и порабощение целых миров. Баргозар ищет осколки звезды по всем мирам, но до сих пор не известно для каких целей. Орден утратил одну из важнейших своих сокровищ, и теперь они послали Сарбасес Тиру (Последнюю Стрелу) на поиски утраченной искры бога.

— Что означает Сарбасес Тира (Последняя Стрела)? Это какое-то военное или религиозное звание? — Славик слушал шамана, не отрывая ни на секунду от него любопытных глаз.

— Из огромного количества открытых миров, существует множество различных рас, которые на разных уровнях пластов мироздания, находятся близко к определенным и очень

разнообразным потокам энергий. Каждая энергия во вселенной управляет определенной стихией или силой, под властью которой мир может видоизменяться, приобретая различные формы. Воплощения и манипуляции с этими энергиями, создают множество разных форм их выплеска в реальность. Такой эффект в твоём мире называют магией. В остальных открытых мирах названия несут такой же смысл. — Он моргнул одновременно двумя своими большими глазами и щупы, закончив трапезу, начали втягиваться в руки Нойда, громко чмокая, отлепляясь от остатков еды и пропадая под белесой, полупрозрачной кожей. Не обращая на это внимания, шаман продолжал свой рассказ. — Эралия из расы Тиров или Стрел, и обладают магией, которую они сумели себе подчинить. У каждой расы магия различна, и имеет разную природу происхождения. Тиры могут путешествовать между мирами, не проходя через Сакральные порталы. Их душа способна улавливать те места, где грань мироздания, пленка реальности истончается из-за трения миров, которые перемещаются относительно друг друга. Выискивая эти места, Стрела может построить короткий, портал-переход для быстрого прыжка в соседний мир. Самые способные и могущественные Тиры могут таким образом перейти не только в соседний мир, но и обуздать «волну» исходящую от других реальностей, взаимодействующих с ними, построив переход, куда пожелают. Это их сила и способность, за это Тиры на особом счету. Они могут передвигаться между мирами значительно быстрее, и что важно, именно туда, куда пожелают. Поэтому предки Тиров так и назвались, потому что стрелы способны пронзать насквозь предметы. А последней ее называют, потому что весь народ Тиров много сотен лет назад бесследно исчез, и никто не знает, что с ними произошло. Эралия была последней из Стрел.

— Она тоже из ордена Киранхоши? Почему она путешествует одна, почему ее не охраняют воины ордена? — Слава после этих рассказов не на шутку разволновался, возмущаясь беспечностью членов ордена Киранхоши и их предводителя Адарога.

— После того, как разбили поселок берендеев, никто больше не осмеливался создавать столь крупные поселения, опасаясь гнева Баргозара и его псов. Эралия сама вызвалась отправиться на поиски последней искры, потому что считает, что остальные ее осколки уже собраны Баргозаром и скоро грянет всепоглощающая и всеразрушающая война. Орден благословил ее на этот поход, но из осторожности, решил оставить все на волю судьбы и умений Эралии. — Голос Нойда звучал, как родной в сознании Славика и он слушал его очень внимательно. — Мне неизвестно, какой у нее план, но она, кажется, нашла след и ей необходимо помочь. Она еще слишком юна, чтобы взваливать на себя груз такого бремени. Это очень большая ответственность. Эралия отыскала тебя, и теперь единственное что от тебя требуется — не попасться в лапы слуг Баргозара и отыскать Последнюю, живущую во всех мирах Стрелу. — Славик молчал какое-то время, не зная о чем начать расспросы и переваривая информацию, а Нойд послушно ждал, когда он задаст новый вопрос:

— Магия... я тоже ею владею? Я имею в виду происшествие на болоте... — и он вкратце рассказал о его сражении с болотным монстром.

— Те силы, которыми тебя наделил кристалл, способны на многое. Искра показывает тебе мир таким, каким он есть на самом деле. Она дает тебе возможность раскрыть суть природы, как лепестки цветка, которые распускаются под солнечными лучами. Ты можешь видеть и понимать, как энергетические потоки влияют на окружающее пространство и пользоваться ими, видоизменяя мир вокруг себя. Но и сам кристалл обладает огромной

силой, поняв, и научившись пользоваться которой, ты сможешь противостоять другим магическим энергиям. Когда ты разберешься со всем тем, что сейчас тебе стало доступно, то сможешь противостоять силам другой магии, оставаясь целым и невредимым. — Нойд говорил медленно и размеренно, и его слова, точно холодный ручей, сбегавший по отполированным камням горного ручья, вливались в сознания Славы.

— А то существо на болоте, кто оно? Я прежде ничего не встречал подобного. Оно создавало впечатление твари, сбежавшей из чистилища, и пытавшейся меня сожрать. — Следом за этим вопросом, он также спросил, о тех зверях и монстрах, которых он повстречал в лесу.

— О, это был Анцыбал! Этот болотный монстр, который нашел лазейку в нижних слоях астрала и смог выбраться в реальность, обустроив свое логово в лесу. Место, где живет Анцыбал — проклято, и туда он заманивает своих жертв, с помощью видений, которые не могут никого оставить равнодушным. Они заглядывают в душу человека и, используя его страдания и переживания, подчиняют его своей воле. Затем ему не составляет труда, поглотить несчастного и ждать, когда в его ловушку забредет еще кто-нибудь. Тебе сильно повезло, что ты так быстро отыскал способ, подчинить себе доступные тебе силы природы и противостоять Анцыбалу. — Нойд рассказал о болотном монстре, а затем и про остальных тварей, которые на него напали. Таким образом, Славик узнал о Кадлоках — гиеноподобные волки, с головой ящера-мурваеда, которые стаяй загоняли его в лесу, и о Василисках, которые прогнали Кадлоков. Грызунов с зубами в несколько рядов, шаман окрестил Хришами, но сказал, что они редко нападают на людей, больше предпочитая, охотится на кого-то меньше размером. Ну и последними были летающие твари из пещер. Те белоснежные «тряпки», которые замаскированными плодами, гнездились на каменных деревьях. Их называли Лиграми — прожорливые то ли птицы, то ли летучие мыши, которые были и для сайлоков, большой головной болью. Они охотились на мелкую дичь, которую истребляли в горных районах, оставляя сайлоков без провианта, но если они долго голодают, то могли накинуться и на человека, сбившись в небольшую стаю.

— Я не знаю, что теперь со мной будет. — Честно признался шаману Слава. — Это чужой мир и другие миры для меня чужие. Как я смогу здесь выжить, если я ничего не знаю о жизни, в таких далеких мирах, о которых я никогда даже не слышал? Я здесь погибну или последняя искра достанется психопату, завоевывающему миры, и тогда я точно не смогу жить, зная, что виновен в смертях миллиардов живых существ. — Его колотила крупная дрожь, глаза стремительно бегали, не фокусируясь ни на чем конкретном. Его охватило такое отчаяние и страх, что ему очень захотелось домой — просто ходить на работу и жить обычной жизнью.

— Выбора у тебя нет, Варэн! Ты должен спастись! Ты должен сохранить искру, и ты должен разыскать Эралию и если Боги будут щедры, они укажут вам путь. Теперь ступай в поселок и передай Хейроку, что Нойд велел дать тебе все необходимое, собрать вещи, которые тебе понадобятся в твоём походе. А сейчас, я еще раз прикоснусь к твоему сознанию, чтобы показать тебе твой дальнейший путь. И он поднял свою долговязую руку, с костяными пальцами, ладонью вниз. Славик провалился в сон.

После короткого видения, в котором увидел новый путь, он открыл глаза и понял, что шаман Нойд уже ушел. Слава встал из-за стола и направился к выходу из пещеры.

Когда его глаза столкнулись со слепящим, солнечным светом, он резко сжал веки, жмурясь до боли. Зрение постепенно привыкло к яркому свету, и Слава осмотрелся вокруг.

Идеально ровная поверхность пласта ледника, сверкала триллионами алмазных отблесков, которые играли на солнце, задорно переливаясь, приобретая родственные оттенки. Снег перестал идти, да и ветер сегодня не рвал своими пастями обрамление пласта равнины, мерно урча, где-то вдаль. Он собрался уже выдвинуться вперед к поселению Сайлоков, но восторженно и осознал, что понятия не имеет, куда ему идти. А в дали на горизонте, словно прыгающая нота на нотном стане, двигалась темно-синяя точка, направляясь в сторону Славика. Он весь сжался в комок, не ожидая от этого явления ничего хорошего, и начал перебирать варианты защиты, мысленно обратившись в свое подсознание, подключившись к энергиям астрала. Точка росла на фоне ледяной равнины, и чем ближе становилась, тем яснее он видел, что это человек. Нащупав энергетический поток, с помощью которого он умел создавать воздушно-водяные бичи, он решил не использовать их сразу, а подождать возможного нападения.

Когда силуэт оказался совсем близко к Славе, он попытался с помощью своих внутренних энергий, абстрагироваться от солнечных лучей, бьющих ему в глаза и рассмотреть нежданного гостя. И ему это удалось. Это был Кайк — мальчишка провожатый, который привел его к шаману Нойду. Он несказанно обрадовался парню и расслабился, отпустив приготовленные заклятия. Кайк, подбежав на расстояние пятидесяти футов, перешел на шаг, и начал двигаться очень плавно и осторожно, словно подкрадываясь к дичи на охоте. Подойдя ближе, он старался не смотреть ему в глаза. Он видел его смущение, но решил ничего об этом не говорить парню.

— Этир Варэн, я приношу свои извинения за опоздания. Буря стихла только час назад, и мне понадобилось время, чтобы к Вам добраться. — Кайк поклонился и прибавил: — Я сопровожу Вас обратно, совет Наймар Вас уже ожидает. — Из коротких расспросов, Слава понял, что обращение «этир», в культуре их народа, значит высшую, уважительную степень, применимую к чужестранцу. Закончив официальную часть, они пошли в Сайдалок, и парень вел беседу со Славой в свободном ключе. Кайк остерегался вопросов о Нойде и всем произошедшем в его пещерах, но остальные темы он охотно затрагивал. Так за неспешной беседой они и пришли в поселение Сайдалок, что находилось на юге Кристальных гор.

Был уже обед, когда они пришли, и после быстрой трапезы, Слава направился предстать перед Наймаром сайлоков. Он рассказал им, что узнал, особо не распространяясь о нападении темно-серых теней из глубин астрала и об истории его рождения, но остальная информация была доведена до сведения совета. Они его выслушали и сказали, что помогут ему всем, чем смогут. Если шаман увидел в Варэне надежду, значит сайлоки, будут помогать ему всем.

После совета, Хейрок раздал короткие указания своим подчиненным, и они начали собирать необходимые вещи для своего гостя. Славе предложили отдохнуть часок в своем шатре, пока сайлоки подготовят вечерний банкет в честь приема такого гостя, как он. То, что Нойд принял и решил помочь беглецу, было для сайлоков высшим проявлением уважения с его стороны, и они как адепты религии, в которой Нойд был не последним членом, всячески хотели усладить пребывание гостя у себя дома.

Его шатер был точной копией жилища травницы Кайры, которая выгнала его с того света. Правда здесь не было целой кучи трав, развешанных на веревках под потолком и разной посуды, необходимой для варки зелья. Но здесь имелся лежак, застеленный тюками с соломой и аналогом матраса, по центру был разведен небольшой огонь, который согревал помещение, мелкими курящимися дымками вытягиваясь сквозь отверстие в потолке шатра.

Он, не раздеваясь, упал на лежак и забылся нервным сном, который давал силы организму, но не приносил душевного покоя.

Его разбудил голос Кайка, который принес ему нарядный кафтан, исполненный в традициях народной одежды сайлоков. На нем были вышиты сцены охоты на диких животных и различные символы, значение которых не были понятны Славику. Он, пробудившись после быстрого сна, оделся в преподнесенный наряд, и отправился прочь из своего временного убежища, чувствуя еще легкую усталость. Выйдя из шатра, он встретился глазами с человеком в длинном до пола, синем халате (или платье), с приталенным фасоном, и тонким поясом на бедрах. Его белоснежные волосы, прямыми нитями свисали ему на плечи, подобранные на лбу, серебряным обручем. Глаза его были голубые и немного стеклянные, как у утопленника. Он был высок, и обладал превосходной осанкой, которая бывает у военных или аристократов. Руки, сложенные за спиной, были крепкой структуры, с мышцами, прячущимися под одеждой.

— Приветствую тебя Варэн, житель внешнего мира! Для народа Сайлоков, есть честь видеть тебя в нашей империи. Меня зовут Руйар, я советник короля Лойка и я прибыл в Сайдалок, чтобы почтить тебя своим присутствием. Мне доложили о твоей встрече с шаманом Нойдом, и я бы хотел послушать, что он тебе сказал, и что вам удалось выяснить. — Его умение держаться, поразило Славика до глубины души, и он как-то сам сжался, перед столь знатной особой, понимая свою ничтожность и беспомощность. Советник выглядел очень властно и уверенно, явно привыкнув к такому эффекту. — Я бы хотел провести небольшую экскурсию по нашему скромному городу, показав твоему взору несколько местных достопримечательностей.

— Это честь для меня советник Руйар! — Слегка поклонившись, посчитав, что это будет уместно, ответил Вячеслав, не зная, что еще к этому добавить. Они отправились в неспешную прогулку по поселению Сайдалок, обмениваясь непривычными для иномирянина комплиментами.

Блуждая около получаса по всевозможным коридорам и ведя неторопливую беседу, Варэн рассказал советнику о визите к шаману и что он ему поведал. Свет в пещерах поддерживали странные светильники, висящие на их стенах, мерно дарящих теплый голубой свет. Советник Руйар долго молчал, переваривая информацию, затем продолжил расспросы, которые уже больше касались жизни самого Славика, чем его приключений на новой земле. Ничего интересного в этой части рассказа, по мнению парня не было, но советник очень заинтересовался некоторыми малозначительными фактами из его жизни своего.

Спустя некоторое время они подошли по ветвистым туннелям к большой двустворчатой двери, на которой была вырезана голова волка Кианга, с инкрустированными сапфирами на месте глаз. Камни блестели в темноте, отражаясь от мерно светящихся шаров на стенах пещеры, переливаясь разными оттенками синего цвета. Руйар сказал, что сейчас они стоят на пороге зала, который уже несколько веков, украшает сердце поселения Сайдалок. В этом зале проходят, королевские встречи, когда король Лойк одаривает своим визитом этот город.

Советник дернул пальцем в сторону, не поднимая руки от бедра, и створки исполинских дверей начали отворяться. Яркий, переливающийся свет, отраженный в сотнях ледяных кристаллов, забегал по дороге, ведущей в туннель, выплясывая разными формами отблесков, кривоватых белых полосок, объединенных в магический невод. Славик понял, что Руйар воспользовался магией, и то как просто он это сделал, вызвало в его душе легкий укол зависти.

Когда двери распахнулись, он увидел большой зал, сделанный полностью из льда. Плотная, туманная дымка, которая курится на кусочках сухого льда, вырвалась из помещения, когда двери открылись, и укутала гостей, пришедших в это святое место. Пар рассеялся, и они вошли внутрь. Стены были до середины своей глубины прозрачными, являя собой отполированный лед. На каждой такой стене, а точнее внутри нее горел светильник, излучая холодный неоновый свет. Этот цвет был таким же, как и в туннеле снаружи зала, но колючего, ледяного оттенка. Они светили ярко, пробивая толщу льда, вырываясь своим искаженным ореолом наружу, освещая зал. В центре самого зала, располагалась огромнейшая скульптура, похожая снизу на вырезанный из льда стол, двадцати футов длиной и пятью шириной, с резными ножками по периметру. Ножек у стола было двенадцать, по одной сущности волка Кианга на каждую. У сайлоков не было понятий времен года, и исчисляли они год, как и люди на земле — месяцами. Каждый месяц, приносил свои плоды, и создавал определенные трудности, поэтому сайлоки считали, что дух ледяного волка, перевоплощается каждый раз, чтобы предстать перед своим народом в новом облики. Часть изображений на ножках громадного стола была понятна Вячеславу, потому что узоры выполнены были в виде животных, правда почти никого из них он так и не признал. Остальные узоры, и вовсе являли перед иномирным загадку. Стол, служил фундаментом для остальной части великолепной и грандиозной скульптуры. Огромный, прекраснейший город, был вырезан из льда, с многочисленными инкрустациями драгоценных камней и элементами фигурной резьбы, восседавший на глыбе ледяной горы. Это была столица империи Айтара — город Сайлор. Она была искусно вырезана в монолитной глыбе льда, со всеми архитектурными строениями изображая городскую жизнь. Шпили замка короля, нависали над всеми зданиями города, прочерчивая ровную грань своими тенями, деля пополам город Сайлор. Башни замка украшали разные драгоценные камни: опалы, сапфиры, бриллианты, изумруды. Задней частью, город упирался в чудовищную по размеру гору, которая прикрывала тыл замка. Горная гряда, окаймляла Сайлор с двух сторон полукругом. С двух сторон, внутрь периметра города обрушивались два симметричных водопада, застывших во льду, как два ледяных копья. Которые назывались Клыки Кианга. Множество красивейших зданий, заполняли всю передовую территорию замка короля, где располагались разные государственные учреждения. Дом Совести — судебный зал, где решались споры и выносились приговоры, Алтарь Хрустальных Слез — главное святилище города, где восседал главный шаман, верховный жрец, которого называли провидец или Пугдур. Волчья Нора — закрытый орден магов сайлоков, которые осуществляли защиту империи и занимались разведкой. И еще много бесчисленных зданий и построек, с храмами и алтарями, мостами и рынками. Город во всех его проявлениях.

Все эти достопримечательности советник Руйар показал Варэну, на маленьком экскурсе по истории города Сайлор.

Такой красоты Вячеславу еще никогда не доводилось видеть. От изумления у него перехватило дыхание, и когда он понял, что не дышит, смущенно посмотрел на советника. Тот не обратил на него никакого внимания, потому что сам был занят лицезрением этого великолепия. Над просторами копии города, в черном камне, похожем на гранит, сотнями тысяч звезд, горели разноцветные огни. Аметисты, сапфиры и алмазы, разных, но преимущественно мелких размеров драгоценные камни, были так искусно вмонтированы в потолок, что создавалось полное ощущение ночного, звездного неба. Оно раскинуло свои крылья над городом Сайлор, отражаясь своими блестящими глазами, в его стенах и крышах.

Советник, рассказал Варэну историю создания этого шедевра. В ней говорилось про одного сайлока, который не владел магией, но хотел обязательно ей обучиться, чтобы спасти свою возлюбленную. На его жену, во льдах напал неизвестный дух и захватил ее тело. Девушка уже несколько месяцев лежала без сознания и едва дышала от измучивающих ее болей. Тогда сайлок пошел в Сайлор, просить провидца помочь ему овладеть магией, чтобы одолеть духа. Провидец сказал, что сайлок уже обладает необходимой магией, которая ему поможет вылечить жену, но тот не понял смысла слов провидца и вернулся в Сайдалок, к любимой супруге, убитый безнадежным горем. Спустя некоторое время, чтобы заглушить свою боль, он принялся вырезать прекраснейший город в одном из пустынных залов, в котором он побывал когда-то. Это был Сайлор, который когда-то порастил его своей красотой и могуществом. Спустя несколько лет, его работа была закончена. Он привез в этот зал свою жену, которая по-прежнему находилась в магической коме. Находясь рядом с точной копией столицы Айтары, девушка пробудилась от длительного сна, а дух, захвативший ее тело, попал в заточение в одну из башен королевского замка. Узнав эту историю, тогдашний император Вайкол, приказал привести к нему талантливого сайлока и попросил того сделать такую же скульптуру, только больше в десять раз и изобразить на ней не Сайлор, а древний, самый первый город их народа — Сайлок. Копия города Сайлока, была воссоздана по архитектурным чертежам сайлоков, и по сей день находится в королевском дворце в столице Айтары.

Рассмотрев по дюйму, каждую часть миниатюрного города, Слава и Руйар, отправились в банкетный зал, где пили, ели и танцевали до поздней ночи, развлекая гостя и другого мира, посвящая его в особенности своей культуры и гостеприимства. На следующий день сайлоки отправят Варэна в путь, который ему предстоит пройти самому, во имя спасения многих жизней.

Прошло уже три дня, как Эралия оставила Варэна и отправилась в путь. Мрачный лес, который таил в себе десятки опасных, разнообразных хищников, и сотни других смертельных опасностей, обволакивал ее. Лес ее завораживал, она очень любила его величественность и шарм. В лесу Эралия чувствовала себя, как дома. Причем это касалось любого леса или скопления деревьев. Она слышала его дыхание, слышала его мысли, и знала его обитателей. Она для них была настолько же своей, как и любой другой зверь. Даром Эралии было умение внушать окружающему миру свою точку зрения, даря свой неповторимый образ. Она была своей для местных обитателей, и сам лес сторонился ее.

На третий день пути, на нее напала стая Кадлоков, которых в этом лесу было чрезвычайно много. Одичав и изголодавшись, потому что еды на всех гиеноподобных псов явно не хватало, они нападали на всех без разбора. Голод так подавил их разум, что они не распознали магию Эралии, ведомые лишь инстинктами. Эралия потянула за магические нити, шепча молитву заклятия, тем усиливая его, и проникла в сознания Кадлоков. Псы минуту сопротивлялись, но в итоге воля и сила Эралии подавила их подсознания. Она им внушила, не просто образ «своей», она влюбила их в себя, заполнив их мысли океаном обожания и трепета. Кадлоки стали ее ручными зверьками. Глаза их вспыхнули бледно-фиалковым светом, и они подчинялись любому ее приказу, отдавая всю свою преданность.

Опасное путешествие продолжилось в компании надежных охранников, которые были в состоянии отпугнуть многих зверей, включая своих собратьев. Кормить их также не было необходимости. В пути Кадлоки добывали пищу себе сами. Несколько раз Последняя Стрела наталкивалась на ощутимые искривления в пространстве на астральном уровне, исследуя их, пытаясь найти их природу. Но изучая их астральные планы, она понимала, что в этом лесу много прорывов реальности, где миры соприкасаются друг с другом. Эти очаги порождали аномальные зоны, в которых прорывалась нежить из мира Нави, одного из подпланов астрала. Она понимала, что ей нельзя попадать в эти зоны. Исходя из этих данных, она знала, что еще несколько недель, и миры вновь сдвинутся, уже отталкивая себя, а их расположение относительно друг друга, будет оптимальным для открытия Теневого Портала.

Времени у нее было предостаточно, она все верно рассчитала, когда узнала, что Лярвы выследили Варэна, и при этом она смогла вычислить открытие портала, с погрешностью чуть меньше недели в ее пользу. Теперь все ее мысли были обращены в собственные переживания. Переживала она за своего подопечного. Ей, конечно, не стоило покидать его, когда он переплелся с осколком звезды, но у нее было одно подозрение, которое она хотела бы проверить. Если ее подозрения подтвердятся, то ей придется придумать другой способ взаимодействия со своим подопечным. Его не должны найти. Она искренне надеялась, что путь, указанный ему будет относительно безопасным и не причинит Варэну увечий. Для обычного человека, те опасности, которые ему обязательно придется пережить, были бы ужаснее любых пыток, но она верила в его силу. Она знала, что Детритас поможет(Осколок звезды — искра) ему справиться.

Она бежала без отдыха и привалов. Ее силы спокойно хватало на недельный марафон без передышки. Каждые несколько дней, выискивая энергетические колодцы, она останавливалась, пополняя запас магической энергии и утоляя голод с жаждой. Кадлоки не

отбегали от нее надолго, только в тех случаях, когда им самим требовалась пища, и это происходило посменно. Один Кадлок уходил на охоту, когда второй возвращался с нее.

Потрясающее чувство ориентирования в пространстве, позволяло ей безошибочно определять необходимое направление. Она интуитивно чувствовала его, и единственное на что тратила силы, так это на сканирование местности для своевременного обнаружения опасности. Часть ее сознания, изредка отлучалась, в поисках Сиаб Миасса (Хранителя Искры), чтобы удостовериться, что он еще жив и находится в безопасности. Лишь один раз, когда она почувствовала необоснованную тревогу, она мысленно через астрал нашла Варэна, и с ужасом обнаружила, что он попал в аномальную зону, где могла обитать нежить из подплана Нави. Спустя недолгое сканирование, она увидела там Анцыбала, который собирался напасть на ее подопечного. Болотный черт уже сплел морок, который затуманил разум Варэна. Она послала ему мысленный зов, вплетаясь в чары Анцыбала, предупреждая об опасности:

— Нет, Варэн! Не делай этого! — сказала она, испытывая почти материнскую тревогу, пытаясь оградить его от нападения, и это сработало. Ее зов был услышан, и Варэн успел применить магию, защищая себя. Она долго не смогла держать с ним связь, но успела заметить его яростное сопротивление. Он принял бой и, кажется, у него получалось сражаться. Дальше она потеряла связующую нить с ним, и лишь когда тревога растворилась в ней, как капля соли, исчезает в пресном море, она поняла — он справился.

Дальше ее путь был и вовсе обыденной прогулкой. Она, пробежав всю неделю, с короткими стоянками, выбилась, наконец, из сил, и передвигалась уже шагом, едва покрывая одну двадцатую того пути, который до этого пробегала. Но время работало на нее, потому что Тиры не только повелевали пространством, но и как никто понимали происхождение времени и его сущность.

Покинув мрачный лес, и отпустив подсознание Кадлоков, которые благополучно убрались обратно в лес, она пошла по полям, проходя несколько деревень, но особо в них не останавливаясь. Народ в деревнях был запуганным и нелюдимым, а на пастбищах было неожиданно мало скота. Эралия могла поклясться, что несколько раз слышал блеяния, мычания и визг, разнообразных домашних животных. Люди словно прятали ценные ресурсы, да и сами старались не показываться без надобности на улице.

Признаться честно, несколько жителей деревень были немного смелее, чем радовали Тиру. Они позволяли ей напиться из своих колодцев, а некоторые даже продавали мясо и крупы. Она не запасалась, а лишь кормила себя, тем, что могла себе позволить. Скоро она прибудет в Ралонг, город, находящийся на границе королевства Хурулон и Вармалион, но принадлежавший первому из них. Вармалион государство магов, которые используют силу земли и камней. Все, что связано с этой стихией — это их вотчина, в которой магам Нергидам не было равных. Они обитали в горных районах, занимаясь добычей полезных ископаемых.

Многочисленные, засеянные поля, оставались позади, мелькая мимо быстро идущей Стрелы, и уже через пару дней она увидела зеленые рощи в дали. Эти рукотворные рощи, которые вырастили хурулонцы в степной долине, казались настоящим чудом. В их хитросплетениях и тенях, как раз раскинулся город Ралонг, являя собой произведение искусства в области ландшафтной архитектуры. Эралия еще за несколько десятков лиг до города, почуяла, что лес выращен искусственно, но это никак не принижало его красоты и необычности. В этих местах, было гораздо жарче, чем в других районах материка Профар, и

жестокое солнце выжигало все вокруг. Но маги хурулонцев, мастерски управлялись астральной сутью всего растущего на земле, покорно оберегая нежную природу. Они умели, вдыхать жизнь в любое растение или дерево, вне зависимости от климатических условий. Делясь своей силой и применяя магические хитрости, под покровительством магов Хурулона, природа высвобождала свои амбиции, захватывая сухие земли. Подпитку осуществляли подземными источниками, насыщая флору необходимыми минералами и веществами.

Лесопосадка опоясывала город кольцом примерно в лигу по глубине. За искусственной рощей было несколько лиг пустынного пространства, притоптанного песка над слоем влажной глины. Здесь не было никаких строений, для того чтобы образовывалась зона наблюдения и враги не смогли подойти через рощу не замеченными. Эта пустынная полоса упиралась в глубокий и широкий ров, который также служил очередным препятствием на подступах к городу. Въездов в город было сразу четыре, по одной с каждой стороны света. Эралия прошла по восточной дороге и уже шла через безжизненную полосу пустыни, окаймленную лесным ореолом. Через ров был перекинут умопомрачительный мост, сделанный невероятным магическим способом. Сотни, тысячи ветвей дикой лозы, лиан и других растений, имеющих форму канатов, с многочисленной листвой, цветами и плодами разных соцветий, образовывали собой конструкцию моста, перекинутого через широкий ров, переплетаясь между собой. Он выгнулся дугой, раскинув ветви, как у ив, свисающих с обеих сторон. От этого моста пахло цветочным полем и магией. Хурулонцы невероятно сбалансировано совместили природу, искусство и архитектуру. Это очень потрясло Эралию, и она с неким сомнением, и с невероятным любопытством шагнула на этот чудный мост. Ветви деревьев были не только помостом, но и крышей, образуя туннель, высотой футов в пятнадцать, чтобы даже груженные телеги могли сюда проехать. Эралия подозревала, что и вес он мог выдержать очень приличный.

Спустившись с моста, Эралия еще раз обернулась и внимательно осмотрела еще раз мост. Она старалась запомнить каждую его деталь, и настроение, которое он дарил. Глубоко вдохнув запах этой растительной скульптуры-моста, она направилась к городским воротам.

Город был построен в форме квадрата, в отличие от рощи и рва с водой. Получалось, что этот квадрат был вписан в окружность, но ворота, если они были со всех сторон одинаковые, были выполнены также в форме носа корабля, под углом имея систему двойных открывающихся ворот. Следовательно, с высоты, город выглядел как восьмиконечная звезда, вписанная в окружность. Стены замка были не высоки, примерно футов в тридцать, и сделаны из мелкого глиняного камня красного цвета, похожего на обыкновенный кирпич, только более аляпистой формы. Башни каждые двести ярдов и много бойниц, для защиты города.

Всю дорогу в Ралонг, Эралия удивлялась, почему нет людей, которые также идут в город. Да, с восточной стороны до самого мрачного леса, откуда он вышла, было всего с десятков деревень, две из которых она прошла. Но чтобы вообще народ не вез никаких товаров на продажу в город и не вез необходимые покупки обратно, это было странно. Подойдя к воротам, она обнаружила, что они закрыты. Наверху зашевелились стражники и трое из них спустились с башни, встречая ее. Эралия скользнула к своему подсознанию, привычно хватая необходимые ленты энергий, и сплела из них короткое заклятие. Один из стражников сказал:

— Вукхир! Ты что здесь делаешь? — Стражники обратились к Эралии, словно

подумали, что она кто-то другая, а именно один из них — стражник по имени Вукхир.

— Я выскочил по нужде, и увидел подозрительные движения в роще, пошел проверить, но там был все чисто, вот я и возвратился, а дверь уже закрыли.

— Тебе, что жить совсем надоело? Быстро проходи на ту сторону, и чтобы больше без приказа лейтенанта ни шагу за периметр. — Эралия улыбнулась, едва заметным движением уголка рта, и сказала: — Прошу прощения, это больше не повторится!

Стражники впустили ее, но что-то подозревая, постоянно поглядывали друг на друга. Эралия все же очень качественно отвела им глаза так, что поймать ее на мороке, было не возможно. Когда она проникла в город, наверху стражников окрикнули:

— Что там, Вельд? Кого там черти носят? — И ему сразу ответил тот самый Вельд который стоял позади Эралии. — Все в порядке, свои! Это Вукхир здесь заблудился. — Все стражники смотрели вверх, откуда доносился из бойницы башни голос одного из стражей.

— О чем вы там говорите? Вукхир здесь, с нами. Дрыхнет, поди. — И сразу же наверху откликнулся другой, более молодой голос: — Сам ты дрыхнешь! А я на посту никогда не сплю. — Звонкий голос принадлежал явно Вукхиру, и голова, появившаяся в бойнице, носила именно его лицо.

— Колдовство!!! — Закричали стражники и посмотрели в сторону Эралии, где только что стояла она в облике молодого стражника Вукхира, но там уже никого не было. Эралия сбежала.

* * *

Молодая Стрела носилась по городу, пытаясь понять, куда ей податься. Где скрыться? Несмотря на наступившее утро, в городе почти не было людей. Кое- где, Эралия все же видела пару человек, но увидев ее, они меняли направление и спешно уходили на противоположную часть улицы. Спустя час скитания по почти безлюдным улицам Ралонга, она несколько раз удачно скрылась от городского патруля и вдруг услышала звуки горна, трубившего по всему городу. Пронзительные трубы, казалось, гудели со всех сторон, наполняя улицы страшным ревом. После этого, город закипел жизнью. Люди начали выходить на улицы, и торопиться по своим делам. Теперь ей не составит труда затеряться между горожанами, пользуясь простым мороком отвода глаз.

В городе творилось что-то странное. Эралия никак не могла понять, почему привычная жизнь горожан, выглядела так, словно они находятся в смертельной опасности. Она приняла решение, отправится на городской рынок, и попытаться там разобраться в ситуации. Рынок — это именно то место, где сплетни и слухи могли рассказать множество историй, и в частности раскрыть тайну того, что же здесь происходило.

Город кипел страстями. Эралия выяснила, что на северной стороне города, стоят войска королевства Вармалион, которые хотят захватить город Ралонг. В городе объявлено осадное положение, и введен комендантский час с позднего вечера до позднего утра. Горожане были напуганы, и все их разговоры и обсуждения сводились только к этой теме. Они, конечно, пытались скрыть свои волнения, но это у них плохо получалось. Эралия перекусила местной еды, и попыталась продумать, как ей пересечь этот город и остаться незамеченной. Стражники по всюду выискивали шпионов, поэтому ей требовалась вся ловкость и скрытность, чтобы не вызвать к себе подозрения.

Вначале она собиралась дойти до северных ворот и покинуть город. Ей как раз было в ту сторону, но армия Вармалиона спутала ей все планы. Теперь она решила выйти к городской стене между северным и западным въездом, и там попытаться покинуть город. Она шла быстро, но не бежала, чтобы не привлечь к себе внимание. Если она застрянет в городе, то это неизвестно, насколько времени может ее задержать здесь, а время терять она не хотела. Если она пропустит сдвиг миров, то может не успеть открыть Теневой Портал в мир, где ее ждала одна важная встреча.

На рынке она купила легкую серую накидку из тонкой ткани, которая выглядела очень женственно, и при этом растворяла ее среди остальных горожан. Путь ее был не близок, а солнце нещадно испепеляло все на своем пути. Спустя еще пару часов, она уже видела городскую стену, возвышающуюся за силуэтами городских зданий. Солнце, так ужасно жарящее людей в городе, стал светить гораздо тусклее. Эралия подняла взгляд к небу и увидела, как черные тучи начали затягивать небо над городом. Она на мгновение так напряглась, что стала похожа на стальной канат, скрученный в тугую пружину, которая вот-вот выстрелит, высвобождая накопленные эмоции. Дважды намереваясь ей не требовалось, потому, что от туч исходил сильный магический фон. Она сорвалась с места и побежала к своей цели, не обращая внимания на останавливающих людей, которые глазели ей в след. Понимая, что здесь сейчас начнется, она даже не пыталась предупредить горожан. Теперь их судьба во власти совершенно не подвластных ей сил. Она не успела додумать мысль до конца, как с неба обрушился град камней. Началось.

Вначале это были мелкие камни размером с яблоко, но чем дальше камнепад обрушался на город, тем больше становились размеры камней. Через пятнадцать минут с неба падали целые скалистые обломки, и улицы заполнились криками умирающих людей, под этой смертельной атакой. Кровь лилась по улицам, заливая мостовые, делая бульжник, которым отделали улицы, необычайно скользким. Эралия несколько раз поскользнулась, но ее ловкость помогла ей удержаться на ногах. Затем она все же упала и перепачкалась с ног до головы в крови. Люди кричали, умирая целыми группами, здания рушились, взрываясь от попадающих каменных снарядов, разлетаясь тысячами осколков.

Эралия уже была напротив северных ворот, когда свернула в центральный городской сад. Здесь людей было меньше, кровь не так залила тропинки, и можно было не беспокоиться, что ее придавит обвалившейся стеной дома. Когда она выбежала на центральную аллею, то увидела, что за северными воротами, деревья рощи взлетали вверх, вместе с корнями, словно их выталкивало изнутри чудовищными взрывами. Грохот стоял соответствующий. Через решетку ворот, она увидела как огромный каменный гребень, мчится через рощу, выкорчевывая деревья на своем пути, и приближается к городу. Этот исполинский гребень, ворвался в берег рва, проходя через воду еще легче, чем через глиняную почву. Огромная волна, превышающая высоту городских стен, обрушилась на нее сверху, раскидывая миллиарды брызг и капель. Гребень ворвался в город, выбивая своими острыми камнями-скалами ворота внутрь. Стражники разлетались в стороны, подлетая на высоту двух этажных домов, и моментально гибли. Такой жестокой атаки, Эралии не приходилось еще видеть никогда в своей долгой жизни. Она бежала между прекрасными деревьями, кустарниками, подстриженными в виде разных фигур, и прекрасных цветов, но у нее совершенно не было времени, чтобы наслаждаться этими видами. Она должна была сосредоточиться на всех своих умениях, чтобы остаться в живых в этой мясорубке.

Несколько огромных валунов пролетело над ее головой, осыпая ее каменными

крошками, пачкая одежду. Серая пыль налипала на плащ перепачканный кровью, превращая ее в каменную статую. Несколько камней летели прямо в нее, но она ловко проскользнув под ними, помчалась дальше.

Приближаясь к городской стене, она бежала в направлении одной из башен, у которой имелся вход для стражников. На стене происходила настоящая суeta. Стражники гибли, их трупы слетали со стены, падая во внутреннюю часть города. Эралия забежала через вход в башню, расталкивая обезумевших от страха и неожиданности, стражников. Солдаты смотрели на нее, но пропускали мимо, не желая отвлекаться от собственного спасения и бегства. Поднявшись по винтовой лестнице, она выбежала из башни и побежала по стене. Смерть пиrowала на стене, пожиная свою кровавую жатву. Единственное, что спасало Эралию от верной гибели — это ловкость и скорость, с которой она искусно передвигалась.

Несколько воинов, приняв ее за захватчиков, попытались вступить с ней в бой. Она, умело отбивая их атаки, просто отмахиваясь от них, оставляя в покое. Солдаты сразу же переключались на летящие «снаряды», пытаясь от них увернуться.

Пробежав по стене не меньше сотни ярдов, уйдя с линии колдовства захватчиков из Вармалиона, она решила спрыгнуть в воду, прямо в ров. На нее уже толком никто не обращал внимания, и она, решившись, прыгнула. Погрузившись глубоко в воду, Эралия, проплыла значительную часть, не выныривая, а затем выбралась на берег. Вся мокрая, в обтянувшей одежде, она побежала в сторону рощи, где удачно скрылась.

Покинув искусственную рощу, переждав при этом атаку на город Ралонг, она выбралась на поле, засаженное какой-то зерновой культурой, скрываясь в их высоких колосках. Она осторожно посмотрела в сторону армии Вармалиона, поняв, что первая стадия прорыва закончена, увидев, как многочисленные солдаты бежали штурмовать паникующий город.

Ей было безумно жаль, что столько мирного, не в чем неповинного народа, умирает в этом смертельном капкане, но исправить она ничего не могла. Ей не известны были причины этой войны, да и разбираться в них, у нее не было времени. Она знала одно: если она не выполнит свою миссию, то жертв будет в сотни раз больше. И она побежала дальше.

Уже целую неделю она шла через каменную пустыню, экономя силы. Из головы не выходили образы мертвых хурулонцев, погибающих целыми семьями в застенках города Ралонг. Такой ужасной битвы, в которой нещадно истребляли целый город, не давая шанса защититься, ей еще не приходилось видеть. Это был самый настоящий геноцид. Столько крови. Сотни мертвецов, расплюснутых, и выплеснувших всю кровь из своих тел, под прессами тяжелых камней. Внутренности, раздробленные кости и черепа. «Какой кошмар!» — подумала Эралия. Она остановилась и, закрыв личико ладонями, заплакала. Затем помотав головой в разные стороны, она согнала с себя паутину ужаса и жалости, и глубоко задышала. Это ее немного успокоило, и она задумалась обо всех тех мирах, которые успела посетить, обо всех тех людях, с которыми ей довелось познакомиться. Многие из них не заслуживали такой жестокой судьбы и такой ужасной кончины, но она понимала, если она не достигнет цели, кровавая жатва, произошедшая в Ралонге, повторится, только еще в больших масштабах.

Она продолжила идти. Скоро она дойдет до места, где столкнуться миры. Ее сущность Стрелы, четко ей указывала путь, и она уже видела эти магические потоки, которые стягивались к пространству взаимодействий реальности. По дороге ей никто больше не мешал, и она совсем никого не встретила, ни людей, ни животных. Здесь солнце светило почему-то тусклее и дул сильный ветер, который почти никогда не прекращался. Когда Эралия остановилась на ночлег, и погрузилась в объятия астрала, то магические энергии ее сильно удивили. Часть потоков, которые отвечали за природные силы, словно взбесились. Они метались между астральными планами, словно обезумевшие души, которых заточили навсегда в бездне. Они горевали, они кричали, плакали и молили. Молили все вокруг, чтобы эти смерти прекратились, чтобы боль тех несчастных людей, умерших и заплонивших одну часть подплана астрала, исчезла и отступила. Эта нечеловеческая скорбь, разрушала некоторые магические связи, и те, объединялись с другими потоками, образуя новые, уникальные энергии. Астральный план, словно сошел с ума. Такого Эралия еще не встречала.

Это странное заклинание, которое было использовано в Ралонге, встревожило Эралию. Это был новый подход, к плетению заклятий, с применением уникальных, неизвестных энергий, похожих, на те, которые сейчас бушевали в астрале. Она могла поклясться, что темная магия не имела к тому заклятию никакого отношения, потому что она бы ее сразу же распознала. На ее теле остался магический фон от заклятия «Каменного дождя», который оставил едва ощутимый след в подпланах. По этому следу, Эралия вычислила остатки энергии, задействованной в этой магической атаке, и смогла выяснить, что черная магия, даже в скрытом, замаскированном виде, не использовалась при штурме Ралонга. Заклятие было переполнено чем-то неуловимым, древним, первобытным. «Что же это за магия? Откуда эти древние знания?» — Ее мучили вопросы, и терзал душу страх. То, что эта магия не была изобретением Нергидов, магов Вармалиона, она не сомневалась, но кто им дал такую технологию плетения заклинания? Вот в чем заключался главный вопрос. Кому выгодно было наделить один народ такой мощью, и позволить им обрушить свой гнев на своих соседей? Все это ей очень не нравилось.

Усталость пульсировала в висках, шумно и гулко стуча, каждым ударом сердца. Ее

переполняли мысли, эмоции и очень редкие для нее нотки предчувствий. Она не имела дара предсказания, и никогда не рассчитывала, что ей удастся увидеть будущее, и предотвратить превратности судьбы. Вместо этого, она всегда полагалась на свой разум, и на свою рассудительность. Но сейчас в ней бушевали неосознанные предчувствия, калейдоскопом крутящиеся в виде образов и видений, но понять она ничего не могла. Эралия прожила немало лет, и успела побывать в десятках миров. Изучая их, размышляя над их жизнями, она впитывала в себя самое лучшее. Она стремилась найти гармонию, потому что мерзости в жизни людей и не людей и так хватало.

Новые предчувствия вскипели у нее в душе. Если она — опытный воин и маг, не встречала никогда прежде такой редкий вид магии, то, что случится с Варэном, если и на него обрушат нечто подобное? Она боялась, что его захватят или убьют и тогда у них не останется шанса для борьбы с Баргозаром. Никто, даже самые смелые и воинственные расы, не смогли выступить против Баргозара и его армии. Они все его боялись, потому что никто доподлинно не знал, каким могуществом и силой он обладает. Что если он нашел новые способы плетения заклятий, и подчинил их себе? Что если Баргозар научился менять сущность астрала, и узнал, как им можно управлять? Все это дало бы ему почти безграничное могущество. Его бы уже никто не смог остановить.

Нужно было поторапливаться. Она хотела перехватить одного важного человека, который по ее подсчетам был как раз в том мире, куда она собралась перейти. Когда они встретятся, Эралия ему расскажет, кто он на самом деле, и что бы он ни решил, все будет зависеть от него. Она хотела успеть, с ним встретиться, до того, как Варэн попадет в его родной мир, иначе его ждет там неприятный сюрприз. Она прекрасно знала, что мир Сартог захвачен Баргозаром, но она была уверена, что сможет найти там союзников, которые помогут им скрыться от слуг кровожадного Чернобога Баргозара.

Когда Эралия останавливалась на ночлег, то твердые, грубые камни, были для ее измученного тела, как мягкая, домашняя постель. Она с наслаждением погружалась в сон, при этом оставляя часть своего сознания следить за окружающим пространством. Она нормально не отдыхала уже больше года, находясь в постоянных поисках Детритас. Несколько месяцев назад ей улыбнулась удача, и ей рассказали историю лагеря Киранхоши, который уничтожили воины Вседержителя, и так она обрела первую нить для поиска. Ей пришлось многие недели следить за изменением планов астрала и передвижениями миров. Кроме открытых миров, в которых существовали Сакральные Порталы, были и другие. Эти миры назывались закрытыми, потому что не имели никаких дверей, через которые можно было взаимодействовать с остальными. Эти миры были по большей части внешними, и про них мало кто знал. Но Тиры, способны улавливать и их, подключая все свои самые мощные резервы. Таким способом, наблюдая и исследуя следы энергии Детритас, Эралия смогла вычислить местоположение одной из Искр. Так она нашла Варэна и его кристалл. Если бы она не успела, кто знает, как бы закончилась встреча ее подопечного с ищейками Лярвами.

С каждым разом просыпаться, и заставлять себя встать с постели становилось все труднее. Но она не могла себе позволить расслабиться. Еда почти заканчивалась, а раздобыть ее в этих безжизненных степях, где кроме камней и пыли почти ничего не было, было совсем невозможно. Теперь порции ее еды становились вдове меньше, а остальные силы она черпала из астрального плана, немного придавая своим мышцам и телу, прежнюю подвижность. Несколько раз по дороге ее заставлял дождь, от которого она не могла спрятаться, поэтому ей приходилось по многу часов идти под ливнем, полностью

промокшей. Она дрожала от холода, и не могла согреться долгое время, когда дождь прекращался, а ей выпадали часы отдыха. Она разжигала костер, используя только магические способности, что еще больше отнимало сил и энергии. Деваться было некуда. Либо она сломается здесь и сейчас, либо она доведет дело до конца, и попытается спасти вселенную. Она не сдавалась.

Прошло еще несколько монотонных, изматывающих дней, которые тянулись как древесная смола, из надрезанной коры. Она, наконец, почувствовала, что уже у цели, и дойти до нее, уже было делом времени.

К концу дня ее поход был окончен. Она дошла до невысокой гряды, состоящей из пологих холмов, которые плавными гребнями подпирали небо. Полагаясь на свое особое чутье, она начала искать аномальную зону, которая должна была образоваться в результате взаимодействия миров. Поднявшись на один из невысоких холмов, почти выбиваясь из сил, она осмотрела небольшую долину, которая образовалась на стыках этих холмов. Сомнений у нее не осталось — она добралась до нужного места.

Прямо посредине долины, где росло несколько одиноких деревьев, зиял разрыв реальности. Но это был еще неправильный разрыв — аномальная зона, через которую было невозможно пройти. Точнее попытаться можно, но это было очень опасно. Такая аномалия могла просто захлопнуться во время перехода, и неудачливого путешественника, просто сплющило бы. Часть этих деревьев, что стояли на границе миров, выглядели очень странно. Их словно распилили на пилораме, ровно по центру, а их сердцевины, которые должны были обнажиться, окутало темной дымкой. Ветки с другой стороны были целы и невредимы, словно они росли в обычной для них среде. На том же месте, где «обрезало» деревья, тихо, накатывая легкими волнами, плескалось зеленоватое море. На гребнях волн, игриво бесились барашки пены, а запах соли и йода не оставлял других мнений. Эралия удивилась такому явлению, хотя в других стыках движущихся миров, бывали не такие, но похожие казусы. К делу это отношения не имело. Она знала, что когда миры вновь сдвинутся, здесь она сможет открыть проход, и тогда она сможет попасть в мир Сартог.

Она расположилась подальше от аномальной зоны, чтобы избавить себя от непредвиденных опасностей, которые могут возникнуть вследствие движения миров. Чтобы сократить часы, а то и дни ожидания, она погрузила себя в подобие анабиоза, когда все жизненные процессы в ее теле замедлились до самого минимума. Она впала в спячку, и лишь ее сознание оставалось где-то рядом, выискивая опасности и странные явления. В таком состоянии она пробыла еще следующих два дня, после чего начались процессы, предвещающие сдвиг миров. Она находилась во внешних подпланах астрала, сканирую пространство и, исследуя существ, которые начинали стягиваться к аномалии. Было тяжело все контролировать, но опыта и сил у нее хватало на все. Теперь нужно было сконцентрироваться и сосредоточиться. Ей не требовалось вмешиваться в движение миров. Она наблюдала за всем, как бы отстранившись. Все было как обычно, но недолго. Эралия заметила, что активность астральных существ увеличилась, и их скопление немного ее напугало. Знать всех существ, которые обитали в изнанке пространства, было невозможно. Но те твари, которые сейчас наполняли подпланы, ее сильно настораживали и тревожили. Было еще кое-что странное. Тени, которых раньше не видела Эралия, приблизились к самой границе сдвига миров и спокойно замерли. Они словно ожидали команды, или неких событий, которые еще не произошли. Эти бесплотные духи, не имели определенной формы или вида. Они просто были. Скопление энергий от столкнувшихся миров, начало истаивать,

преобразуясь в совсем другие энергии. Миры расходясь, оттолкнулись друг от друга, и на месте их соприкосновения, появился проход, который теперь нужно было открыть.

Последняя стрела, не теряя ни секунды, принялась за работу. Она чувствовала каждый из миров, как живые организмы, которые вплелись в ее сознание. Она могла их слышать и видеть, а также ощущать пространство, которое было между ними — изнанку. Тени стоящие неподвижно, словно обезумели и поспешили к границе реальности, которая отделяла астрал от мира Арегад. Они словно изучали грань, определяя, смогут ли пройти. Судя по всему, сейчас проход был недоступен, что сильно обрадовало Эралию, но ее тревога никуда не девалась, и она поспешила открывать проход. Когда работа была почти закончена, тени словно увидели Эралию через утончившуюся грань, и замерли, изучая ее. Ей показалось, что они потеряли интерес и к сдвигу миров, и к поискам того, что им было нужно, а теперь они смотрели своими отсутствующими глазами на невидимых лицах на нее. «Откуда такая любопытность?» — Думала она, ускоряясь в построение аркана перехода. Она понимала, что если бы их цель была привычная для существ астрала, а именно смерть людей и поглощение их жизненных сил, то сейчас, эти бесплотные создания вели себя очень странно.

Переход был уже почти готов, и Тира, начала искать нужный путь между мирами, для построения перехода именно в тот мир, который ей надо было — мир Бьяргил. В этот момент тени, издали некое подобие черного излучения, которое срывалось с краев каждой оболочки этих созданий и направилось к Эралии. А в реальности эти сгустки, пробив и без того истончившиеся грани реальности, ворвались в реальный мир. Теперь они выглядели, как вороны с прозрачно-белыми глазами и длинными клювами. Их черное оперение сливалось в одно черное пятно, и было не понятно, где крылья, где хвост, а где когти. Их было много, несколько десятков, и они кружили вокруг трясущейся реальности, вибрирующей земли, и дрожащего воздуха. Реальность вокруг поплыла — так действовало на нее колдовство Последней Стрелы. Вороны кружили водоворотом над головой Эралии, издавая мерзкое карканье, словно бранясь на нее. Она старалась, не обращать на них внимания, но по коже липкими прикосновениями, ползли неведомые ощущения, словно ее прощупывали, сканируя каждый сантиметр ее стройного тела. Она восторгалась, а внутри у нее похолодело. Вороны летали, плотно прижимаясь друг к другу, как черная туча, которую гонит ветер. Затем между их телами начали образовываться черные, дымчатые нити. Они ползли, извиваясь в воздухе, и переплетаясь с такими же другими дымками. Затем произошла черная вспышка и вместо стаи ворон, возник большой монстр очень странного вида. Он был похож на жука, с длинными четырьмя лапами, спереди они в коленных суставах превышали собственный рост чудовища, образуя букву «м» своими конечностями. Голова монстра была как нераспустившийся бутон, который делился на четыре лепестка. Астральная тварь раскрыла свою пасть и «бутон» раскрылся, громко хлопая мембранами, сложенными в складки бутона. Глаз или ушей было не видно, правда они могли находиться не обязательно на голове. Тело жука, было похоже на панцирь скарабея. Когда створки панциря разошлись, оттуда выскользнул щуп с присосками на конце. Он был похож на хобот, только весь в слизи и пупырышках. Это грозное оружие захлестало над головой Эралии, и она машинально отскочила назад. Пасть открывалась и захлопывалась, а щуп беспорядочно извивался над телом жука. Монстр издавал высокий писк, так, что закладывало уши, но Эралия поставив магический заслон к своим барабанным перепонкам, отгородилась от угнетающего звука. Она схватила свой лук и выпустила несколько стрел в жука. Стрелы попали в его бронированный панцирь и, отскочив, упали на землю в пыль. Чудовище

наступало на свою жертву, беспорядочно двигая своими длинными лапами, рваными движениями передвигая тело. Пасть монстра метнулась в то место, где только что стояла Эралия, но ее уже там не было. Она прыгнула в сторону, крутясь в воздухе в горизонтальном положении. Ее руки и ноги разметало в стороны, и она изящно увернулась от выпада монстра. Она приземлилась на одно колено, словно в поклоне, расставляя руки в грациозном реверансе. Затем ее кисти закружились перед ее лицом, и сдвинулись к груди. Она тяжело задышала, а с кончиков пальцев, сорвались небольшие воздушные водовороты, которые моментально набрали скорость и силу, и метнулись к передним лапам жука. Эти вихри подхватили, конечности монстра и, подкидывая их вверх, растянули их в разные стороны. Жук, не устояв на разъехавшихся передних лапах, зарылся вперед, вгрызаясь пастью в землю. Собрав тонкие пальчики правой руки в бутон, она быстро провела ими от солнечного сплетения до подбородка и разжала их, выпуская энергию.левой рукой она вытолкнула этот поток и словно потянула за невидимую нить. Серебряная сетка, воплотившаяся из ниоткуда, полетела в сторону жука, прилепляясь ему на хлещущий во все стороны щуп с присосками. Пятая конечность, заметалась под сетью, издавая шипение, словно кислота разъедала ее структуру. Монстр запищал так пронзительно, что Эралия услышала этот писк даже через свой барьер. Перетекая из позы в позу, как в боевом искусстве, она нашептывала заклятия, изящно и пластично манипулируя руками, что вызвало еще две волны магических атак. С неба, где прямо над головой жука, загустел воздух, превращаясь в небольшую тучу, посыпались тонкие иглы изо льда. Жук успел захлопнуть панцирь, но из-за этого ему пришлось спрятать свой щуп. Когда жук в защитном рефлексе захлопывал створки своего панциря, Эралия уже неслась к нему, выхватывая на ходу два меча из-за своей спины. Она в два коротких прыжка взмыла вверх, прыгая на самого монстра, когда щиты панциря уже почти закрылись. Тира еще в воздухе метнула, два своих коротких оружия под них. Один меч со звоном ударился в панцирь и отскочил. Второй просвистел между створками панциря и проскользнул под них, вонзаясь в мягкую внутреннюю плоть. Существо вновь жалобно пропищало и судорожно затрясло телом, пытаясь стряхнуть Эралию на землю. Она схватилась одной рукой за лапу, чтобы удержаться, но лапа дернулась, ведя за собой Тиру. Она кувыркнулась через голову и вновь приземлилась на одно колено. Словно потяну невидимый штырь из земли, она вскинула руки кверху, а из земли вырвался острый, металлический сталагмит, пробивая пасть твари насквозь, сшивая ее. Сделав еще несколько плавных движений, воздух между ее рук задрожал, и в них появилось полупрозрачное копьё. Она замахнулась, двумя руками сжимая оружие, выгибая спину, как дикая кошка, в дугу, и пригвоздила жука к земле. Монстр дернулся еще пару раз и притих. Она почти слезла с него, как лобная часть головы над пастью, взорвалась, и мерзкий щуп схватил ее за ногу, больно впиваясь своими присосками в кожу, в мышцы. Проход уже почти нормализовался и, ей необходимо было уже в него войти, но мерзкая тварь ее не отпускала. У нее больше не было оружия, чтобы перерезать этот скользкий хобот. Эралия схватилась за амулет, висевший у нее на шее, на веревке. Она поднесла его к губам и что-то тихо шепнула. Амулет плавно засветился и превратился у нее на глазах в стальную проволоку, ярко заблестевшую в закатном вечере. Она, как хлыстом махнула и проволока, просвистев в воздухе, прошла через щуп, который все больше вгрызался ей в ногу. Это оружие называлось Стирг — двухметровая проволока, осыпанная магически алмазной крошкой, способна перерезать почти любые твердые предметы. От внезапной свободы, когда ее перестал удерживать щуп, Эралия покатилась по земле. На ноге у нее болтался кончик щупальца монстра, а сам обрубок,

разбрызгивая белую жидкость вокруг мертвого тела жука, бешено бился в конвульсии. Эралия стряхнула кончик щупа ногой, и помчалась в образовавшийся тоннель. Она влетела в него на всех парах, и ее унесло сквозь дрожащую воронку на порог другого чужого мира.

* * *

Спустя несколько дней после перехода, Последняя Стрела, наконец, смогла возобновить путешествие. При переходе, ее так сильно вытолкнуло на сторону мира Бьяргил, что она подвернула лодыжку, немного потянув связки. Она использовала немного магии, чтобы рана зажила быстрее, но и сама она была еще слишком слаба после сражения с астральным монстром. Поэтому ей приходилось экономить силы. Она появилась на севере, и пошла к югу, в сторону города Немада, где по ее мнению должен был уже быть тот, ради кого она так рисковала, пройдя в Бьяргил. Она знала, что город уже, скорее всего, захвачен, и хаос, творившийся в нем, будет надежным укрытием, а сама она без труда разыщет того кто ей сможет помочь.

Деревни, которые она проходила, были разорены или сожжены. Люди прятались, и все вокруг от этого казалось мертвым, безжизненным. Удручающая обстановка и на нее сильно повлияла. Она начала хандрить, все больше предаваясь размышлением о том, что будет, если она не справится. Пытаясь отвлечься, она настраивала себя на добрый лад. Подбадриваясь воспоминаниями о том, что она уже сумела пережить, и что ей пришлось стерпеть. Она знала, что выхода у нее нет. Она должна, иначе она не заслуживает быть Тирой.

Не дойдя до Немада всего несколько лиг, она увидела силуэт вдаль. Человек стоял на холме, в темном плаще, который вился на ветру, нежно похлопывая воздухом. Силуэт стоял и не шевелился, а все чувства Эралии ей говорили, что незнакомец ждет именно ее. Когда она была уже в нескольких десятках ярдах от наблюдателя, она смогла разглядеть его. Это был высокий, могучий и широкоплечий мужчина с огромной спиной и мощной грудиной. Его темно-коричневые волосы с белыми проседями, вились под капюшоном плаща. Она сбавила шаг, и теперь ступала медленно и осторожно, словно боялась наступить босой ножкой на стекло. Когда между ними не осталась и пары футов, мужчина, больше похожий на гору, снял свой капюшон и сказал:

— Я ждал тебя! — Эралия всмотрелась ему в глаза, пытаясь понять, знаком ли ей этот человек, но она его прежде не встречала. Ей показалось, что именно с ним она должна была встретиться, но человек был лишь смутно похож на того, кого она искала. Она спросила:

— Откуда ты узнал, что я иду?

— У моего народа отличное обоняние! Я знаю, зачем ты здесь. Но его здесь нет, ты немного опоздала. Если ты готова идти до конца, я помогу разыскать его и убедить помочь тебе. — Эралия лишь понимающе кивнула, и они продолжили беседу. Она догадалась, кто он. И это ее обрадовало.

Утро выдалось холодным и недружелюбным. Славик проснулся у себя в шатре, после бурного праздника устроенного ему сайлоками. Море угощений, напитков, спиртных в том числе, и бесконечная вереница танцев, не дала ему нормально выспаться и отдохнуть. Зато напитавшийся впечатлений мозг, одарил его ночью множеством красочных снов, которые детской сказкой отпечатались в его памяти.

За пределами шатра полным ходом кипела жизнь. Множество разнообразных звуков и голосов, роились снаружи, пугая и привлекая его внимание. Он оделся и вышел из своего временного жилища. Возле его шатра уже ожидал Кайк, мальчик, который ему здесь стал другом и персональным помощником. Кайк увидев, что гость проснулся, сильно обрадовался ему и быстро подбежал, на ходу что-то оживленно рассказывая. Он сказал, что им необходимо пойти в зал советов Наймар, где его уже ожидают вождь поселения Хейрок и советник короля Руйар. Славик согласно кивнул, и они отправились в путь, петляя по коридорам пещер, города Сайдалок.

Когда они пришли в зал Наймар, совет был уже в сборе. Славик принял напутствия от старейшины Хейрока и от советника Руйара, поблагодарил их за благословения и отправился в путь. Мужчины-воины из Сайдалока отправились с ним. Путь Варэну предстоял далекий и опасный, поэтому Руйар и Хейрок велел провести гостя до истока реки Пайла, дорога к которому была далеко на западе от города Сайдалок. Река Пайла сбегала с Кристальных гор вниз, образуя внизу многочисленные устья, разбиваясь на притоки, на берегу которых раскинулся город Фирс, принадлежащий королевству Нувок. Туда и предстояло попасть беглецу, чтобы продолжить свое путешествие, в поисках Эралии.

Кроме воинов сайлоков, провожать Варэна пошло еще половину всего поселения, а также Кайк и целительница Кайра. Среди воинов был и тот мужчина с капканным подбородком, который по-прежнему смотрел на Славика с подозрением и презрением. Дойдя до границ города, которые были известны только местным жителям, они уперлись в большую скалу, в которой было сразу три входа в пещеры. Он не понял, зачем они сюда пришли и само место ему крайне не нравилось. Складывалось впечатление, что обитатели этих пещер не совсем дружелюбные создания, а то, что там кто-то обитал, не было никаких сомнений. Запах, источавшийся этими проходами, вышибал дух, пробиваясь сквозь нежный орган обоняния, не смотря на свежий, морозный воздух здешних мест.

Звук, похожий на огромный горн, вырвался из пустот пещеры, и эхом забился по его стенам, вылетая наружу. Затем этот звук размножился и превратился в плотную стену, словно множество духовых труб заиграли разом, странную мелодию. Воины, сопровождавшие его, помчались внутрь пещеры, а он как вкопанный стоял на улице, глядя в зияющие дыры мертвых глазниц-пещер. Рядом с Варэном стоял Кайк, и Славик не глядя на парня, спросил:

— Что там такое? Что это за чудовищные звуки, вырывающиеся из той пещеры? — Он жутко волновался и потер вспотевшие руки о бедра. Парень, стоя рядом, с дурацкой, благоговейной улыбкой на лице, ответил: — Это Маоты — ледяные корабли. — Голос его дрожал от возбуждения, и Славик понял, что сейчас произойдет что-то очень редкое и необычное даже для сайлоков. В подтверждении этих собственных мыслей, земля под ногами задрожала, и он пошатнулся, чуть не поскользнувшись на гладком льде. Вначале

один удар сотряс все вокруг, затем другой и третий. И уже гул серьезных сотрясений объединился в сплошной рокот, доносившийся из пещеры. Гору затрясло с такой силой, что белоснежные шапки, украшавшие ее пики, начали осыпаться нешуточными лавинами, срываясь с пологих гор. Казалось, что началось полноценное землетрясение. Мир вокруг пошатнулся и завибрировал, а Слава, расставив шире ноги, вцепился в плечо Кайку, пытаясь удержать равновесие.

Когда гул набрал нестерпимую и всепоглощающую мощь, он увидел, как из трех входов в пещеры выбегают огромные футов в двадцать пять высотой животные. Они находились в тени пещер, и Славику было трудно определить, на кого они были похожи. В данный момент, по гладким коридорам на него неслись огромные, коричневые валуны, на половину покрытые длинной, спутанной шерстью. Когда громадные туши зверей выбежали наружу, то гул как-то резко утих. Видимо эхо само по себе усиливало шум, издаваемый животными. Перед глазами Варэна предстали мамонты. Самые натуральные, огромные, серо-коричневые туши с маленькой головой. Огромные уши, парусами сложенные на плечах мамонтов, слегка трепыхались, похлопывая на ветру. Хоботы были скрученные в подобие улитки и заправлены в большие кожаные намордники. Бежевые бивни, размером с китовое ребро, торчали вперед, изгибаясь полумесяцем, и были увенчаны острыми пиками, надетыми на их кончики. На спинах у Маотов были седла, с высокими спинками и располагали на себе по трое всадников. Ими были те воины, которые сопровождали Вячеслава до реки Пайла. Они уже восседали на слонах-великанах, и лишь одно место было не занято, на спине у центрального и самого крупного Маота. Место рядом с воином с капканообразной челюстью. Ему скинули веревку, перетянутую узлами каждые два фута, и он начал карабкаться вверх. Он занял свободное место и воин, сидевший по правую руку от него, дал ему ремни, чтобы он зафиксировал ноги. Славик покрутил их в руках, затем посмотрел, как застегнуть эти ремни и принялся за дело. Воин с капканообразной челюстью посмотрел на его манипуляции и раздраженно фыркнул, явно недовольный нерасторопностью гостя. Они двинулись в путь, но травница Кайра на минуту задержала их отбытие и протянула ему мешочек, зацепленный на крюк в конце шеста. Он взял его и, развернув, обнаружил там листья Морвы, магического растения, которое ему дала Эралия. Он, не сказав ни слова, кивнул ей в благодарность, и они отправились в путь.

* * *

Этот чудесный караван, из ледяных кораблей, как Маотов назвал Кайк, шел довольно быстро, пересекая безжизненную, ледяную пустыню, точно стрела пронизывает воздух в полете. Маоты оказались прекрасным транспортом, и ехать было на них комфортно и интересно. Находясь на спине, этих древних, вымерших животных, Славик наслаждался окружающими красотами, восхищаясь шедеврами, созданными силами природы. Он, был глубоко погружен в свои размышления, думая о сайлоках, их городах, жизни, о животных, которые здесь водятся, таких как Маоты. Ему казалось, что раньше этот мир, был гораздо ближе к его родной планете, и вследствие этого, некоторые виды животных, обитали сразу в двух мирах. Такие животные, например, как Маоты, которых на его родине называли мамонтами.

Они спускались с ледника, и уже оставили его почти позади. Три огромных мамонта,

шли размерено быстро, не тревожа своих всадников. Компания ему попалась молчаливая, и лишь один из всадников, немного рассказал Славе о Маотах. Эти мамонты были большой тайной сайлоков и большой радостью. С их помощью строились города, перевозились лагеря, и носились тяжелые важные вещи, будь то камни или ледяные глыбы. Не последнюю роль Маоты играли и в военном деле. Они были стратегически важными и служили для штурмов целых городов во время войн. Каждый Маот может перевезти на себе большую группу воинов, которые действовали сродни десантным корпусам, при штурмах и захватах городов. Стандартный экипаж Маота — это три воина. Один, который управляет животным, двое других — лучники, которые ведут огонь, не слезая со спины Маота. Таких всадников называют — Погонщиками Ветров.

— А много у сайлоков Маотов, и самих Погонщиков Ветров? — спрашивал Славик воина, которого звали Тайл. Как он потом выяснил, молчаливого, угрюмого воина с мощной челюстью, звали Эйрад.

— Само знание об их существовании, есть великая тайна, не говоря уже о подробностях. Поэтому, прошу тебя о, Варэн, не раскрывай наши тайны никому. — Он говорил с таким, трепетом, словно ребенок уговаривал строгого отца, не рассказывать матери, что он притащил бродячего котенка в дом.

— Обещаю! — Сказал Славик, и они вновь продолжили путь в полном молчании.

Один раз им пришлось заночевать прямо на леднике, но они уже достаточно спустились к уровню моря, что холод здесь стал совсем неощутимым. Да, воздух был по-прежнему прохладным, но не таким злым и неистовым. Большим преимуществом была компания самих Маотов, теплые тела которых, служили отличным укрытием и от ветра и от снега, который здесь тоже шел гораздо реже. Им даже удалось, уютно устроиться, и при этом нормально выспаться и отдохнуть. На следующий день они также долго шли, но местность начал меняться на глазах. Снега и льда было все меньше, и все чаще встречались черные островки сырой земли. Затем уже попадались островки земли, которые отдали свои минералы, дав жизнь траве и небольшим кустам. С каждой сотней ярдов бойкая растительность лесной местности взяла верх над суровыми льдами, отвоевывая все большие территории.

Огромное количество мелких горных ручьев, здесь сбегалось в бушующий поток, зарождая исток горной реки Пайлы. Дальше она растекалась еще шире, и становилась уже на много полноводней. Спустя еще несколько часов спуска, исток уже полноценно разлился и принял очертания настоящей реки, с берегами, вдоль которых росло много деревьев и другой растительности. Лес опоясывал ее кромку зеленым покрывалом, а Пайла бежала все стремительней, набирая скорость многочисленных течений. Еще через пару часов они увидели в небольшой долине, которую, казалось, вырубili просто в середине леса, небольшой поселок. Там было несколько десятков домиков, маленьких и похожих на охотничьи. Вокруг поселения кипела работа по вырубке леса, и сотни крохотных силуэтов, сновали в разных направлениях, выполняя каждый свои обязанности. Они валили лес и переправляли его по водам реки Пайлы в город Фирс, который расположился внизу по течению.

Не доехав до поселения несколько лиг, караван остановился. Эйрад приказал всем спешиться, что все беспрекословно и сделали. Славик, тоже слез с мамонта и вопросительно посмотрел на Эйрада. Тот, каменной статуей стоял, не шевелясь, глядя в сторону поселка, который назывался Лесовском. Затем, он посмотрел на Варэна и сказал:

— Дальше мы не пойдем! — Его голос был ледяным и колючим, словно его горло устлали крапивой изнутри. Он велел одному из Погонщиков Ветров отдать Варэну его вещи и полез на Маота, заняв на наем свое место. Парень Тайл стоял рядом со Славой, понимая, что они вряд ли когда-то увидятся. Он не знал, что сказать новому другу и лишь вымолвил:

— Удачи тебе Варэн — Хранитель Искры! — Эйрад, что-то показал Тайлу жестом и тот протянул Славику небольшой, кожаный, коричневый мешок, с чем-то звонким внутри. Он раскрыл его и увидел горсть, серебряных монет, с чеканенной головой волка, изображенной на них. — Это тебе поможет в пути.

Они попрощались и Слава, взяв огромный мешок, побрел в сторону поселка Лесовска. До поселка он шел примерно час, может меньше, но отвыкнув к пешему ходу, за время пребывания у сайлоков, он уже успел устать, и его тело заныло под тяжестью груза. Когда он пересек городскую черту, то понял, что никто на него не обращает внимания. Он был одет, как и большинство людей, трудившихся здесь на лесоповале. Остальные люди, которые занимались транспортировкой и перемещением грузов, были одеты иначе. Их одежда была чем-то похода на одежду сайлоков, но было件нятно, что цветовая гамма, использовалась гораздо темнее, с большим использованием черных оттенков. Пояса были украшены не головой волка Кианга, как у Сайлоков, а головой рогатого тигра. Рога его выглядели как два ровных бивня, растущих из головы, и незначительно закругляясь к середине. Насколько он понял, различия между сайлоками и нувоками, ему еще предстоит узнать.

Он осмотрелся в поселке, поняв, что заблудиться здесь ему не придется. Лесовск был маленьким лагерем, где было всего несколько улиц, на которых плотно «расселись» домики рабочих. Понимая, что он не собирается здесь надолго задерживаться, направился в сторону пристани. Пристань тоже не впечатляла масштабами и состояла всего из четырех причалов. На первой из пристаней, ровно также как и на второй, стояли пришвартованные баржи. На них было несколько человек, которые носили в трюма запасы провианта и необходимые вещи. Между баржами на воде была выстроена рамка из полых, металлических брусьев, которая плавала на поверхности. Между рядами этой рамки, рабочие загоняли спиленные, круглые бревна, которые всплывали на поверхность, еще не напившись водой. Работа шла медленно, но постепенно рамка наполнялась бревнами, и их уже был целый ряд, бьющихся друг о друга бревен.

Он направился к первой баржи на поиски кого-то из старших. Он робко шел, выискивая среди тех людей, которые трудились на пристани, главного и спустя несколько минут увидел небольшого, но грозного старика, который во весь рот выкрикивал команды, своим подчиненным. Когда Слава на него посмотрел, то обнаружил, что усатый старик уже во всю его изучает, осматривая с ног до головы. Он наматывал правый ус на палец, затем что-то быстро записывал в своей тетради и вновь осматривал незнакомца. Подойдя ближе, Вячеслав услышал оклик, который призывал его подойти ближе к этому самому старику. Он подошел и поздоровался.

— И тебе здоровья парень! Чем могу быть полезным? Куда путь держишь? — Он закончив осмотр, и видимо не найдя во внешности Славы ничего подозрительного, обратно уткнулся в тетрадь, что-то в ней выписывая.

— Мне бы в Фирс попасть. Я бы хотел воспользоваться услугами одной из этих барж, чтобы туда доплыть. — Славик не знал, как себя вести с этим человеком, но решил показывать больше уверенности в себе, маскируя страх и невежество.

— Тебе повезло парень! Мы как раз отчалим от этих берегов, примерно через час. Если

у тебя есть чем платить или ты можешь чем-то пригодиться в переходе, то мы тебя могли бы взять с собой. — Он говорил чисто деловым тоном, при этом словно обдумывая что-то совершенно другое. — Ну как, устраивает?

— Сколько я буду должен заплатить за проезд? Я сомневаюсь, что смогу быть чем-то полезным. — Он смутился, произнося эти слова, потому что ему было стыдно признать, что руками он в своей жизни не умел делать ничего толкового, кроме стрельбы из лука.

— Два серебряных крета. Годиться? Тогда добро пожаловать, а нет, то извини. — Он вновь перевел взгляд в тетрадь, но одним глазом поглядывал на Славика из-под кустистых бровей, наблюдая за его реакцией. Парень явно не знал, много это или нет, а поэтому с легкой душой согласился. — Вот и хорошо. Можешь кинуть свои сумки в трюм и походить здесь, пока мы закончим грузить лес. Затем и отправимся в Фирс. Путник вежливо отказался и сказал, что будет здесь на пристани отдыхать, ожидая отплытия.

Он решил осмотреть вещь-мешок, подаренный сайлоками. Чтобы понять, что и зачем они туда снарядили. Там оказалось немного еды, в виде вяленых полосок мяса и сухарей. Кружка, и миска, а также плотный моток бечевки. Нож, который ему подарила Эралия и уже знакомый ему мешочек с листьями Морвы. Наполненная фляга с кристально чистой и вкусной водой с ледника сайлоков, та же, что ему подарила Эралия вместе с ножом. Также там было сменное белье, в виде белой тонкой рубахи и исподних штанов. Он достал толстый рулон, торчавший из мешка, и развернул его. Там оказался его лук, с отстегнутой тетивой и десяток стрел, изготовленных сайлоками. Славик несказанно обрадовался ему, потому что это была единственная вещь, которую он принес из родного мира.

Перекусив мясом и сухарями, а затем, запив все водой из фляги, он продолжил сидеть на берегу Пайлы, вглядываясь в водную пучину. Легкие волны стремительно бежали вниз по течению, мерно раскачивая баржи на себе, задавая неспешный такт, скрипящими досками палуб. Он был умиротворен и расслаблен, погрузившись в свои мысли, размышляя над поворотами судьбы, которые уже переломили его размеренную жизнь. Страх за будущее терзал его душу и ему хотелось поскорей очутится в безопасности, чтобы не переживать постоянно о тех опасностях, которые могут ему повстречаться.

Вода всегда его успокаивала, но даже сейчас, сидя на изумительном по своей красоте берегу, вслушиваясь в звуки природы и в ритмичные шумы, издаваемые рабочими по всему поселку, он не мог выкинуть из головы тревожные мысли.

Стук от их топоров заполнял все вокруг поселка, и казалось, что он здесь никогда не прекращается. Так под шум речных волн и стуки топоров, Слава постепенно погрузился в нежную дремоту, позабыв о своих проблемах.

Через какое-то время, сколько прошло, он сказать не мог, его окликнул чей-то голос. Затем призыв повторился и Слава, тяжело пробуждаясь, открыл глаза. Перед ним стоял усатый старик, который требовательно зазывал его, приправляя свою речь, изрядным количеством ругательств. Он встрепнулся и, сгребая свои вещи в охапку, поспешил за стариком. Возле причалов, он увидел несколько людей, одетых на разные манеры, не похожие на одежду дровосеков. Люди садились на обе баржи, создавая небольшую суету и давку. Многие были с мешками и баулами, несколько человек садились в транспорт налегке. Может их вещи были уложены в трюме — он не знал. Встав в очередь, он ждал, когда люди пройдут, и он сможет подняться на борт плавучей платформы. Когда путь был свободен, он уже собирался переступить пространство над водой, между причалом и баржей, как старик ткнул его в грудь, коротким и кривым пальцем, показывая другой рукой жест, означающий

деньги, потеряв пальцами. Пассажир достал два крета, которые приготовил заранее и расплатился с капитаном баржи. Незаметно сунув деньги куда-то за пазуху, старик широко улыбнулся, обнажая рот с гнилыми, а кое-где и выпавшими зубами и пригласил его жестом, подняться на борт. Он последовал за предложением и переступил комингс баржи, ступив на палубу.

На барже было не очень просторно. Много груза располагалось на палубе, закрепленными бочками и тюками. Некоторые пассажиры разместились в трюме, часть которого была отведена под общую каюту, для пассажиров. Люди там разместившиеся, почти ни разу так и не появились на палубе, во время всего путешествия, за исключением тех раз, когда с ними случались какие-то приключения, в которых он принимал непосредственное участие.

Сам же Славик разместился прямо на палубе, обустроившись возле главной надстройки, на носу баржи. Каждому пассажиру выдали по матрасу, набитому соломой и ему достался один такой мешок. Дав команду отшвартоваться, капитан ушел в рубку, а матросы забегали по палубе, отдавая концы. Первую баржу оттолкнули от причала шестами и она, плавно выходя на середину реки, дернулась в натужном отходе. За ней, стуча друг о друга своими скользкими боками, потянулась длинная, сорокаярдовая, вереница бревен, не выскальзывающих за пределы рамок. Сзади бревна толкала следующая баржа, которая уже также была освобождена от швартовых концов. Примерно через сотню ярдов, эта плавучая плотина, зажата между двух барж, выравнилась к центру реки и набирала скорость. Курс регулировался с помощью длинных шестов, которыми матросы отталкивались от дна, поворачивая колонну в нужные стороны.

Вот еще одна часть его путешествия закончилась, и пересев со сказочных Маотов на борт простенькой баржи, вновь возобновилось, унося его еще дальше от дома. Решив не терять времени, он погрузился в собственное подсознание и начал изучать хитросплетения энергий, которые хаотичным клубком мерцали в тусклых ореолах перед его глазами. Со стороны он выглядел спящим, и Славика устраивал его вид, как нельзя лучше.

Проспав до следующего дня, Слава проснулся от легко морозящего дождика. Мелкие, теплые капли забарабанили по крыше надстройки и по свободным участкам палубы, чем его и разбудили. Он открыл глаза и осмотрелся. Большинство пассажиров уже спрятались в надстройку или трюм, а он остался на палубе. Он выглянул за короткий фальшборт баржи, не вставая со своего матраса, и увидел, как мелкие пузыри, частой рябью покрыли бегущие воды реки. Ручейки дождевой воды, струились по палубе и надстройке, стекая в шпигаты баржи. Он натянул свое одеяло, в которое некогда был укутан его лук, до самых глаз и принялся разглядывать окружающую местность.

Вокруг него была неширокая река, которая вгрызалась в невысокие, чуть больше четырех футов, берега, своими течениями. Деревья украшали набережные с двух сторон, и некоторые из них окунали свои гнущиеся ветви прямо в реку. Зелень заполонила все вокруг, а где-то позади их плавучей плотины возвышались Кристальные горы, где обитали сайлоки. Горы своими белоснежными шпильями, прорывая небесную гладь, как стражники охраняли ледники горного народа.

Из-за деревьев и кустарников доносились разнообразные звуки, издаваемые местными животными и птицами. Звери не давали возможности их рассмотреть, потому что не высовывали свои носы из лиственных укрытий, а вот птицы, целыми стаями, охотно летали вокруг барж, резво что-то щебеча. Несколько птиц, каких именно он не знал, сбившись в небольшой отряд, ловко ныряли в воду, вылавливая оттуда мелкую рыбу и заглатывая ее на лету. Идиллия, царившая вокруг, наполняла его душу радостью и спокойствием, и он невольно улыбнулся. Он поражался тому, как самая обыкновенная природная красота, ее уют и добродетель, может принести человеку такое умиротворение и благоговение. Пока он созерцал красоты вокруг, нежный и ласковый дождь, потихоньку начал прекращаться, приглушая свою барабанную дробь, до едва уловимого стука.

Темно-серебряные тучи начали расступаться, как грозное войско расступается перед поступью монарха, коим являлось солнце. Его лучи стрелами пронзали тяжелое небо, рассеивая хмурающуюся непогоду. На палубу посыпали первые смельчаки, которые выходили из своих укрытий посмотреть на заканчивающийся дождь. Вскоре палуба набилась народом, и вокруг зашелестели различные голоса людей, обсуждающих непогоду. Некоторые люди здесь находились семьями с детьми. Трое детишек, обступили молодого мужчину, который завораживающим голосом рассказывал им какую-то историю. Вячеслав держался ото всех в стороне, присматриваясь к людям, ставшими его временными спутниками, и прислушивался к их разговорам. Ему не хотелось привлекать внимание, и это у него хорошо получалось.

Вечер опустился на речную поверхность незаметно. Вначале солнце, горящим шаром, укатилось за горизонт, укутав лес и реку оранжевым покрывалом. Затем сумерки, серой пеленой застелили прозрачный воздух, сгущаясь темными красками. Ночная вуаль через некоторое время сменила сумеречные тона, погрузив все вокруг в свои объятия. Матросы на баржах принялись разжигать факелы и фонари, висевшие на стенах надстройки и по углам фальшбортов. В красном пламенном свете, краски и окружающая реальность, заиграли новыми тенями, рисуя загадочные силуэты на бегущей мимо их плавательного средства, воде. Звезды заискрились на чистом небе драгоценными камнями и от этой красоты, слова застревают в горле, не давая возможности рассказать о своих эмоциях от царящих чудес

вокруг. Понимая, что такие спокойные часы, могут больше не выпасть, он решил, насладится этим покоем. Впитывая и запоминая каждую свою положительную эмоцию, Славик погрузился в сон, видя в нем фрагменты из детства, когда еще были живы родители. Он тосковал по ним, а еще боялся, что подведет их, провалив миссию.

Следующий день встретил его ярким, слепящим солнцем. Слава встал пораньше, и теперь задумавшись над тем, как он будет здесь выживать, решил начать подготовку и тренировку своего организма. В носовой части баржи у него не было соседей и, не боясь никого потревожить, путник начал упражнения. Он размялся, затем прогрел и растянул мышцы и принялся за силовые нагрузки. Отжался, покачал пресс, затем сделал несколько упражнений на эластичность и упругость мышц. В целом потратив на упражнения около часа, он даже не почувствовал особой усталости. Нагрузки, которые ему пришлось перенести, проходя через лес или карабкаясь по Кристальным горам или переходя ледник, были десятикратно тяжелее, чем несколько обычных, не сильно изматывающих упражнений.

Пришло время поупражняться со своим любимым оружием — луком. С тех пор, как он сюда попал, он использовал свой лук, исключительно для охоты или самозащиты. Попрактиковаться в стрельбе или выполнить другие упражнения, время и обстоятельства ему не позволяли. Сейчас, когда до города Фирс оставалось еще несколько дней пути, Славик мог заниматься тем, что ему действительно нравилось.

Встав в стойку, и взяв в руки собранный лук с натянутой тетивой, он начал медленно его водить левой рукой из стороны в сторону, представляя объекты или птиц, в качестве целей. Он плавно переводил прицел из одной стороны в другую, а затем по вертикальной оси сверху вниз и наоборот. Правая рука, все время находилась на тетиве, и он легонько подергивал ее, когда вымышленная цель, совпадала в линию с целиком и его правым глазом. Его движения стали более быстрыми, но плавность этих движений и их скоротечное перетекание из одной стойки в другую никуда не делись, лишь ускорились. Он уже сильно оттягивал тетиву, прижимая руку с ней к самому лицу, и также плавно отпускал, а она отзывалась свистящим вибрирующим звуком. Ноги его в стремительном танце передвигались по скрипучей палубе, почти не отрываясь от нее. Таким образом, он исключал возможность, наступить на камень или обломанный, заостренный сук, в реальном бою. Скорость его движений возрастала и завораживала. Тело двигалось изящно и немного плавно, как грациозный зверь, крадущийся в лесу, но смертоносные движения рук, придавали его танцу первобытный вид. Стрелы он не использовал, потому что их у него было всего десять. Он и не подозревал, что это будет таким дефицитом и собирался в первую очередь, когда доберется до Фирса, докупить еще несколько десятков. Времени на самостоятельное их изготовление, у него не было.

Закончив упражнения, он вышел из своего боевого транса, в который каждый раз погружался во время тренировок. Он обернулся в сторону кормы баржи и увидел, что сбоку надстройки, стоит тот молодой мужчина, который развлекал детей своими историями. Мужчины встретились взглядами, и глаза незнакомца хитро блеснули, яркими солнечными лучами, отразившимися в них. Слава ничего ему не сказал, а лишь уселся на свой матрас, глядя вперед хода баржи. Через несколько минут, он почувствовал, что сверлящий его спину, изучающий взгляд, исчез. Он быстро оглянулся через левое плечо и увидел, что незнакомец уже присоединился к остальным пассажирам, помогая им готовить завтрак для всех.

Быстро перекусив, также в одиночестве в своем укромном месте на носу баржи, он погрузился в астрал, изучая вязь его энергий. Он вспоминал слова Нойда, который советовал

ему тратить на самообучение владением магией каждую свободную минуту. После обеда, когда люди уже поели, на борту судна началась какая-то суета. Люди собрались на левой стороне судна и, устремив свои взоры куда-то в сторону берега, увлеченно и азартно что-то обсуждали, показывая пальцами в сторону дерева с огромной кроной. Несколько матросов убежали в трюм и вернулись с луками в руках. Они тоже устремились к левому борту, стреляя из луков в сторону берега. Слава заинтересовался общим оживлением и пошел посмотреть, что же вызвало такой ажиотаж.

На дереве сидело три крупные птицы, очень странного вида. Они были ярко-зеленого цвета, с густым красочным оперением. Они выглядели, как нечто среднее между индюками, имея похожий зоб под клювом, но массивные их тела, выдавали в них самых настоящих, гордых и опасных хищников. Матросы метили в них своими стрелами, но никто так и не попал по застывшим в безразличных к этим потугам позах, птицам. Слава не понимал, почему вид этих пернатых созданий, так распалил суету у остального люда. Он, улыбаясь, наблюдал за спонтанной охотой, болея исключительно за птиц. Позади него раздался звонкий мужской голос:

— А Вы уважаемый, не хотите испытать удачу и попробовать застрелить Курланов? — Славик обернулся на его голос и непонимающе посмотрел на своего незнакомого собеседника. Перед ним стоял тот самый молодой мужчина, который развлекал детей историями и наблюдавший с утра за его тренировкой.

— Простите, что? — Не зная, как ответить на вопрос незнакомца, он решил потянуть немного время, чтобы придумать оправдание, почему он не знает о существовании этих самых Курланов.

— Курланы! Те птицы на ветках дерева Тери. Я утром видел, как Вы ловко орудуете луком, и думаю, у Вас бы отлично получилось подстрелить этих замечательных птичек. — Он лукаво усмехнулся и застыл, вопросительно глядя на своего собеседника.

— Я даже не знаю, что Вам ответить уважаемый. Разве смерть этих прекрасных созданий такая уж необходимость. Мы же не голодаем, провизии до Фирса нам хватит, поэтому я не понимаю, зачем истреблять таких прекрасных созданий.

— Вы, наверное, даже не знаете, что собой представляют Курланы? Это очень редкие птицы, и встретить их вот так просто, сидящих на дереве, это большая удача. Их мясо, самое вкусное из всего разнообразия дичи в этих землях, а перья и клювы имеют и ряд других ценностей. Убив хотя бы одну из этих пташек, Вы бы доставили бы всем на борту этих барж, несказанное, и уж точно не забываемое удовольствие. Тем более, существует придание, которое гласит, что человек, убивший Курлана, получает всю его удачу, а эти птицы, как раз ею и славятся. Разве неудачливая птица, была бы столь редка и непредсказуема. — Незнакомец продолжал смотреть на Славу, при этом протягивая ему свой лук и колчан со стрелами. Слава настороженно взял лук в руки, но осознание того, что он сможет выпустить несколько реальных стрел, по реальной мишени, возбудило в нем жгучее желание, не отказывать себе в этом удовольствии. Он согласно кивнул незнакомцу и тот заговорил к толпе зевак:

— Уважаемы пассажиры! Будьте любезны освободить место для нашего охотника, который попробует добыть нам этих прекрасных птичек. — Он указал жестом на Славика, а тот, смущаясь, вышел вперед, упираясь в низкий леер, бедрами. Славик вышел на позицию, принимая устойчивую стойку, для удачного выстрела, но рядом вдруг один из матросов выпустил свою стрелу и точно угодил в одну из птиц Курланов. Стрела отскочила от перьев

птицы, и упала рядом надломленная. Курлан даже не раскрыл, прикрытых веками глаз. Слава изумленно обернулся на незнакомца, а тот игриво ему подмигнул и сказал:

— Да, забыл сказать — перья Курланов не пробиваются ни одним из известных метательных оружий, поэтому убить их не простая задача. — А затем, склонившись над ухом Славика, добавил: — Есть одно место, где говорят, у Курланов нет магической защиты — это их зоб! Удачи охотник. — Молодой мужчина отошел от Славы, давая ему пространство для маневра, и заулыбался. Славик решил не откладывать охоту надолго, молниеносно и машинально определил на глаз расстояние до целей, направление ветра, по колышущимся листьям дерева и примерную скорость хода баржи, уже успев наложить стрелу на древко лука. В правой руке, которой он оттягивал тетиву, он зажал еще две стрелы, наконечниками вниз. Сделав глубокий вдох и на выдохе, он отпустил тетиву, которая послала летящий снаряд в свою будущую жертву, а следом, незаметными, смазанными движениями, он проделал то же с двумя другими стрелами, из правой руки. Первая стрела ударила птицу точно в зоб, пробив горло и застряв там. Птица еще не успела осознать, что ее жизнь оборвали наглым образом и лишь немигающие глаза открылись, чтобы в последний раз увидеть окружающий мир. Вторая птица, спустя еще мгновение, отправилась на тот свет за своей сестрицей, убитая второй стрелой метким выстрелом в зоб. Третий оперенный снаряд попал последнему Курлану точно в глаз, но там уже сработала его природная, магическая защита и птица сорвавшись с дерева, метнулась в небо. Славик, ловко выхватывая из колчана еще одну стрелу, пустил ее в беглую добычу. Та на лету поймала ее своим зобом, получив этот смертельный удар в единственное незащищенное место на своем теле. Птица упала в воду и подхваченная течением реки, поплыла на поверхности воды, явно отставая от хода баржи. Через еще секунды, большая голова, некоего подводного хищника показалась из недр реки Пайлы и, открыв огромную пасть, проглотила третьего Курлана.

Вся охота закончилась, не успев начаться в мгновение ока. Люди, наблюдавшие за происходящим, взорвались аплодисментами и похвалами, создавая невыносимый гвалт. Славик смущенно заулыбался, получая комплименты от незнакомцев, плывших вместе с ним, но эти овации, которыми его «засыпали» ему очень понравились. Это было чертовски приятно. В этот момент он почувствовал себя особенным. Несколько матросов прыгнули в воду и поплыли на берег за трофеями. Они шустро вернулись с подстреленной добычей и кинули тушки на палубу. Народ обступил Курланов, разглядывая диковинных птиц, а меткий охотник оглянулся вокруг в поисках мужчины, одолжившего ему лук. Тот стоял в стороне и даже не пытался протолкнуться к толпе восторгающихся пассажиров. Вячеслав подошел к нему сам, проталкиваясь через плотные ряды зевак, и протянул ему оружие.

— Спасибо! — Сказал он, отдавая лук владельцу. Мужчина постоял секунду, затем широко улыбнулся и захлопал в ладоши. Затем принял свое оружие из рук опытного лучника и сказал:

— Это было по истине мастерски! Я с роду не видел, таких великолепных лучников! — Он принял левой рукой свое оружие и, протягивая Славику правую, раскрытую ладонь, представился: — Римр — охотник за редкими животными.

— Вяче... эм... Варэн! — Он смущенно улыбнулся Римру и пожал ему руку.

— Рад знакомству Варэн! Сейчас народ расступится, и мы зажарим этих птичек на мангале. Кстати, если ты не против, то я бы выкупил у тебя бы перья и клюв Курланов. Сколько ты за них хочешь? — Его вопрос звучал ненавязчиво, но Славик сразу смекнул, что его новый знакомый хочет на нем нажиться. Он понятия не имел, за сколько можно будет

продать эти артефакты. Да и шансов у Римра заполучить эти трофеи не было, а увидев мастерство нового знакомого, он решил испытать удачу.

— Ты же понимаешь, что я не знаю какая их цена? Поэтому предложи мне цену, которая тебе покажется справедливой и честной. — Ему было все равно, сколько он ему предложит, ведь он понимал, что самому удачно продать эти части Курланов у него не получится. Да и времени у него на это не было.

— Я дам тебе двадцать кретов. — Он посмотрел на парня, ожидая ответа. Но его замершее дыхание натолкнуло Славу на мысль, что его пытаются обдурить.

— Двадцать кретов? — И бровь Вячеслава наиграно поползла вверх.

— Ну да, двадцать кретов — это за перья, и еще пять сверху за клюв. Это достойная и честная цена. — Он озвучил условия сделки и отвернулся от него в сторону стремящейся за бортами воды. Понимая, что это его предложение, далеко не последнее, он все же решил не продолжать торги и согласился. Они ударили по рукам, закрепляя заключенную сделку и пошли посмотреть на добычу. Люди еще долго обсуждали произошедшее, создавая не шуточный ажиотаж на палубе. Даже усатый капитан, которого звали Рю, присоединился ко всем, покинув пост на мостике. Затем, когда Курланы были пожарены, капитан Рю, сбегал себе в каюту и принес ящик вина, который был дружно распит всей компанией. Гуляли дружно и весело, и Славик, наконец, ощутил себя хоть немного, но все же, частичкой этого мира. Его нахваливали, как бравого охотника и меткого стрелка, а затем дарили комплементы искусно приготовленному мясу. И если разобраться, то все что сейчас происходило на палубе, было очень похоже на простую жизнь, и было не важно, в каком мире он находился.

Следующее утро подарило всем согревающее тепло от ярко светящего солнца. Спать после гуляний легли прямо на палубе и сейчас всей дружной компанией просыпались и разбредались заниматься обыденными делами.

Славика на удивление не мучило похмелье после выпитого, и он решил не забывать о своих утренних занятиях спортом. До обеда плыли очень монотонно и скучно, хотя ему нравилась каждая секунда, проведенная на палубе этой баржи в окружающей его красоте природы. Он углубился в изучения астральных материй и наткнулся на их часть, которая ему показалась знакомой. Какое-то темное пятно на задворках его сознания приоткрыло завесу своей таинственности, и он осторожно к ней прикоснулся. Это пятно его притягивало и манило. Он не знал, что является этому причиной, но соблазн стать его частью, затягивал его как черная дыра. Одного нежного контакта было достаточно, чтобы его сознание проникло в манящее, неведомое лоно астральной проекции, и он в нем просто потерялся.

Через пару секунд пребывания в этой части астрала, он с ужасом понял, что это, то место, куда его закинул Нойд, когда испытывал его в своих пещерах. Бездна. Это была она. Он резко ухватился за слабый энергетический поток, который он оставил извне пространства бездны и выдернул себя из его лап. Его мысли были спутаны и рассеяны, а тело покрывала мелкая рябь тревожного пота. Он часто задышал, приводя сердцебиение в норму, пытаясь успокоиться.

Окружающая его природа, как-то заметалась вокруг. Солнце начало светить тусклее, хотя никаких туч на небе не было. Ветви деревьев начали загибаться в разные стороны, пригибаясь почти к самой земле или же к воде. Но ветра тоже не наблюдалось. По реке растеклась рябь и в некоторых местах вода то чернела, то светлела. Объяснить эти явления он не мог и, судя по озадаченным лицам всех остальных пассажиров, включая экипаж, они

также прибывали в полном непонимании и изумлении. В груди Славика начало тлеть тревожное чувство, словно предупреждающее его о приближающейся опасности.

Неожиданный удар настиг их плавучую плотину, и они резко остановились, словно налетели на подводную преграду. Врядли это была мель, но какой-то валун или большой камень, вполне мог остановить их ход. Экипажи обеих барж высыпались на палубу, бегая и заглядывая под борта судов. Никто ничего не понимал, и на бортах судов началась легкая паника. Капитан Рю попытался успокоить пассажиров, но когда люди его не послушались, он в приказном порядке загнал всех по трюмам. Славик же попросился остаться на палубе и предложил свою помощь. Рю не увидел в нем угрозу безопасности судна и сказал, занять позицию по левому борту баржи. Со второй баржи несколько матросов начали перебираться на бревна, зажатые между судами и обследовать их. Их ноги были обуты в резиновые калоши, чтобы предотвратить скольжение по бревнам, и они умело справлялись со своими обязанностями. Один из матросов доложил, что бревна свободно ходят в пределах фиксирующей рамы и причина их остановки не в них. Рю долго стоял на палубе и смотрел на сошедшую с ума природу, хоть и не мог это объяснить.

Затем матросы вернулись на баржи и, взяв шесты в руки, начали пытаться оттолкнуться ими от дна Пайлы. Они выкладывались на полную катушку, и у одного из них даже сломался шест. Ничего не произошло, плотина стояла, словно ее удерживали огромные якоря. Славик не выдержав, решил посмотреть, что же происходит и, недолго думая, сбросил с ног обувь, прыгая «рыбкой» за борт. Войдя в воду, ровным копьем, он сразу ощутил холод этой стремительно бегущей с ледников реки. Кожу, словно натянуло, а в голове «заискрились» многочисленные заряды-уколы, которые пощипывали его мозг, как будто изнутри. Вода была не сильно прозрачной, имея зеленоватый оттенок. Видимо дно было не илистым, а больше каменистым, поэтому видимость была хорошая. Прыжок с баржи, которая хоть и незначительно, но возвышалась над водой, придал его телу нужное ускорение, поэтому погружение получилось на достаточную глубину, чтобы успеть заглянуть под борт баржи. Славик не заметил каких-либо валунов, отмелей или же коряг, которые могли так остановить плотину. Когда у него начал заканчиваться воздух, он вынырнул и, не теряя ни секунды, набрал полные легкие, погрузившись обратно под воду. Он подобрался к килю в носовой части и осмотрел ее с двух бортов. Затем вынырнул и еще раз нырнул, уже исследуя центр. Там, не было никаких признаков зацепов и непредвиденных якорей, кроме одинокой маленькой рыбы, прилипшей небольшой присоской, расположенной у нее на спине, к килю по центру судна. В завершении он обследовал и кормовую часть. Вынырнув, он посмотрел на борт, где матросы и капитан Рю, встревожено стояли на левом борту, выглядывая ныряльщика. Капитан крикнул ему:

— Ну что? Там валуны или коряги есть? Что нас держит? — Рю явно переживал, потому что в самом положительном варианте эта задержка может вылиться в штраф за опоздание, а худший... пока не наступил, наверное.

— Там вообще ничего нет! Дно чистое и никаких препятствий я не увидел, кроме небольшой рыбы, прилепленной к килю присоской. Нужно обследовать и вторую баржу, и бревна. Может причинам скрывается там? — На этих словах Славы, рядом с рамкой, которая удерживала бревна в «снопах», появилась голова матроса со второй баржи, который сказал, что под бревнами все чисто и также не наблюдается преград. Как вдруг из трюма выскочил Римр и закричал:

— Никому не двигаться, я знаю, что нас держит! — Он был сильно взволнован, и это

еще больше насторожило Славу. — Когда силуэт Римра показался над фальшбортом баржи и Слава увидел его испуганное лицо, то тут же начал подплывать ближе к борту судна. — Быстро всем на борт! Скорей! Скорей! — Закричал Римр. Матросы коротко взглянули на капитана Рю, и тот хоть не понимая, что происходит, все же кивнул им, и те побежали вглубь трюма. Затем двое матросов выбежали с канатами, завязанными узлами, через каждые пару футов имитируя лестницы. Канаты скинули в воду и он, ухватившись за один из них, начал подтягиваться, влезая на баржу. Через пару минут он уже стоял на палубе, куда ему помогли забраться матрос и капитан Рю. Они наблюдали за вторым матросом, который плыл к канату, сброшенному с кормы.

— Что там? Говори, не молчи! — Запричитал капитан Рю, обращаясь к Римру. Он был бледен, и явно сильно нервничал. Римр тут же ответил:

— Это Ремора! Та рыбка, которую Варэн увидел присосанной к килю, называется Ремора. И это очень плохие новости. — Рю вскинул удивленные, кустистые брови, чайками вверх, глядя на Римра.

— И причем здесь она? Не хочешь ли ты сказать, что эта маленькая рыбешка, удерживает нашу плотину одна? — Его скептический тон, сам говорил за себя. Капитан не мог поверить в слова охотника за редкими животными.

— Именно это я и хочу сказать! И это чистая правда! Прошу капитан, если Вы мне не верите, то хотя бы прикажите людям подняться незамедлительно на борт. — Выпалил Римр, молящим тоном, и капитан Рю, увидев его неподдельный страх, засомневался. Затем он крикнул матросам, чтобы они поторапливались, и вновь посмотрел на Римра. В разговор тут же вмешался Слава:

— Чем она может нам угрожать? Я видел эту рыбу своими глазами и ничего опасного в ней, я не увидел. Славик задал свой вопрос, и бросил короткий взгляд на матроса, который уже карабкался по канату на корму баржи. Тревога, тлевшая в районе кристалла, только усилилась, и он понял, что сейчас произойдет что-то очень плохое.

— Сама по себе Ремора не очень опасн... — он не успел договорить, и в этот момент в днище баржи что-то с силой ударило. Они чуть не попадали на палубу, а кто и за борт, из-за резко раскачавшегося судна. Люди схватились, за предметы и части баржи, кому, что попало под руку, чтобы удержаться стоя. Дикий гул заполонил воздух вокруг. Говорить и слышать стало гораздо тяжелее, и Римр продолжил отвечать, уже громко выкрикивая слова. — А вот та тварь, которая приходит вместе с Реморой, вот кого надо бояться. — На этих его словах, удар в борт повторился, и они все начали всматриваться в водные глубины. Спустя пару секунд, удар повторился, и они увидели проплывающего под бортом баржи исполинского монстра. Это также была рыба или рыбообразное существо, которое по размерам походило на приличную белую акулу или же касатку. К матросу, который уже держался руками за леера кормы, поспешили на помощь еще несколько членов экипажа, когда им в лица внезапно брызнула теплая кровь. Матросы резко отшатнулись от края баржи, и между ними заблестел на тусклом солнце длинный черный штырь, по структуре напоминавший рог. Его острый кончик был почти у самого носа, у одного ошалевшего от ужаса матроса, а начиналось это огромное «копье» в груди у того бедолаги, который почти успел влезть на баржу. Этот рог пробил бедолагу насквозь, и красная, густая кровь окропила его закрученную структуру, заполняя едва различимые борозды, и закапала на палубу. В мгновение рог взмыл к небу, и тело мертвого матроса, описывая арку, исчезло в пучине. Вода вокруг этого места вспенилась и забурлила, словно вскипая на костре, а затем

смешалась с кровью несчастной жертвы, превращая ее в темно алую пену.

Славик не смог уловить ничего из происходящего и лишь заметил полет мертвого матроса, который видели все люди, находившиеся на палубах обоих судов. Дикая паника разразилась на баржах. Матросы начали с криками бегать по баржам, суется и ругаясь. Кто вооружался баграми и копьями, кто хватался за мечи и луки. Несколько членов экипажа взялись за шесты, пытаясь столкнуть плотину с мертвой точки. Исполинская рыба или же не рыба, вновь нанесла чудовищный удар по первой барже, так что в днище судна образовалась трещина. Давая небольшую передышку людям на первой барже, чудовище умчалось к замыкающему судну и нанесло ему серию сокрушительных ударов под киль и в борта. Не удержавшись на ногах, один из матросов выпал за борт и тут же кипение кровавой воды вновь повторилось.

Славик на мгновение, как и все остальные, также поддался панике, но взглянув на собранного капитана Рю и сохраняющего хладнокровие Римра, тоже попытался успокоиться, подключая на помощь резервы кристалла, которыми он уже немного владел. Он схватил свой лук и стрелы и начал высматривать чудовище в бурлящей воде. Черная туша монстра промелькнула рядом с бортом и он, не задумываясь, выпустил в чудовище несколько стрел. Ему показалось, что снаряды попали точно в цель, но речной хищник, по-прежнему молниеносно двигался в толще бушующей реки.

Волны вздымались все выше, раскачивая их плотину и перекручивая рамки с бревнами, бьющихся в крепежах. Несколько копий сорвались из рук матросов и прорезали толщу воды. Одно копьё торчало из монстра, что означало точное попадание одного из членов экипажа. Капитан Рю стрелял в монстра из мощного гарпуна странной конструкции, а рядом с ним Римр отчаянно стрелял из лука куда-то в воду. Еще один чудовищный удар, заставил главную баржу содрогнуться и многие упали на палубу, раскидывая руки и оружие в стороны. Трещина в корпусе баржи от этого увеличилась еще больше и, набрав уже слишком много воды, накренилась, начиная постепенно тонуть. Лежавшие люди заскользили по палубе в сторону фальшбортов, а некоторые попадали за борт. Понимая, что в данный момент монстр накинется на несчастных за бортом, Славик крикнул капитану Рю:

— Капитан, нужно покинуть судно, иначе мы все окажемся за бортом! — Ветра не было, но его слова утонули в окружающем бойню, гуле. Он повторил фразу и капитан, окинув коротким взглядом баржу, оценивая ситуации, согласно кивнул и проревел: — Покинуть судно! Срочно!

Несколько матросов метнулись в корму и начали перебираться на бревна. Те, прокручивались у них под ногами, и один немолодой мужчина уже успел упасть в воду. Кровожадное чудовище рвало свои жертвы на части и в воде уже плавало множество фрагментов человеческих тел — руки, ноги, внутренние органы. От этого вида Славика начало мутить, ведь прежде он не видел ничего такого ужасного и мерзкого. За матросами последовали остальные члены экипажа и ошалевшие от страха пассажиры передней баржи. Людям помогали перебраться на бревна. Они, паникуя и толкаясь, залазили один на других, создавая нешуточную давку. Дети, которым не посчастливилось оказаться на этой плавучей плотине, плакали, срывая тонкие детские голоса. Славик, подхватив самого маленького мальчонка, перебрался на скользкие, крутящиеся бревна. Стволы деревьев так и норовили ускользнуть из-под ног, но сосредоточившись только на них, Славе, все же, удалось передать ребенка на заднюю баржу. Он незамедлительно побрел обратно, точно акробат в цирке, перепрыгивая с дерева на дерево. Он увидел Римра, который нес на своей спине девочку

лет шести, и поспешил за последней девочкой, которая плакала, вжимаясь в живот своей матери.

Славик оторвал малышку от матери и закинул себе за спину, подавая женщине руку. Та уцепилась в нее настолько жадно и неосмысленно, что едва не опрокинула их всех в воду. Он оттолкнул ее в сторону, забирая свою руку, и помчался, насколько смог быстро на вторую баржу. Когда последний ребенок был в безопасности, он решил вернуться за матерью детишек. Но когда он был у самой цели, адское чудовище вынырнуло из стремительных вод реки Пайлы и, разинув широкую пасть, сверху которой были расположены крохотные, черные, как маслины, глаза, выпустило изо рта, свое чудовищное «копье». Этот рог был похож на бивень Нарвала, и он лишь чудом успел отклониться от смертельного выпада. Впереди идущая баржа, уже почти затонула, а мать детишек все кричала с ее кормы, закрыв от ужаса лицо ладонями. Он схватился за бивень монстра, который промахнулся мимо своей ловкой жертвы всего на пару сантиметров. Речная тварь резко втянула свое пятифутовое орудие в бездонную пасть, и он помчался прямо ей в нутро, крепко держась за рог. Почти долетев до пасти монстра, он отпустил бивень и, проскочив огромную зияющую дыру, упал на корму первой баржи. Женщина дико кричала от ужаса, но увидев упавшего парня, на секунду прекратила истерику. Он, перекувыркнувшись через свою голову, заскользил к затопленной части баржи, которая почти полностью ушла под воду. Они остались здесь вдвоем, все остальные либо спаслись, либо угодили в воду, откуда тщетно пытались выбраться, ломая ногти о вертящиеся в воде, скользкие бревна.

Беглец вскочил на ноги, мысленно выругался и побежал к матери, спасенных на время детей. Они вместе перескочили на бревна, он немного отставал, пропуская ее вперед. Злобное чудище где-то вдали развернулось и уже полным ходом набирало скорость, чтобы ударить в очередной раз в баржу, окончательно пуская ее на дно. Бревна бешено стучали друг о друга и расходились между ногами. Женщина поскользнувшись, упала, хватаясь руками за леер баржи. Славик, перескочивший на плавучий лес, попытался схватить ее и подтянуть к себе, но она не могла ничего с собой поделать. Страх так сковал ее движения и сжал сердце, что разжать руки ей никак не удавалось. И тут ударило в корму так сильно, что крепежи рамки лопнули и заскрежетали о бока баржи. Бревна моментально начали разъезжаться, став свободными от сдерживающей их преграды. Женщина испуганно закричала, и ноги ее повисли в воздухе, срываясь с ускользящей опоры бревен. Она уперла их в борт кормы и сжалась в клубок, когда корма встала вертикально, уходя под воду. Ситуация у него была не лучше. Разъехавшиеся бревна, начали крутиться под его ногами, как заводные волчки, пытаясь сбросить незваного наездника. Он ухватил два соседних дерева и, сжав их вместе, уперся грудью, почти ложась на них. Женщина смотрела на него, моля о помощи. Он посмотрел на нее в последний раз и в глазах ее он увидел страх. Неотвратимый страх гибели, а еще... ненависть. Ему было больно и горько бросать ее, но он понимал, что больше не в силах что-либо сделать. Громкий, булькающий звук раздался за спиной. Большой пузырь вздулся на воде реки Пайлы, поглощая разбитую баржу в свои недра. Он крепко сжал зубы, сдерживая душевную боль, а затем, глядя впереди себя, быстро пополз по бревнам к барже.

Капитан Рю уже во всю, раздавал указания команде и те дружно растаскивали бревна, выталкивая их в стороны, освобождая путь второй барже. Тем временем людей укрыли в трюме, а несколько матросов, подруливая и лавируя между хаотично расползающимися бревнами, шестами, пытались увести баржу на течение. Речной монстр продолжал

утаскивать барахтающихся людей на дно, но слава богам, многих удалось спасти и вытащить на вторую баржу. Славик побежал на корму и, обратившись к силам своего подсознания, обуздал воздушный энергетический поток, заставляя ветер дуть в корму оставшейся на плаву баржи. Он постарался сделать это, как можно незаметнее, чтобы не вызвать ненужных вопросов.

Течение постепенно подхватило баржу и она, набирая скорость, устремилась вниз по реке, в сторону города Фирс.

Как только баржа прошла участок нападения, капитан Рю, Римр и Варэн, стоя на корме, смотрели вдаль на плавающие обломки баржи и разметанные по реке бревна. Речной монстр, разорвав последние жертвы, притих, а может и вовсе уплыл. Они молили богов, чтобы он не пустился за ними в погоню. Славик сканировал окружающее пространство, выискивая следы присутствия чудища, но в астральном пространстве не находил никаких враждебных существ. Кристалл в груди также молчал, не порождая в душе чувство тревоги. И пройдя несколько миль по быстро текущей реке, они уже совсем успокоились. Все время после нападения экипажи двух барж, которые остались в живых, помогали остальным пассажирам и пострадавшим перебинтовать раны и оказать первую помощь. Одному мужчине, который также, как и Слава направлялся в Фирс, чудовище откусило руку по локоть и, остановив кровотечение, культю плотно перемотали чистыми тряпками.

Охотник за сокровищами рассказал всем, с чем им пришлось столкнуться. Он рассказал, что рыба Ремора, одна из удивительнейших созданий, обладая очень скромными размерами, славилась своей неестественной силой. Ремора являлась рыбой паразитом, которая питалась кровью людей и наземных животных. Не в состоянии самостоятельно охотиться на преобладающих в размерах, силе и уме жертв, она вступила в симбиоз с древним существом, рыбообразным демоном, как его называли предки, имя которого Лингбакр, что переводится с языка предков, как рыба-остров. Ремора присасывается ко дну судна или же к плывущей жертве, и за счет своих неизведанных способностей, может удержать на месте целый корабль, не говоря уже про человека или лодку. В этот момент вступал Лингбакр и, разбивая суда своим могучим телом, пожирал людей падающих в воду, а если ему не удавалось разбить судно, то он выкидывал свой бивень из глубин пасти и убивал людей прямо на борту, утаскивая их на дно. Реморе же оставалось лишь полакомиться кровью убитых.

Вячеслав не сильно удивился рассказу Римра, в силу того, что за те несколько недель, которые он находился в этом мире, ему уже не посчастливилось повидать множество незнакомых, опасных существ. Бурлящие эмоции после нападения постепенно улеглись и теперь они вновь плыли к городу, уже гораздо быстрее. Капитан Рю, и до нападения не сильно любивший поговорить, и вовсе замкнулся. Он находился на мостике, занимаясь своими делами. Раненые и перепуганные пассажиры не выходили из трюма, опасаясь новых нападений, а экипаж занимался привычной работой. Славик сидел на носу судна, размышляя над своей дальнейшей судьбой. Если все следующие дни, недели и месяцы, пройдут под знаком постоянной опасности, то ему срочно было нужно научиться защищать себя, иначе в этих суровых землях его ждала гибель.

Все вещи, подаренные сайлоками, включая земной лук, канули в пучине сражения с Лингбакром, и даже те деньги, которые у него были, теперь лежали где-то на дне Пайлы. К слову, он был не единственным, кто лишился всего имущества, и через пару часов путешествия, Римр подошел к нему и начал разговор.

— Ты куда держишь путь? Я понимаю, что сейчас мы движемся в Фирс, но я хотел узнать, планируешь ли ты там остаться или у тебя другие цели? — Его звонкий голос, сейчас звучал гораздо тише, выражая глубокую задумчивость и озабоченность. Его загорелое, молодое лицо, с небольшой черной щетиной, выглядело уставшим и мрачным. Видимо не только Славика планы подорвали эти водяные твари.

— Я двигаюсь на запад. Мне необходимо попасть на материк Кнет, но теперь я не знаю, как мне это удастся. В Фирсе я собирался купить место на корабле и отправится оттуда к ближайшему городу на материке. — Славик сидел, глядя вперед на бегущую воду, понимая, что это не последние проблемы, которые ему выпадут.

— Как ни странно, но у меня были схожие планы и теперь, когда я остался без всех своих вещей и даже без денег, я еще не знаю, как мне воплотить их в жизнь. — Он с досадой плюнул в воду и посмотрел в сторону виднеющегося горизонта. Горизонт вдали уже показал полосу той границы, где небо соприкасается с морем, а значит, еще пару дней и они доберутся до города.

— Как я понимаю мы теперь в одинаковых условиях. И что ты намерен делать? — Славик спросил его, в надежде услышать возможные варианты решения их проблем. Римр немного помолчал, а затем сказал:

— Я думаю нам надо на время объединиться. Фирс не самый безопасный город, поэтому выжить и не попасть в беду, вдвоем будет на много проще. — Он не ждал от Славика согласия, а просто констатировал факты и Слава, подумав, решил, что вместе будет легче. Тем более, судя по Римру, он разбирался во многих вопросах очень не плохо. Такие выводы он сделал, после того как охотник на редких животных умело обработал и забинтовал раны пострадавшим людям.

— Значит решено! — Огласил он свое решение и, желая побыть с собой наедине, отвернулся, закрыв глаза, погружаясь в медитационный сон, изучая плетения энергий и возможности кристалла.

Остаток дня ничем примечательным не отличился, и они сплавлялись дальше, преодолевая милю за милей, на пути к городу Фирсу. Только в этот раз на палубе никто не гулял и не танцевал, как это был днем раньше. Капризная жизнь, вновь показала свои клыки, и теперь им оставалось лишь отдаться на волю монотонно тянущейся реке.

Следующий день был таким же обыденным, как и те предыдущие дни(кроме дня нападения). Экипаж занимался судном, капитан Рю руководил ими и контролировал ход баржи, а пассажиры отдыхали в трюме, по-прежнему опасаясь выходить наружу. Слава обнаружил, что Римр ведет себя довольно необычно. Он торопливо ходил по палубе, с одного борта на другой, и с кормы на нос. Он периодически смотрел на небо, в сторону солнца, словно измеряя что-то, вознося небольшой прут с дугой, стеклом и шкалой, визуальнo прикладывая его одним концом к солнцу, а другим к горизонту. На земле такой прибор вроде назывался астролябией. Охотник при этом, что-то увлеченно записывал, чем-то вроде карандаша, но с угольным грифелем и вновь бежал на противоположную сторону баржи. Спустя полчаса такой беготни, он остановился и крикнул капитану: — Здесь!

Когда Славик спросил его, что он имеет в виду, тот сказал, что примерно в этом месте затонула нувокская баржа, по рассказам очевидцев, заполненная артефактами и кайкретами (золотыми монетами), которые везли для сайлоков, как откупные за отказ на право обладания городом Фирс. Но баржа затонула. Нувоки и сайлоки, исходя из рассказа Римра, были раньше одним народом, но разругавшись и даже повоевав на религиозной почве, они решили разъединиться. Нувоки, в отличие от сайлоков не обладали магией льда. Зато им была подвластна магия воды. Опять же, исходя из рассказа нового знакомого, магов воды осталось очень мало в Нувоке. Вернувшись к сокровищам, он сказал, что по легендам и слухам, затонувшие сокровища приманивали всегда очень редких животных — Роанов, по сути дела тюленей, но с одной оговоркой. В них билось сердце, которое может исцелять

неизлечимые болезни. Человек обладающим этим сердцем, может вылечить даже смертельную рану, что может подарить ему вторую жизнь. Кроме того, владелец сердца мог призывать других Роанов, и те, подчиняясь ему, приносили из своих сокровищниц золото и драгоценности. Призванием Роанов было охранять сокровища с затонувших судов.

Римр восторженно рассказывал Славе эти подробности, и поведал, что ему кажется, он приблизительно высчитал местонахождение той затонувшей баржи. Иномирянин, не сильно поверив в эту легенду, спросил Римра, верит ли он сам в эту сказку, но тот не ответил, а лишь указал пальцем в сторону берега. Там на каменистом берегу лежал один крупный тюлень, и вид у него был совершенно обычным, но в больших черных глазах просматривался, какой-то совсем не животный ум.

— Теперь ты понимаешь, к чему я веду? Если я все правильно посчитал, то в этом месте должна быть банка, в недрах которой и лежат сокровища Нувоков.

Пока они разговаривали, капитан Рю скомандовал остановиться. Он был сильно огорчен потерей баржи и груза, а поэтому согласился на столь призрачную надежду, найти затонувшие сокровища. Матросы поставили судно на якорь и Римр начал готовиться к погружению. Он взял с собой небольшой мешок, привязав его к поясу. К нему же он пристегнул красивый охотничий нож и прыгнул в воду. Вячеславу показалось, что сам Римр тоже был в отчаянии. Иначе, как можно объяснить, что он только сейчас попытался отыскать местонахождения затонувших сокровищ.

Прыгнув с баржи, Римр проплыл несколько десятков футов под водой и вынырнул. Набрав полные легкие воздуха, он вновь нырнул, выискивая на дне реки клад. Он вынырнул еще раз и капитан Рю крикнул ему:

— Ну что? Есть следы баржи или сокровищ? — В его глазах затрепетали искры надежды. Но Римр ответил, что пока ничего не нашел. И продолжил поиски. Он нырял и выныривал, а результатов все не было. Капитан в сердцах ушел с палубы, больше не в силах терять последние, призрачные надежды. Экипаж еще пытался как-то подбодрить Римра, выкрикивая ему ободряющие слова, чтобы он продолжал поиски и не сдавался, но результатов по-прежнему не было.

Тем временем, Славик с удивлением обнаружил, что тюлень, сидевший на камне, куда-то подевался, но он не придавал этому особого значения. Сознание отметило где-то далеко на своих задворках, резкий всплеск воды не далеко от берега. Еще через пару минут после этого всплеска, вода взбурлила в том месте, где пару секунд назад вынырнул и погрузился обратно на поиски охотник за редкими сокровищами. Кристалл тут же сигнализировал опасность, но был очень слабым, даже вялым, словно это и не опасность, а так, досадное стечение обстоятельств. Вода пузырилась так, словно из под нее вырвался невидимый мешок, заполненный воздухом. Затем пена, выступившая на поверхность воды, окропилась алыми оттенками крови и все на баржи задержали дыхание от волнения, ожидая самого худшего. Несколько матросов уже выхватили гарпуны и багры, кто-то держал на изготовке копье. Затем бурление воды прекратилось, как будто кто-то выключил вскипевший чайник, и вода заструилась в привычном своем беге, неся потоки природного мусора в сторону города Фирс. Экипаж замер, впрочем, как и сам беглец, а из рубки прибежал перепуганный капитан Рю. Славику показалось, что капитан ожидал ничего иного, кроме как очередного нападения Лингбакра. Но через пару мгновений, которые тянулись бесконечно долго, на поверхность вынырнул Римр, гребя одной рукой в сторону баржи. Ему быстро помогли выбраться на борт судна и он схватился за раненое плечо. Кто-то дал ему сухую тряпку и Римр приложил ее к

ране. Тряпица быстро окрасилась в рубиновый цвет, но казалось, что охотник не замечает своего ранения. Его глаза горели, как изумруды на солнечном свету, а тело слегка трепетало. Все загомонили вокруг, спрашивая, что же там произошло, но Римр жадно хватал воздух ртом, пытаясь надышаться, а затем он запустил правую руку себе под рубашку и вынул оттуда... еще бьющееся сердце. Сердце явно было не человеческим, уж это он мог распознать с легкостью, благодаря урокам анатомии в школе, но идентифицировать его на глаз он не смог. Все резко замолчали и посмотрели на его трофей.

— Я же говорил, я же говорил! — Заторопился Римр. — Тот тюлень с берега, он напал на меня. Это глазастая тварь вонзила свои острые зубы мне прямо в плечо. Я чуть не утонул от испуга, когда тюлень напал на меня, но я успел достать нож и вонзить ему в грудь. А затем, сделав надрез, я вырвал сердце у него из груди. Вот это удача! — Матросы посмотрели на него с недоверием, а некоторые с откровенным непониманием. А Римр с досадой добавил: — Только нож жалко. Он так и утонул вместе с трупом Роана. — Капитан Рю увидев «улов», досадно вздохнул и отправился обратно в рубку. Матросы, быстро потеряв интерес к сердцу тюленя, разбрелись заниматься своими обязанностями.

— Так сокровищ там не было? — Решил уточнить на всякий случай Слава, но Римр так увлеченно рассказывал ему о своей добыче, свято веря в легенду о чудодейственных свойствах сердца, что и ему захотелось уйти, оставив охотника со своими фантазиями наедине. Он так и поступил.

Тот вечер был последним, который Славику и его спутникам пришлось провести на палубе баржи, потому что налегке, без груза, они быстро нагнали и опередили график. На следующий день по полудню они должны были прибыть в город, а там, у беглеца, начнутся новые приключения. Сейчас же ему хотелось, насладиться тихим, прохладным вечером, который опустил на окружающий его мир, свой театр теней. Он размышлял о своем походе, думая, что за последнее время, жизнь преподнесла ему больше сюрпризов, чем может пережить сотня людей, за целую жизнь.

В Фирс они прибыли после обеда, хотя уже начиная с самого раннего утра город у берегов моря показался, как раскинутая карта на исполинском столе. За несколько миль до города, река Пайла разветвлялась на пять разных притоков, разливаясь веером в приморской долине. В самом городе воды реки, пересекались в каналы, образуя хитрую сеть. Вокруг Фирса располагались многочисленные поля и пашни, а сам город был обнесен высокой стеной, которая защищала его от захватчиков. Приближаясь к черте города, баржа наткнулась на преграду в виде шлюза, который запирался массивными, решетчатыми воротами, которые фильтровали мусор, позволяя водам реки просачиваться в пределы города. Баржу досмотрели солдаты из армии Нувоков, хотя досмотр был чисто формальный, так как капитана Рю хорошо все знали. Единственные, кто подвергся более тщательному досмотру, были пассажиры судна, хотя после рассказа капитана о нападении Реморы и Лингбакра, их тоже пропустили, посочувствовав об утратах.

Сухопутные входы также имелись — их было два. Один располагался севернее, а другой южнее. Въезды тщательно охранялись, а большие ворота, в десять футов высотой, были надежной преградой для незваных гостей. У центрального речного входа, через который они попали в город, было выгодное местоположение. Здесь сразу же располагались лесопилка и угольный завод, ровно так же, как и несколько крупных транспортных компаний. Причалив к пристани, люди, потерявшие свое имущество на первой барже, просто высадились, горько вздыхая, и разочарованно пожимая плечами. Некоторые из них жаловались друг другу и находили всестороннее взаимопонимание и сочувствие, ожидая того же взамен.

Рядом с пристанью был какой-то торговый дом, который скупал товары оптом, гранича с загадочным зданием в виде башни, очень похожей на водонапорную, но явно жилую. Римр сказал, что это филиал торговой гильдии, которые продают заказы на добычу и перевозку грузов, также специализируясь на продаже магических артефактов. Башня была на вид похожа на земную, за исключением наличия множеств окон, чего в земных аналогах не бывало. Все же эти миры — его родной и этот, были чем-то похожи между собой. Покинув судно, они еще перекинулись с капитаном Рю несколькими фразами, расспросив, где бы они могли купить пару мест на корабль, идущий на континент Кнет. Капитан любезно рассказал им, как лучше всего поступить и распрощался. Славик на прощанье сказал, что сочувствует капитану на счет гибели баржи и утери груза, на что тот лишь хмыкнул в усы, пожевав губы, и неопределенно махнул рукой.

Они вместе с Римром отправились в доки.

Здания в Фирсе были не очень высокими, но зато архитектура ему очень понравилась. Уютные дома, близко граничащие с различными лавками и пабами, множество гостиниц, при которых явно содержали публичные дома, судя по контингенту откровенно одетых девушек, любых возрастов. На побережьях каналов были обустроены уютные скамейки со спинками, которые охранялись от ночной мглы храбрыми, вытянутыми фонарями, на деревянных, резных фонарных столбах. Город был очень уютным и нарядным, правда всю романтику портили грязь и мусор, которые хоть и незаметно на первый взгляд, но присутствовали везде. Здания были примерно в одном стиле, деревянные с каменными основаниями, с узкими окнами и большими дверями. Они очень контрастировали по высоте между собой, являя некоторые постройки высокими, а рядом в шахматном порядке такие же

по стилю, но низкие и приплюснутые.

Ближе к центру города, они вышли на площадь, которая была по кругу обнесена ореолом каналов. Площадь была сделана из белого камня и блестела алым огнем лучами уходящего за горизонт солнца. Вокруг ее ограждали каменные заборчики с маленькими колоннами, а между секциями стояли колоны повыше и венчались фонарями. Кольцо площади с западной стороны украшалось широким приземистым зданием в два этажа, и как посвятил его Римр — это была местная администрация и мэрия. Площадь носила имя Святого Вадрена — божественного существа, а по сути главного бога. Статуя Вадрена стояла в центре площади, и в праздничные дни народ стекался сюда помолиться и восхвалить своего бога. Божество выглядело, как громадный тигр, высеченный из белого мрамора с вкраплением бирюзовых цветов, в имитации цвета шерсти на груди и голове и бирюзовыми прожилками. Тигр имел длинные космы шерсти, как от львиной гривы, но с длинными прядями, развивающимися в воздухе, заходившими, аж за его задние лапы. Длинные прямые рога, с небольшим изгибом устремлялись вверх, образуя рогатку. Два таких же рога поменьше, ниже больших рогов и рога такого же размера на мощных когтистых лапах. Глаза его были инкрустированы горящими сапфирами, которые пылали теплым бирюзовым цветом в сгущающейся темноте. Судя по этой статуи, Вадрен был каким-то аналогом Кианга, божества сайлоков. По крайней мере, некоторые схожие черты, явно между ними прослеживались.

Временные спутники дошли до площади лишь к вечеру, когда уличные фонари уже загорелись по всему городу. Они были, естественно, лишь на больших и значимых улицах, в отличие от примыкающих к ним, на которых царила темнота. Свет, такой теплый и нежный голубой свет прекрасно подсвечивал уютные здания и улочки, придавая им неповторимый, сказочный шарм. Идти в доки, к причалам, была глупая идея, так как вся работа в связи с темным временем суток была прекращена. Им стоило озаботиться пристанищем на ночь, что они и отправились делать.

Два странника, объединенные общими трудностями, направились в южную часть города. Держась ближе к освещенным улицам, они не раз выходили к питейным заведениям, и многие из них были даже приличного вида. Их можно было смело назвать ресторанами, с большим количеством богатого люда и витринными окнами. Любое заведение, располагалось рядом с гостиницей или отелем, но заходя в них, им, ни разу, не удалось договориться о ночлеге. Римр подходил к управляющим, чтобы договориться, а те пожимали плечами, но ясно давали понять, что без оплаты их никто не пустит. Он даже предлагал свой браслет, который он снимал с запястья и протягивал им. Они вначале заинтересованно на него глядели, а затем возвращали хозяину, вновь отказывая в ночлеге.

Два неудачливых путешественника прошли с десятков разных гостиниц, всю дальше продвигаясь к южной окраине города, и вот, наконец, они набрали на некий постоялый двор из одного здания. На первом этаже здания располагался бар, а на втором сдавались комнаты. Здесь же можно было обзавестись и девушкой на ночь, если у гостя имелись деньги. Но денег у них не было даже на ужин, не говоря уже о других развлечениях. Хозяин двора, нехотя согласился на их более чем скромную плату, и впустил переночевать, но только до рассвета. Римр не думая согласился, потому что они и так собирались на рассвете отправиться в порт на поиски корабля, который их отвезет на материк Кнет.

Стараясь не задерживаться на первом этаже, они прошмыгнули сразу наверх, и улеглись спать. Римр не хотел было уходить из бара, где царили хаос и веселье, люди выпивали и ели

вкусную еду, а мужчины наслаждались объятиями симпатичных женщин. Но Славику пришлось уговорить его, отправиться спать. Римр клятвенно пообещал, что раздобудет денег и вернется сюда, как следует отдохнуть. Учитывая, что денег у них и в правду нет, они решили наняться на любое из суден, идущих на Кнет, отработав плату за проезд в пути.

Комнату им дали одну на двоих, еще и с одной кроватью, но пережив столько трудностей и опасностей, Славику было наплевать, где он будет спать, на полу или на кровати, главное чтобы под крышей. Убранство было более чем скудным, а облущенная краска на деревянных досках, которыми были обшиты стены, и вовсе придавала ей нищенский вид. Усталости и сонливости, которые пленили беглеца за время их речного путешествия, было все равно, где они его окончательно сломят и примут его в свои объятия. Они уснули на голодный желудок, выпив несколько стаканов воды, чтобы прекратить болезненные уколы в нутрии живота. А утром, которое наступило, как-то не честно рано, проглотив ночь в своем чреве, как кит глотает мелкую мошку, их уже недружелюбно, с ругательствами будил управляющий. Они проснулись, не чувствуя себя отдохнувшими, а даже наоборот еще больше усталыми и отправились в доки.

Город Фирс горел в прекрасном фиолетовом рассвете, пронзаемый насквозь багровыми лучами-копьями и вид у него был фантастический. Только сейчас Вячеслав заметил одну странную особенность этого мира, а именно то, что солнце здесь восходило на западе, а садилось на востоке, переворачивая мировоззрение землянина с ног на голову. Они неспешно шли, наслаждаясь еще ночным, прохладным воздухом. Он вздымал на его теле волоски, своей свежестью и приносил приятные морские запахи со стороны гавани и доков.

Улицы гоняли тени из стороны в сторону, распуская их и загоняя по углам домов. Ранние птицы, которые уже пробудились от ночного забытья, громко щебетали свои песни, будя горожан своими певучими голосами. Спутники шли в тишине, пытаясь стряхнуть с себя неводы сна, которые не желали их отпускать этим чудесным ранним утром.

Дойдя к докам, парни решили разделиться и искать место на судне по отдельности, чтобы увеличить свои шансы. Судов в гавани было не много, и они до обеда успели обойти с десяток кораблей и более мелких суденышек. Похвастаться было нечем. Нигде, ни на одном судне не согласились их взять в качестве матросов или даже помощников. Жара выпаливала из головы последние здравые мысли, а голод выкручивал желудок, как тряпку, постоянно громко урча. Двум спутникам пришлось встретиться вновь на одном из причалов, чтобы обсудить дальнейший план действий.

Римр сказал, что в одном месте ему предложили работу. Один человек требовался на загрузку судна зерном, а другой работник нужен для просмолки корпуса судна. Платили по два кета (медная монета) — это одна ночевка в гостинице или два дня нормального питания на двоих. Делать было нечего, на суда их не брали, а жить за что-то надо было. Они согласились.

Римр, с еще незажившей рукой, выбрал просмолку корпуса, а Славику досталась загрузка судна мешками с зерном. Он работал не один, а в бригаде из десяти человек, а вот Римр просмаливал корпус только с напарником, без особой помощи. Работа была тяжелая и изнурительная на испепеляющей жаре, но нужно было не лениться и выполнять ее тщательно, иначе их могли в конце дня и вовсе оставить без жалования. Все мышцы на теле Славика ныли, и казалось, что они вот-вот разорвутся от перенапряжения, но до вечера оставалось еще несколько часов и они трудились в поте лица. Пот лил градом с их еще не слишком загорелых тел, а на руках у него очень быстро образовались мозоли.

Проработав до темноты, Славик едва шевелился, а Римр поддерживал перетруженную руку, которая еще сильно болела после ранения. Они направились к боцману, который должен был их рассчитать.

— Хорошо поработали мужики! — Крепкий мужичек в возрасте, пожал им мозолистые руки, и выдал по два кета на каждого, при этом сказав: — Знаю, что вы ищите место на судне до материка, но все суда сейчас укомплектованы, начинается сезон торговли, а значит и грузоперевозок. Чужаков здесь никто не возьмет на работу, своих голодных ртов хватает, разве если заплатить за проезд, купив место. Правда дам Вам совет: Найдите харчевню «Сломанный клык», что находится возле рынка в винном квартале и поспрашивайте там. Сразу предупрежу, что собирается там всякий сброд: бандиты, торговцы краденым, наемники и контрабандисты. Вот к ним Вам и следует обратиться. Если Вам повезет, то там Вы найдете свою удачу. — Он забил трубку табаком и, раскурив ее, наполнил остывающий воздух густым дымом.

— Спасибо тебе отец! — Сказал Римр, и они отправились на поиски таверны.

Рынок нашли быстро, поспрашивав местных горожан, но путь туда был не близок, и добрались они до винного квартала лишь к вечеру, когда солнце незаметно нырнуло за горизонт. Улицы, вновь, волшебным образом подсвеченные теплыми голубоватыми фонарями, заиграли новыми тенями, а на их помостах разбредались многочисленные желающие отдохнуть и скрасить вечер в какой-нибудь забегаловке. В доках Славик вновь замечал башни торговой гильдии, но и в центре Фирса, их было предостаточно. Торговый город, что еще сказать.

Таверна «Сломанный клык» находилась в самом глухом закоулке, самой безлюдной улицы, и контингент здесь был соответствующий. Двор, в котором расположилось злчное место, встретил их нешуточной дракой, с выбитыми зубами и сломанными ребрами, что сильно насторожило Славика, но деваться им было некуда, и они решили идти внутрь.

Внутри царил полумрак, и что сильно его удивило, свет исходил от самых обыкновенных свечей, какими пользовались на Земле. Здесь не было беспламенных светильников, какими оснащались улицы Фирса, но света от свечей итак хватало. Музыка лилась от дальней стены, где местные музыканты играли заводную музыку на странных инструментах, но звуки ему были знакомы. Они походили на звучание скрипки и аналога местной балалайки из трех струн. Люди сидели за столами и за баром. Многие плясали в обществе разношерстных дам, чья профессия не оставалась загадкой для путешественников. Напитки разливались без остановки и употреблялись еще быстрее. Шустрые подавальщицы выносили блюда и кружки с алкоголем, а цепкие руки гостей, так и норовили ухватить кого-нибудь за пышные округлости. Гулянка кипела, заглушая своим шумом все остальные звуки, и поэтому местные криминальные элементы любили решать свои дела здесь, оставаясь безразличными для внимания остального народа.

Славик и Римр сели за угловой столик, в самом конце зала, чтобы лишний раз не привлекать внимания. Миловидная девушка приняла заказ на четыре кружки Сарва, местного не то пива, не то вина, который делают из винограда и дубовой коры, и на большую тарелку жареного мяса с корнеплодами. Славик очень надеялся, что корнеплодом окажется картошка или что-нибудь подобное. Подавальщица неуловимо для взгляда принесла две кружки Сарва и еще полный кувшин. Они с Римром выпили по полной кружке напитка залпом, утоляя одновременно и жажду и голод. Вкус у Сарва оказался очень интересным и необычным, но в целом был приятен. Очень было похоже на вкус соленой

брынзы и меда, с нотками чего-то дубового.

Римр наполнил кружки по второму кругу, но на этот раз они пили не так быстро и не так жадно. Пока ждали еду, Римр заметил красивую девушку, которая пила лиственный чай за баром. Она была черноволосая, с такими угольными, большими глазами-блюдами, в которых можно было потеряться, позабыв обо всем. Он попытался с ней флиртовать, но без денег, он не смог даже угостить ее напитком, а поэтому, его вежливо отвергли. Славик мог поклясться, что она потом, весь вечер не спускала с них глаз.

Через полчаса ожидания еды, подавальщица вынесла им большую тарелку жареного мяса, вперемешку с круглыми колобками, которые по вкусу действительно были похожи на картошку, но на много слаще. Мясо было отлично приготовлено, и Слава решил не портить себе аппетит, узнавая, чье мясо им приготовили. Они с Римром накинулись на еду с таким пылом, что люди начали на них косо поглядывать, а напарники, увидев это, немного сбавили темп. Они заказали лишь одну тарелку еды, потому что оставили два кета на плату за ночь в гостинице. Оставшихся два кета (медная монета), как раз и хватало на большую тарелку жаркого и на четыре кружки Сарва.

Когда их тарелка опустела, мужчины довольно откинулись на спинки своих стульев, и уже очень неторопливо попивая напиток, осматривали посетителей. Спустя несколько минут, к ним за столик подсел проницательный парнишка и завел разговор:

— Уважаемые господа! Не считите за наглость, но я случайно подметил, как вы жадно поглощали свою трапезу, что натолкнуло меня на мысль о вашем небогатом финансовом положении. — Он лукаво улыбнулся, сверкнув серебряным зубом, и продолжил разговор, все время, оборачиваясь и поглядывая на столик в противоположном углу. За тем столом сидела компания бандитского вида, и во главе стола сидел здоровяк, с одним мутно-белым глазом. Вторым глазом он часто поглядывал на их компанию, но делал из всех сил безразличный вид.

— Привет! — Поздоровался Римр, выказывая своей улыбкой максимальное дружелюбие, но ему показалось, что он стал, напряжен и собран. Славик просто кивнул новому знакомому, решив дать своему товарищу, вести разговор самостоятельно, а сам внимательно слушал. — У тебя есть предложение или ты так, поболтать подсел?

Неожиданный гость, резко поник, словно его оскорбили, и продолжил уже менее дружелюбно:

— Поболтать я люблю с кем-нибудь посимпатичнее, точнее не с кем-нибудь, а с прекрасными дамами, а вот для Вас двоих у меня действительно есть предложение. Вам нужна работа? Я могу в этом помочь. — Он снова оглянулся на одноглазого вожака и впил свой взгляд в Римра, изредка поглядывая на Славика.

— Мы не ищем работу, мы ищем корабль, который нас отвезет на материк Кнет. Есть предложения по этому поводу? — Римр оставался хладнокровным и твердым, не сводя зеленых глаз с их собеседника.

— У нас есть свободные места, как раз для двух матросов. И к счастью для Вас, мы уже очень скоро отправляемся в плавание. Платим пять кретов в неделю, плюс проценты от перевозимых грузов, кормежка, кое-какая форма и оружие, выдаем бесплатно. Ну как? Интересно? — Он снова посмотрел на своего командира, который по прикидкам Славика, был капитаном их судна.

— Да, в принципе интересно, но мы бы хотели узнать, куда именно вы направляетесь со своим грузом. Может нам не по пути с Вами окажется. — Римр тоже поглядывал на вожака

за дальним столом, и немного кривился, словно от зубной боли, когда парень начинал говорить.

— Мы идем на материк, там есть небольшой портовый город Орс, в котором у нас есть некоторые дела. Так что, Вы согласны? Отплываем уже на рассвете. — Парень нетерпеливо заерзал на стуле, явно теряя терпение, но Римр был внешне спокоен, на что ответил ему:

— Мы подумаем, у нас нет спешки отбывать непосредственно завтра, поэтому поищем и другие варианты. Спасибо за заботу, уважаемый! — Последнее слово Римр произнес как-то медленно, протяжно, словно вложил в него целый пуд отвращения и презрения. Тем самым давая понять, что его общество им стало неинтересно.

«Как знаете!» — бросил вербовщик и удалился за свой стол, к друзьям и капитану. Славик переглянулся с Римром недвусмысленными взглядами, и они, осушив в один глоток свои кружки, покинули таверну «Сломанный клык».

Луна озарила своим бледным светом улицы города, давая понять, что полночь уже на пороге своих владений и пора спешить обустроиться на ночевку. Они, не спеша дошли до постоянного двора, где останавливались прошлой ночью. На этот раз, имея деньги на руках за комнату, оплатили ее, и пошли спать. Эту ночь договорились, что Славик будет спать на кровати, а Римр на полу возле выхода. Простой ночью, не слишком комфортная кровать досталась Римру. Слава уступил компаньону место, в связи с ранением. Теперь была его очередь отдыхать.

По дороге на постоялый двор Римр поделился со Славой своими соображениями, по поводу предложения моряка-контрабандиста, а это они и были. Он говорил, что это очень опасный вид путешествия, в силу того, что контрабандисты, как и любые джентльмены удачи, ходят в слишком рискованные рейсы, и если их поймают гвардейцы Нувока, то всем им грозило повешенье. Так рисковать у них не было никакой необходимости, и поэтому они отменили эту идею, как ненадежную и решили заработать в доках денег, для путешествия на материк.

Славик уже готовился отойти ко сну, когда в их дверь постучали. Дверь пошел открывать Римр, его спутник и охотник на редких животных. Когда он открыл неожиданному гостю дверь, Римр начал неторопливую беседу и, судя по второму голосу, который принадлежал девушке, Римру на вечер улыбнулась удача. Он уже понимал, что частично ему придется провести эту ночь, в каком-нибудь другом месте, хотя он был рад, что компаньону улыбнулась удача. Через пару минут беседы голос Римра как-то резко стих, и обернувшись к двери, Слава увидел его со спины, слегка пошатывающимся. Он окликнул Римра по имени, но тот так и стоял, покачиваясь и не реагируя на зов. Заподозрив неладное, Славик подбежал к соратнику. Он увидел, как тот, медленно заваливается на спину, издавая булькающие, хриплые звуки. Он подхватил его под руки, не давая ему упасть, и увидел нож, торчавший у него из груди. Он посмотрел в коридор, через распахнутую дверь, и увидел в его конце, удаляющуюся девушку. Ту самую девушку, с большими, черными глазами, которая была на первом этаже, в таверне. Она несла в руке, какую-то тряпку, но через секунду он понял, что у нее в руке шкура тюленя, с пустыми глазницами вместо черных глаз. Нож, которым убили Римра, был тем самым, который он потерял в схватке с Роаном — волшебным тюленем, охраняющим сокровища. Медлить было нельзя. В глазах Римра еще метались искорки жизни и, не придумав ничего лучше, Слава выхватил трофейное сердце Роана, добытое умирающим товарищем. Он склонился над телом Римра, не зная, как можно применить сердце, чтобы оно спасло ему жизнь. Он повертел его, прислоняя к ране и к лицу умирающего охотника, но

эффекта не было. Римр умер.

В ту самую минуту, когда Слава спасал своего спутника, на второй этаж забежало трое крепких мужчин, с обнаженными мечами. Они посмотрели в конец коридора, и увидели мертвого Римра, над телом которого склоняется его друг, держа его сердце в руках. Они дико завопили: «- Убийца! Убийца!», и кинулись в сторону их двери. Кристалл взвыл, предупреждая о надвигающейся опасности, и беглец не размышляя, а действуя, резким рывком втащил тело Римра, привалив дверь изнутри его трупом. Он кинулся к окну, которое было маленького размера, но страх и возбуждение так овладели им, что он и сам не понял как втиснулся в оконную раму, спрыгнув на задний двор. Тем временем, воины ломали дверь, которую подпирали труп. Славик, оказавшись на заднем дворе, где никого не было, нырнул в соседний переулок, спасаясь бегством.

Интуитивно ориентируясь в преобладающей темноте ночного города, он не разбирая дороги, побежал в сторону таверны «Сломанный клык». Перед таверной он перешел на шаг, отдышался и скорчил самую невозмутимую физию. С таким непроницаемым лицом он и вошел в заведение. Сильно глубоко внутрь он не пробирался, а встал недалеко от входа, где осмотрел помещение, в тусклом свете горевших свечей. Он визуальнo высматривал того молодого контрабандиста, который предложил им с Римром работу матросами. Народу было много и Славик уже запереживал, что его последний шанс, быстро покинуть город, уже сам покинул таверну, но через пару секунд, увидел того контрабандиста, машущего ему грязной ладонью. Отбросив страх в сторону, а точнее заточив его глубже в себя, он подошел к столу с экипажем.

— А, здравствуй еще раз путник! Никак передумал? Что ж, одобряю, а то мы с парнями сидим, думаем, где нам матросов найти. Через пару часов уже выходим в море. — Он сказал это с ехидной улыбкой на лице, толкнув соседа в бок локтем, и все бандиты, сидевшие за столом, хищно оскателись в улыбках. — Где же твой друг? Чего один пришел?

— Я передумал, и решил плыть с вами, а друг решил попытать счастье в Фирсе. — Туманно ответил Славик, желая скорее перевести тему в другое русло. А контрабандисты с наигранной вежливостью усадили его за свой стол.

Старшие офицеры, во главе с одноглазым капитаном, сидевшие за другим столом, увидев его в компании вербовщика, заулыбались и покинули трактир. Славика это насторожило, но он был очень измотан и не мог нормально соображать. Он осушил кружку с Сарвом до дна, по просьбе вербовщика, которого звали Ратан, и принялся пить следующую, любезно предложенную новыми знакомыми. Ратан расспрашивал: откуда тот родом, куда путь держит, есть ли у него родные и близкие, и где они находятся. Словом, болтали обо всем и не о чем. А примерно через полчаса, Вячеслав почувствовал себя очень пьяным, и почти ничего не соображал. Глаза стали плохо видеть, а координация и вовсе нарушилась. Он не понимал, почему так быстро опьянел и попытался прислушаться к кристаллу. Где-то далеко, в глубине сознания, кристалл трубил тревогу, предвещая об опасности, но было уже поздно — он погрузился в сон.

Плотная стена ветра пронеслась над бугристой равниной, поднимая пыль и мелкий мусор в воздух. Это выглядело так, словно ударная волна от нештучного взрыва, пронеслась по полю, где ничего не росло. Поле было усыпано мелкими камешками и кое-где валунами, высотой по пояс среднего роста человека. Травы на равнине не было, но несколько упрямых пучков до сих пор росли редкими островками, наперекор всему миру. С одной стороны поля стояла большая армия, состоящая из разрозненных отрядов, и казалось, у них даже не было единой формы или брони. Одеты солдаты были, во что попало. Кто и вовсе носил обычные крестьянские одежды, и лишь перепуганные взгляды выдавали их истинную сущность. Они не были воинами, они были фермерами, которые умели взращивать, но не убивать. Их глаза были заполнены страхом и отчаянием, и они все время нервно смотрели в сторону более храбрых военных, чем они сами, стараясь найти в них вдохновение и отвагу. Таких военных тоже было много, но не так много, как простых крестьян. Экипированы они были лучше, чем крестьяне и вид у них был очень воинственный. Латы и броня, сверкали в лучах тусклого солнца, а само светило постоянно пряталось за серыми тучами, что низко летели над полем, где должны встретиться две армии. В армии арсаилцев были отряды лучников и мечников, также отряды охотников-пращников, и небольшой кавалерийский отряд. В их рядах можно было отыскать и магов, который стояли каждый в одиночестве, прикрывая свой фланг и те отряды, которые должны были сражаться на том или ином фланге.

Этот мир находился на одном из внешних кругов мироздания, как и все другие открытые миры, имея два портала, ведущие во внешний и внутренний мир. Миры располагались, как витки винтовой лестницы, являя собой спираль, но они постоянно, незаметно передвигались, иногда сталкиваясь, а иногда находясь, так далеко друг от друга, что нужно было ждать столетия или даже тысячелетия, чтобы порталы между ними стали активными. В последнее время происходила некая активность, и порталы все чаще становились доступными для тех магов, которые могли их открыть. И пришло то время, когда спящий Сакральный Портал в мир Бьяргил открылся проход. Через него и прошла чудовищная армия захватчиков Баргозара, которые уже захватили все города империи Арсаил.

Армия стояла на будущем поле боя, где солдаты государства Арсаил, собиралась дать отпор захватчикам из внутреннего мира под названием Сартог. Их называли Дорсилане. Они уже поработили все государства мира Бьяргил, объединив их в одну империю Дорсилан. Императором нового государства был некогда справедливый и великодушный правитель Фалур. Но когда весь мир Сартог был захвачен армией Баргозара, императора Фалура словно подменили, и он, последовав примеру своего названного бога Баргозара, продолжил его кровавый марш в другие миры, захватывая и уничтожая непокорные народы. Так произошло и с миром Бьяргил. Он был уже полностью поработан, кроме последней, самой крупной империи воздушных магов — Арсаил. Армия Баргозара стояла точно напротив, защитников последнего не павшего города империи Арсаил — столицы Немад. Захватчики располагались на возвышенности, хотя в масштабах размера поля, это не играло большой роли. В основном армия Баргозара, состояла из людей, не владеющих магией, впрочем, как и любая другая. Для дорсилан была доступна энергия астральных сил, которая отвечала за животные и природные воплощения. Их маги, были друидами — Нарт, которые могли

воплощаться в животных, близких к ним по духу и являлись их животными аватарами. Раса берендеев была одна из этих магических каст, друидного общества. После истребления лагеря ордена Киранхоши полтора десятка лет назад в мире Сартог, последние из берендеев подчинились императору Фалуру, который их взял на службу. Также из дорсилан было много шаманов леканов, магических оборотней, которые превращались в астральные проекции волчьих обличий. Тесная связь с природой и животным миром в государствах мира Сартог, породила еще два подвида существ, кентавров — Азарларов и Грелосов. Азарлары — люди, но только по пояс, впрочем, как и Грелосы, но у первых нижняя часть — это тело змеи, а у вторых — тело огромного лося. У Грелосов на голове росли огромные лосиные рога, которыми они умело пользовались. Левая рука исполинских лосей-кентавров представляла собой огромную ладонь, с длинными, мощными пальцами. Азарлары из-за своего змеиноного тела, очень медленно передвигались на поле боя, хотя вступив в битву их ловкости и проворству не было равных. Поэтому воины-змеи передвигались на огромных ящерах, похожих на варанов, но размером с аллигатора. Их называли Азогами. Их вид внушал животный страх, потому что их массивные тела, были очень мощными и быстрыми. Они были похожи на бескрылых драконов, хотя выдыхать пламя из пасти Азоги не умели.

Главными колдунами были Нарты — друиды, способные манипулировать растениями и деревьями, и вызывать духов, которые могли причинить противнику множество неприятностей. Духи — защитники лесов, могли насыщать морок, забвение, и даже уносить в астральный план сознания противника, которые там сходил с ума за считанные секунды, оставаясь беспомощным овощем на поле сражения.

Черно-фиолетовые знамена развивались над армией Баргозара, а украшала их одна белая звезда с красным сердечником посередине. Такой же расцветкой обладала форма захватчиков — черные латы со звездой на груди, и фиолетовые плащи, с таким же знаком. Все эти расы некогда имели свои государства, пока Баргозар не захватил все территории в мире Сартог, и не объединил их в одну империю Дорсилан.

Над полем завывал разъяренный ветер, высвистывая оглушительные кличи, разжигая огонь гнева и ярости в сердцах обеих армий. В неглубоком тылу армии захватчиков, стоял шатер, размером с тронный зал, где командный состав армии Баргозара обсуждал мелкие детали своей стратегии. Все главные вопросы уже были решены, и теперь набрасывая последние штрихи, они уже были готовы к сражению. В самом центре шатра стоял стол, с одиннадцатью стульями вокруг него. Во главе стола, на самом почетном месте сидел молодой человек, очень высокого роста, с черными волосами и тонкой бородкой на гладком лице. Его голубые глаза, игриво блестели, словно в них плясали языки костров, а сам мужчина был спокоен и даже вальяжен. Он откинулся в удобном кресле и пил из кубка фиолетовое вино, наслаждаясь прекрасным вкусовым букетом напитка, очень урожайного года. На нем были искусно сделанные латы, из легкого металла, скрепленные растягивающимися жгутами, и наплечники, намного большего размера, чем было необходимо. На поясе воина висел длинный двуручный меч, с рукоятью из редкого дерева под названием Анией, самого прочного дерева, в мире Сартог, украшенной резной головой медведя с открытой пастью. На столе стояла еда, но никто к ней не притронулся, потому что сражаться было комфортней на голодный желудок, как и делать любые другие важные дела. За столом сидели в основном люди, и лишь представитель расы Азарларов, не пользуясь стулом, восседал на собственном змеином хвосте. Он был в блестящих латах металлического цвета, но, как и все, носил фиолетовую накидку с белой звездой, вышитой на ней. Остальные

представители рас, которые не были людьми, а лишь имели схожий облик, предпочитали пользоваться мороком, скрывая свои истинные сущности. Они также пили вино и неспешно обсуждали неприятности, которые могли не учесть, если что-нибудь пойдет не по плану.

Чудовищный вой раздался над лагерем Баргозара. Оглушающие, гудящие, утробные звуки, разлетевшиеся в миг, заполнили все вокруг. Это боевые горны трубили о начале битвы, давая возможность собраться в боевые порядки обеим армиям. Отдыхающий мужчина с голубыми глазами и тонкой бородкой, уже немного скучающий от безделья, встрепенулся и посмотрел в сторону поля брани. «Началось!» — Подумал он, зная, что сейчас по его телу забурлит кипящая кровь, оголяя животные инстинкты и рефлексy.

Остальные военачальники также посмотрели в сторону своих противников, понимая, что приказы и указания, разосланные командирам отрядов, уже достигли их. Они дружно встали из-за стола, направляясь к выходу из шатра. Мужчина, с голубыми глазами, который командовал этой чудовищной машиной — армией Баргозара, шел впереди всех, расталкивая нерасторопных подчиненных.

Битва началась.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

В центре, где было максимальное количество обычных солдат, воины образовывали клин, выставляя копейщиков вперед, которых с тыла прикрывали мечники. За их плотными рядами, ровными шеренгами в несколько рядов расположились лучники. Каждый отряд был укреплен друидом Нартом, который должен был делать магические заслоны, наводя морок на противника, дезориентируя его. По бокам человеческих отрядов и сзади лучников, разместились Грелосы, хотя сейчас они выглядели, как молодые красавцы, похожие на эльфов, в балахонах с капюшонами. Когда горны возвестили о начале сражения, Грелосы скрестив руки на груди, произнесли короткие заклинания, и морок, скрывавший их истинные обличия, развеялся, являя миру кентавров, с лосиными телами и рогами. Чудовищные левые руки существ, как мощные тиски защелкали в унисон, создавая звук смыкающихся клешней. Их широкие грудины были защищены большой металлической пластиной, с тремя длинными шипами, торчавшими вперед и в бока. Широкие, размашистые рога, разветвлялись в стороны, как кроны высохших, окаменевших деревьев. Их глаза сверкали гордостью и высокомерием, но еще и мужество в них горело ярким пламенем.

Фланги с обеих сторон замыкались несколькими отрядами Азарларов на своих верных ящерах Азогах. В руках у них были длинные мечи, а на головах великолепно выполненные, очень устрашающего вида шлемы.

Армия устремилась в атаку, и клин обычных солдат, как острие копья, понесся вперед, грозя ворваться в ровный строй обороняющихся арсаилцев. Может лучшей стратегией для любого обороняющегося города, было бы запереться в стенах неприступной крепости, укрепить стены и держать оборону в периметре города, но с армией Баргозара, такая стратегия не работала. Множество городов захваченных дорсиланцами, пали как раз из-за такой стратегии. Маги Баргозара с помощью неведомых сил, разрушали любые стены и преграды, или же ловко проникали в застенки осажденных городов, и открывали путь для остальной армии. Как бы они не поступили, после этого шел черед кровавого истребления всех живых в пределах города. Узкие улицы, и ограниченное пространство для маневрирования, не оставляли шансов защититься от их чудовищного натиска. Поэтому жители Немада решили дать отпор захватчикам на открытой местности, повышая свои шансы на победу.

Армия арсаилцев, в ответ на наступление, помчала свои ряды прямо на противника. Вперед выбежали воздушные маги и, манипулируя энергиями подвластными им, они одной плотной стеной обрушили шквальный ветер на солдат Баргозара. Первые ряды дорсилан были опрокинуты назад, бушующей стихией. Падая замертво от чудовищного удара воздуха в их бронированные доспехи, их тела становились преградой для следующих рядов войска. Некоторые из солдат, выкрикивая не то проклятия, не то заклинания, на глазах у своих соперников вспыхивали зелеными огнями, превращаясь в крупных волков, походящих на облачка зеленого, клубящегося дыма. Эти звери, светились кислотными оттенками зеленого цвета, и помчались в наступление быстрее все остальных, оставляя обычных солдат позади. Маги арсаилцев отступили в тыл, а их место заняли копейщики. За копейщиками, отряды лучников, спустили своих летающих питомцев, обрушивая град стрел на бегущих дорсилан. Некоторые ряды мечников Баргозара упали еще одним ровным строем под ноги своих соратников. Леканы, в волчьих обличиях уже перепрыгнули частокол из копий первых рядов обороняющихся и напали на лучников, которые теперь гибли десятками зараз. Магические водовороты, вызванные магами арсаилцев, воздушными вихрями налетели на оборотней, выкачивая из их тел магическую энергию. Воины-леканы, сбрасывая свои, животные аватары, лишившись астральной энергии, превращались в обычных людей, сражаясь уже как обыкновенные солдаты, умирая, как и остальные сражавшиеся люди. На помощь оборотням выбежали Грелосы, тараня своими нагрудными пластинами с шипами небольшие группы солдат и магов арсаилцев. Хватая своим мутировавшими левыми руками воинов неприятеля за горло, поднимали их над землей, распарывая грудины и отрубая конечности и головы, своими мечами. В пылу схватки, когда на одного Грелоса нападали сразу несколько солдат, он насаживал на свои лосиные рога неприятеля, мотая головой из стороны в сторону, пока тряпье вместо тела не падало на липкую от крови землю. Колдуны арсаилцев начали бить магическими атаками асинхронно, применяя уже разные заклинания, кто, на что был способен. На поле боя образовались многочисленные воронки небольших ураганов, которые сновали между дерущимися воинами, выхватывая Грелосов одного за другими, и выкидывая их далеко за пределы сражения. Друиды Нарты, в ответ на этот удар, воздели руки к небесам, вызывая духов природы, которые прямо в неплодородной земле выращивали ожившие деревья. Эти создания, были неподвижны, но их цепкие ветви, стегали и хлестали арсаилцев, хватая их, связывая по рукам и ногам. Затем их разрывали на части, или же выкручивали, словно половые тряпки. От этих страшных действий, с неба начала проливаться кровь, словно кровавый дождь обрушился на поле брани, удобряя смертельный урожай.

Ураганы, переключив свой гнев на эти ожившие деревья, объединялись в смерчи, и направились в сторону статичных, деревянных созданий. Вырывая их с корнями, выкорчевывая как сорняк, смерчи кружились в смертельном танце, разбрасывая повсюду обломки веток и деревьев. Нарты не обращали внимания, на столь незначительные потери, продолжая выращивать новых, деревянных големов. Сражение явно склонялось в пользу дорсилан, но на переднем плане появились несколько десятков воздушных магов, в изысканной одежде изредка прикрытой латами. Это были Воздушные Патриархи, уже не люди, но еще не элементалы, которые владели магией воздуха на много лучше обычных колдунов. В их телах не только находилась, но и рождалась энергия, управляющая воздушными потоками. Они воздели свои руки, со скрюченными пальцами, насылая на армию противника очень мощную ворожбу. Земля затряслась так, словно на нее упало небо. От самых небес, где тучи бешено мчались в разные стороны, до самой земли, прошла

вибрация, которая заставила воздух дрожать. Несколько сотен мощных волн устремились на дорсилан, хлещущими ударами разрубая любого, кто встанет у них на пути. На самом деле этот удар был направлен на Нартов, и частично увенчался успехом. Хлесткие воздушные потоки, змеевидными хлыстами длиной в сотню футов, бушевали на равнине, шинкуя противника в лохмотья. Кровь уже проступала из-под земли, хлюпая чавкающими звуками, так много ее здесь пролили.

Клин дорсилан, оказался тылом, когда воздушные атаки арсаилцев, смяли центр их наступления. Но жители Немада потратили на этот отпор слишком много времени и сил, не замечая, как Змееподобные Азарлары обошли обороняющуюся армию с тыла и врезались в спины воздушных магов и обычных крестьян. Эта атака, походила на удар ножом в спину, но десяток Воздушных Патриархов, увидев это, попытались заклинанием шквального ветра уничтожить воинов-кентавров на своих свирепых земных драконах. Но Азоги, оказались не так уязвимы к этой магии, хотя лишились разом всех своих всадников, которые просто слетели со своего транспорта. Азоги же прижавшись плотнее к земле, что для этих ящеров было естественной реакцией, накинулись на Патриархов, разрывая их в клочья. Азарлары медленно догнав своих бескрылых драконов, рьяно врезались в тыл противнику. Пружина на своих змеиных хвостах, они опоясывали противника, сжимая кончиками хвоста солдат, ломая им спины и хребты. Мечами они орудовали не хуже. Отсеченные конечности и головы летели в небеса, подхватываемые ветренными потоками, которые создавали собственные маги. Это внесло смуту в рядах защитников Немада, и Нарты не упустив шанс, обрушили десятки духов на растерявшихся воздушных магов. Духи отвлекали солдат Арсаила галлюцинациями, и выхватывали отвлеченные умы, закидывая их в астральный план. Оттуда воины если и возвращались, то лишь безумными и немощными.

Эта магическая атака и вовсе сломила отпор воздушных повелителей, как вдруг Воздушные Патриархи, объединившись в круг вокруг какого-то очень пожилого мага, с длинной белой бородой, начали плести не бывалое, по силе, плетение. Они стали эпицентром мощного взрыва, похожего на атомный, и во все стороны ударила такая мощная взрывная волна, снося всех воинов, каждой из армий, унося людей, магов и других существ далеко от центра их ворожбы. Ветер свистел, словно плети над головами, и вот большая часть дорсилан уносилась в свой тыл, от мощного звукового удара. Молодой парень с мечом, украшенным медвежьей головой лишь с досадой посмотрел в сторону эпицентра колдовства и, окинув гневным взглядом своих товарищей, скомандовал: — Вперед!

Примерно два десятка высоких, крупных мужчин побежали вперед, а впереди них уже бежал этот голубоглазый брюнет, с тонкой бородкой. Не сбавляя скорость, эти мужчины перекидывались в огромных медведей, и латы на тянущихся жгутах, расходились над их растущими мышцами. Невероятный по силе шквал, уносящий соратников с поля боя, сминая их броню, и самих сражавшихся людей вминая друг в друга, не мог остановить отряд из двух десятков берендеев. Медведи ворвались в кольцо Воздушных Патриархов к архимагу, которого они окружили. Огромный, пепельного цвета медведь, который некогда был голубоглазым брюнетом и полководцем войска Баргозара, прыгнул вперед и, мазнув в воздухе лапой, с острыми когтями, снес головы сразу трем патриархам, и начал рвать остальных колдунов на части. Его братья став такими же огромными зверями, расправлялись с остальными магами, спешащими на помощь архимагу, но было поздно. Серый исполинский медведь, обращаясь вновь в человека, схватил свой двуручный меч, и одним размашистым ударом перерубил архимага вдоль поясницы, отделяя ноги от туловища. Тот,

повалившись на окровавленную землю, последний раз осуждающе посмотрел в глаза Берона и, испустив последнюю магическую энергию, впрочем, как и жизненную, умер. Берон Арк, полководец армии Баргозара, заглянув в эти тухнувшие глаза, досадно поморщился, и отвернулся. Укол сожаления пронзил его сердце, но тут же, боль отступила, утонув в победных криках своего войска. Противник был побежден и теперь им не составит труда захватить Немад, последний город империи Арсаил. «Отец будет доволен!» — С гордостью подумал Берон, понимая, что вновь одержал сокрушительную победу.

Спустя несколько дней после сражения при Немаде, столица пала. Огромное войско дорсилян заняло город, почти без потерь. Город напроосто сдали, без особого сопротивления. Основные силы арсаилцев были разбиты в той решающей битве, уничтожив всех, кто не пожелал сдаться. Крестьяне, выявившие желание жить, были отпущены, но тех магов, которые не успели сбежать, казнили, не уходя с поля битвы. Многие из воздушных магов, спаслись бегством, построив необычное заклинание, которое их перенесло на несколько лиг дальше от кровавого поля, и их больше не видели.

Сейчас, в королевском замке правителя Ларсара, свергнутого короля Арсаила, гремел пир в честь захвата столицы и империи в целом. Воеводы армии Баргозара, вместе со своим предводителем — берендеем Бероном Арком, праздновали победу в тронном зале поверженного короля. Ларсара не казнили вместе со всей знатью, а приковали на цепь за шею, как дворового пса. Все представители рас дорсилян, сейчас пили и гуляли. В зале гремела музыка, люди ели жареное мясо и местные деликатесы, запивая все вином из личного погреба Ларсара. Бочки опустошались одна за другой, а слуги, жившие при дворе короля, выносили угощения для своих захватчиков, пытаясь их задобрить.

Берон сидел во главе стола, слушая истории разных участников битвы, и удивляясь, какие казусы с ними произошли во время сражения. Он пил и ел, пока остальная часть военной знати, купалась в собственном тщеславии и высокомерии, хвастаясь неправдоподобными подвигами. Берон уже был сильно пьян, но при этом держался достойно, не показывая своего истинного состояния. В зале было много девушек, которых пригласили для празднования победы. Девушки были местные, но никто и не думал их принуждать, улаживать своих захватчиков. Просто при подготовке пира, глашатаи победившей армии, разнесли приглашения, всем желающим дамам Немада, присоединиться к празднику. Тем, кто согласиться, обещали протекцию и солидные платы, за внимание к храбрым солдатам. Естественно, что девушек, искавших лучшей жизни, и зарабатывающих древнейшей профессией оказалось немало, и в представительницах слабого пола, не было недостатка.

Возле Берона крутилось сразу несколько красивых девушек, которые гладили его могучие, мускулистые руки, и запускали свои пальчики в его волосатую грудь. Полководец словно не обращал на соблазнительных девушек внимания, хотя их стройные загорелые тела, могли бы свести с ума любого мужчину. Он улыбался, но его голубые глаза оставались серьезными, словно он находился совсем в другом месте, не празднуя победу с остальными соратниками. Его задумчивый вид, казалось, не замечал никто, но один из берендеев, которому Берон безгранично доверял, украдкой наблюдал за военачальником, видя его состояние. Берон Арк был одет в кожаные штаны, черного цвета, и в простую белую рубашу, с рукавами до локтей. На рубаше был треугольный вырез, обнажавший его волосатую, мускулистую грудь, в которой копошились пальцы одной из девушек.

Представители других рас, пользуясь мороком, выглядели, как обычные люди и только Азарлары, по традиции так и перемещались по тронному залу на своих змеиных хвостах. Все воины, поголовно, высмеивали трусость и неспособность арсаилцев защитить себя, поднимая за это тосты и восхваляя свою храбрость и доблесть. Кубки и бокалы взмывали в воздух, и все воины обращали свои взоры на Берона — храброго воина и хитрого полководца.

Берон поднимал свой кубок, поощряя лесть и внимание своих подчиненных, но в его глазах не было, ни капли гордости или радости в связи с захватом целого мира. Единственное, что беспокоило — это одобрение и похвала названного отца — Фалура, который и послал его захватить мир Бьяргил.

С самого детства Фалур воспитывал Берона воином, видя в своем пасынке своего будущего наместника и полководца. Прошло уже пятнадцать лет, с тех пор, когда его родители погибли, оставив неокрепшего ребенка на произвол судьбы. Медведи-оборотни росли быстрее, чем обычные люди, поэтому хоть по годам, прожитым в Сартоге, Берону было всего двадцать лет — выглядел он уже на тридцать пять. То есть был уже взрослым, по меркам людей, мужчиной, в самом расцвете сил. Изучая всю жизнь военное дело, и тренируясь, воспитывая в себе непобедимого воина, Берону все давалось чрезвычайно легко. Военное дело было его призванием, и поэтому отчим Фалур не жалел ни сил, ни ресурсов, чтобы вырастить пасынка непобедимым воином. Самому же Берону просто необходимо было учиться и впитывать эти знания, ведь только так он мог заглушить в душе боль, которая жила в нем, из-за того, что его родители погибли. Вскоре боль от пережитых трагедий переродилась в ненависть, которую он пронес сквозь всю свою сознательную жизнь, как знамя, в память о том, что он оказался мусором, который никому не нужен, а убийцы родителей до сих пор живы.

Пир с каждой минутой набирал обороты, победители, не стесняясь в речах и поведении, танцевали, выкрикивали непристойности в сторону павшей армии, и вели себя как животные. Многие из победителей сгребая в охапку продажных девок, уходили с ними в отдельные апартаменты, но некоторые не соизволяли сделать даже этого, поэтому занимались плотскими утехами прямо в тронном зале. Многие доблестные воины возносили Берону свои восхищения и похвалы, говоря пафосные, наполненные лесть, тосты. Берон с гордостью принимал их слова, подтверждая общее мнение о нем, своим величественным поведением. Спутницы полководца сладко зашебетали ему комплименты, и одна даже спросила:

— Правда ли, о, храбрейший Берон, что Вы в пылу сражения одним ударом снесли пять несчастных голов Воздушным Патриархам? — Она лукаво заглянула ему в голубые глаза, и нос его, ощутил приятный запах лаванды, аромат которой заморозил его. Он посмотрел глубоко ей в глаза в ответ, и сказал:

— Это правда! Каждое слово! — Он впился ей в губы, а она протяжно застонала. Затем Берон сгреб вторую девушку в охапку и поднял их в воздух на обеих руках. Девушки запищали в восторге и легком испуге от неожиданности. Он опустил их и произнес тост за победу. Толпа, ликуя, взорвалась одобрительными криками, а Берон осушил свой кубок.

Пир продолжился и все перестали обращать внимание на своего лидера, занимаясь спаиванием себя и веселясь. Берон же осматривая тронный зал, с досадой улыбнулся и подумал: «Хорошо, что хотя бы они счастливы». Пока он наблюдал за пиром, в толпе мелькнуло знакомое лицо, и вот когда один крупный воин прошел мимо, открывая обзор, Берон увидел своего заместителя — воина берендея по имени Баллар. На его голове было три шрама — подарок от веера Мимикрида. Это был старый воин, побывавший во множестве сражений, и проживший уже сто лет. В среднем берендеи могли жить до двухсот лет. Его опыта хватило на то, чтобы помогать Берону в планировании стратегии ведения войны, а сам полководец приправлял эти планы неожиданными и смелыми решениями.

Берон подошел к своему старому другу, который практически растил его в стенах замка

названного отца Фалура, с тех пор как не стало родителей.

— За победу, Баллар! — За победу, Берон! — Они отсалютовали друг другу и Берон заговорил:

— Я хочу отправиться к отцу в Сартог с докладом. — Он тяжело вздохнул, и посмотрел на Баллара. — Отец как раз находится сейчас в городе Адалът, самом близком от Сакрального Портала. Там у него находится временный штаб.

— Мне кажется — это не самая лучшая идея сейчас. Мы только захватили империю, но чтобы удержать власть в городах, нам предстоит многое сделать. — Его голос был глубокий и хриплый, словно вырывался из порванного горла.

— Чепуха! Мы так напугали арсаилцев своим вторжением, что еще несколько недель они будут приходить в себя, отстраивая разрушенные города. Я как раз успею за пару недель съездить. — Берон говорил убедительно и самоуверенно, не выказывая сомнений в своих решениях.

— Хорошо! Я поеду с тобой! Я хочу знать, что с тобой будет все в порядке. — Он посмотрел на Берона, уже догадываясь, что тот, станет сопротивляться. Он велит ему остаться в Немаде, контролировать войска и ситуацию. Так и случилось и после долгих уговоров, Баллар сдался.

— Ты не волнуйся, я поеду не один, а возьму с собой нескольких солдат и лучников для охраны. — Он наполнил кубки Баллара и свой, вином и они выпили.

— Я наблюдал за тобой юный друг. Мне показалось, что тебя что-то беспокоит. Что у тебя на душе, расскажи мне, может я смогу чем-то помочь. — Баллар встревожено посмотрел на него и отставил свой кубок в сторону. Берон задумчиво помолчал, и ответил:

— Мне иногда кажется, что мы не правильно поступаем, захватывая эти города, империи, миры. Столько невинных гибнет от наших рук, во имя чего? Во имя Баргозара, который захватил множество миров, и поработил столько народов? Во имя этого кровавого бога, который захватил наш родной мир и убил моих родителей? Что бы мой родной отец сказал на это все? Похвалил бы или возненавидел своего единственного выжившего сына? Все чего я желаю, это отыскать убийц моих родителей и отомстить. — Вначале он говорил с горечью в голосе и тяжестью в душе, но в конце монолога он резко ударил кулаком о стол, перевернув сразу несколько кубков.

— Берон! В мире есть столько всего, что людям еще неизвестно, чему им еще придется удивиться. В твоей жизни еще произойдут события, которые откроют тебе твое место в жизни, и тогда ты сможешь отыскать свой жизненный путь. Ты не можешь ничего изменить в своей жизни, по крайней мере, не сейчас. — Выражение лица Баллара искривилось в гримасе боли, а в его глазах заплескалась горечь обиды: — Знай, что настанет время, и твоя жизнь изменится. Главное верь. Я всегда буду рядом. — Баллар по-отечески обнял Берона и благословил на дальнюю дорогу.

Берон резко встал и, салютуя кубком в воздухе в сторону Баллара, ринулся быстрым шагом в сторону бывшего короля Ларсара. Весь зал, словно замер, в ожидании того, что дальше произойдет. Музыканты перестали играть, а кубки перестали звенеть — мертвая тишина повисла в тронном зале. Берон достал свой двуручный меч, с прекрасно выполненным эфесом, и занес его над своей головой. Бывший правитель Арсаила стоя на коленях, не произнес ни слова, а лишь выровнял спину и с гордостью посмотрел вперед, высоко вздымая подбородок. Берон молниеносно опустил меч и цепь, на которую посадили Ларсара, со звоном разлетелась на две части. Полководец, спрятав меч в ножны, пошел к

своему столу. Там его встретили две прекрасные девушки, которые продолжили ласкать его тело, раз уж душа оказалась такой ранимой. А зал взорвался новыми похвалами в честь милосердия Берна Арка. Он обнял девушек за талии и проводил в королевские покои.

Когда Берон удалился из тронного зала, к Баллару подошел немолодой мужчина лет сорока и обратился к командиру:

— Баллар! Почему ты не расскажешь ему правду? Мне кажется, он заслуживает знать свое прошлое и историю своего рода. — Мужчина был из берендеев, и также один из закаленных боями воином. Впрочем, все берендеи, оставшиеся в живых, были исключительно такими — старыми воинами, с богатым жизненным опытом.

— Он еще не готов! — Возразил Баллар. — Ему слишком сильно промыл мозг этот поддонок Фалур. В мальчике еще слишком много гордыни и высокомерия. Но мне, кажется, он уже начал чувствовать неправильность своей жизни, и подозревать, что Фалур ему рассказывает не всю правду о своих целях. — Баллар смотрел в сторону опочивальни, откуда доносились сладкие стоны и крики двух прекрасных женщин, с которыми ушел их полководец.

— Я все равно считаю, что ты должен ему все рассказать, иначе может быть слишком поздно. Сейчас, пока даркаг Берон находится вдали от влияния Фалура и его ядовитых речей, самое время рассказать Берону, кто он. — Воин, которого звали Барк, был один из глав братства, которое существует для того чтобы свергнуть короля Фалура и Баргозара. Они действовали тайно и пока еще были на стадии зарождения и вербовки.

— Не сейчас! — С напором и твердостью в голосе прорычал Баллар. — Еще не время!

Барк, едва поклонившись, удалился прочь, оставив старого берендея Баллара наедине со своими мыслями. Спустя сорок минут, две блестящие от пота и раскрасневшиеся девушки выбежали из покоев Берона Арка, и направились в комнату омовения, где располагались бассейны для мытья. К завтрашнему дню надо было успеть подготовить обоз, который поедет вместе с Бероном к Сакральным Порталам, а затем и в город Адалът.

Утром следующего дня, когда обоз подготовили к походу, собрав провиант и все необходимые вещи, Берон отправился в путь. Он был одет в черную накидку с капюшоном, но его двуручный меч с медвежьей головой на рукоятке, был по-прежнему с ним. В обозе с ним отправились еще десять мечников и пять лучников, чтобы оберегать знатную особу в дороге.

Спустя одиннадцать дней их обоз добрался до Сакрального Портала, который находился на окраине бывшей империи Арсаил. Портал находился в горах, имея схожесть по природе с основной магией мира Бьяргил. Здесь преобладали энергии воздуха, которые наполняли собой все вокруг. Среди гор, на высоком утесе была пещера, которая вела через всю внутреннюю часть горы Эберед, открывая путь в небольшую долину, окаймленную высокими горами. В долине стоял храм Четырех Ветров, в котором недавно проснулся Сакральный Портал, через который армия Баргозара вторглась в мир Бьяргил.

Пройдя опасный путь без приключений, они немного замедлили ход в горах, преодолевая непроходимые участки, тратя на это по целому дню. Спустя несколько изнурительных дней в постоянно продуваемой долине, которую терзали сразу четыре разных по направлению ветра, они достигли храма.

Войдя в храм, они обнаружили, что он полностью необитаем, кроме оставленных там стражников, в числе одного боевого отряда армии Фалура. Портал контролировали также четыре Нарта — друиды, которые следили за стабильностью работы перехода. Они

доложили, что портал работает исправно, и никаких возмущений не наблюдается. Это говорило о том, что миры Бьяргил и Сартог сейчас находились на оптимальном расстоянии друг от друга, создавая пространственный туннель в эти миры.

Берона встретили, как и полагается встречать королевскую особу, но он, отмахнувшись от формальностей, приказал активировать портал. Маги Нарты, закатив свои глаза, так, что лишь белки остались видны, сквозь сузившиеся веки, загомонили, строя аркан заклинания, чтобы активировать переход. Стены храма Четырех Ветров затряслись, а ветра, которые сюда не проникали, заплясали в бешеном танце, создавая многочисленные порывы и вихри. По полу и потолку прошла волна, словно тяжелый камень, из которого выложили храм, ожил, приобретая свой собственный характер.

Один из Нартов, сообщил, что переход активирован, и теперь они могут пройти сквозь портал. Первым к проходу пошел Берон и он, не раздумывая, вошел на большой, каменный круг, вымощенный резным камнем. По камням, лижущими движениями скользила пыль, раскрывая дуновения невидимых ветров, и само тело словно исказилось в этих потоках. Слабый вихрь, клубившийся под ногами у Берона, пополз вверх по его ногам, постепенно укутывая полководца, пока его силуэт не приобрел полупрозрачный вид. Казалось, он сам стал потоком ветра и, замерцав, исчез. Ветер слегка утихомирился, но это была лишь видимость. Портал был готов принять в себя любое существо, которое бы захотело пройти сквозь него. Остальная свита Берона Арка незамедлительно последовала за ним.

Перед глазами молодого берендея пронеслись разнообразные энергетические потоки, которые раньше он не мог видеть. Путь через миры проходил, через очень редкий коридор в астрале, который и соединял их. Спустя мгновения, словно он смог лишь незначительно моргнуть, Берон очутился в похожем зале, еще одного алтаря портала. На первый взгляд, он остался в том же месте, где был секунду назад, но исчезнувшие солдаты, сопровождавшие его, не давали усомниться в том, что он перешел. Это было не первое его путешествие через Сакральный Портал, но он все равно какое-то время чувствовал себя нехорошо.

Посмотрев на свои руки, пытаясь убедиться, все ли на месте, он огляделся по сторонам. Легкие вихри, закрутившие воздух и пыль вокруг него, взъерошили его длинноватые волосы и с обеих сторон начали возникать фигуры воинов, сопровождавших его. Можно было продолжать путь. До города Адалът оставалось всего три дня пути, и Берон принял решение не терять время, а сразу отправиться в путь.

* * *

Дорога в Адалът заняла даже меньше времени, чем рассчитывал Берон и, уже на подступах к городу, его обоз встретила королевская свита императора Фалура. Их торжественно встретили, как и подобает встречать победителей. Были и фанфары, и музыка, а вечером их ждал пир. Названный отец Берона — император, сообщил пасынку через слуг, что до вечера будет занят, потому что государственные дела не терпели отлагательств. И только на самом празднике, в честь возвращения наследника престола в родной мир, он смог поговорить с Фалуром — императором Дорсилана. Их встреча состоялась в стенах его кабинета, куда его пригласили после пира. В кабинете был приглушенный свет и много полок с книгами и свитками. Большой, деревянный стол черного цвета стоял посередине, подсвечиваясь с обеих сторон лампами, ярко-красного цвета, выделяя его словно алтарь в

мистическом храме. В кресле с высокой спинкой сидел император Фалур, в фиолетовом парадном костюме, с черными вставками и белой звездой на груди. Он жестом пригласил Берона присесть и сказал:

— Сын мой! Я так рад, что ты так скоро вернулся, еще и с такими замечательными новостями. — Он радовался захвату Арсаила, зная, что теперь Баргозар расширит его владения, назначив наместником новых земель. Хотя для отца выражать эмоции прилюдно, было очень редким явлением, сегодня он просто светился от счастья.

— Да отец! Я выполнил твою волю, и теперь мир Бьяргил принадлежит тебе. — Он с почтением склонил голову, не отрывая от глаз Фалура свой взгляд.

— Этот мир принадлежит Вседержителю Баргозару, а не мне, но я обязательно отмечу твою доблесть и отвагу, проявленную во время захвата новых территорий. Я горжусь тобой сын. — Он протянул Берону руку, ладонью вниз, и пасынок правителя империи Дорсилан, коснулся лбом его руки.

— Отец, я хотел спросить... — Берон замялся, не зная какие слова подобрать. — ... я хотел спросить: — Знаешь ли ты, кто убил моих родителей? Я имею в виду, что ты говорил, что это сделали солдаты Баргозара, но еще когда только начали завоевывать наш мир. Но кто именно это был? Существо, человек или маг? И почему ты им сдался, а не погиб, сражаясь с его армией? — Ему было чрезвычайно трудно подобрать нужные слова, чтобы не оскорбить правителя. Ведь Фалур был, прежде всего, для него императором, чем отцом.

— Сын. Не забивай себе голову сомнениями. Они как медленно действующий яд, который отравляет твои мысли и сердце. Я не погиб сражаясь против Баргозара, потому что понял, в нем наше будущее и залог нашего процветания. Баргозар не только сильный, но еще и чрезвычайно умный правитель. Я это понял и принял почитать его, как божество. В его правлении наше будущее, и будущее всех миров. Мне не дано было это понять в самом начале его вторжения, но теперь я вижу все предельно ясно. Баргозар, так или иначе, но добьется своего. Он захватит все миры, и поработит их. В таком случае, я не вижу ничего плохого в том, чтобы не только сохранить свою жизнь и империю, но также получить возможность расширить свое владения.

— Да отец, я это понимаю, но почему должно гибнуть столько людей. Ведь мы могли бы ограничиться одним миром? Разве этого мало? — Берон чувствовал себя неуютно, потому что ему раньше не доводилось ставить под сомнение решения его отца и Вседержителя Баргозара. Император помолчал, встал из-за стола и прошел к одному из книжных шкафов. Он снял со своей шеи амулет в виде круглого медальона вырезанного из лунного камня под названием Меникс, и провел им рядом с полкой. Голубое свечение, вырвавшееся из камня, за клубилось черно-голубой дымкой, и обволокло часть шкафа. Эти клубы начали всасываться в полки, словно там образовалась крохотная черная дыра. Этот процесс ускорялся, пока не остановился и не замерцал глянцевым черным светом. Названный отец Берона засунул внутрь руку и извлек оттуда черную колбу с золотой инкрустацией и росписью. Раскрутив этот крохотный тубус, он извлек из него золотой свиток, на котором красными чернилами был написан текст. Судя по виду, это был древний артефакт, но не это делало его уникальным. Яркие, светлые вспышки, переливающиеся множеством цветов, словно звезды вселенной, мерцали вокруг свитка. Такого вида магии Берону еще не доводилось видеть, хотя он часто сражался с различными магами, разных миров.

— Видишь этот свиток? — Фалур задал этот риторический вопрос и, не дожидаясь

ответа пасынка, продолжил: — Этот свиток — часть огромного наследия, которое имеет такую огромную силу и важность, что все богатства мира, меркнут перед их ценностью. Этот артефакт, и множество других, были разбросаны и утеряны в различных мирах, но некоторые удалось отыскать. Это наследие осталось после крушения самой первой расы, самого первого мира, которые появились сразу же после сотворения вселенной. Кроме различных предметов обихода, оружия и свитков, содержащих безграничные знания, в числе затерянных артефактов было и еще кое-что. Осколки одной уникальной звезды. Существует легенда, что собрав все осколки и соединив их вместе, можно получить безграничную власть над всеми живущими существами во вселенной, и обрести божественное могущество. Император Баргозар ищет эти осколки. Детритас — называют их. Баргозару под силу их найти и соединить. И тогда его уже никто не остановит. Нам дано выбирать, жить нам или умереть, но чтобы жить, как мы того заслуживаем, надо выполнять приказы Баргозара. — Берон долго молчал. Слова названного отца, встревожили его душу еще больше, чем было до этого разговора. Молодой полководец понимал, что он думал о сложившейся ситуации гораздо лучше, чем было на самом деле. И от осознания этого, ему стало еще хуже, но он заставил себя подавить эти чувства, чтобы не показать их императору Фалуру.

— Что в этом свитке такого ценного, что Баргозар в поисках его захватывал целые миры? — Брови Берона сошлись на переносице, но он сдержал свой гнев и горечь.

— Я не знаю. Никто из наших ученых и магов не смог его расшифровать. Но Берон послушай, этот свиток нашли здесь на Сартоге, понимаешь? Сколько мы еще сможем отыскать таких древних артефактов?

— Что толку с этих артефактов, когда никто не знает, как их использовать? — Берон уже сильно был раздражен, но по-прежнему не отступал.

— Во-первых, это мы не смогли расшифровать свиток, и это не значит, что не сможет Баргозар. Да и какая теперь разница? Для нас это не имеет значения. Мы добыли свиток и передадим его Баргозару, а дальше не наша забота. Сын, я прошу тебя, не делай неправильных выводов. Все в мире имеет свою цену, и за ту жизнь, которую мы выбрали, приходится платить.

— Я не выбирал такую судьбу! Я не желал, чтобы моих родителей убил кровожадный тиран, а меня воспитывали чужие люди! — Закричал Берон, но сразу же, осекся. Он увидел суровый взгляд Фарула и быстро, но уже мягче добавил: — Прости отец! Я не это имел в виду...

— Я понял, что ты имел в виду, но твои слова ранят меня, больше чем любые проигранные войны и не захваченные города. Ступай Берон, тебя ждет служба. Я хочу, чтобы ты отправился в Арсаил сейчас же.

— Отец... — Но Фалур уже сел в свое кресло и отвернулся в сторону горящего камина, спиной к пасынку, сказав лишь одно слово:

— Иди...

После встречи с названным отцом, Берон чувствовал себя еще хуже, чем было до этого, просто отвратительно. Он сильно обидел своего отчима, и это сдавливало его сердце, словно двумя молотами. Как он мог так его оскорбить? Человека, который не бросил молодого берендея, когда он в кровопролитной резне остался сиротой. Фалур не просто помог Берону выжить, он воспитал его, как родного сына, сделав его наследником империи, и научив его всему, что он знает. Названный отец никогда ничего не жалел для пасынка, и вырастил его

грозным и бесстрашным воином. «Какой же я идиот!» — мысленно корил себя Берон, отправляясь в свои покои, чтобы собрать вещи в дорогу.

* * *

Всю обратную дорогу Берон размышлял о разговоре с отцом. В его словах определенно был смысл и рациональное зерно, и ему не следовало в такой резкой форме разговаривать с императором Дорсилана. Его мучила совесть, но при этом он никак не мог отделаться от чувства, что его сомнения это не просто фантазия, запутавшегося берендея. Он и в правду считал, что захватывать миры ради поиска артефактов древней расы, не было никакой необходимости. Хотя и не мог не признать, что захватив целый мир, подчинив всех его жителей, можно было бы отыскать реликвии гораздо быстрее. Власть развязывала руки, давая возможность использовать для этого любые методы.

Они добрались до Сакрального портала и Нарты провели обряд открытия врат на Бьяргил, их на той стороне ждали. Когда воздушные потоки подхватили его на алтаре и перенесли в соседний мир, он поспешно покинул храм Четырех Ветров, и на выходе увидел девушку-воина, которая стояла в высокой траве, скрывавшей ее по пояс. Она была вооружена луком и стрелами. Если это враги, подослали к нему убийцу, то они сильно просчитались. Всего одна единственная девушка, каким бы искусным воином она не была бы, не сможет справиться с ним, или даже с его свитой. Он даже немного развеселился от предстоящего боя, давая своим горестным чувствам отступить. — «Ну что же, посмотрим, из чего ты сделана!» — Убить ее!!! — Закричал он, и его воины бросились в атаку.

Темнота — это все, что сейчас видел и даже ощущал Славик. Он пытался открыть глаза, но они словно слиплись от слез и закисло. Голова его болела и кружилась, а поднять ее с пола он и вовсе не мог. Тошнота накатывала на него порывами, и не только из-за головной боли, но и из-за тошнотворного запаха, который пропитал все вокруг. Тело не слушалось и болело, губы пересохли, а живот скручивало от голода. Он попытался осмотреться, но в его организме сейчас творилось что-то невообразимое, отвратительное. Он еле дышал. Все его жизненные процессы словно замерли, и он не в силах был себя растормошить. Пол под ним шатался, сдвигая его задеревенелое тело из стороны в сторону. В помещении, где он лежал было темно и сыро. Он не знал, где находится и страх душил его из-за этого, хотя почему-то нотки безразличия не хотели его отпускать. Он не мог вспомнить, где он и как сюда попал. Его разум был словно в тумане. Обратится к своим внутренним силам, он тоже не мог, а кристалл словно уснул, не проявляя ни малейшей активности. Он слышал скрипы досок вокруг и плеск воды, но так и не смог понять, что с ним произошло. Он тяжело выдохнул и вновь погрузился в тревожный сон без сновидений.

* * *

Через какое-то время Славик вновь очнулся. Он опять пытался напрячь зрение и хоть что-то увидеть, но по-прежнему у него ничего не получилось. Обстановка была почти такой же, но помутнение сознания немного ослабло. Он смог открыть глаза, слипшиеся и закисшие. Темнота, также царила вокруг, не давая увидеть ничего конкретного. Вонь, царившая вокруг, была чем-то ему знакома, но источник этого зловонного запаха, был ему не известен. Комната, в которой он находился, шаталась верх и вниз, что еще больше вызывало тошноту в желудке. Темнота, которая еще вчера казалась истинной, всеобъемлющей, сегодня уже не так давила на сознание, которое и без того находилось, словно в коконе. Он мог различить теперь разные звуки, но они были приглушенными и тихими, словно в углу копошились мыши. Спустя время он понял, что мыши или крысы здесь действительно есть. Они осторожно пищали где-то по углам, но в целом понять где они и сколько их, было не возможно. Были еще какие-то звуки, но он не мог никак понять, что их издает. Звуки были похожи на тихие постанывания. Славик подумал, что, вероятно, он здесь не один. Попытавшись сказать хоть слово, окликнуть того, кто был сейчас рядом, он понял, что у него ничего не получится и оставил эти попытки. Его самочувствие оставалось таким же ужасным, что и вчера. Чувство голода усилилось, а из-за жажды губы были как потрескавшаяся губка. Он был бессилен еще хоть что-то предпринять и вновь боль, и усталость в его изнеможенном теле смогла его одолеть. Вячеслав, прекратив сопротивляться, скользнул в сон, в котором он и в этот раз не увидел снов.

* * *

Сколько он проспал, Славик не знал. Его разбудил шум, и он никак не мог понять, что

происходит. Он открыл глаза, и увидел тусклый, приглушенный свет, точнее небольшую полоску света. Перед его глазами стояла пелена, и он не мог точно определить источник этого света. Затем он приподнялся на локтях, немного пришедшее в себя тело позволило ему это сделать, но тут же, его руки на запястьях потянуло и обожгло болью. Цепи, которыми он был прикован, зазвенели и пленник протяжно застонал от боли. Полоска света в потолке расширилась, и он увидел, как по деревянной лестнице в комнату спускается человек. Это был крупный мужчина, наголо выбритый в светлой рубаше и темных штанах. Он ловко спрыгнул с последних ступеней и зажег небольшую масляную лампу. Мрак помещения разрезал тусклый, желтый свет, выхватывая в освещенном пространстве редкие силуэты. В другой руке мужчина держал бурдюк с жидкостью. Он направился в противоположную часть комнаты, и когда он подсветил дальнюю стенку, Славик увидел, что на полу, прикованными цепями к стене, сидело несколько десятков человек. Все эти люди сидели или лежали, и вид у них был ужасающий. Они были истерзаны, покрытыми слоем грязи, в оборванных в лохмотья одеждах. Их руки и ноги были скованные кандалами, такими же, которые были и на его конечностях. Живот скрутило от боли и мерзкого запаха немых тел. На Славу накатила тошнота, но в животе уже несколько дней не было пищи, поэтому вырвать ему было нечем. Он подавил рвотные позывы и продолжил наблюдать за мужчиной. Тот подходил к каждому из пленников и, приводя их в чувство ударами ноги, подносил к каждому бурдюк с жидкостью. Люди жадно накидывались на питье, выпивая сразу по несколько глотков. Он бил их кулаком в грудь или голову, прекращая водопой, вырывая бурдюк из их грязных рук. Люди вскрикивали от боли, но сразу же, блаженно откидывались спинами на стены и пол, удовлетворив немного свою жажду. Через пару минут они притихали, и словно засыпали, таким же бесчувственным сном, который вот уже несколько дней держал и его самого в плену грез.

— Воодыыы! — Шептали его лопнувшие губы, едва разжимаясь на пару миллиметров. — Пииить! Дайте воды!

Мужчина искоса посмотрел в его сторону, и сказал:

— Надо же, новенький очнулся. Сильный попался скот! Едва три дня прошло, а он уже в сознании. На, попей, дорогой, тебе станет легче. — Он протянул ему бурдюк, и тот, схватив его обеими руками, жадно припал к горловине. Он сделал с десятков глотков подряд, жадно терзая горлышко сосуда, но через время понял, что с водой что-то не так. Она имела странный привкус и была гораздо тягучее обычной воды. Славик встрепенулся и попытался выплюнуть горлышко бурдюка, но крепкие руки мужчины схватили его за затылок и прижали к губам горловину. Он надавил на бурдюк, и жидкость ворвалась ему в глотку, перекрывая дыхательные пути. Он начал задыхаться. Когда воздуха в легких оставалось едва на полминуты, руки охранника разжались, и Славик начал судорожно дышать, отплевывая на пол излишки жидкости, которые чуть не наполнили его легкие. Мужчина заулыбался и толкнул раба в грудь ногой, так, что тот упал навзничь. — Ты легко отделался беглец! Мы слышали, что в городе, во время нашего отплытия поймали убийцу, девушку. Но мы то с тобой знаем, что того паренька на постоялом дворе пришил ты... Ну что ж, тебе будет приятно узнать, что за твое преступление сожгут невинную девушку. — Страж улыбнулся и отправился обратно к лестнице, а на Славика накатила теплая волна бессилия, которой он не смог сопротивляться. Глаза вновь застелила пелена, и он погрузился в забытие, не понимая, что с ним происходит.

Через некоторое время эффект от напитка ослаб и Слава очнулся. Приходя в себя, он

попытался обратиться к силам кристалла, но Детритас не отвечал, как будто спал, так же, как спал только что он сам. В нем чувствовалась некая пульсация, но достучаться до ее истоков не выходило. Он приподнялся и оперся спиной на стену, что была позади него. Его еще немного покачивало, но внутренняя тошнота немного отступила, и он почувствовал, что качает не в его сознании, а вся комната переваливается, словно заваливаясь на свои же, стены. В углу шевелились тела, словно ворох мусора ожил и пытался уйти с этой помойки. Воздух в комнате был затхлый и очень плохо пах. Дышать было почти не возможно, но он понемногу принимался. Изредка звенели цепи, которыми были прикованы пленники, продолжали пищать крысы, и иногда кто-то вскрикивал, словно ему причиняли кратковременную, но резкую боль. Крысы наверно кусают рабов. У него было впечатление, что его желудок прилип к спине, а губы зашили грубыми нитями, поэтому он не мог их разомкнуть, чтобы спросить людей в конце комнаты, где они находятся.

Сверху потолка слышались редкие звуки, и шаги. По всем фактам, Славик находился в трюме корабля. Об этом говорило все: шатающаяся комната, трап и люк в потолке, через который приходил охранник, крысы и шум бьющихся волн о борт судна. Теперь в голове немного начало проясняться. Последнее, что он мог вспомнить — это смерть его товарища Римра, с которым они прибыли в Фирс. Но постепенно к нему вернулись воспоминания и о побеге, и о таверне «Сломанный клык», и... «Твари!!!» — Мысленно зарычал Славик, когда вспомнил мерзкую рожу молодого вербовщика Ратана. — «Опоил меня!» — теперь он понял где он. Он попал в рабство на корабль контрабандистов, и теперь он их собственность.

Шаги наверху зазвучали громче, предвещая чье-то приближение. Люк в потолке распахнулся, но свет, который сейчас ворвался в трюм, не был дневным. Славик выгнулся, подавляя стон от боли, которую ему причиняли кандалы, и посмотрел через отверстие в потолке. Он увидел в уголке люка множество звезд, которые мерцали в кромешной ночи. Затем они исчезли, заслоняемые темным силуэтом. На трапе показались ноги стражника, и когда он полностью проскользнул в трюм, Слава понял, что это тот самый громила, который поил их днем. Охранник зажег масляную лампу, и свет разрезавший темноту, полоснул беглеца по глазам. Он зажмурился от боли, но привыкнув к нему сквозь закрытые веки, вновь открыл глаза. Громила двигался осторожно, стараясь не скрипеть подгнившими досками под ногами. Поставив фонарь на бочку, стражник двинулся вглубь комнаты, где лежала груда грязных тел остальных рабов. Выхватив кого-то за руку, от чего зазвенели цепи, он вытащил связку ключей из-за пояса и снял оковы с молодой, но очень замызганной девушки. Охранник потащил ее на центр трюма, где стояли бочки, на одной из которых тускло светила лампа. Девушка начала немного брыкаться, но мощная пощечина выбила из ее хрупкого тела весь пыл. Страж закинул ее на бочку и схватил за край ее черного от грязи платья. Она повисла безжизненным жгутом на бочке, а охранник, выламывая ей правую руку, растегнул одной рукой свои штаны. Он одним грубым движением вошел в нее, и она закричала от боли. Страж вывихнул руку девушке еще сильнее и, шипя едва слышным, злобным шепотом, велел ей заткнуться. Девушка подчинилась и остаток времени, просто молчала, ожидая, когда страж перестанет ее насиловать. Спустя минут десять, охранник отпрянул от пленницы, глухо взыв от удовольствия, и схватив девушку за волосы, потащил ее обратно к остальным рабам. Он надел на нее оковы и, потушив на трапе фонарь, выбрался наверх. Темнота вновь наполнила собой трюм, и Славик перестал различать даже силуэты остальных рабов. Только тихие всхлипы и женский плач стали аккомпанементом той тихой, душной ночью.

Утром следующего дня в трюме спустился уже другой стражник. Видимо вахта насильника закончилась и он отдыхал. У этого стража тоже был бурдюк в руках, но он его чуть не выронил, когда спустился с головой в помещение. Причиной тому был запах, который пропитал даже доски и обшивку корабля. Запах из смеси немытых тел, людских испражнений и гниющей плоти. Страж проделал ритуал с бурдюком, опаивая неизвестной жидкостью своих пленников. Вячеславу сразу стало понятно, что жидкость предназначалась для содержания рабов в полусознательном состоянии. Таким образом, их не нужно было кормить или ожидать бунта со стороны невольников. Жидкость превращала людей в овощи, которые не способны не только на бунт, а даже на то, чтобы пошевелиться. Славик принял решение, что не станет пить эту гадость, чего бы ему это не стоило.

Когда очередь дошла до него, Слава попытался вырваться из лап стражника, но сил у него почти не было, и охранник без труда заставил его выпить содержимое бурдюка, больно ударив кулаком в лицо. Он, все же, не смог сдержать несколько глотков, ворвавшихся ему в горло, но остальные он набрал в рот, делая вид, что продолжает пить. Охранник удовлетворился этим и пошел поить остальных. Славик дождался его ухода, а затем выплюнул всю жидкость под себя. Затем он заложил два пальца в рот, поглубже пропихивая их себе в глотку, вызывая рвоту. Рвать было нечем, ведь он не ел уже несколько дней, но немного желчи вместе с ядовитой жидкостью вышло наружу. Он обтер рот рукой и посмотрел в сторону открытого люка, обращая свой слух в сторону крика приходившего стража. Тот кому-то отвечал на вопрос, почему не закрыл люк, на что страж ответил, что в трюме стоит такая невыносимая вонь, что его чуть не стошнило. Голос ему что-то ответил, но люк трюма так и остался открытым.

Свет в трюме был не сильно яркий, хотя солнце светило очень сильно. Славик осмотрелся и увидел остальных пленников. Они были измождены и грязны, в мелких ранах и кровоподтеках. Их лица кривились от боли, а глаза едва блестели в полуосвещенном помещении. Он видел, что нужду люди справляли прямо в трюме, не утруждаясь даже отползти в сторону. Хотя кандалы на их конечностях и не дали бы им это сделать. С краю ото всех рабов, сидела девушка, откинувшись на стенку спиной. Ее ободранное платье едва закрывало гениталии, а на том месте, где она сидела, текла тонкими струйками кровь. Слава подумал, что это естественный физиологический процесс, происходящий каждый месяц с женщинами, но вскоре понял, что насильник, приходивший ночью, порвал ее гениталии, и она медленно истекала кровью. Ее взгляд был такой же отрешенный, как и у всех остальных рабов, которые пили жидкость из бурдюка охранника.

Славе от этих видов стало невыносимо тошно и обидно. «Каким надо быть зверем, чтобы так обращаться с людьми?» — думал он. Его разрывала злость и ненависть к этим скотам, и все чего сейчас он желал — это вырваться из своих пут и убить всех, до единого на этом корабле.

Через несколько часов, когда воздух в трюме с рабами стал чище, люк захлопнули и закрыли на засов. Славик уже отошел от действия наркотика из бурдюка и теперь пытался восстановить связь со своим кристаллом. Он чувствовал, что кристалл пробуждается, освободившись от давления неизвестного вещества. Беглец обратился к нему, но сил у него не хватало, чтобы пробиться в астральный план. Единственный поток энергии, который он

мог подчинить — это был путь к бездне. Он решил обратиться к силам скрытым в ней, но сделать это он собирался осторожно. Несколько пробных прикосновений пробудили энергию бездны, и она потянулась к незваному гостю. Слава отпрянул от нее, пытаясь защититься и не дать этим потокам, им завладеть. Затем, убедившись, что бездна не может завладеть его сознанием, он протянул к ней несколько тонких щупов, пытаясь присоединиться к ее энергетическому полю. Бездна, судорожными, спонтанными всплесками пыталась до него добраться, но Слава уже понимал, как можно оградить себя от нее. Он начал ощущать силу, исходящую из бездны. Она отдавала ему свою энергию, уже менее рьяно пытаясь его подчинить. В теле прибавилось сил и энергии, а разум начало застилать пеленой ярости и гнева. Испугавшись такого эффекта, Славик отпустил энергетический поток, полностью выскользнув из астрального подплана. Силы, влившиеся в него, очистили частично его разум, и убрали следы действия неизвестного напитка, который им давали для успокоения. Затем и они постепенно покинули организм пленника, давая ему возможность отдохнуть от напряжения. Он уснул. Набраться сил — вот, что было действительно важно в такой ситуации.

Спустя пол дня, когда ночь навалилась своей темнотой, и впила миллиарды звездных глаз в одинокий корабль контрабандистов, охранник-насильник вновь посетил трюм. Когда крышка люка открылась, и мерцающий звездный свет проник в трюм с узниками, Славик проснулся и насторожился. Он постарался собраться с мыслями и силами, понимая, что сейчас здесь вновь повториться душераздирающая картина. Он не мог допустить нового насилия над девушкой.

Надзиратель привычно спустился в трюм, и зажег свой масляный фонарь. Он поставил его на бочку и пошел выискивать свою жертву. Девушка забилась в дальнем углу и тихонько завывала. Она пряталась за остальными рабами, но они охотно отодвигались, расступаясь перед поступью стража. Он схватил ее за волосы, и когда она вцепилась в его руки, он снял другой рукой ее кандалы, затем отвесил звонкую пощечину, и когда она чуть не вскрикнула, прислонил толстый, грязный палец к губам, приказывая молчать. Она повиновалась, а он потащил ее к бочкам. Наблюдая за происходящим, Слава судорожно пытался связаться с кристаллом, чтобы он открыл ему доступ к астральным энергиям, но Детритас словно находилось в анабиозе, подвергнутый действием усыпляющего снадобья. Тогда Слава коснулся бездны. Он видел как надсмотрщик тащит беззащитную девушку к бочкам, и боялся опоздать, присоединиться к потоку ее сил. Он почувствовал, как энергия хлынула в него, словно кто-то прорвал сгнившую плотину. Бездна наполняла его энергией, вытесняя, казалось, собственные желания и потребности. Бешенство зародилось в его душе и разгоралось диким, ужасным пламенем. Славик посмотрел на свои руки. Ногти на них начали чернеть, словно его укололи под них тонкими иглами и впрыснули чернила. Через пару секунд они были черные, как смоль. Ощущения, которыми сопровождалась смена цвета ногтей, появились и в глазницах, и Слава не сомневался, что теперь его глаза, такие же черные, как и ногти. Сила бушевала в нем, словно подоженная нефтяная скважина. Когда насильник уже почти расстегнул свои штаны, Славик уже сумел подняться и резким движением, усилием одних своих мышц, порвал цепь, которая вела к кандалам. Цепи загремели, а страж удивленно и очень быстро обернулся. Слава кинулся на него, нанося безжалостные удары по голове и в корпус. Его кулаки, как молотки били надзирателя точно по болевым точкам. Сосредоточившись на драке, он забыл на мгновение о потоке энергии, вливавшегося в его организм из бездны. Бездна таких ошибок не прощает. Энергия начала

вливаться в свою жертву еще быстрее, пытаясь ассимилировать и интегрировать в себя. Скорость Вячеслава от этого увеличилась в несколько раз, и он еще быстрее начал бить насильника. Когда на шум драки, в трюм ворвались вооруженные контрабандисты, Слава обхватил шею надсмотрщика цепью и начал его душить. Джентльмены удачи, после секундного шока пришли в себя, и заорали, каждый на свой манер, чтобы Славик отпустил свою жертву. Но он еще крепче сдавил цепью шею стража, и в яростном порыве с диким воплем, цепь рванулась к его груди, проходя сквозь шею охранника, как через жидкую патоку. Голова покатилась к ногам контрабандистов, с раскрытым от удивления ртом. Насильник был в несколько раз больше Славы, и выше на две головы. Такая жуткая смерть товарища произвела серьезное впечатление на контрабандистов, но все же они кинулись в атаку.

Славик бил их кулаками, подставляя предплечья, обмотанные цепью под удары мечей и топоров. Искры летели в ночной темноте, а фонари, которые принесла с собой подмога, превращали тени дерущихся в спектакль теней, бушевавший на стенах трюма. Драка была ожесточенная и кровавая. Он, как бешенный зверь кидался на своих обидчиков, а его черные глаза и ногти, сбивали их столку, рассеивая привычную для бандитов самоуверенность.

Краем глаза новоиспеченный раб, видел, как в дальнем конце трюма, под лестницей стояло две фигуры, и наблюдало за боем. Один человек был ему знаком — это был капитан, одноглазый здоровяк, который в размерах был наверно еще больше мертвого стража. А вот второй, долговязый человек, в плотном плаще со странной штукой на голове, которая скрывала его лицо и волосы. Эта маска была похожа на полупрозрачный пластиковый цилиндр, начинающийся от шеи, и возвышавшийся выше макушки. Он чем-то напоминал конус, который одевают собакам, чтобы те не грызли свое тело, избавляясь от блох. Но форма его была цилиндрическая, темно-бежевого цвета.

Когда Слава убил еще одного мелкого, но шустрого бойца, капитан махнул рукой человеку в странном цилиндре, веля прекратить бой. Тот молча подошел, не опасаясь быть задетым, в гущу событий и каким-то легким уколом неизвестной силы, просто вырубил его, напрочь отгораживая от влияния бездны. Он упал без сознания, лишившись напрочь всех чувств.

Очнувшись, Славик понял, что уже находится не в трюме с рабами, а в каком-то кабинете, похожим на лабораторию алхимика или же библиотеку чернокнижника. Капитан сидел за небольшим, но явно тяжелым столом, видимо таким, который не будет летать по всей каюте во время шторма. Второй человек, в цилиндрической маске, стоял неподалеку возле полок со шкатулками и артефактами. Он взял с самой последней полки, черную и очень пыльную шкатулку, с многочисленной, красивой резьбой на ней. Прошептав над ней загадочные слова, коробочка распахнулась. Человек «без лица» взял шар с бархатной ткани и опустил его в прозрачную банку с жидкостью. Тот не утонул, а остался плавать на середине сосуда не всплывая на поверхность. Колдун, как уже догадался Вячеслав, начал петь дрожащим голосом старца, в который в терцию вплетался голос женский и детский, неизвестно откуда взявшиеся. Он заговорил на странном языке, водя пальцами над открытым горлышком банки. С кончиков его пальцев начали струиться черные, дымчатые пряди и обвивать прозрачную жидкость в банке. Затем он вытащил из рукава кинжал, похожий на ритуальный и разрезал подушечки на трех пальцах левой руки. На указательном, большом и мизинце. Темная, как нефть кровь, начала капать в сосуд с загадочным шаром. Она обволакивала сферу, проникала в нее, заставляла его дрожать и вот из нее начали

вылезать ни то ножки, ни то антенны. Они как часть трансформирующегося организма выскальзывали из сферы, превращая ее в паука с круглой спинкой. Это существо зашевелило лапками, и выбралось из банки по внутренней ее стенке. Колдун в маске взял паука за спинку и приложил к затылку Славика. Лапы его впились в кожу на затылке, как иглы, вырывая клочки волос на своем пути. Перед глазами у Славы все поплыло и он ощутил, как пульсация чужого сознания задребезжала в его подсознании гася любые попытки или даже желания обратиться за помощью к магии или Детритас или же энергиям астрала. Беглец, не в силах больше сопротивляться, отдался на волю сознания паука, проваливаясь куда-то далеко, словно в изнанку мироздания. Вновь бой проигран. С такой последней мыслью он забылся.

Разбудили Славика немилостивыми ударами под ребра ногами, да так усердно кто-то его бил, что весь воздух из легких вышиб. Когда он открыл глаза то понял, что его избивает Ратан. В его поведении читалось столько ненависти, что Слава даже удивился такой метаморфозе вербовщика из дружелюбного парня в озверевшего ката. Выяснять это ему не пришлось. Ратан сам ему рассказал в агонии избиения, в чем причина. А дело было в том, что охранник, который насиловал девушку, был старшим братом Ратана. И теперь раб стал его кровным врагом. Первое, что пришло Вячеславу в голову это обратиться к силам бездны, чтобы вновь сразиться за свою жизнь, но приблизиться хоть минимально к астралу у него не вышло. В голове закрипел неизвестный шум и чужое сознание поглотило его попытки. Паук на голове Славика блокировал любые поползновения в сторону использования магии.

Его выволокли из трюма на палубу, где яркий солнечный свет чуть не выжег Славе глаза. Из-за этого ему не удалось, как следует осмотреть судно и увидеть хоть какие-то ориентиры, чтобы понять, где они сейчас находились. Вокруг блестело море, переливаясь солнечными зайчиками, отраженными в его поверхностных волнах. Ратан бранил его всякими оскорблениями, рассказывая, какая ужасная участь его ждала. Затем его приволокли в другой трюм, который оказался помещением для гребцов. Ратан ударил его в спину кулаком, в который был зажат кнут. Славик упал, но сразу поднялся, не давая Ратану, как следует замахнуться для следующего удара. Помощники Ратана усадили его спиной к ходу судна на одном из мест гребцов, и Ратан сказал:

— Теперь твое место будет здесь, пёс! До тех пор, пока тебя не продадут или ты не сдохнешь от изнеможения. — Он был поистине зол и свиреп, показывая свою ненависть, извлекая ее жар наружу.

Славу приковали с остальными рабами цепями к металлическому кольцу и руки сами легли на весло, потому что только с ним в руках здесь было удобно сидеть. Хотя, что в таких условиях называть удобством? Ратан разорвал грязную рубаху на нем, подаренную сайлоками и принялся избивать его кнутом по спине до тех пор, пока он не схватился за весло и начал усердно грести с остальными пленниками. Так они и пошли по морю — он греб, а Ратан наносил ему жесточайшие удары плетью по спине, оставляя рваные, кровавые раны. Через сорок минут такого избиения Сон потерял сознание, но на него вылили ведро прохладной морской воды и ударами кнута, вновь заставили грести. Эта пытка продолжалась до самых сумерек, и лишь когда окончательно стемнело, гребцов освободили и провели трюм для отдыха. Ночью они предпочитали ставить на якорь из-за плохой видимости. Славик рухнул без сил на пол и сразу же уснул, не чувствуя рук и тела.

После таких нечеловеческих нагрузок, Вячеслав спал мертвым сном, но едва проспав пару часов, он тревожно проснулся, ощущая некую опасность. Ни кристалл, ни астральный план, ему по-прежнему не были доступны, но он почувствовал тревогу и насторожился. Его содержали теперь с галерщиками-гребцами в другом трюме, который располагался в корме судна. Вход в трюм был с обычной дверью, и когда она распахнулась, он увидел на пороге Ратана. Так просто отделаться рабу явно не удалось. Боль во всем теле не давала пошевелиться, но Слава заставил себя привстать, чтобы не лежать в такой унижительной позе, когда его начнут избивать. Он выпрямил спину и высоко задрал подбородок, показывая своему врагу, что его не так-то просто сломить.

Ратан шел к нему медленным шагом, а на его лице играла злобная, самодовольная улыбка. Он подошел к Славику и присел рядом с ним на корточки.

— Ты убил моего брата, сволочь! Ты убил его из-за этой грязной шлюхи! Теперь ты мой, и я буду терзать тебя, пока ты не заплачешь кровавыми слезами, умоляя меня о пощаде, а пока... — Он ехидно ухмыльнулся, — ... смотри, что я тебе принес. — Ратан достал из кармана белый платок перепачканный кровью и развернул его. Увидев его содержимое, на Славу накатила тошнота и он отвернулся от Ратана, пытаясь не вывернуть желудок наизнанку. В платке лежали отрезанные женские уши и нос.

— Смотри, смотри — это твоя шлюха! Точнее ее малая часть. — Он рассмеялся от этой фразы и придвинул платок прямо в лицо Славе. Запах свежей крови ударил ему в нос и на него накатила такая удушающая волна отчаяния и ненависти, что он резко развернулся, и дернулся к Ратану вытягивая руки вперед. Ратан отскочил назад, вставая в полный рост и с размаха ударил его ногой в челюсть с низу. Зубы неожиданно громко клацнули так, что в ушах раздался оглушающий звон, и Славик на секунду потерял сознание. Взгляд немного прояснился и он сплюнул на пол кровь, а затем поковырявшись во рту грязными пальцами достал едва державшийся зуб. Он кинул его на пол. Судно качнуло, и зуб покатился по прогнившим доскам в глубь трюма. Остальные рабы если и слышали разговор Ратана со новым рабом, то предпочли претвориться спящими. Судно ударило волной, а где-то в ночи прогремел гром, а за ним еще один. Явно начинался шторм. Корабль контрабандистов продолжало раскачивать и уже немилосердно швыряло в стороны. Гребцы начали вставать, показывая свое беспокойство и не обращая внимание на Ратана. Тот выругался про себя, проклиная все на свете за то, что его лишили удовольствия по мучить своего врага, но все же направился на выход из трюма. Сейчас объявят авральную тревогу и морским бандитам будет не до пыток. На последок Ратан обернулся и сказал:

— Как только шторм закончиться я вернусь, и мы с тобой продолжим нашу беседу. Держи! Это чтобы ты не заскучал без меня. — Он кинул платок с отрезанными частями тела девушки и хищно улыбнувшись, вышел.

Шторм все набирал обороты и теперь судно кидало на разъяренных волнах, как игрушечный кораблик, пущенный по горной реке. По палубе загрохотал ливень. В трюме, где содержали гребцов, почти ничего не было, поэтому рабам не грозило получить удар чем-нибудь тяжелым во время этой бешеной пляски. Через некоторое время в трюм забежал матрос, и двое вооруженных охранников. Они приказали всем выстроиться в ряд, пока матрос отстегивал цепи и кандалы рабов. Всех выгнали на привычное место, грести, чтобы попытаться увести судно от бушующей стихии. Контрабандисты сняли судно с якоря, чтобы во время качки его не опрокинуло или не вырвало якорные тросы. Когда Славик с остальными рабами в сопровождении охраны пересекали главную палубу, молния несколько раз ударила совсем рядом с бортом. Все пригнулись, а сопровождающая их охраны начала бить рабов, подгоняя их к своему рабочему месту. Дождь лил, словно небо изрешетили огромными иглами, и капли его тяжело падали на рыщущее судно, заливая палубы. Вода уходила в шпигаты (отверстия в палубе, куда уходит вода), но волны накатывали на корабль с такой силой, что палубу залило уже по щиколотку. Шпигаты не справлялись со своей задачей. По судну носились все члены экипажа и даже одноглазый капитан стоял за штурвалом, четко и громко раздавая команды, правя судно в безопасные зоны.

Старый корабль, как поношенный ботинок извивался на волнах, взбираясь на гребни волн и падая в подошвы между ними. Рабы заняли свои места, и под мерный, гулкий бой

барабанов, звук которых был едва различим на фоне грозы, заработали веслами. Рабы на судне были до ужаса перепуганы, хотя команда сохраняла видимость спокойствия. Экипаж занимался спасением судна, делая для этого все необходимое. Мужчина из гребцов, который выглядел очень измождено и устало, опорожнил свой желудок прямо под себя, там где они сидели. Слава поморщился и выругался про себя. Они схватили весло и начали грести.

Удержаться на скамье, мокрой и скользкой от воды, которая лилась с верхней палубы, было невообразимо трудно. Они то и дело соскальзывали с нее, швыряемые в разные стороны качкой.

Началась долгая и изнурительная борьба со стихией. Их били, и бранили самими последними словами, не давая даже секунды на промедление. Их тела, их руки, их весла — все двигалось в такт, словно одно и то же движение стало смыслом жизни сразу всей группы рабов.

Буря свирепствовала не менее двух часов, но им все же удалось выстоять, хотя они и потеряли часть груза, который был смыт с палубы в море. Ветер стал дуть тише, дождь, сменился на легкую морось, а затем и вовсе прекратился. Тяжелые, сердитые тучи, что грудой темного металла висели над головой, истощали себя, проливаясь ливнями. Они почти успокоились и разгладились, словно их проутюжили горячей божьей дланью. Шторм угас, выплеснув всю свою ярость наружу, а гребцов заперли в трюме. Всем, включая команду, требовался отдых. Усилиями несчастных рабов, судно удалось спасти, и перед сном, их наконец нормально накормили за последние пять голодных дней. Даже сражаясь за собственную жизнь в многонедельном походе до этих земель, Слава не испытывал такого голода, который терзал его душу и тело. Но теперь он был сыт, и мог немного отдохнуть. Он должен выжить, а для этого ему нужны силы.

Утро следующего дня выдалось солнечным и спокойным, словно вчера рассерженное море не подверглось безжалостной атаке неконтролируемого шторма. Так часто бывает после продолжительной бури, и этот контраст замечается сразу. Его и остальных рабов выгнали на их рабочие места и они взялись за весла. Погода стояла безветренная, так что идти на парусах не было никакой возможности. Тело Славы нещадно болело, словно он был одной сплошной раной, которая не желала заживать. Переутомление, недоедание и постоянные истязания не оставили ему никаких шансов озаботиться размышлениями о дальнейшем его здесь пребывании и выживании. Разум отказывался нормально соображать, подавляя любые попытки переосмыслить его нынешнее положение. Все, на что хватало сил — это грести и надеется, что рано или поздно эти варварские испытания когда-нибудь закончатся. Он знал лишь одно — он обязан выжить, даже когда надежды на это совсем не осталось.

В середине бесконечно долгого дня, на палубе раздался крик вперед смотрящего. Среди экипажа пробежала волна тревоги, и Слава понял, что сейчас должно случиться что-то нехорошее. Суэта экипажа не оставила на этот счет никаких сомнений. Спустя некоторое время, один из матросов спустился к гребцам и объявил, что к ним приближается военное судно имперских войск Нувока. Началась погоня. Военный корабль нувоков преследовал контрабандистов все больше сокращая расстояние. Ветер, встал на сторону закона в этот день, и способствовал военному судну нувоков, планомерно и несуетливо догонять судно бандитов. Им дул попутный ветер. Контрабандистам в срочном порядке пришлось переложить курс вправо, чтобы встать на подветренную сторону, для большей быстроходности. Но шансов у них практически не было. Военное судно было вдвое меньше

корабля морских головорезов, а значит в два раза быстрее. Экипаж бандитов прекрасно знал, что шансов сбежать при таком раскладе у них не было. Весла молотили по воде с удивительной скоростью, потому что рабы знали, если их догонят военные, то их всех убьют, чтобы они не свидетельствовали на своих хозяев.

Славик сидел близко к борту судна у самой банки, в которой двигалось весло. Он выглядывал через ее крохотное отверстие, пытаясь рассмотреть приближение спасительного судна. Ему в голову сразу пришла идея о том, что если их догонят и бандиты будут уничтожены военными, шансы на его выживание увеличатся, но он не знал, что же можно предпринять, чтобы ускорить свое освобождение. Он мог бы не грести, но жестокий надзиратель, которые нещадно хлестал их по спинам, и куда попадет, не давал спуска ни одному из рабов. Что же может сделать он один? Перестать грести и терпеть удары ката? Возможно. Но другие рабы, явно не сделают тоже самое. Они настолько забитые и запуганные, что даже не понимают, какая возможность выпала им всем.

Тем временем на палубе царил откровенный хаос и паника. Экипаж во все глотки кричал, что их скоро догонят, и поэтому было принято решение скидывать за борт груз, чтобы уменьшить массу корабля. После этой команды, Славик ожидал, что награбленные товары найдут свое пристанище на дне глубокого моря, но то, что произошло дальше, вырвало часть его сердца из груди, превратив частичку души в камень. Он выглядывал в отверстие банки, выискивая гонящийся за ними военный корабль, но увидел нечто иное. Грязные тела рабов, проплывали мимо корабля с перерезанными глотками. Кто глядел безжизненными глазами в яркое, приветливое небо, а кто в последний раз устремил свой взор в пучину моря, но никто из них больше об этом не расскажет. Мертвецы плохие рассказчики. Сердце Славы сдавило тысячью шипованных жгутов, капля за каплей окрашивая растерзанную душу беспощадной болью. Он не мог поверить, что эти нелюди способные на такие зверства. Рабов убивали, как домашний скот на скотобойне. Их выводили из трюма, ставили на колени, а несколько головорезов подходили к ним сзади и резким, умелым движением, оставляя красную полосу расплзающейся плоти на шее, перерезали им глотки. Кровь каскадами текла по палубе, просачиваясь в щели и трещины, заливая нижние ярусы. Вот и до их гребного трюма добежали стремительные ручейки алой жизненной жидкости. Кровь вязкими, липкими каплями свисала с потолка, капая на грязные, чумазные тела гребцов. На лоб Славiku упало уже несколько таких капель, которые побежали по его уставшему лицу, заливая глаза и попадая в рот. Он пытался не думать об этом, сосредоточившись на монотонном, но быстром движении своих рук, которые сочились кровавыми мозолями, оставляя рубиновые мазки на черенке весла.

Надзиратель все быстрее и свирепей бил рабов, подгоняя их, но никто больше не в силах был, так усердно грести, как это было в самом начале погони. Люди просто падали на весла, и кричали от боли, когда им перепадала очередная порция убийственных ударов. Славик подозревал, что среди тех, кто обмяк и повис на веслах, были уже и покойники. Уйти от погони не получалось, и вскоре Слава увидел в отверстие банки, как военное судно нувоков их настигает. Гонка была проиграна. Но впереди еще предстоял бой, и судя по настроению бандитов, живимы они сдаваться не собирались. Спустя минут пять, к ним ворвался Ратан и крикнул надзирателю, чтобы тот перестал бить «этих никчемных скотов» и пошел вместе с ним. Страж убежал с вербовщиком, а рабы, те кто еще мог дышать, рухнули без сил на весла, перестав ими размахивать.

Ратан вместе с надзирателем вернулись спустя еще несколько минут и кинули на

залитый кровью и потом пол, какой-то баул из связанной в узел простыни плотной ткани. Страж начал открывать кандалы, освобождая рабов, а Ратан тем временем громко и четко кричал им:

— Если вы все, грязные мрази хотите жить, хотите встретить завтрашний рассвет, то советую вам взять оружие в руки, и сражаться за свою жизнь так неистово, чтобы сам Чернобог позавидовал вашей ярости. Там наверху, где мы скользим по морской глади, за нами гоняться настоящие демоны. Вы все знаете кто они — это Гарбоги (Падальщики, Каннибалы). Поэтому я бы посоветовал бы вам, хотя бы умереть достойно, сражаясь за свою жизнь, за свою свободу, за свою честь, если она у вас кончено есть. — По трюму пробежала волна шепота. Люди твердили о каннибалах, кто-то называл их падальщиками, а кто-то и вовсе начал молиться.

Надзиратель тем временем уже закончил открывать кандалы, и Славик осторожно потирал окровавленные запястья, думая о сказанном Ратаном. Он мог бы вскочить и вцепиться ему в горло, но речь вербовщика его сильно впечатлила, а слова о демонах Гарбогах нешуточно напугала. Он не знал, что это за демоны такие, но встретив на своем пути не мало странных созданий, как чудовищ, так и бесплотных существ, Славик серьезно задумался. Никто из рабов не решался подняться с места, пока парочка не покинула трюм и не умчалась на верхнюю палубу, оставив дверь открытой. Славик первый поднялся и подбежал к завязанному на узел тюку. Развязав его он увидел, что там внутри лежало оружие: мечи, топоры, кинжалы, сабли и ятаганы. Даже серпы и молоты можно было там отыскать. Выбрав не сильно длинный меч, чтобы было удобно им махать в ограниченном пространстве судна, он взмахнул им несколько раз, рассекая воздух со свистом. Меч был похож на мачете, только с более острым концом и менее широким лезвием. Остальные рабы последовали его примеру и толкаясь, сбивая друг друга с ног, распикивая трупы своих бывших товарищей, которых забил до смерти надсмотрщик, хватали из тюка себе оружие — кто, что успел. Слава же стоял перед дверью, ведущей на верхнюю палубу, не решаясь наконец через нее пройти и подняться наверх. Страх так его сковал, что казалось его залили жидким цементом, и он уже успел застыть на безжалостно палящем солнце.

Страшный удар настиг судно в правый борт. Словно весь мир перевернули с ног на голову. Славик с остальными рабами полетел в сторону, падая на плечо. Он сильно забился, но когда судно начало восстанавливаться кренящим моментом, его быстро потащило влево. Его рука крепко сжимала меч, даже не смотря на скользкие от крови руки. Он смог его удержать и попытался вскочить на ноги. Сотни разъяренных криков раздалось на верхней палубе, и он отчетливо услышал, как в борт вонзилось десятки стрел и еще что-то покрупнее. Обшивка корабля заскрипела и застонала, под напором тянувшихся тросов. «Абордажные крюки» — подумал Славик, и кинулся по лестнице наверх.

Когда он очутился на верхней палубе, то увидел ожесточенное сражение в самом разгаре. Уже несколько трупов контрабандистов лежало, пораженных вражескими стрелами. Сами нападающие люто сражались, в беспощадной веренице клинков и топоров. Гарбоги выглядели очень необычно и жутко. Это были по всей видимости люди, но то ли образ жизни, то ли необъяснимые мутации, сделали из них настоящих монстров. Они были невысокими, и тела их были покрыты темно-серебряной краской с ног до головы. Шрамы украшали их спины, грудь и руки, которые бугристыми полосками одна к одной, переливались над объемными мускулами. Одеты в набедренные повязки, сделанные из коричневой, покрытой шерстью кожи, которые венчались широкими поясами. Они

двигались очень быстро и резко. Как размытые силуэты, плясали кровожадные воины, размахивая своими клинками, сея смерть и разрушения на главной палубе. Их лица были искажены в ужасающих гримасах, а острые, акульи зубы, смотрелись хищно и опасно. Почти все они носили ирокезы на голове, что сопоставляло их образ с привычными для восприятия Славика, индейцами.

Он увидел колдуна, который надел на него магический артефакт в виде паука. Тот вскидывал руки кверху, и выкрикивая замысловатые слова, насылал на Гарбогов облака черного, клубящегося дыма, который обволакивал своих жертв с жужжащим звуком. Гарбоги, оказавшиеся в плену этих облачков, нечеловечески кричали, словно их пожирали заживо.

Контрабандисты давали Гарбогам достойный отпор, и пока Славик стоял в ступоре, многие из каннибалов, также были уже мертвы. Из оцепенения его вывел несущийся на него падальщик, с занесенным над головой топором. Он неся к нему, с диким оскалом на лице, который был переполнен ненавистью и жаждой крови. Когда противник был уже едва в нескольких шагах от Славика, молодой раб прыгнул вперед выставляя левую ногу согнутую в колене, и вытянувшись всей спиной, выкинул руку с мечом в сторону Гарбога, оставляя широкую, кровавую полосу на его упругом животе. Плоть удивительно легко поддалась лезвию меча, и почти хирургический надрез разошелся в стороны, выкидывая ливер каннибала на окровавленную палубу. Краем глаза, а может даже просто чутьем, Славик увидел несущийся предмет к его лицу. Он лишь успел на пару сантиметров сдвинуться назад, как его щеку оцарапала пролетевшая мимо его головы, стрела. Перед ним сражались сразу двое бандитов с Гарбогами, и стояли нападавшие к Славе спиной. Не думая о чести и доблести, он полоснул их по спинам размашистыми ударами крест на крест. Один из нападавших захватчиков умер на месте, а вот второй, начал медленно разворачиваться к нему лицом. Еще одним замахом, Славик попытался добить своего врага, как сзади в свой меч получил сильный удар, и под его стремительной силой, тупая часть клинка больно ударила его в голову, рассекая кожу под волосами. Хлынула кровь, и он почувствовал как горячая струя побежала по его затылку на плечо. В этот момент он смотрел на свою предыдущую жертву, которая уже почти развернулась к нему лицом, но контрабандист, с которым сражался Гарбог, ловким, почти незаметным движением своего меча, отрубил ему голову. Она покатилась по палубе с глухим звуком, а мертвые глаза, вертясь в полете, рассматривали в последний миг панораму боя. От удара в голову собственным мечом, который спас его от верной гибели, Славика развернуло и опрокинуло на бок. А его неудавшийся убийца, уже молниеносно опускал свой меч, на открывшийся его торс. Вмешался чужой клинок, который твердым препятствием встал на пути, оружия Гарбога. Клинки встретились со звонким лязгом, выбив друг из друга сноп искр. Слава оглянулся и увидел одноглазого капитана, который оттолкнул меч каннибала вверх, и продолжая движение своего клинка вперед, лишь слегка изменил его направление и рассек горло противника в районе яремной вены. Тугая, алая струя, мелким фонтаном забила из разрезанной раны, а Гарбог, схватившись за шею, завалился, как падающее дерево. Славик в этот момент смотрел на капитана, и вздрогнул когда увидел, как сразу три меча летели сверху на его спину. Он даже не успел подумать предупредить его, как проворный капитан, развернулся в их сторону, подставляя свою меч, блокируя сразу три клинка. Опять искры взлетели вверх, и капитан слегка потянув все три оружия на себя, оттолкнул неприятелей назад, выхватывая из-за спины кинжал. Его лезвия сверкнули на солнце и капитан, точными

взмахами, как взмахи кисти художника, провел кинжалом, у одного каннибала подмышкой разрезая вену, второму располосовал бок и прыгнул на них боком, заваливая их на спину. Тем временем его левая рука уже в размахе летела в сторону третьего Гарбога и кинжал исчез в его шее. Еще один каннибал бежал на капитана, взмахивая своим топором, но его тело взмыло в воздух над палубой, ломаясь в позвоночнике пополам, как складное кресло, а затем падальщика словно выкрутило, как выжимают половую тряпку. Кровь из всех отверстий хлынула рубиновым водопадом на палубу, а каждая ее капля драгоценными камнями заблестела на солнце. Обескровленное тело грудой костей в коже ударились о доски палубы, а за ним в нескольких футах стоял колдун в цилиндрической маске. Славик вскочил на ноги и делая приставной шаг боком, ударил своим мечом чужой топор, который должен был поставить точку в жизни капитана контрабандистов. Это еще один падальщик пытался его убить. Руку с топором повело по инерции назад, а он коротким, но сильным ударом разрубил Гарбогу ключицу. Колдун взмахнул руками, и в них вспыхнули черной дымкой, два клинка, похожих на обсидиановое стекло. Эти клинки устремились в сторону и вонзились в грудь бегущего каннибала. Тот упал на них, а клинки растворились под ним, словно их и не было.

Звон металла постепенно стихал, и уже из гулкого шума, превратился в редкие очаги, лязгающих ударов. Битва оканчивалась и Славик встал в боевую позицию, подавшись телом вперед и пригнувшись ближе к палубе. Он крутился вокруг себя, пытаясь выискать угрозу, но видел лишь еще несколько ожесточенных драк. Его сердце бешено колотилось в груди, грозя выпрыгнуть и умчаться вплавь в безопасное место. Адреналин горячими волнами разливался в его организме, неистово закипая. Пот, кровь, грязь — все заливало глаза, мешая смотреть, но он резким движением обтирал глаза и лоб, и дальше вертелся как заводной волчок.

На палубу рухнули последние тела Гарбогов, и шум на мгновение прекратился. Контрабандисты, тяжело дыша, вытирая с лиц кровь, и нервно оглядываясь замерли, а спустя секунду тишину разорвал победный крик:

— ААААА-АААА-АААА!!!!!! — Победители вскинули свои руки с мечами к небу, продолжали орать, а немного успокоившийся Славик, сам не понимая почему, присоединился к победному крику. Его душу переполняла буря эмоций — восторг, азарт, счастье. Такое ощущение складывалось, что в него сейчас вливали энергию из мощнейшего источника, а источником была сама жизнь. Он впервые участвовал в сражение, такого масштаба, и впервые убил человека... До этого ему приходилось сражаться, но лишь с неизведанными тварями, к которым у него не возникало жалости. Но сегодня он убивал себе подобных, и эта мысль омрачила сладкий вкус победы. Он опустил меч, и поднял лицо к небу. Солнце ослепила его своими золотыми лучами, и Славик застыл не шевелясь. Когда крики вокруг стихли, он осмотрелся по сторонам, и увидел, что он единственный выживший раб на палубе. Все остальные были мертвы. Контрабандисты с интересом и уважением смотрели на него, и даже сам капитан одарил его одобряющей улыбкой. Славик стоял и тупо на них смотрел. За спиной скрипнули доски и он обернулся на этот звук. Едва он это сделал, как увидел Ратана шагнувшего к нему почти в плотную. Он резким движением, вскинул эфес своего меча, и наверху ударил его в лоб. В глазах моментально потемнело, и он потерял сознание.

— Убить ее! — закричал Берон. Воины, охранявшие его в походе, тут же начали надвигаться на девушку, которая по-прежнему стояла и безмолвно глядела на него. Она не вскинула лук, не выхватила стрелу и даже, не использовала какое-нибудь хитрое заклинание. Берону сразу показалось, что девчонка имеет магические способности. Она просто стояла и смотрела в глаза Берона, а затем сказала:

— Не надо Берон! Я не враг! Нам нужно поговорить с тобой. Это и в твоих интересах тоже.

— Что за вздор ты несешь? И откуда ты знаешь мое имя? — Он присмотрелся к девушке внимательнее, пытаясь вспомнить, не встречались ли они раньше, но мог поклясться, что он ее видел впервые.

— Я знаю кто убил твоих родителей, и я могу тебе рассказать как и почему это произошло. — Она беспристрастно смотрела на молодого полководца, понимая, что ей удалось его зацепить, но он еще колебался. — Берон, я все тебе расскажу, но ты должен мне дать слово, что после этого ты меня выслушаешь. Ты выслушаешь все что я скажу, а дальше решение будет за тобой.

— Ты слишком молода, чтобы знать такие вещи. Моих родителей убили давным-давно, а судя по тебе, ты едва появилась на свет в то время. Ты не можешь мне ничего рассказать. — Он капризничал, стоял на своем, отказываясь верить, потому что боялся, что история девушки будет неправдоподобной и он ей не поверит, а значит еще одна частичка надежды умрет. И умрет она вместе с этой выскочкой. Эралия стояла, не сказав ни слова, когда из-за большого валуна, возле которого происходила беседа, вышел хорошо знакомый Берону берендей.

— Выслушай ее парень. Она действительно знает, о чем говорит. — Баллар стоял, чуть выставив левую ногу согнутую в колене вперед, опираясь на рукоять своего меча левой ладонью.

— Баллар?!? Что ты здесь делаешь? Я же велел тебе замещать меня в Немаде. Почему ты привел сюда эту лгунью. — Вначале Берон растерялся, но секунду оправившись, он накинулся на своего заместителя с упреками и обвинениями, чем себя сильно раззадорил, и теперь он начинал постепенно закипать от ярости.

— Мой господин! Выслушайте нас. Мы желаем Вам только добра. — Перешел на официально уважительный тон Баллар, чтобы смягчить нрав своего командира, а затем сказал еще мягче, по-отечески: — Берон, я знаю тебя с самого рождения, я научил тебя всему, что знал сам и ты вырос, став могучим и непобедимым воином. Позволь нам поговорить с тобой, хотя бы в дань уважения всему тому, что мы с тобой пережили вместе.

Лицо Берона помрачнело и стало серым. Ему стало стыдно за свое поведения, и он неохотно кивнул соглашаясь на разговор. Эралия представилась и попросила Берона пройти в обитель храма Четырех Ветров, а свою свиту оставить снаружи. Они так и поступили. Берон не боялся оставаться с ней наедине, и может он слегка засомневался в преданности Баллара, но он знал одно — случись им выкинуть какие-нибудь сюрпризы, он без труда убьет их обоих, хотя убивать Баллара ему все же не хотелось. Он действительно любил его, как родного, и многим был ему обязан.

Они вернулись обратно в храм, а стража осталась на улице, со всех сторон продуваемая

После длинного рассказа, в котором Эралия описала гибель лагеря Киранхоши, и то как погибли родители Берона, он стал совсем мрачным. Он ждал завершающей части этой истории, чтобы наконец узнать, кто убил его родителей. Берон не торопился и не подгонял монотонное повествование Эралии, проявляя невероятную для такой ситуации выдержку и терпение. Он и сам еще не был уверен в том, хочет ли он узнать правду на самом деле? Понравится ли ему то, что скажет эта девушка? Он слушал и готовился к любым сюрпризам. Эралия закончила рассказ и умолкла. Баллар также сидел не издавая ни звука. Берон смотрел в стол, за которым они расположились, во одной из молитвенных комнат храма. Берон первый нарушил тишину:

— Так все же кто убил моих родителей?

— Технически это сделал Мимикрид, но послал его твой названный отец Фалур. Баргозар приказал ему найти и уничтожить лагерь Киранхоши на много позже, чем сам император Фалур склонил перед ним свои колени. Фалур сдался Баргозару, отдав ему право на корону империи Дорсилан, в обмен на свою жизнь и право стать наместником империи в мире Сартог. — Эралия помолчала, давая Берону переварить информацию, затем продолжила: — Фалур, усыновил тебя не просто так. Твой отец — Бергодр, был Даркагом (Вождем) поселения берендеев и их соратников в борьбе с Баргозаром, орденом Киранхоши. Армия Фалура по приказу Чернобога, искала одну древнюю реликвию, которая по их мнению находилась у одного из членов общества Киранхоши. Им было приказано найти этот артефакт, а всех кто знал о его существовании убить. Фалур решил перестраховаться и перебил всех в лагере. Говорят, что спаслось всего несколько берендеев после той кровавой резни и ты был одним из них. Тебя нашли вместе с раненым берендеем в глубинах осеннего леса, куда тебя отнес этот воин, чтобы спрятать от лап Фалура и Баргозара. Императору Дорсилан не удалось отыскать артефакт ордена, но он нашел нечто иное, другой артефакт, который в последствии и стал твоим билетом на жизнь. — Во время всего рассказа, Берон все больше мрачнел. На его лице все туже и туже сжимались мышцы, приводя желваки в движение. Руки сжались в массивные кулаки, так сильно, что ногти вонзились в загрубевшие ладони, выпуская из тонких ранок, струйки крови. Он поднял глаза, полные печали и злости, затем выдохнул несколько раз, явно пытаясь себя успокоить, и тихо, сиплым и тухнущим голосом сказал:

— Нет... Нет, это не может быть правдой! Я... Я всю свою жизнь сражаюсь на стороне отца... Фалура. Я завоевывал ему города, империи, миры, а он... он и есть истинный убийца моих родителей? Я в это не верю. Я отказываюсь в это верить...

— Но тем не менее — это так. — Отрезала Эралия.

— Почему они меня не убили? Зачем Фалуру держать рядом с собой такого опасного врага, как я? Зачем он меня воспитал, сделав своим сыном? — Ненависть в глазах Берона сменилась растерянностью. — Я был просто инструментом в его руках, карающей дланью и захватническим мечом.

— Не только... Ты был ключом для Фалура, заградительным щитом. Он использовал тебя, как использовал всю империю, чтобы искать артефакты по всем существующим мирам.

Ему казалось, что именно ты сможешь найти ключ и расшифровать артефакт. — Эралия немного расслабилась, уже осознав, что Берон поверил ее рассказу. Теперь нужно было направить его эмоции в нужное русло, чтобы из врага, Берон превратился в союзника. — Понимаешь Берон, ты остался одним из последних, кто был частью движения сопротивления ордена Киранхоши, и возможно, сам того не понимая, ты хранишь его наследие, его тайны. И все, что ты знал за всю свою жизнь, все что ты сделал, никогда не сравниться с ценностью и могуществом этих тайн.

— Что Баргозар ищет? Я много раз пытался узнать у... у Фалура, что мы ищем для Вседержителя, но четкого ответа никогда не слышал. Что ему нужно в этих мирах? — Чтобы не вдаваться в подробности, которых и сама Эралия толком не знала, она сказала:

— Мы не знаем, что ищет Чернобог. Единственное в чем мы уверены, это то, что с помощью какого-то древнего артефакта Баргозар, попытается захватить все известные миры. Ходят легенды о существовании одного закрытого мира, с которого началась вся жизнь во вселенной. Это был самый первый мир, и это был не Дирон. Там обитают ужасные существа, в могуществе и мощи которых не сможет сравниться никто. Эти существа просто утопят в крови всех, кого встретят на своем пути не испытывая ни единой эмоции. Этот мир называется Зодиак и мы думаем, Баргозар ищет путь, как открыть туда портал.

— Но разве жизнь зародилась не в Дироне? — Кажется оцепенение и шок постепенно отпускали Берона, и он уже самостоятельно пытался во всем разобраться.

— Нет. Мир Зодиак был самым первым миром, где зародилась жизнь. Именно там появилась первая, человекоподобная раса, которая звала себя Миралорами (Странники). Именно они странствовали по миру Зодиак, обнаруживая новые виды существ, расы, народы. Они первыми смогли открыть путь в новые миры, и именно они построили Сакральные Порталы, для перехода между мирами для тех, кто не мог это сделать, просто сделав магический портал, как это умели делать они. Спустя тысячелетия, когда множество миров были уже заселены, Миралоры исчезли, покинув людей и нелюдей, оставив их самих себе. И спустя какое-то время во вселенной впервые услышали имя кровавого захватчика и тирана Баргозара. Так появился Чернобог и вот уже несколько тысяч лет правит захваченными мирами. — Эралия закончила свой рассказ, а Берон долго обдумывая ее слова, сказал:

— Чем я могу помочь в вашей борьбе с Баргозаром? — Он выглядел обессиленным и расстроенным, но в глазах его заискрилась жажда мести.

— Как мне стало известно, Фалур после уничтожения лагеря Киранхоши, и не сумев схватить девушку из ордена, хранившую очень важную реликвию, все же нашел нечто стоящее. Это был некий свиток, который указывал путь к тому, что так отчаянно и ожесточенно ищет Чернобог. Нам не известны причины, но этот свиток так и не был расшифрован, хотя главы ордена Киранхоши были уверены, что для Баргозара это не составит никакого труда. Но почему-то свиток так и не указал путь к вождьленному оружию. Вещь, которую ищет Чернобог, называют Детритас — осколок звезды или Божественная искра. По крайней мере, столетиями изучая легенды, мифы и предания, орден Киранхоши пришел к этому выводу. Этих артефактов несколько, и собрав их воедино, Баргозар сможет открыть мир Зодиак, который был запечатан и заперт, а путь к нему утрачен на веки. Это произошло одновременно с тем, когда Миралоры покинули нашу вселенную, оставив нас на произвол судьбы. Древние прародители все сделали, для того, чтобы Детритас не попали в плохие руки, но где спрятаны артефакты, неизвестно и по сей день.

— Свиток! Я, кажется, знаю где он! — Резко выпалил молодой полководец. — Отец...

Фалур показал мне его, когда я навещал его в Адалте и докладывал о захвате Арсаила. Свиток у него и он действительно не знает, как его расшифровать. Он сам мне об этом сказал.

— Все верно парень! Я все эти годы, глядя как ты подрастаешь, думал: зачем же Фалур тебя усыновил? Что ему от тебя нужно? Но я был уверен лишь в одном — это как-то связано со свитком. — Сказал Баллар, глядя Берону в глаза.

— Так ты знал о свитке? — Удивился молодой берендей. — Почему же ты мне ничего не сказал?

— Потому, что я не знал истинных причин такого поведения Фалура, но всегда подозревал, что ты зачем-то нужен императору Дорсилан. Свиток, который находится у Фалура, принадлежал твоему отцу, одному из членов ордена. Я думаю Бергодр, как-то обезопасил информацию, хранившуюся в этом артефакте, и ты возможно являешься ключом к его расшифровке. Бергодр был умным предводителем, истинным Даркагом.

— Что? Ты знал моего отца? — Баллар молчал, потупив глаза в стол. Затем он пожевал губы, словно пытаясь проглотить нечто горькое, быстро заморгал веками и ответил:

— Да, знал. Берон, твой отец был моим младшим братом, а я твой дядя. — Берендей с тремя шрамами на лице, выдохнул и впил блестящие от слез глаза в глаза племянника. Берона словно обухом топора ударило, так он осунулся на своем стуле, затем он резко вскочил и в порыве эмоций завопил:

— Нет! Нет! Нет! Как ты мог жить со мной бок о бок, воевать, проливать кровь, захватывать земли и ни разу, ни единого разу, когда мы были в таких передрыгах, из которых даже не надеялись выбраться, ты не сказал мне правду? — Он ходил взад и вперед, меряя шагами молитвенную комнату, причитая о несправедливом поступке родного дяди. — Ты предал меня!

— Я спас тебя мальчик! — Перебил гневную тираду Берона, могучий голос Баллара. — Я был тем берендеем, который спас тебя от гибели, вырвав тебя из лап Мимикрида, я увел тебя в лес и попытался спрятать, и именно на моих глазах погибли твои родители. Ты не смеешь со мной так разговаривать! Я сдался Фалуру, я подчинился Баргозару и все ради того, чтобы быть рядом с тобой, оберегать тебя, учить тебя, передать тебе наследие вымирающей расы берендеев. А теперь посмотри на себя мальчик! Посмотри кем ты стал! Я воспитал тебя, всю жизнь мучаясь и терзая собственную душу из-за той вины, которая обрушилась на мои плечи. Я винил себя в том, что не смог спасти своего брата и твою мать, я корил себя за то, что не смог спрятать тебя и подчинился врагу, и все это ради твоего будущего. Я знал, что настанет время, и я расскажу тебе всю правду, но ты был еще не готов. А теперь ты должен смыть со своей души горечь обид, и восстать против своих врагов — Чернобога и императора Фалура.

В молитвенной комнате, на перекрестке миров, в храме Четырех ветров, воцарилась такая продолжительная пауза, которой не было за время всего разговора. Берон ходил из угла в угол, размышляя о всем сказанном. Эралия молча сидела на стуле, глядя на молодого берендея, чье могучее тело металось, словно заточенное в клетку. Баллар сидел потупив взгляд, погрузившись в собственные переживания. В комнате царила такая тяжелая атмосфера, что казалось, вместо воздуха помещение было наполнено раскаленным, тягучим свинцом. Раздался стук в дверь, и все трое обернулись на звук. Дверь распахнулась и дверной проем протиснулась голова одного из стражей Берона:

— Ваше превосходительство! С Вами все в порядке? Вы уже долго не выходите и я

решил проверить, все ли с Вами хорошо.

— Все отлично Атон, оставь нас, мы еще не закончили... — Страж кивнул, дверь захлопнулась, а Баллар и Эралия посмотрели на Берона.

— Что мы будем делать? — Просто спросил молодой полководец.

— Мы должны выкрасть свиток, а ты попытаешься его расшифровать. — Сказала Эралия, на что Берон утвердительно кивнул, а Баллар сказал:

— Нам нужен план!

* * *

Советник Руйар шел по длинному, ледяному коридору в рабочий кабинет императора сайлоков Лойка. Он был сильно обеспокоен, произошедшими накануне событиями. В поселении сайлоков — городе Сайдалоке, произошла ужасная трагедия. Когда охотники вновь ушли на промысел, оставив город почти незащищенным, на поселение напали. Те воины, которые должны были защищать Сайдалок от внешней агрессии, были перебиты. Женщин и детей удалось спасти. Их увели в пещеры к шаману Нойду, который был не в восторге от незваных гостей, но и оставить их замерзать на равнине он не смог. Советник Руйар спешил доложить о произошедшем императору, зная, что под дверями замка правителя Лойка, стоит целая толпа разгневанных Погонщиков Ветров и охотников. Сайлоки негодовали из-за чудовищного вторжения, искренне не понимая, кто осмелился напасть на их город. Они жаждали мести и требовали от короля немедленных сборов войск сайлоков, чтобы отправить их на поиски убийц. Руйар, который прибыл на место нападения, едва ли не самый первый, успел провести краткое расследование и выяснил, что на Сайдалок напали не живые существа, а твари из астрала, точнее из астрального подпалана Навь. Какие именно твари он не знал, да и не был в этом уверен на сто процентов. Некоторые улики указывали на то, что в лагере побывал Мимикрид — страшное существо, о котором в мире Арегад уже давно ходили ужасные слухи, но и это было почти бездоказательно. Единственное, что мог утверждать сам Руйар — это то, что в поселении явно были следы ищеек Лярвов, а это первый знак того, что силы Нави, которыми умел управлять один кровавый захватчик, называющий себя Черным Богом, уже совсем близко от их мира. Нужно было срочно действовать.

Посоветовавшись с императором Лойком, они приняли решение начать подготовку своей армии, для отражения вторжения.

— Кстати, как там Фэйр? Он уже отыскал парня? — Император Лойк, смотрел в полупрозрачное, ледяное окно, и прекрасно видел сквозь лед, бунтующих Погонщиков Ветров внизу. Они жаждали мести, и он знал, что они не отступятся.

— Нет еще не нашел. Он выяснил, что Варэн благополучно, не без приключений конечно, но добрался до Фирса, где затерялся среди местных горожан. Найти его следы пока не удалось, но вы же знаете Фэйра, он обязательно его найдет. Все же я не понимаю, почему Вы, Ваше Высочество, отправили именно его. Он же абсолютно неконтролируем, и явно с головой у него не все в порядке. Он конечно отличный воин и маг, но...

— Он самый лучший воин и маг, который когда либо рождался в Айтаре, поэтому прикуси язык советник. — В словах короля Лойка не было злости, он просто был немного раздражен из-за всех этих событий. Его империя была на пороге вражеской аннексии, и как

сказал ему шаман Нойд: если Баргозар найдет путь в мир Зодиак, то не спасется ни один из миров.

— Да он псих! — Воскликнул Руйар, но тут же осекся, когда сверлящий ледяными иглами, взгляд правителя уперся в него. — Простите император, я просто переживаю за исход операции. Давайте я пошлю отряд своих шпионов в подмогу Фэйру. Они хотя бы подстрахуют его.

— Никого слать не надо. Он справиться и сам. А пока...выйди к Погонщикам и объяви мое решение. Каждый, кто потерял кого-то из близких в городе Сайдалок, назначается капитаном роты воинов, которых и поведет в последующем в бой. Пусть прикажут привести войска в полную боевую готовность, и начать полномасштабные тренировки нашей армии. Экономiku пусть переводят в режим военного положения, и пусть соберут по стране всех магов, которых только смогут. Нас, возможно ждут, самые кровавые дни, за всю историю нашей империи.

!!!Возможно здесь стоит дописать об охотнике одиночке, у которого тем не менее есть отряд и он отслеживает Славу, парень Стрела, как Эралия.

После битвы с Гарбогами, уже не было нужды плыть с большой скоростью, поэтому судно контрабандистов полагалось только на силу ветра и надежность своих парусов. Славика вновь перевели в трюм для рабов, но теперь их там было совсем мало. В основном это были гребцы, те которых вооружили перед сражением с каннибалами, и которые вопреки здравому смыслу не пожелали драться за свои жизни. Вместо этого они спрятались в трюме и забаррикадировались, не понимая, что если бы Гарбоги победили контрабандистов, их бы все равно убили. Такие уж были нравы у падальщиков. Для них люди были всего лишь пищей. Находясь среди галерных рабов, Слава слышал от них много разных и жутких историй про это кровожадное племя.

Исходя из их слов, Гарбоги некогда были жителями империи Нувок. Они жили в небольшом поселении, которое так и называлось Гарбог по одной из версий, по другой так звали молодого парня — кузнеца, который жил в поселке, название которого затерялось во времени. Но суть истории сводилась к тому, что когда началась война между нувоками и сайлоками, это поселение, которое находилось на отшибе, глубоко в горах, которые его опоясывали, заключая в капкан вместе с морем с другой стороны, оказалось отрезанным от мира. Год был не урожайный, а рыболовный сезон был сорван неистовыми штормами, которые по началу не давали рыбакам выйти в море, а затем, во время сильной бури, все их суда были разбиты о скалы и друг о друга. В поселении начался голод. Развернувшиеся боевые действия в империи Нувотар, которая объединяла два народа сайлоков и нувоков, погрузили жизнь объединенного народа в хаос. Про маленькое поселение Гарбог или же имевшее другое название, просто забыли. Никто не озаботился о них, не помог в тяжелые времена едой и одеждой. Люди начали вымирать в поселке, пока молодой кузнец не собрал всех и пошел грабить соседние поселки. Вначале это были набеги для захвата еды и одежды, но чем дольше брошенные люди занимались разбоем, тем больше росли их аппетиты и амбиции. Власти Нувотара послали карательные отряды на поиск и отлов этих разбойников, но молодой кузнец, который стал главарем их преступной группировки, узнал об этом и силой захватив один из военных кораблей Нувотара, увез всех жителей своего поселка в неизвестном направлении. Дальше уже мнения сильно расходились о судьбе этих несчастных людей, но смысл оставался тот же. Из-за сильного голода, болезней и зимы, люди превратились в каннибалов, а молодой кузнец, чтобы дать людям надежду и силы, выдумал их собственную религию. Суть этой религии заключалась в том, что есть себе подобных это правильно, что они от этого становились еще сильнее, и вот уже в течении нескольких десятков лет, корабли Гарбогов нападают на проходящие суда или захватывают небольшие деревни, угоняя людей в рабство, пополняя тем самым запасы провизии. Так и появилось на свет племя людоедов — Гарбогов. Жили они на затерянных островах, о местоположении которых так никто и не узнал.

После сражения с Гарбогами, Слава какое-то время чувствовал себя очень странно. Он никогда прежде не убивал людей, хотя Гарбогов тяжело было назвать людьми в привычном понимании. Размышляя об этом происшествии, он удивлялся тому, что не испытывал чувство вины по поводу совершенных им убийств. Он знал, что это была необходимость. Он должен был выжить, чтобы исполнить свою миссию. Для него оставалось загадкой, как же он сможет продолжить свой путь, находясь в плену работорговцев, но это не сломило его.

Он был настроен решительно и ждал любой возможности, чтобы освободиться из рабства.

Как ему показалось, в той битве Слава хорошо себя проявил, чем заслужил явное уважение одноглазого капитана, поэтому его личный мучитель Ратан больше его не трогал, хотя плевки в лицо и периодические тумачи, которыми он награждал раба, стали уже довольно привычными. Это не говоря об оскорблениях, выливавшихся на беглеца, как помои из ведра, а иногда и реальные содержимое ночного горшка Ратана.

Контрабандисты на несколько недель посетили множество островов, продавая краденное имущество, и выручая из этого максимальную прибыль. Рабов пока что не продавали, потому что бандитам требовались гребцы и носильщики. Хотя все же их осталось совсем мало. Слава был и тем и другим. Когда они находились в море, он сидел с остальными рабами на веслах, а когда они причаливали к островам, с которыми торговали, выполнял роль носильщика и грузчика. Острова были похожи один на другой, и понять где они находились, по каким островам странствовали, не было никакой возможности. Слава понимал, что до тех пор, пока он будет полезен команде, его не убьют и не продадут, но предчувствие подсказывало, что эти времена скоро пройдут. Он каждую свою свободную минутку пытался найти способ избавиться от блокирующего его подсознание «паука», но этот артефакт был невероятно сложным и сильным, поэтому у него ничего не получалось. Магию использовать не удавалось, но с каждым днем организм иномирянина становился все крепче, мышцы росли и развивались, и теперь он был в десятки раз сильнее, чем когда попал в мир Арегард.

Очередная высадка на остров, показалась Славику самой обычной, но при каждом схождении на сушу, в нем разгорался огонек надежды, что на новом месте ему удастся отыскать лазейку и освободить себя. Этот остров, названия которого он не знал, как и не знал названий всех предыдущих, был на много больше, и почти не охватывался взглядом, когда они подошли к нему на расстояние высадки на лодках. Судно оставили на рейде, а в шлюпки погрузили сундуки и мешки с деньгами, и непортящимся товаром. В этот раз что-то изменилось, было иначе. Товаров на продажу почти не осталось, и Славик был почти уверен, что на остров они пришли по другому поводу. Когда он и еще трое рабов, закончили погрузку, их вытолкали на лодку, предварительно связав руки. Море в этом месте было беспокойное. Еще на подходе к острову, Славик заметил существенные изменения в природе, которых не было на других островах. Сказать, что он не видел такого раньше, было нельзя. В этом месте реальность словно дрожала. Она исходила волнами, которые постепенно начали тревожить море и воздух. Все вокруг казалось каким-то серым, блеклым и умирающим. Он видел, что море приобрело цвет ржавчины, а небо стало похоже на свежий асфальт. Солнце утратило свой блеск, а привычные предметы, включая суда показались в виде сгнивающих конструкций. Он видел такое раньше, когда впервые встретил Эралию. Она ему объясняла, что такое происходит в местах истончения границ реальностей миров. Что же это могло значить сейчас? Если они находятся неподалеку от такого места, возможно здесь существует некий переход в другой мир. Нойд рассказывал ему, что одни из Сакральных ворот находятся в Нувоке, но вот конкретно где он не сказал, лишь объяснил, что когда он будет рядом, то поймет где находится проход в мир Сартог. Хотя по словам того же Нойда, путь ему должен был указать кристалл, чего теперь явно не случится, пока на его затылке будет обитать блокирующий артефакт.

Высадившись на берег, рабы вместе со Славиком взяли тяжелый груз и потащились вслед за колонной из контрабандистов. Они долго шли по лесу, который своим видом очень

напоминал тропический, с оговоркой на то, что это был не земной лес. Поэтому думать, какие же твари могут здесь обитать, совсем не хотелось, и Слава всячески гнал от себя эти мысли. Его успокаивало внешнее спокойствие и уверенность бандитов, которые охраняли его со всех сторон. Они конечно делали это из-за опасности побега рабов, но самому рабу было и этого достаточно. Он чувствовал себя защищенным. Ноша была тяжела, и он в очередной раз удивлялся собственной выносливости. Раньше его хватило бы едва на пару минут, а сейчас они тащили с одним из рабов огромный, тяжеленный сундук, набитый кретами и кетами(медные монеты) уже несколько часов. Кайкретами (золотые монеты) в этом мире пользовались лишь королевские особы и знать. Но и того, что было в сундуках было более чем достаточно, чтобы купить небольшой флот или армию. Жизненные опыт подсказывал, что бандиты тратили свое богатство на более земные утех.

На берегу под большой охраной, почти из всех членов экипажа, остался основной запас денег и ценных вещей, которые не успели сбыть. Многих рабов все же продали на других островах. Из-за резни с Гарбогами, рабов осталось всего несколько человек, а из сильных только трое, включая Славу, поэтому второй сундук нес один из гребцов — раб, и один из членов команды, огромный, бородатый увалень, с черным родимым пятном на щеке. Слава вновь увидел мир иначе. Вновь он стал вибрировать и чернеть. Лес стал зловещим, мертвенно гнилым, звуки превратились в отголоски ада, а реальность задрожала, затрепетала под влиянием неизвестных ему сил. Остальные похоже этого не видели, но и по ним, словно ветерок из преисподней пронесся, вызвав приступ тревоги и животного страха. Что-то происходило, и этот эффект нарастал. Слава начал вертеть головой и оглядываться по сторонам, чем вызвал недовольство одного из сопровождающих. Его не больно пнули в бок, чтобы не навредить, лишившись в секунду одного из грузовых «мулов», и он прекратил оборачиваться.

Спустя пару десятков минут ходьбы, по витиеватой не проходимой дороге, по заросшей «гниющей» зеленой тропе, они вышли в какой-то полянке, где земля была девственно чиста и полностью освобождена от растений. Это поляна походила на вытоптанное животными поле, но и после этого здесь бы все равно осталось пару травинок и цветков, а здесь не было ничего. Выжженной землю тоже назвать не получалось, и она словно была живой, она дышала. То и дело промелькивала небольшая волна, проходящая мерной, короткой вибрацией по земле. На этот раз, похоже бандиты заметили этот странный факт, и оживленно загомонили, пытаясь выдвинуть гипотезу о происходящем. Капитан не знал, что это было, как и все остальные, но именно он заметнее всех помрачнел, когда земля зашевелилась перед ними. Кто-то громко выругался и сплюнув в сторону ринулся вперед. За ним еще несколько человек сделали несколько шагов, и пару человек, которые попытались их остановить, попросив не делать глупостей. В итоге на «странную» землю вышло семь человек, включая одного грузчика и увальня с пятном на лице, которые несли сундук. Волна прокатилась повторно, и все на мгновение замерли. Кто-то смотрел себе под ноги, а кто-то оборачивался на тех, кто остался на тропе перед поляной. Их объединяло одно — они все жутко боялись. На их лицах застыли выражения страха и ужаса, и когда один из бандитов шевельнулся... началось. Из земли хлестким, невидимым движением вынырнула упругая плеть, похожая на двухметровую кобру, но основание ее по-прежнему было в земле. Она не имела растительности на теле, и была покрыта прозрачной, липкой жидкостью. Она схватила бандита за шею, полностью, в несколько витков обернувшись вокруг нее. Контрабандист ухватился за нее двумя руками, пытаясь отлепить ее от себя. Она была

плоская, но с твердым стержнем внутри, которым переливался мышцами. По краям ее тельца, были острые шипы в два ряда, они затрясаясь мелкой дрожью и шипы начали быстро смещаться по направлению друг к другу. Тварь крутанулась, и вибрирующие шипы, как цепной пилой, срезали бандиту голову. Все это произошло за секунду, и когда труп парня еще не успел упасть на пол, из земли выскочило несколько десятков таких тварей и начали нападать на экипаж бандитского судна. Началась битва. Бандиты кричали умирая и получая ранения, хлесткие твари резали и жалили шипами. Бандиты рубили их своими мечами и топорами, но неожиданное появление монстров их застало врасплох.

Славик заметил, что эти змееподобные хищники не могут передвигаться, а находятся на месте там, где выскочили. В эту самую секунду закричал одноглазый капитан, видимо пришедший к такому же выводу:

— Все назад!!!! Сюда, скорее!!!

Кто-то обернулся на его крик и был тут же пронзен прыткой тварью, а несколько человек отпрыгнули назад, ускользая от ударов ленточных змей. На поляне остались лишь трупы, а спасенные бандиты переводили дух на спасительной тропе, куда успели отползти. Твари еще немного по извивались над поляной, и обвивая своими телами мертвецов, потащили их в свои норы, разрывая на мелкие части.

Было принято решение обойти поляну, через другую развилку тропы, которую они прошли пол лиги назад. Сундук с кретами, который остался лежать на смертельной поляне, заваленный на бок в открытом виде, обнажая свои внутренности, сверкая монетами, также приняли решение оставить. Мертвым деньги не нужны. Пошли в обход.

Пройдя еще около часа, как они вдруг услышали жуткий вопль. Такого адского звука и Славику и остальным, еще в жизни не приходилось слышать. Такие звуки по его мнению, могла издавать только «Годзилла» из знаменитого японского фильма, но страшно было даже представить, какое существо способно издавать такой вопль. За этим звуковым взрывом, последовали несколько ужасных ударов о воду, чего-то очень большого. Всплески были слышны отчетливо за десятки лиг, в стороне гавани, где стоял корабль контрабандистов. Прохладный ветер принес новую порцию обезумивших звуков, в которых угадывался треск деревьев, и приглушенные крики людей. Это было невероятно, но крики умирающих никогда еще не были столь жуткими и сильными. Словно сам дьявол забирал их души, на живую вырывая их из людей.

Капитан первый опомнился и выйдя из ступора, ринулся в сторону гавани. Остальная команда, также побежала следом, а один из бандитов, угрожая Славе и его напарнику ножом, погнался за остальными. Бежали не глядя под ноги, сбивая пальцы, и часто падая. Звуки, доносящиеся из гавани все усиливались, и учащались. Там происходило сражение. Судя по характеру шума, трещащее и ломающееся дерево, было уже сухим, что наводило на мысль, что сам корабль бандитов подвержен нападению. Путь выбирал капитан, и предусмотрительно выбрал его вдаль от злосчастной поляны, на которой погибло пять человек. По мере продвижения, к Славе вновь вернулась способность видеть реальную картину мира. Он понял, что где-то рядом открыт портал в другой мир, и возможно именно он стал этому причиной. Как при первом своем переходе, Детритас столкнула два мира, даже не смотря на то, что Эралия построила портал Стрелы безукоризненно. Но и в тот раз образовались аномальные зоны, открыв астральный план, через который ворвалось навье отродье — болотный черт Анцыбал.

Когда они выбежали из леса, то увидели ужасную картину. Полузатонувший корабль, в

одной надводной части охваченный пожаром, со сломанными мачтами, медленно погружался на дно. Рядом с ним огромное чудовище, размером с пятиэтажный дом, напоминающее осьминога, но с подобием человеческого торса и совершенно ужасной, сюрреалистической физиономией. Чудовище било по кораблю и воде рядом с ним, своими огромными щупальцами, с ярко-красными, испещренными венами, присосками. Люди почти уже не кричали, и потеряв интерес, к погибающему судну, чудовищная тварь скрутив корпус, словно выжав половую тряпку, очень быстро ринулось в сторону берега.

На берегу тоже происходило сражение. Из воды выскакивали какие-то мелкие твари размером с собаку. Они были полностью черного цвета, с блестящей кожей. Мелкие твари были чем-то средним между людьми и пауками, потому что имели и две ноги, так и две руки, но еще две пары длинных лапок, на которых они также передвигались. Выглядело это странно. Как будто человек пытается передвигаться на обоих парах своих конечностей, а ловкие паучью лапы помогают ему в этом. Это выглядело и грациозно и нелепо одновременно. Из спины и боков, также как и из головы, у них торчали небольшие отростки, такие же блестящие как и все тело. Чем-то их вид напоминал пауков, облаченных в кожу морских котиков. Тем не менее, но они мощно сражались, хватая своими всеми конечностями бойцов, охраняющих остальное имущество контрабандистов. Пляж береговой линии был тоже глубиной в полторы лиги, и всем спешившим на помощь пришлось преодолеть и это расстояние. Один из стражей по дороге на бегу, всучил Славику топор, и коротко кивнул. Но он, честно говоря, и не собирался геройствовать, и рисковать своей жизнью, защищая этих ублюдков контрабандистов. Его вполне устроит, что их всех перебьют, а он незаметно сбежит, но и оставаться беззащитным тоже не хотелось. Он ответно кивнул бандиту и настраиваясь на битву, побежал вперед.

Подмога врезалась в морских тварей плотной стеной, отшвыривая черных уродов назад. Некоторых порубили с первых же ударов. На практике, морские пауки оказались менее опасными, чем выглядели. Но вся проблема заключалась в их количестве. Их было очень много. Волна за волной они накатывали на контрабандистов, выползая из моря. Куски их тел летели в разные стороны, а вода, которая лилась из их ран и была вместо крови, брызгала во всех направлениях, подхватываемая и разносимая противоречивыми ветрами. На некоторых работарговцев накинулись сразу по несколько тварей, и уже повалив их на залитый кровью песок, разрывали их плоть своими мощными челюстями. Их челюсти были похожи на хилищеры пауков, и двигались в горизонтальной плоскости. Бандиты сражались неистово, и клинки их оружия то и дело сверкали в воздухе, в попытках убить скользких тварей. На Славику тоже напала одна тварь, но он ловко увернулся от ее прыжка и быстрыми, рубящими ударами, раскромсал ей спину. Из воды показался чудовищный исполин. Это существо имело все шансы, чтобы претендовать на звание мифического Кракена из древних легенд. Его щупальца взметнулись в воздухе над пляжем, и сразу несколько бандитов было ими захвачено в тесные объятия. Люди закричали в предсмертной агонии, сотрясаясь в конвульсиях и извиваясь в тисках щупалец.

В пылу схватки, Слава увидел краем глаза подбирающегося к нему Ратана, с мечом и ножом, в руках. Он резал и рубил мелких тварей, отскакивая от смертельных ударов огромного чудовища, но целенаправленно двигался к рабу, все время поглядывая в его сторону. Слава понял, что должно произойти. Ратан решил воспользоваться ситуацией и убить своего кровного врага, отнявшего у него горячо любимого брата. Теперь он был готов ко всему. Еще несколько мелких черных чудовищ, были близки к тому, чтобы нанести ему

роковой удар, но он каждый раз ухитрялся от них увернуться. И на него набросился Ратан. Один рубленый удар мечом, промелькнул перед самым носом Славика, и он едва его не пропустил, но успел отпрыгнуть. Затем удар ножом под ребра, который он отбил своим топором, а еще один рубящий удар, а за ним сразу колющий. Все мимо, все Славик сумел парировать или отбить. Неуловимым движением, Ратан метнул в раба нож, и когда тот увернулся, не теряя секунд рубанул мечом. Прыткий раб прыгнул назад, и в этот самый момент на его месте оказался Ратан, а на него сверху обрушилось щупальце морского спрута. Ратана раздавило, как мыльный пузырь, кровавой кляксой разбрызгав его кровь по песку. Но и беглеца этот удар задел по голове, когда он кувыркнувшись через спину, поднимался на ноги. Голову пронзила боль. В ушах зазвенело, а в глазах потемнело, и шевелиться на мгновение совсем не получалось, словно его мышцы перестали слушаться команд мозга.

Он упал на спину и уперся глазами в темнеющее небо. Звезд не было, а ржавые тучи нависли над пляжем. В воздухе запахло дождем и свежей кровью, а с неба начали падать маленькие капельки. Славик машинально потянулся к своему подсознанию и понял, что теперь астрал ему доступен. Он мог переключаться на ночное и магическое зрение, он вновь увидел тонкие нити, тянущиеся к его груди, из ближайшего источника магической силы, и силы жизни. Синяя, желтая, красная линии. Кристалл молниеносно открывал ему новые пути и энергии, и теперь казалось он к нему очень дружелюбно настроен, словно скучал во время их разлуки. Детритас вновь стала его частью. Славик вскочил на ноги и увидел монстра в новом свете. Теперь он знал, что это существо из себя представляет, и откуда оно появилось. Его догадки подтвердились. Это существо пришло из мира Зодиак, и имело свое название — Кумбха или Водолей. Эти знания пришли в голову беглеца, вместе с информацией извне, закачивающуюся кристаллом в него.

Почему он вдруг все понял? Все почувствовал, все узнал? Что изменилось? «Паук!» — подумал он, и схватился за затылок. Странного артефакта не было на месте. Череп на затылке побаливал, но в целом он обрел ясность сознания и ума, и без труда мог взаимодействовать с Детритас. Что теперь? Бежать!!! Это не его схватка. Он должен выжить, но его не покидало чувство, что Кумбха пришел именно за ним, а точнее за кристаллом. Возможно, ради безопасности дальнейшего пути, стоило убить тварь. Иначе о спокойном путешествии дальше можно забыть. Но самоуверенность Славика таяла на глазах с каждым вдохом. Он начал все хуже и хуже себя чувствовать, и его начинало знобить. Он вслушался в свой организм, обращаясь за помощью к Детритас, она ему показывала, что в его организме что-то не так. Он был отравлен. Но не ядами, это был какое-то магическое отравление.

Дождь усилился. Сражение еще не было закончено, но Слава видел, что оно почти проиграно. Твари все прибывали из моря, и этому не было видно конца. Он решил, что пора сразиться с Кумбхом. Первое, что пришло в голову, это использовать уже знакомое колдовство — воспользоваться воздушно-водяными кнутами. Он не задумываясь выставил руки на уровне груди, выставив их со скрюченными пальцами ладонями кверху. На ладонях заплясали воздушные вихри, набирая обороты смерча, и обрастая водяной, плотной завесой. Через секунду он схватил их, как кнуты за «рукоятки» и перекрестным движением, нанес два ошеломительных удара, по туловищу Кумбха. Монстр взвыл, а его щупальца беспорядочно разлетелись в воздухе, задев пляж. Слава ударил еще разок, но водные струи распались на теле Водолея, и лишь хлесткие воздушные вихри, нанесли ему неглубокие порезы. От напряжения, и озноба тело новоиспеченного мага затряслось, выжимая из себя энергию. Возможно если бы гигантский спрут вышел из моря подальше на берег, ему бы

удалось быстрее прикончить свои жертвы, но места, в этой части пляжа было маловато. Щупальца были огромны, но скорости и ловкости, для такой огромной туши явно не хватало. Впрочем, Слава подумал, что и собственной силы ему не хватает, чтобы уничтожить тварь. На помощь пришел кристалл. Он своевременно и очень удачно, открыл в подсознание Славы путь, к астральной зоне, где таилась Бездна. Едва он прикоснулся к ее границам, как в его подсознание начали вливаться волны черной, необузданной, первобытной силы. Она внушала страх, трепет и уважение. Он с осторожностью ее впустил, сразу чувствуя, как его сознание накрывает волной горячей ярости. Гнев так и вырывался из его души, стараясь найти себе жертву, и Славик почувствовал, как его тело меняется. Мышцы начали набухать, тело стало более податливым, легким, управляемым. Сила разлилась по телу, заполняя каждую клетку, и он увидел, как ногти на его руках вновь приобретают черный, смольный цвет. Впрочем, как и глаза. Это он тоже четко ощущал.

Силы в нем теперь было, как у десятерых медведей. Он расправил грудную клетку, выставил привычно руки, и вновь быстро создал две воздушно-водяных плети. Но он делал это медленнее, чем того следовало. Кумбха хлестнул одним щупальцем прямо у него над головой. Слава резко пригнулся, и тут же за этим ударом, воздух с хлестким звуком рассекло еще одно щупальце. Маг прыгнул в сторону, и ударил по нему своими кнутами. Щупальце отсекло, а из него хлынула черная кровь, блестящая и глянцевая, как кожа мелких тварей. Сверху на него обрушилась могучая рука твари, но он во время сориентировавшись, перестал строить заклятие бичей, откинув их водную оболочку. Вода, как выплеснутая из ведра, разлилась на песок, сразу впитавшись, и воздушная стена, плотно ударила вверх, делая веерообразный купол, улетающий в небо. Через эту плотную занавесь, рука Водолея пройти не смогла, а отрикошетила от преграды, давая инерцию всему телу, разворачивая монстра назад. Но конечностей у исполина было слишком много, чтобы за всеми следить, и вот одно щупалец, описывая дугу, не заметно для Славы ударил ему в грудь. Он задохнулся, и отлетел на пару футов назад. Сила Бездна внутри взбесилась, но нападать на монстра в рукопашную было самоубийственной затеей. Когда туша Кумбха начала надвигаться на него, он быстро взмолился, чем прежде ни разу не занимался, и он приготовился к смерти. Создать новое заклятие маг-беглец не успевал. Он слишком мало знал о магии, а то что уже успел применить, было не эффективным против чудовища из мира Зодиак.

Даже сквозь новую, обретенную от Бездны силу и мощь, Слава чувствовал, как слабеет его организм. Он явно был болен, отравлен. Может он умирал? Сейчас это не имело никакого значения, он проиграл, ему не справиться с отродьем и он умрет в любом случае. Вдруг из-за спины монстра проступили облачка черного марева. Эта клубящаяся дымка, плотной стеной напозла на Кумбха со спины. Она была плотная и черная, что казалось, она не просто воплощение черного цвета, она есть отсутствие света, а свет поддавался ей как расплавленное железо поглощает лед. Славик сразу почувствовал веяние черной силы, потусторонней магии. Монстр взревел, да так громко, что крики Годзиллы или любого другого динозавра, показались бы детским плачем, по сравнению с тем звуком, что вырывался из пасти Кумбха. Туша монстра начала заваливаться вперед, и Славик ускользя из под траектории ее падения, применил известный ему магический трюк. Лежа на песке, он вытянулся по швам, и направляя руки в сторону монстра, создал легкое и короткое заклятие. Из ступней и ладоней вырвались чудовищные потоки воздуха и беглец заскользил по песку назад, лежа на спине.

Водолей упал на грудь, подставляя под себя руки. Раздался грохот, как будто снесли

небольшое здание, обрушив его бетонные останки с помощью взрывчатки. Слава увидел, что у монстра нет двух задних щупалец, поэтому тварь потеряла координацию и не удержалась в вертикальном положении. Щупальца точнее были на месте, но уже не были на них похожи. Черный туман обволакивал их, проникая угольными нитями под кожу и внедряясь в тело. Пораженные конечности сотрясались в конвульсиях, и теряли свой вид на глазах. Они ссыхались, съеживались, превращались в серо-гниющие веревки, раз в десять уменьшившись в размерах. Кумбха лежал на животе, его верхние конечности дрожали под ним, пытаясь приподнять тело, а уродливая голова, с физиономией отдельно напоминающей жабу, все время смотрела назад, пытаясь увидеть, что происходит с щупальцами.

Слава приподнялся на локтях, и увидел, что сзади Водолея стоит колдун с корабля контрабандистов. На его лице была та же маска — цилиндрическая и полупрозрачная, но она была наполовину сорвана, и теперь можно было частично разглядеть лицо чернокнижника. Голова была чисто выбрита, но от верхней части лба, через глаза, и вонзаясь в щеки, у него были вставлены две металлические пластины. Кожа плохо обтягивала череп, и над ушами, которых толком и не было, свисала каскадом морщин. Часть его прилегающего черного плаща была оторвана и обнажала правое плечо и часть тела. На остальном теле кожа была также дряблой и синюшной, как у старика. Лицо его было перекошено боевым воплем, тем самым обнажив длинные, тонкие зубы, которые больше походили на колючки, плотно прилегающие друг к другу.

Он оставался на судне, когда они с экипажем его покидали. Значит он выжил в той чудовищной мясорубке на корабле. Это не могло не обрадовать Славу. Хоть чья-нибудь существенная помощь, тем более магическая, могла переломить ход сражения, что в принципе и произошло. Кумбха лежал головой к Славе, его нижние щупальца не могли достать до него, и частично были подмяты собственным телом, также, как и верхние конечности, которые пытались перевернуть исполина обратно на упругие щупальца. Чувствуя предвкушение близкой свободы, Славик вскочил на ноги и побежал на Водолея. По дороге он подобрал большой меч, одного из громил контрабандистов и в прыжке, взлетел над головой Кумбха. Меч с треском проломил череп монстру, и хлопнув чем-то очень жидким, застрял в его голове. Глаза твари так выкатились из орбит, словно монстр попытался посмотреть на свой затылок, как в него вошло лезвие, но пошевелившись, глазные яблоки обмякли и обвисли. Еще несколько хлестких ударов, но уже слабых и вялых, прозвучало в воздухе и щупальца исполинского чудовища упали на окровавленный песок.

Стоя на голове Кумбха, Слава увидел, как монстры с черной, блестящей кожей умирают на глазах. В их гортани, что-то начинало клокотать и лопаться, разрывая черную кожу. Наружу выплескивалась вода и мелкая тварь замирала. Чернокнижник стоял на коленях, присев на ноги. Руками он упирался в песок, и казалось, держать тело над ним, не рухнув с головой, ему удавалось с большим трудом. Он был измотан. Как впрочем и Славик.

На пляже воцарилась тишина. Из глубины леса прилетели большие птицы-падальщики, и теперь они медленно кружили над красным пляжем. Почти все здесь были мертвы, как иномирские твари, так и люди, хоть и не очень хорошие. Только сейчас он заметил, как отвратительно воняет на пляже. Кровь, запах кишок и испражнений, и дикая вонь от монстра. Смесь запаха гнилой рыбы, и трупного разложения. Славик слышал несколько стонов раненых, и видел как обессилив, в ступоре сидит колдун, но ему больше не было до них дела. Он вновь обрел свободу. И Слава вскочив на дрожащие ноги помчался в глубь леса.

Приняв решение вернуться в Немад, Берон отправил свою свиту впереди себя, приказав добраться на место как можно скорее. Он хотел, чтобы все думали, что он еще гостит у императора Фалура, и его скорое возвращение откладывается. Эралия настаивала на захвате свитка, и объяснив, какие ужасные последствия могут произойти со вселенной, если они этого не сделают, Берон согласился с ее доводами. Но втроем сделать это они были просто не в состоянии. Им нужна была мощная поддержка, чтобы хотя бы добраться до замка императора Дорсилан в городе Адалът, не погибнув на подступах. Им нужна была армия. К счастью небольшая армия у них все же имелась, чему был сильно удивлен Берон. Баллар рассказал Берону, что он является предводителем воинской организации, тайного сообщества под названием Фротгар. Он давно организовал это движение, став его идейным наставником и вдохновителем. Благо в войнах, ненавидящих правление Чернобога недостатка не было. Как раз недалеко от Адалъта, в горах Сапши находился тайный лагерь, где укрывалось от взора Фалура и от шпионов Баргозара, небольшое воинство состоящее из нескольких тысяч солдат дорсилан, которые не желали жить в рабстве под гнетом правления Баргозара. Среди них также имелись несколько сотен Грелосов — кентавров лосей с ужасной клешней вместо руки, и огромными ветвистыми рогами, и чуть меньше Азарларов, змееподобных кентавров со своими незаменимыми Азогами — ящерами, на которых они передвигались. По мнению Баллара этих сил было не достаточно чтобы разбить армию Фалура, часть которой располагалась как раз в окрестностях города, а тем более этих сил было мало, чтобы захватить сам город и убить Фалура. Посоветовавшись они приняли решение отправиться в Немад и собрать там подкрепление, и может тогда у них могло что-то получиться.

Путь выбрали обходной, для того, чтобы не пересечься с обозами, которые следовали в Сакральному Порталу, за провиантом и другим снабжением. Эта дорога была вдвое длиннее, но в таком опасном деле, как переворот или свержение незаконной власти, спешка была сродни самоубийству. Они уже почти были на подходе к окрестностям города Немад, когда Баллар остановил их, показывая куда-то вперед. Что-то было не так. Слишком тихо. Не слышны были ни птицы ни шуршание зверей по кустам. Дорога выглядела запустевшей, так словно по ней никто давно не ездил, но это ощущение было неправильным, лживым. Слишком уж все было идеально, для создания впечатления безлюдной тропы. И выглядело все так, что эта безлюдность и запустенье дело рук разумного существа — маскировка.

— Засада! — сказал Берон, а Баллар, прижимая толстый указательный палец к губам, коротко кивнул. Эралия тут же насторожилась, ее глаза сузились, хотя она и без того обладала азиатской внешностью, черты лица заострились и сама она стала похожа на хищную кошку. Берон и Баллар опустили свои руки на рукоятки своих мечей и медленным шагом, пустили лошадей вперед. Лошади словно чувствуя то, что уже осознали путешественники, запротестовали, но пришпоренные бока не дали им шанса противиться. Эралия уже приготовила заклинание для резкого удара, и теперь слова заклания вертелись на языке, все ее сознание залила магическая энергия необходимая для колдовства.

Спереди и справа от них шевельнулись кусты и Эралия не долго думая взмахнула рукой в том направлении. С ее пальцев сорвались полупрозрачные ленты, которые в полете сплетались в подобии молекулы ДНК и переливаясь несколькими цветами, от желто-

зеленого до синеющего и красно-фиолетового, ударили рядом с кустами. Раздался взрыв, и воздух затянуло белым покрывалом дыма, скрыв на мгновение то место, куда угодило заклятие. Они слышали резкий вскрик и из кустов высыпало на тропу несколько вооруженных человек. Они были дезориентированы и частично оглушены, но целы и невредимы. Правда у одного солдата из ушел текла кровь, но это максимум означало легкую контузию, выживет. Хотя Эралия не собиралась давать им такого шанса. Она взмахнула рукой еще раз, но Баллар резко закричал:

— Нет Эралия! Не надо! Это Свои! — Он пустил свою лошадь вскачь, моментально преодолевая пару десятков футов и остановился, на пути между ней и «засадой». Он вскинул руку вверх в примирительном жесте, пытаясь второй рукой удержать свою лошадь, которая, напуганная магией, так и норовила сбросить его со своей спины. Животное било копытами по пыльной дороге, а Эралия замерла с поднятой рукой вверх, так и не успев пустить новое заклятье. Она вопросительно посмотрела на Баллара, затем на Берона, который коротким кивком ее успокоил, дав понять, что полностью доверяет старому воину. Берон вновь посмотрел на дядю и во взгляде его явно было требование объясниться.

— Это свои. — Еще раз повторил Баллар и спешившись направился к группе людей. Из кустов постепенно и с опаской начали выходит все новые и новые люди. Они были неплохо вооружены и настроены весьма решительно. Баллар четко шел к одному из бойцов и Берон явно его узнал. Это был Бларк, воин, который всегда прикрывал спину Баллару. Честно говоря у Берона были некие подозрения о связи Баллара и Бларка, но он предпочитал в такие дела не вмешиваться.

* * *

Бларк со своими воинами привел Берона, Баллара и Эралию, на небольшую поляну. Они долго петляли между высоких деревьев, и разных оврагов, пока дорога не поползла в гору, спутывая остатки следов на тропе. Поляна, хоть и не внушала своими размерами, но что поражало, так это сколько на ней ухитрилось разместиться воинов. Здесь были и палатки, и гамаки, и сделанные на скорую руку, плетенные стулья. Около полутысячи солдат, которые были готовы драться за свою землю. За землю, которую Берон у них и отнял. Сейчас молодой предводитель испытывал раньше ему не известные чувства. Ему было стыдно за содеянное. Он захватывал города и империи, оставляю сотни, тысячи трупов за собой. Тысячи детей остались сиротами и десятки тысяч невинных людей потеряли свой дом. А все из-за чего? Из-за его слепой веры своему отцу. «Нет, теперь уже не отцу! Убийце отца и матери!» Мсть — это все, что ним сейчас двигало, но он не мог отмахнуться от всего того зла, которое совершил, и поэтому испытывал яркий, горящий стыд.

Словно услышав его мысли, Бларк что-то шепнул Баллару, и тот подошел к Берону, попросить накинуть капюшон на голову, чтобы не привлекать лишнее внимание. При виде входящих командиров, толпа в лагере перестала шуметь, все затихали и выстраивались в небольшие стройные ряды, по стойке «смирно». К Бларку и Баллару спешно отправилась небольшая делегация, поднося воду для и питья, и умывания лица и шеи. Кто-то заботливо дал почти чистое полотенце. Они выказывали радушие и заботу, словно их отцы вернулись, а не просто очередные командиры. Все эти солдаты за последние пару месяцев сменили десятки командиров и тем не менее, они выжили, и теперь вновь готовы сражаться.

Сражаться за себя, за свои семьи, за свой дом, за свободу. Обычные мотивы, но именно ради них и стоит жить. Тот, кто этого не понимает — не живет.

Примерно же эти мысли могучими словами звучали в лагере Фротгар, эти простые истины, сказанные Балларом в пламенной речи заставляли глаза побежденных вновь загореться пламенем жажды возмездия. Эти незыблемые ценности заставляли воинов вновь расправить плечи и почувствовать вкус надежды, которая их приведет к победе.

Берон не раз произносил подобные речи перед своим многочисленным войском, но впервые он сердцем почувствовал правильность этих слов. Впервые он осознал, насколько эти слова тяжелы и весомы для простых воинов. Впервые он ощутил себя частью чего-то правильного, справедливого.

Даже Баллар не знал, что в лесах Арсаила их ждет такой сюрприз. Бларк не пожелал оставаться безучастным, когда Баллар покинул Немад вместе с Эралией и собрал добровольцев, организовав для них лагерь в лесу. Пол тысячи воинов, готовых умереть, чтобы свести счеты с Баргозаром. Пятьсот мужчин, чьи жизни обрели единый смысл. Бларк сказал, что это не единственный лагерь в этих лесах, и в их распоряжении еще три таких же самых. О таком Баллар и не мог мечтать. Но теперь, им не придется еще неизвестно сколько времени прятаться набирая новобранцев. Теперь они были грозной силой, чтобы попробовать прорваться сквозь оборону Адальта.

* * *

Всю дорогу к Сакральному Порталу новое войско Фротгар, под предводительством Баллара и Бларка, шагало тихо и беззвучно. Воины устраивали короткие ночевки, выдвигаясь в путь с каждым рассветом. Менее чем за две с половиной недели они промаршировали к своей цели, и теперь им предстоял решительный шаг. Переход в мир Сартог.

Вперед решили пустить разведывательный отряд, который должен был проконтролировать безопасность прохода с той стороны. Вести отряд вызвался сам Бларк. Никто не стал возражать, и поэтому он вместе с двадцатью солдатами прошел сквозь ворота. Началось раздражительное и такое утомительное ожидание. Берон всю дорогу скрывал свое лицо, чтобы никто из солдат, случайно, не увидел, кто с ними идет. Что могло произойти в таком случае, Эралия боялась даже представить. Разведчики ушли около двадцати минут назад, но Стрела знала, что время проходящее внутри коридора портала может течь совершенно немыслимым образом, поэтому она особо не переживала. Чего нельзя было сказать о Бероне. Молодой полководец, нервничал, ерзал в седле, и постоянно смотрел в сторону портала. Лицо его по-прежнему выражало легкое безразличие и уверенность в себе, но Эралия понимала, на что согласился молодой берендей, и что ему теперь назад пути нет. Он выглядел очень воинственно и мужественно. Его мощные мускулы переливались под загорелой кожей, а белые полосы в уголках глаз, выдавали в нем жизнерадостного и добродушного берендея, которого превратности коварной судьбы наградили совершенно иной жизнью. Не той, которая ему была предначертана.

Берон неожиданно повернулся и посмотрел в глаза Эралии. Глаза его выражали тревогу, и искали поддержки. Он еще не до конца был уверен в правильности своего поступка. Привычки в жизни значат многое. Эралия выдержала его взгляд и улыбнулась, так искренне, как только могла, а Берон, увидев это, секунду хмурился и все же сдавшись, улыбнулся в

ответ. Ей нужна была его поддержка, поэтому он должен верить в себя и в свои силы.

Вернулся Бларк из мира Сартог и возвестил всех о свободном проходе, и о полной безопасности на той стороне. Молодой берендей кивнул своему дяде, и тот отдал приказ начать переход на ту сторону. Предводители движения Фротгар наблюдали за тем, как их войско сотня за сотней становились в круг портала и обволакиваемое магией ветров, переносились на ту сторону. Баллар восседал на лошади рядом с Бероном. Они должны были отправиться следом за первой половиной своего войска, а остальные солдаты сразу за ними.

Эралия заметила, что Бларк остался в стороне от происходящего. Он отошел в дальний конец зала, где располагался Сакральный Портал. Рядом с ним собралось несколько сотен бойцов, которые словно что-то выжидали. Баллар с Бероном уже были на кругу портала, когда Эралия почувствовала подвох. Едва она попыталась крикнуть Берону, чтобы он остановился, как его с Балларом поглотил портал. Еще пару секунд, она смотрела за поведением Бларка и его сторонников, но те по-прежнему вели себя странно, хотя и никакой агрессии не показывали. Она решила не рисковать со всеми вместе, а найти свой путь, сделать маневр, прежде чем понять, что здесь происходило. В том, что происходит что-то плохое, она уже не сомневалась. Обойдя проходящих сквозь портал солдат, она проскользнула мимо охраны и покинула зал. Ей требовалась открытая местность, чтобы открыть свой собственный портал. Она решила попасть в Сартог с удобной для нее стороны, и проверить все ли хорошо с высадкой. Покинув зал портала, она бросилась по ступеням храма Четырех Ветров вверх. Оставляя ветхие, каменные ступени, и обшарпанные пролеты за собой, она взмыла на башню храма и начала открывать портал прямо на небольшой площадке башни. Воздух привычно замерцал, и тоннель через миры, начал вторгаться в здешнюю реальность. Пол под ней затрясся, но портал получился быстрый и стабильный, потому что она находилась в месте естественного прохода между мирами. Она ринулась в него и уже через пару мгновений оказалась на Сартоге.

Она опоздала. Перед Сакральными Вратами сражались воины Фротгара, ожесточенно отбивая атаки армии императора Фалура. Поле боя уже было усеяно трупами и залито кровью, но Фротгар не сдавался, даже будучи прижатыми к portalу тылом. Солдаты Фалура были везде, и окружали портал с трех сторон, не давая возможности обороняющимся ни сбежать, ни сманеврировать. Она выпустила несколько заклинаний, все время пытаясь выхватить взглядом Берона из толпы. Если он погибнет, то они вновь потеряют шанс продолжить борьбу против Баргозара и его империи. От тысячного полка Берона оставалось всего несколько сотен, и Эралия решила пробиться к молодому полководцу, чтобы помочь ему сбежать. Она вновь построила портал на земли мира Бьяргил, и ускользнула в него в момент, когда к ней почти добежал отряд противника. Оказавшись в стенах храма, Эралия бросилась в зал портала, но и здесь очевидно опоздала. Подбегая к его дверям, она уже слышала звон метала о метал, и крики умирающих людей. Приоткрыв створку двери, она увидела, как Бларк и его люди, напав со спины, вырезают людей Баллара. Солдаты не успевшие опомниться от внезапной атаки, стесненные небольшим периметром помещения, не успевали отбиваться и гибли десятками, заливая каменные плиты украшенные резьбой, алой кровью, которая липкими струями заполняла каждую щель.

Она помчалась на крышу во второй раз, понимая, что здесь спасти уже никого не удастся, но она знала, что Берон еще жив, а значит был шанс спасти хотя бы его.

Выйдя из портала Берон увидел чудовищное, кровопролитное сражение, в котором уже погибли сотни его новых людей. Эти люди доверились ему, доверились своему захватчику, а теперь они были мертвы. Разве не это же самое ждало их, когда они с ним самим сражались? Разве стоило их жалеть? Но он сожалел! Он сожалел о каждом павшем воине, и боли приходящая с их смертями, жгучими порезами горела в его сердце. Он обезумел от ярости и перекинувшись в медведя, ринулся в бой. Его острые, длинные когти рвали всех, кто попадался у него на пути. Клыки, вырывали сразу по четверть туловища из незакрытых участков тела броней. Руки и ноги, отлетали от того места, где он сокрушал своих противников, как снаряды, оставляя за собой серпантинные ленты из крови. Его захлестнула охота. Он почти не видел, как сражаются и гибнут остальные солдаты, он был поглощен своей звериной натурой, и купался в крови и жестокости. Ему даже не приходилось сейчас думать о своей новоиспеченной дяди, о Балларе, потому что он знал, что этот старый медведь сейчас находится в таком же состоянии, как и он сам.

Пелена спала, когда впереди себя Берон увидел Эралию, которая не пойми как, оказалась в центре всей битвы, хотя должна была оставаться до сих пор с той стороны прохода. Она ожесточенно била магией солдат Фалура, пронзала их стрелами, и выпускала кишки тем, кто подбирался слишком близко, своими двумя короткими мечами. Она была слишком глубоко в линии атаки врага, и с каждым разом, ей приходилось все быстрее реагировать на их удары, чтобы остаться в живых. Молодой берендей понимал, что долго в таком темпе она не выдержит. Он помчался к ней на помощь, уже понимая на ходу, что она отступает от солдат Баргозара, а не нападает на них. Она пробивается к нему.

Издав мощный медвежий рев, Берон помчался к Стреле, продолжая крошить неприятеля. «Хорошо, что все маги Фалура остались с основной армией на Бьяргиле, иначе их бы уже давно смели, стерли с лица земли.» — Думал молодой полководец. Когда огромный, черный медведь, с ужасающим оскалом на морде, мчался на солдат Фалура, те на секунду впали в ступор. Они уже прижали Эралию к пригорку, и не давали ей подняться на него, чтобы занять более выгодное положение, но вид такого исполинского животного мог обескуражить любого. Отряд лучников пришел на помощь врагу, и все как один выпустили по стреле в сторону бегущего Берона. Медведь, казалось не замечал тоненьких прутиков, со смертельными жалами, и продолжал мчаться в сторону девушки. Эралия вскинула обе руки в небеса, и пропев заклинание, выпустила огромную, стену шквального ветра, которая плотным щитом помчалась на Берона. Стена обогнала стрелы, пересекая их траекторию, и все острые снаряды ударились в нее, осыпаясь разрушенными древками в пыль. Это спасло Берону жизнь, а Эралия поплатилась за его спасение. Десяток солдат накинулись на нее, и скрутили ей руки, уволакивая в глубь своих рядов. Воздушная стена сбила медведя с лап, но он вновь вскочил и помчался на неприятеля. Эралия уже скрылась среди солдат Фалура, а молодой полководец ударился в бегущих на него солдат всей своей тушей, раскидывая легкие человеческие тела, как кегли в боулинге. Его множество раз оцарапали и поранили, укололи, а кое-где даже проткнули шкуру, но усталости и боли не было. Берон был поглощен убийствами. Он был смертью в те минуты. И после этого дня, не один выживший солдат из армии Чернобога, не забудет эту битву, и то, как их разрывал на куски молодой берендей — Берон Арк.

Но солдат было слишком много, и чем больше он продвигался вперед, тем больше их становилось у него на пути. Он уже едва справлялся с потоком из человеческих тел, когда рядом с ним возник Баллар. Старый медведь, с тремя шрамами на морде не менее энергично убивал противников, оказывая долгожданную поддержку племяннику. Но и этого, казалось, недостаточно. Их все равно теснили назад, нанося им все больше ран. В одно мгновение солдаты расступились, и на берендеев обрушился град из стрел. Баллар прыгнул впереди Берона, и в его тело врезалось сразу три смертоносных снаряда. Он успел повернуться, и Берон подхватил его на руки, когда его развернуло лицом к племяннику. Баллар ухватился за молодого полководца лапами, и что-то ему прошептал. В этот момент еще несколько стрел ударило ему в спину. Баллар взревел, вставая на задние лапы, передними ожесточенно молотя воздух, и развернувшись к врагу ринулся в последнюю атаку. Берон же выполняя последнюю просьбу дяди, помчался к небольшому отряду, который спасался бегством. Один взгляд он кинул в сторону сражающегося Баллару и увидел, как его медвежье тело, изрубленное и изувеченное мечами, утыканное стрелами, заваливается на бок. Баллар погиб, а с ним умер последний родной берендей во вселенной.

Сильный ливень обнял чужую землю едва Славик успел отбежать от залитого кровью пляжа на пару лиг. Он бежал не разбирая дороги, а дождь смывал с него кровь и грязь, которые налипли во время пляжного сражения. Усталость никуда не отступила, но должно было стать менее тревожно после окончания битвы. А все чувства беглеца кричали об опасности, о неправильности происходящего. На теле сильно ныли раны оставленные Кумбхом. Они зудели и щипались, а от них по телу разливалась слабость. Не смотря на чудовищно разбушевавшуюся стихию, ему сильно хотелось пить. Воды же кругом было хоть отбавляй. Дождь заливал лицо, попадая назойливыми ручейками в рот и глаза. Одежда половой тряпкой свисала с его тела, и вид у него был никудышный. Но все это не имело никакого для него значения. Он был свободен, и по идее, должен был быть счастлив, но общее самочувствие не рождало таких мыслей. Он был истощен, измотан, болело все тело, но с каждым движением становилось только хуже. Ливень усилился, и теперь разобрать дорогу сквозь непроглядные джунгли было вовсе невозможно. Славик решил перейти на шаг. Но и сбросив темп, ему не стало легче. В голове начали появляться какие-то звуки, затем едва слышимые голоса. Закончилось же все галлюцинациями, которые вспыхивали перед ним, как грибы после дождя, и так же резко исчезали, не давая сообразить, что он видит, и что происходит в целом. Он шел все медленнее, а ему становилось все хуже. По телу начала бить лихорадка, и его затрясло с чудовищной силой, словно он попал в щупальце Водолея, и тот пытался вытряхнуть из него всю кровь.

Резкий кашель схватил его за горло и попытался вырвать легкие изнутри. Слава зашелся в кашле, и упал на раскисшую землю, держась за живот. Перед глазами пронеслась чудовищная схватка с Кумбхом, и перед взглядом застыло нелепой картиной его обезображенное лицо, украшенное мертвой, злобной улыбкой. Приступ продолжался несколько минут, и Слава почувствовал, что теряет сознание. Еще одну попытку он совершил, чтобы подняться на ноги, но у него ничего не вышло. Он посмотрел в небеса, и стена дождя, которая поливала его сверху, закружилась в диком танце. Он крутанулся вокруг себя, и упал без сознания.

* * *

Сколько он пролежал в отключке, он не знал. Перед глазами было темно, и он ощупал себя с ног до головы, проверяя, все ли с ним в порядке. Он был цел. Мерзкое чувство боли, и болезненности отступило. Голова была более менее ясная, и теперь ему требовалось подняться. Сделать это не напрягаясь не удалось, но все же он осилил и эту задачу. Держась за раны на теле, оставленные Кумбхом, он встал и попытался осмотреться. Ничего видно не было. Он не понимал где находился, но это были явно не джунгли. Переключившись на ночное зрение, Славик смог осмотреть место, где сейчас находился. Это была огромная пещера, влажная и сырая. С потолка и стен капала вода, где-то мерно, капля за каплей, а где-то сильными ручьями, журчащими по каменным стенам. На полу были многочисленные лужи, и кое где они были глубокие по колено. Слава медленно побрел через огромную пещеру, рассматривая стены, потолок и пол. С виду пещера была обычной, но нигде, не с

одной ее стороны не пробивались лучи света, которые могли бы указать на выход из нее. Вариантов не было, нужно было исследовать пещеру.

Дойдя до ее конца, Славик обнаружил вход в тоннель, и не раздумывая шагнул в него. В тоннеле не было посторонних звуков и даже запахов, таких обычных для сырых помещений такого размера. Он медленно побрел вдоль стены, которая слегка под углом уходила влево. Через минут десять ходьбы по искривленному тоннелю, он дошел до странного вида зала. Казалось, что это помещение, некогда использовалось кем-то как храм. В целом, ни отделки ни дорогих излишеств не было. Колонны наполняли зал, возвышаясь на несколько футов в высоту, подпирая неровный, блестящий от воды потолок. Симметричные друг другу альковы, одинаковыми впавшими глазницами, смотрели друг на друга. В центре стояла статуя неизвестного существа, которое было похоже на человека, но им не являлось. Статуя, слегка была бесформенная, словно пытающаяся показаться менее уловимой, ускользающей. Само существо было двенадцати футов в высоту, крупное, но по общему ощущению стройное, и грациозное. Его тело было укутано в подобие кимоно, но одежда была несколько раз обмотана вокруг него причудливым способом, и это делало фигуру очень внеземной.

Под статуей был небольшой камень, необычной формы, и создавал впечатление, что это осколок из космоса от другой планеты или же от метеорита. Его волнистая поверхность на ощупь оказалась гладкой, но когда Слава к нему прикоснулся, на самом камне начали проступать символы, похожие на руны или другую письменность. На его удивление, смысл написанного ему был понятен. «Войдя прежним не выйдешь: не поняв, кто ты есть, кем был, и кем станешь». Эта фраза ничего ему не говорила, кроме того, что древние строители, которые ее создали, были любителями философских загадок. Но это высказывание натолкнуло его на поиск того самого места, куда можно было бы войти, и откуда уже не выйдешь прежним. Не долго обшаривая взглядом зал, он увидел сразу за статуей небольшую нишу, в которой пряталась темно-серая, как и все вокруг, каменная дверь. На проверку дверь оказалась действительно каменной, а не дешевой имитацией оной. Он начал ее исследовать. Она была покрыта множественными рисунками, которые можно было принять за схожую письменность, но ничего подобного в голову не приходило, потому что разобрать текст ему не удавалось. Он сделал вывод, что если бы это была письменность, то он бы ее смог прочесть и понять, как это стало с надписью на камне возле статуи.

Дверь плотно прилегал к стенам, и не видно было даже маленького зазора, но нечто не давало ему покоя, манило его внутрь. Он жаждал попасть туда, куда вела эта дверь. Слава решил попробовать с помощью огня и сквозняка проследить, есть ли где-нибудь щели. Попытавшись воспользоваться магией, он в ужасом понял, что здесь ее нет. Поэтому вызвать в помощь хотя бы маленькую искорку, с помощью своих незаменимых умений, у него не вышло. Молчали и кристалл и подсознание. Он вообще теперь не мог заглянуть в себя. Он принялся изучать рисунки, и уже спустя двадцать минут понял, что нужно сделать.

Рисунки были, четкой, пошаговой инструкцией, как открыть дверь. Слава повторил несколько движений, которые показывались на картинках, перевыполнил их несколько раз, учитывая во внимание их зеркальность, и в конце обряда схватил острый камень с пола и разрезал себе ладонь. Из нее потекла кровь очень светлого цвета, словно его собственную разбавили родниковой водой. Капли крови окропили порог перед дверью, и она бесшумно начала опускаться, прячась в полу. Впереди его ждал мрак. Темнота и сырость, хотя почему-то запахов здесь не было совсем. Слава переступил порог, и каменная дверь очень быстро захлопнулась за ним. На стенах вспыхнули яркие, желтые огоньки факелов, коптя потолок,

осветив центр новой комнаты. И в самом ее конце, оставаясь в тени, беглец увидел человека. Точнее это были его ноги, освещенные от стоп до коленей, остального видеть он не мог, здесь не работало даже его ночное зрение.

Так в тишине и молчании, они провели едва пару секунд, когда пришелец из дальнего конца пещеры, с криками, помчался на него, размахивая ржавым топором, с коротким лезвием, но длинной ручкой. Слава забежал глазами по сторонам ища выход, но выхода здесь не было, или он был, но в том конце комнаты откуда на него напали. В таком случае, требовалось отыскать срочно что-нибудь чем можно было обороняться. Он, обдумывая на ходу, пятился к задней стене, и когда она толкнула его своими холодными камнями, атаковавший был уже рядом. Мелкая искра, от горящего факела припекла Славе щеку, и он не раздумывая схватил факел, и подставил его под удар топора. Мелкие искры, как раскаленный, оплавленный металл брызнули в разные стороны, обжигая неприкрытые участки кожи, и прожигая одежду. Еще один удар он парировал оттолкнув противника ударом ноги в грудь. Тот отшатнулся и рывком прыгнул на беглеца, нанося удар топором. А он в свою очередь, отпрянув назад всем телом, опять наткнулся на стену, и выставив горящий факел перед собой, принял удар на его рукоять светильа. Они скрестили свое оружие, а нападавший навалился на Славу всем телом так, что их лица оказались на одном уровне. Пламя от факела было далеко, чтобы обжечь, но его жар он ощущал каждой частичкой своего лица. В воздухе запахло жженными волосами, и он понял, что брови и ресницы, а также уже длинноватая челка, загорелись от факела. Но не это было самым страшным. Вячеслав заглянул в глаза своего соперника, и ужаснулся. Этот щуплый воин, с очень жилистым телом и длинными руками, был Ратан — вербовщик с корабля контрабандистов. Его лицо было мертвенно серым, а глаза мутными, словно в них закачали грязную воду. Из уголков его глаз текли слезы, также как и тонкие струйки воды стекали с его губ. Он не выражал злобу или ненависть, а просто с равнодушным выражением лица, пытался его убить. Это было невероятным, потому что он лично видел, как Ратан погиб на пляже под щупальцем Кумбха. Но удивляться сейчас не было времени. Ратан жестко припечатал сбежавшего раба к стене, и замахнулся для нового удара. Слава же оттолкнул призрака и попытался высвободиться из ловушки, в которую тот его загнал. Перехватив удобнее палку факела, он ринулся на Ратана, нанося ему многочисленные удары. Для него такой бой был достаточно непривычным, потому что кроме как в сражении на корабле контрабандистов, он прежде в боях не участвовал. Ратан ловко отбивал и парировал удары, и казалось, что он совершенно не устает. Как можно победить такого противника? Но он не сдавался. Удар за ударом, он продолжал оттеснять Ратана к дальней стене, пока его факел с треском не надломился. Тогда он подбежал к боковой стене, и схватил еще один факел. Тем временем, Ратан успел оправиться от атаки, и быстро надвигался на незваного гостя. Лезвие топора, предательски близько промелькнуло рядом с его плечом, что заставило его развернуться, еще не увидев удара, а лишь почувствовав его приближение. Топор ударил в стену, выбив из нее сноп искр синего цвета. Слава пригнулся, уходя из под удара правого локтя Ратана, и перекатившись, ударил его под колено. Нога дрогнула и подвернулась, а он нанес по голове врага два удара факелом. Звуки соприкасающегося факела и головы противника, были похожи на шипение затухающих углей. Как будто вся кожа Ратана была покрыта водой. Но это его на секунду вывело из драки, и Славик начал неистово молотить факелом по руке, сжимавшей топор. Оружие с лязгом вылетело, и заскользило по влажному полу, разбрасывая эхо всплесков, отражающихся от стен и потолка комнаты.

Вскочив резко на ноги, Слава прыгнул кувырком через лежащего Ратана, и заскользил на животе по мокрому полу. Ратан уже встал на ноги и сняв один из факелов со стены, помчался в атаку на лежащего Вячеслава. Когда горящая палка почти обрушилась на голову своей жертве, Слава крутанулся на полу, и вжав ноги в стену, резко от нее оттолкнулся. На спине скользя по мокрому полу, он вылетел из зоны удара, впечатавшись в близко расположенную, противоположную стену. Факел ударился об пол, и затух с шипением, выбрасывая в воздух облачка белого пара. Теперь была его очередь нападать.

С криком и злобой, он вскочил на ноги и понесся на Ратана. Тот резко развернулся и выставил руку, перехватывая за рукоять топор.левой рукой он ударил Славу в челюсть, выбив изо рта брызги кровавых слюней. Беглеца понесло назад, разворачивая в пол оборота, но рука по — прежнему сжимала топор, и он вцепился в него со всей силой, что была в его уставших руках. Затем он дернул этой рукой на себе, увлекая противника в полет следом, и ухитрившись удержаться на одних пятках, Слава вывернул руку с топором, опрокидывая Ратана через голову, как в восточных единоборствах. Тот повалился на пол, и голова его оказалась прямо под ним. Разозленный бывший раб, вспомнив все то зло, которое учинил вербовщик, начал впечатывать свою пятку ему в лицо, куда попадал, а затем выхватив топор из ослабевшей руки, вонзил Ратану в низ живота, и потянул рукоять оружия на себя, вспарывая противнику брюхо до самых ключиц. Из брюха хлынула вода, сразу несколько ведер, и разлилась по полу, словно так и должно было случиться. Труп поверженного противника стал похож на жалкий, мокрый костюм, внутри которого больше ничего нет, только сморщенное тело. Слава, находившийся в состоянии абсолютной ярости, увидев эту картину мигом пришел в себя, каждый раз наталкиваясь на мысль о нереальности происходящего. Слева от него, со звуком трущихся жерновов, отползла в сторону каменная дверь, впуская в комнату более естественный белесый свет, похожий на лунный водопад, в котором кружатся миллионы пылинок. Едва он успел подбежать к двери, как услышал тихий плач, из темного угла комнаты. Он медленно пошел на звук, посмотреть, кто там всхлипывает, роняя слезы в лужи на каменном полу. В углу, свернувшись калачиком, в порванной одежде лежала девушка. Волосы ее были сбиты в мокрые сосульки и налипали на лицо так, что его невозможно было разглядеть. «Эй! Кто ты? Что здесь делаешь?» — тихо позвал девушку Слава, и протянул руку, тронув ее за левое плечо. Девушка не обратила на этот жест внимания, также как и на его слова. Он потянул ее за плечо, а чертовка резко развернувшись, почти прыгнула на него, полосуюя длинными когтями его грудь. Он схватил ее и заглянув ей в лицо, дико закричал от обездвиживающего страха. Это была та самая рабыня, которой Ратан отрезал уши и нос. В ее глазах горело пламя ненависти, словно Слава был виноват в ее увечьях и смерти. Он схватил ее за волосы и попытался скинуть с себя «мертвую» девушку, но в его руке остался лишь клочок длинных, черных волос. Тварь вытянула шею, пытаясь вонзиться звериными клыками в его горло, но Слава ухватившись с двух сторон за ее голову, сдавил ее что было сил, пока голова не сплюснулась в его тисках. Глаза брызнули из орбит ему в лицо, а черный язык вывалился изо рта, и повис прямо над самым его носом. Из всех отверстий на лице хлынула вода, орошая его лицо и камни у него под головой. Он сбросил с себя тело рабыни и ринулся к выходу, ворвавшись в новый тоннель.

Он бежал и бежал, а тоннель словно и не кончался. Какова могла быть его длина, лига, две, три? Но таких тоннелей не бывает! Или бывает? И что здесь происходит? Где он находится? Он был в ужасе и смятении. Почему умершие преследуют его? Почему пытаются его убить? Ответов не было, а был только страх, и сожаление. Ему было больно, что он не смог спасти ту несчастную рабыню, а вот Ратана ему не было жаль, хотя у того тоже были причины вернуться из мира мертвых, чтобы отомстить Славику.

Когда усталость взяла верх, он перестал бежать, и перешел на шаг, вздохнув отдышавшись, опираясь рукой о стену. Теперь он начал замечать, что тоннель не такой уж и длинный, и теперь до его конца оставалось всего сотня футов. Он посмотрел в конец тоннеля и увидел там проход, в котором виднелся тусклый свет. Вдруг откуда-то из темноты, словно прямо из стены, появилось двое монахов, в обычной для них одежде — длинные рясы до пола и капюшоны надвинутые на лица. Они, сложив руки на солнечном сплетении, вошли дверь в конце тоннеля, и скрылись с глаз во мраке комнаты, который остался от погасшего в этот момент света. Выбора не было, нужно было бежать туда. И он побежал.

Ворвавшись во тьму, он попытался осмотреться, но в комнате никого и ничего не было. Темнота съедала все, а ночное зрение, вместе с любой другой магией по-прежнему были ему не подвластны. Через секунду, резкий сквозняк, ворвавшийся в помещение, окутал его ледяным воздухом, и с его появлением, за спиной гулко гроыхнула закрывшаяся дверь. Вход был отрезан, выхода пока что тоже было не видно. Славик напрягся и постарался настроиться на очередную битву, и не ошибся.

На стенах вспыхнули светильники, похожие на обычные керосиновые лампы. Они подсветили деревянные стены, с облупившейся коричневой краской, и кое-где прогнившими дырами. Пол и потолок, также оказались деревянными, и вообще убранство помещения, вызвало у Славы болезненные воспоминания о заточении в трюме у контрабандистов, но это было какое-то другое, хоть и очень ему знакомое помещение.

По середине комнаты возникла фигура. Никого до этого в ней не было, даже тех дух странных монахов. Человек находился в тени, но Славик видел, что в руке у него зажат меч, с коротким лезвием. У него был клинок листовидной формы, обоюдоострый и сужающийся к гарде. Славик перехватил поудобнее топор, и встал в боевую позу, сгруппировавшись и пригнувшись. И не дожидаясь атаки, помчался к противнику, хаотично размахивая топором. Человек резко дернулся в сторону и прильнул к соседней стене, выйдя на свет. В это самое время, вся комната, которая сильно походила на каюту баржи капитана Рю, шатнулась, и начала танцевать, словно раскачиваясь на волнах в сильный шторм. Ей в такт закивали керосиновые лампы на стенах, расплескивая горючую жидкость вокруг. Слава повернулся к противнику и вздрогнул. Это был Римр, его погибший спутник, с которым он познакомился на пути в Фирс. Только теперь он выглядел иначе. На сморщенном от воды лице зияли два огромных, черных глаза, которые нефтяными колодцами блестели в огнях керосиновых ламп. Они занимали почти половину лица, выпуклыми, глянцевыми линзами без век и белков, глядя на него. Кожа Римра была серая, а сам он был похож на утопленника. Он оскалился и тонкие губы, разошлись в хищной, кривой улыбке, обнажая ряды острых зубов, как у морских львов. Он оттолкнулся от стены в направлении Славы, а его меч заплясал в руке, описывая сложные геометрические фигуры, чеканя при этом хлесткий свист после каждого взмаха. А Славик, вторя его движениям, завертел топором в воздухе, отбивая его удары, дополняя симфонию звуков, глухими ударами о древко и звонкими о метал. В начале получалось неуклюже, и только старательно развитая, большая скорость его движений,

случайными выпадами отбивала атаки Римра, лицо которого, теперь больше напоминало морского льва, а не человека. Инерция, от гасящихся и парируемых ударов, толкала его тело в беспорядочных направлениях, а каюта баржи, беспощадным, вышедшим из под контроля аттракционом, крутилась и трепыхалась, пытаясь размолотить своих обитателей в своем чреве. Римр был зол и неистов, проводя атаку за атакой, кружась как волчок и нанося резкие, едва уловимые удары. Но тело Славы, с каждым движением, становилось все быстрее и грациознее. Его движения были быстрыми и плавными, а мышцы безукоризненно повторяли уже выученные приемы в схватке, не дожидаясь команд от мозга, действуя лишь на рефлексах. Он словно перетекал из позы в позу, как вода становится паром, а из пара концентрируется в капли дождя. Они падали, не удержавшись от очередного крена, и вновь взмывали вверх, нанося друг другу удары, разрывая скрипящую досками тишину, звонкими и глухими ударами.

Стены и пол сменяли друг друга, и дерущиеся воины использовали их за опору, интуитивно отталкиваясь от них в нужные моменты. Через деревянные доски сочилась вода, заливая постепенно помещение. Славик несколько раз оказывался позади Римра, нанося ему режущие удары по спине, но тот изворачиваясь, отбивал удары топора мечом, оттесняя его к стенам. Комната шатнулась, крутанувшись через потолок, и теперь все стало верх дном. Противники лежали на потолке, который стал полом, очухиваясь от ударов головами об доски потолка. Римр встал на ноги первый, но атаковать не спешил. Комната замерла, прекратив крутиться как барабан стиральной машины, и теперь противники смотрели друг на друга.

Воздух вокруг Римра дрогнул, и начал темнеть, сгущаясь клубами вокруг него. Окутав его от пояса до шеи, темные клубы воздуха стали терять свою непроницаемость, становясь полупрозрачными. Затем они резко обрели плотность и всплеском воды взорвались по обе стороны от Римра. Огромные капли, размером с шар для фитнеса, вновь потемнели и вспыхнули черными облачками, оставляя после себя человеческие силуэты. Когда дымка рассеялась, то рядом с Римром оказались еще двое помощников. Слева от него стоял немолодой мужчина с короткой, но густой, черной бородой, такими же тюленьими глазами, и длинноватыми, смоляными волосами, которые блестели, словно мокрые от воды. Кожа его была серая и сморщенная, а в груди зиял провал, в том месте, где должно быть сердце. Справа от Римра находилась девушка, с длинными, мокрыми, волосами цвета мазута, и привычными для всей троицы глазами. У девушки в руках был длинный, кривой нож, который по размерам был ближе к кинжалу. Мужчина без сердца, сжимал длинную, тонкую цепь с небольшой, морской кошкой на конце. Теперь Славик не сомневался, что схлестнулся с погибшими Роанами из Фирса. Почему к ним примкнул Римр, Слава не знал, но испытывал стыд, за побег из города. Он винил частично себя за смерть товарища. Но помочь он ему не мог, а вот сам Римр, похоже, затаил на него кровную обиду.

И вновь зазвенело оружие, вгрызаясь металлом в металл, оставляя зазубрины на режущих кромках. Вновь засверкали клинки, в тускло освещенном помещении, которое наполнялось водой. Слава ударил Римра, но тот отбил удар мечом, а его левый локоть уже врезался в челюсть девушки Роаны. Отклоняясь всем телом назад, как всадник от летящей стрелы, Слава ушел от удара прозвеневшего перед лицом тройного крюка и прыгнул в сторону бородача с выставленным правым коленом, врезаясь им противнику под челюсть. Кладнули хищные клыки, и сдавленный вой, резанул по ушам. Но беглец уже развернулся к Римру, выставляя топор вверх, и припадая на одно колено. Попытка сбить его ударом колена в лицо

провалилась, и используя топор как крюк, Слава подсек ноги Римра, опрокидывая его на спину. А на него уже летела девушка. Ее кинжал полоснул его по щеке, и сразу же по плечу. Он зашипел от боли, но не трогая ран, завертел топором перед лицом глазастой нелюди. Удар кинжала, и топор его гасит, принимая энергию на себя, но мощный удар левым кулаком в челюсть, отшвыривает хрупкое тело Роаны к дальней стене. Чувство тревоги ударило в спину, и Слава развернувшись чуть не пропустил удар от Римра мечом. Несколько шагов назад и уход корпусом. Меч пролетел очень близко, полоснув по одежде, но иномирнин ударом ноги в грудь отпихнул нападающего. Абордажная кошка ударила в топор, и зацепив его крюком, швырнула в сторону. Славик кинулся к оружию, но кошка описав комнату по кругу, ухватила его за щиколотку, от чего он упал. Хлюпая по воде, он полз по полу в направлении своего топора, а бородач тянул его за цепь, не давая добраться до оружия. Римр уже стремительно неся к нему, чтобы поставить точку в его жизни, и девушка почти поднялась после падения, а Слава все никак не мог дотянуться до топора.

Затем он резко развернулся и схватившись за кошку и цепь, дернул их на себя. Бородач без сердца нырнул за своим оружием вперед, упав на живот. Цепь вылетела у него из рук, и Славик схватился за нее. Сняв с ноги кошку, он завертел ей над головой как карусель. Крюки летели точно в голову Римра, но тот выставил меч, вокруг которого кошка и обернулась. Слава дернул и меч вылетел из рук хозяина, зазвенев о деревянный пол. Он крутанул цепью еще раз, но уже в вертикальной оси, и пока бородач лежал лицом вниз, он всадил ему крюк в затылок. В воздух брызнула вода, хлынувшая из пробитого черепа, а бородач стих на полу. Девчонка взвыла у Славы за спиной и бросилась на него не как морская львица, а как дикая, сухопутная кошка. Она полоснула его по спине своим кривым кинжалом, оставляя на ней новые шрамы, которые заняли свои места рядом с другими. Слава выгнул спину и подался вперед, в тот момент, когда его пытался ударить в живот Римр ногой. Слава ударил по ноге цепью, и та обвилась вокруг конечности, а Славик лишь дернул цепь вверх. Ноги Римра разъехались, и он растянулся в нелепом, продольном шпагате, а сзади Вячеслава мелькнул вновь кинжал девушки. Он прыгнул в бок, перекатываясь к боковой стене и схватился за меч. Девчонка вновь ударила сверху, но меч вовремя парировал ее удар, отбрасывая более легкий клинок в сторону. Еще два изящных, крестообразных взмаха, и плоть девушки расползлась сзади кривой, темно красной буквой икс. Из ран хлынула вода, а сама же несчастная сделав два крохотных шага, замертво свалилась лицом вперед.

Римр уже почти был на расстоянии завершающего удара возле противника. Вдруг комната вновь закружилась в танце медленными и плавными, но размашистыми движениями, и все вновь пошло верх дном. Римр полетел прямо на Варэна замахиваясь на него абордажной кошкой. Голова чудом избежала удара и кошка воткнулась двумя своими крюками в деревянную балку, а Римр больно впечатал Славу в стену. Когда комната поползла в обратную сторону Римр начал первый соскальзывать вниз, беспорядочно цепляясь серыми пальцами за одежду Славы. И Слава схватив конец цепи, обмотал ее вокруг шеи Римра, ухватившись за балку обеими руками. Комната резко дернулась и Римр полетел вниз, разжав мокрые, скользкие пальцы. Комната остановилась, и Римр повис на цепи, с предварительным, характерным хрустом шеи. Слава же остался висеть на балке, держась за нее руками.

В противоположной стене, которая была потолком, открылась дверь, впуская лунно-звездный свет в помещение. В этих лучах появились двое монахов, в тех же рясах с капюшонами. Едва постояв в дверном проеме, они развернулись и ушли. Славик спрыгнул с

балки, пролетев с десяток футов и приземлился на пол, который раньше был стеной. Подняв с пола меч Римра он заглянул противнику в глаза. Тот еще трепыхался, повешенный за шею на цепи. Мутные, водянистые глаза ничего не выражали, а лицо корчилось от злобы. Бывший раб махнул мечом, и тело упало на пол отдельно от головы. Из шеи хлынула вода, и Славик очередной раз этому удивился. Здесь кругом одна вода: в стенах, в потолке, на полу, в противниках. Что это означало, было ему непонятно. Он вошел в новый тоннель, но там уже никого не было.

Ливень на острове Тарг продолжался уже четверо суток, поливая и без того раскисшую землю, чудовищными потоками воды. Стихия разбушевалась неожиданно и резко, не дав шансов подготовиться к ней. В центре острова, куда редко ступала нога незваных гостей, в пещерном городе, который был построен еще в древние времена, сутились местные аборигены, сражающиеся со стихией.

Молодой Хелько, парень из разведчиков артаргов, которые жили на Тарге, медленно спускался с острой скалы, скользкой от ливня, и блестящей в ночи, как будто она была сделана из звездного обсидиана. Он вышел на разведку больше суток назад, но ужасная погода, и постоянный дождь не позволили ему быстро вернуться с задания, и ему пришлось заночевать в горах. Там наверху ситуация была еще плачевнее. Тяжелые тучи, толстыми, черно-фиолетовыми личинками едва передвигались над островом. Словно на них не влияет ветер, и они просто трепыхаются на небесной глади, вставшие на якорь. Их черно-фиолетовые туши переливались сгустками молний внутри, часто их метая на остров в море, который беззащитным зеленым пятном, терпел все нападки. Вокруг все громыхало от раскатов грома, а животные в тропическом лесу, словно взбесились, торжественно праздную ночь конца на Арегарде. Ночь выдалась бессонная, да и как тут уснешь, когда над головой разворачивается такая эпическая драма. С утра он начал спуск, пытаясь как можно быстрее добраться до Артарга, чтобы доложить об обстановке.

Он вернулся в горный город, почти под вечер, уставший и измотанный. На руках и ногах его было много ссадин и ушибов, но парень не обращал на них внимание. Он сразу же пошел к старейшине Лирде с докладом. Лирда была духовной матерью жителей Артаргима и их лидером. Она была высшим хранителем Сакрального Портала, и главным жрецом их ордена. Остров Тарг входил в состав империи Нувок, на котором располагался один из Сакральных Порталов. О его существовании знало лишь правительство империи Нувок, и сами хранители. Это был государственный секрет, о существовании которого никто из простого люда не знал. В мире Арегард веками ходили слухи о существовании этих порталов, но их расположение было не известно другим империям, по крайней мере, так принято было считать.

Хелько проходя через многочисленные блок посты, петлял по тоннелям подземного города в горе, проходя через караульные ниши, вырубленные в камне. По сути обычные крохотные комнаты, через которые нельзя пройти мимо. Его все пропускали, потому что знали, что этот шестнадцатилетний мальчишка, опытный разведчик, и отважный воин. Затем он прошел несколько коридоров, по обеим сторонам которых находились длинные, и широкие помещения, размером с баскетбольную площадку, только с низким потолком. Это были казармы, где воины находились на отдыхе, но все же достаточно близко к выходам, чтобы вступить в бой с возможным противником. По большей части здесь были одни солдаты, стражи ордена Портала. Их контролировали старшие офицеры, но тоже из простых людей. Затем, пройдя еще несколько хозяйственных помещений, с кухней и купальнями, он вышел к колодцу дождей. Это был центральный зал, что старинная площадь древнего внеземного города. Он был с высоким потолком, который возвышался высоко над головой, являя собой помещение зала, утробой вулкана, сердце которого давно выгорело. Центральная часть потолка была похожа на живой ковер, состоящий из воды, которая как озерная гладь,

поигрывала от дыхания озорного ветра. Через эту пленку виднелись тысячи расплывающихся кругов, от барабнящего ливня снаружи. В центре зала размещалось множество длинных столов со скамьями, человек на двадцать. Все с плетеными каркасами, укрепленные массивными столешницами и сидениями на стульях. Столы и скамьи были все заняты, и грозное пиршество, молчаливо поглощало еду, нервно гудя, словное грозное облако повисло над головами. Жители Артаргима были печальны и невеселы, угрюмо гомоня о настигшей их беде, и грядущих проблемах с ней связанных. Множество людей сидело за столами, лицами своими обращенными к дальней стене зала. Там находилось возвышение с ложем хранителя, где восседала Лирда и ее пять советников-жрецов. По середине ложи находился трон, а по бокам еще четыре стула с высокими спинками. Перед троном в ложе разместили стол, где восседали главные жрецы во время застолий. Народ перед ложем также расположился в иерархическом духе. Мужчины сидели за ближними к ложе столами, а женщины старики и дети за дальними. Перед ложе был небольшой круг, диаметром в десяток футов, где люди могли обратиться к жрецам. Вдоль стен, в вырубленных, глубоких альковах разместили ложи знати и чиновников. Общество здесь было устроено по политическому принципу, но с серьезным религиозным налетом. Здесь поклонялись Сакральному Порталу, и ему служили местные жители.

Хелько прошел центральную площадь, не обращая внимания на встревоженных людей, и направился в тоннель слева от ложе хранительницы. Он прошел несколько постов, и попал в круглую, приплюснутую комнату со множеством входов в тоннели. В ней эхом от стен одного из тоннеля, звучала запевная молитва, растекающаяся по коридорам города, дрожащими и гудящими голосами. Он не задумываясь зашел в один из ходов, и петляя по нему, повернув несколько раз в лево и вправо вышел в небольшой тупик. Там стояло двое воинов, в традиционной мутно синей форме, с черными разводами. Один из них достал стеклянный сосуд с прозрачной жидкостью, похожий на небольшую банку. Он прошептал несколько слов и подул на банку, в которой сразу же начал разжигаться синий огонек. Он заискрился, как синяя звездочка, и остался размером с горошину. Стражник провел вдоль тела Хелько банкой, а огонек мерно подрагивал в ее центре, никак на это не реагируя. Стражник шепнул банке еще слово и огонек потух. Хелько впустили внутрь. Глухая, каменная стена вздрогнула и разлилась стеной воды, забрызгивая пол. Хелько вошел в резиденцию хранительницы, которая служила штабом ордена. Здесь находились самые сильные маги ордена, жрецы советники и сама Лирда. Все замерли, прекратив обсуждение, и посмотрели на вошедшего Хелько. К нему поспешил быстрым шагом, невысокий, но осанистый мужчина, в светлых штанах и серой приталенной рубашке с подолом до самых колен. Рубашка была перехвачена поясом с пряжкой, похожей на пряжки сайлоков, только без волка на ней. Это был хранитель Артаргима, главный советник безопасности Рольд. Он начал что-то шептать парню, но хранительница громко сказала:

— Хелько, как хорошо, что ты вернулся! — Рассказывай, как обстоят дела? — Она не выглядела встревоженной, но взволнованный голос выдал ее истинные чувства. Лирде было чуть более тридцати пяти на вид, светлые волосы, невероятно красивое и приятное лицо. Чувственные губы, милый, острый носик, добрые глаза. Волосы собраны в косу, которая лежала на плече. Она была скорее милой на вид, чем внушала трепет и уважение, но в глазах ее блестела сталь, которая не вызывала сомнений в ее решительности.

— Нас плотно накрыло госпожа. Я забрался на пик Жала, и оттуда увидел весь Тарг. Тучи спеленали остров на многие лиги вокруг, и кажется основное сосредоточение всех

разрядов молний, и поток ливня находится над Артаргимом. Мы словно в эпицентре бури, и она усиливается с каждым часом.

— Как ведет себя астральный план над Порталом? — Она смотрела на Хелько, но взгляд ее был устремлен куда-то на много глубже. Словно она пронзила им реальность и смотрела в изнанку мира.

— Астрал стабилен, по сдвигам миров никаких изменений. С той стороны Портал еще не нашли. Наши печати стоят крепко, думаю гостей ждать еще рано. — Хелько не был магом, но был специалистом по астральному поиску. Он каким-то образом плотно был связан с планами астрала и поэтому был незаменимым разведчиком.

— Думаешь эта буря не связана с прорывом? Мы сотни лет готовились к приходу иномирян, если те попытаются сунуться сюда и захватить наш мир. — Она сверкнула взглядом, пронзив самую душу Хелько, заставив его поежиться. — Нам нельзя ошибиться!

— Госпожа... — Хелько осекся, пытаясь прочесть на лице Лирды ее эмоции. — Я думаю дело все же в иномирянах. Точнее в одном из них. — Он затаил дыхание, ожидая ее ответа. Ему очень не хотелось вызвать гнев высшей жрицы. Она посмотрела на него с легким удивлением. Жрецы и советники начали перешептываться, а Лирда посмотрела следом на них, и они сразу смолкли. Заговорил Рольд:

— Госпожа! У меня, у нас... — он обвел жрецов. — ...сложилось такое же мнение. Еще несколько дней назад, когда началась эта чудовищная буря, мы пытались выяснить в чем ее причина, а затем даже пытались ее прекратить. Наш народ исконно давно обладает магией воды, и всем с ней связанным, но даже нам не удалось повлиять на стихию. Наши разведывательные отряды отправились искать причины столь неординарного поведения нашей стихии, и обнаружив ее эпицентр, направились туда. Там мы и нашли этого парня. Там, где был эпицентр бури... — Он замолчал, выдерживая паузу, для того, чтобы Лирда переварила информацию. А вместо Рольда, вновь заговорил Хелько:

— А теперь он здесь, в Артаргиме, и эпицентр тоже. Буря пришла за ним. Он нужен ей.

— Если это не вторжение, тогда что нам делать с этим пришельцем? Не можем же мы его выкинуть за пределы острова, чтобы он увел бурю с собой. — Она обратилась ко всем, но уже сама пыталась решить проблему, обдумывая ее составляющие. Один из старейшин, самый пожилой на вид, который все время до этого сидел за столом и молчал, громко закаплял и все обернулись на него. В резиденции Лирды воцарилась тишина. Старика звали Фал и он был одним из самых старших советников. Он заведовал знахарством и целительской магией. Его скребущий, стариковский голос нарушил тишину:

— Когда-то очень давно, наши предки поклонялись совсем иным богам. С тех древних пор мало что осталось от их верований. Но в детстве я слышал одну легенду, про древних богов. Один из этих богов был повелителем воды, морей, океанов. И считалось, если его кровь попадет человеку в рану, того ждет мучительная смерть в чертогах своего сознания. Что именно этим хотели сказать предки, я не знаю, но чувствую, что с этим парнем произошло нечто подобное. Мне, как раз перед началом бури приснился сон с невероятным чудищем, которое пожирает наш остров. Оно было с щупальцами, как гигантский осьминог, а пахло от него кровью, гнилью и магией воды.

— Если ты и прав... — сказала Лирда. — ... что мы можем с этим сделать, как сможем его излечить? — Она сейчас была готова поверить в любую теорию, лишь бы ливень прекратился. Все дело было в том, что пещеры города имели множество ходов. Часть из них была вертикальной, а поэтому сильные дожди затапливали целые уровни пещер. В одном

крыле, где находился портал, была такая же система шахт и тоннелей. И Лирда очень боялась, что эти ливни затопят Сакральный Портал.

— Нужно провести обряд поиска, а Хелько нам в этом поможет. — Старик посмотрел на парня, а тот коротко кивнул. В его глазах загорелось стремление сделать что-то полезное для людей города и он был готов отдать жизнь за любую такую возможность.

* * *

Блуждая в тоннелях и коридорах пещеры, Слава едва успел отойти от боя. Тяжелый меч в уставшей руке тянул мышцы и мешал по пути. Хотя с ним было удобно идти в темноте коридоров, прощупывая дорогу острием оружия. В дали вновь неуловимо проскользнули тени в рясах, и Славик пошел за ними.

Он вошел в большое помещение, с довольно высоким в несколько футов потолком. Высоким для этих мест. Здесь было тоже темно, но Славик сумел рассмотреть колонны посреди пещеры. Они были похожи на сросшиеся сталактиты и сталагмиты, сужаясь к центру. Стены были светлыми, с синим отливом, и странно выглядели. Они не похожи были на волнистые каменные породы, а были гладкими, как полированное стекло. Легкое дуновение ледяного ветра взъерошило ему волосы на затылке, а до ушей донесся едва слышный шепот. В начале ему показалось, что слово, которое шептали, произносят на незнакомом ему языке, но через несколько повторений он разобрал слово: «Убийца.»

В зале начал плавно разгораться свет, нежно голубым свечением. Светильники на стенах мерцали теплым синим светом, заливая всю пещеру своим ореолом. Они поразительно отражались в стенах, которые оказались ледяными. Славик подошел к одной из стен и отпрянул. Подо льдом был замороженный человек — женщина, одетая в одежду сайлоков. Лицо ее было перепачкано в крови, а кожа белая как первый снег. Он осмотрелся и понял, что вдоль всех стен, есть такие захоронения, как вдруг он услышал вновь шепот: «Убийца, убийца.» Лампы вокруг замерцали, а стены начали рушиться. Мертвые женщины, и старухи, включая совсем молодых девушек вышли из своих ледяных гробов. Славик схватил меч поудобней, перехватил левой рукой ниже свой топор и приготовился к битве.

Мертвые женщины атаковали все сразу. У одних были короткие мечи, у других кухонные ножи и топоры. Они скопом налетели, начав колоть и рубить в направлении Славы. Он парировал множество ударов, а от большинства попросту уворачивался. Он отступал и крутился, делал выпады и дрался локтями. Его кружило как вихрь, состоящий из металлических лезвий. Клинки так и плясали вокруг него, искря и звеня мелодию боя. Несколько ему удалось срезать мечом, одна лишилась руки от удара его топора, остальных он разметал по залу, и мертвецы лежали под колонами, которые разрушились от ударов. Тело, не успевшее забыть горячку предыдущего боя, легко вернулось в боевую форму, и теперь уже знакомые его мышцам приемы, сами срывались в вальс сражения. Посмотрев на себя со стороны, Славик не за что бы не поверил, что это он сейчас так умело сражается с неизвестной нежитью, которая восстала из мертвых, чтобы его убить.

Бой продолжался в неистовом темпе, все ускоряясь, и агонизируя. Ему приходилось кружить по всей комнате, чтобы не давать подступиться к себе мертвым тварям. Они все стонали: «Убийца, убийца», что сильно на него давило, но он отрешившись от всего, отдался полностью поединку. Сталь скрежетала звенела, словно звоном своим пытаясь свести с ума,

но пока звучала эта мелодия, он знал, что еще жив. Мертвые жены и матери, сестры и дочери сайлоков расставались с жизнью уже не впервые. Те, кого убивал беглец, падали сверкая заледеневшими глазами, с такой же мутой внутри. Через пол часа боя, он осознал, что невероятно устал, и драться в таком темпе уже не потянет. Он, отбиваясь от атак, осмотрелся. В помещении выходов не было, но откуда же прибывали все новые живые мертвецы? Он бегло осмотрел стены, и понял, что сайлоки по-прежнему выходят из них. Отбив два кривых ножа, и мясницкий топор, Славик, на ходу раскидав двух старух врезался в ледяную глыбу. Она под его натиском разлетелась на ледышки и осколки, и он увидел портал в стене. Из него и появлялись новые сайлоки. Портал был водянистым, но очень черным, как дно океана. Отбивая нападения вновь прибывших, Славик оббежал портал, сбоку увидев лестницу.

Он помчался по лестнице вверх, попав в зал с другим порталом. Здешний портал был исполнен в виде врат, едва сходящихся полумесяцев в верхушке кольца, которое они образовывали. Зал был серым и обыденным, и ничто не говорило о священности этого места, кроме самих врат. Но та энергия которую они излучали, могла быть святой. Именно такие чувства она внушала тем, кто находился рядом. На лестнице уже была слышна погоня, и Славик растерянно уставился на выход из тоннеля. В провале выхода возникла фигура монаха, который указывал рукой на свод входа. Там нависла огромная глыба льда, сразу над выходом. Монах коснулся рукой стены, и ушел в темноту. Тоннель содрогнулся и его стены рухнули, завалив ледяными обломками выход. Сразу после этого грохота, едва успевшая оглушить все вокруг тишина, взорвалась ударами в ледяной завал. Так мертвецы из прошлого стучаться в дом.

В спину Славика прилетел сильный удар. Ударная волна от открытия врат, толкнула в спину, едва не завалив его лицом на землю. Он резко развернулся к portalу и увидел, что тот активизирован. Сквозь его пленку, как на экране жидкокристаллического телевизора, было видно, как по ту сторону разворачивался бой. Черные тени из бездны, которые пытались его убить, кружили над двумя людьми, атакуя их, нанося удары своими полупрозрачными когтями. Люди отбивались от них, используя магические заклинания, нанося удары огненными вихрями, и ледяными стрелами. Тени были почти бесплотны, и поэтому почти неуязвимы для ударов. Бой происходил на мосту, и Слава содрогнулся. Этот мост он знал как свою ладонь. Он многие годы приходил на него почтить память родителей. Тех двоих людей, которые сейчас сражаются за ширмой портала между мирами.

Все его естество ему закричало одно. Он рядом и теперь он спасет их. Теперь у него хватит на это сил. Его тело никогда не двигалось так быстро. Он помчался вперед к portalу и попытался в него прыгнуть, как некая сила его подхватила и подняла в воздух. Его швырнуло на пол, и он больно ударился о камень. Он вновь вскочил и подбежал к portalу. Там, черная тварь полосовала его мать, прижав ее лапой к крыше машины. Отец отбивался сразу от двух теней, не успевая помочь маме. Тень полоснула размашистым ударом, и часть крыши, вместе с частью матери, разорвало, как консервную банку. Славик взвыл от горя и несправедливости. Он заколотил кулаками по portalу, но тот его не пропускал. Черная тварь склонилась над ней и что-то проделывало, а осиротевшего парня кольнула в самое сердце догадка, что тварь пьет ее душу. Он закричал, срывая голос, срываясь на хрип. Отец выпустил в тени несколько молний, и одно мощное, невиданное им ранее заклятье. Словно рой шестиугольных чешуек облепил лицо одной из тварей, и как кислота выел его. Тварь не сдохла, но потеряла ориентиры и теперь пыталась ретироваться. Вторая тень схватила отца,

и начала его рвать, а вторая, лишенная лица, пришла на его крики, и они в одно движение разорвали отца Славика на части.

Славик плакал стоя на коленях. Он ничего не смог сделать, опять. Теперь он видел какой ужасной смертью пали родители, и еще больше стал винить себя в этом.

Тени в портале растаяли. Все, кроме одной. Она немного порыскала по мосту, пригнувшись или вслушиваясь, а затем резко развернулась и посмотрела в сторону портала. Словно она поняла, что Славик все время за ней следил. Тень мелькнула на секунду и резко вынырнула перед самым порталом. Она схватила беглеца и потянула на себя. Портал его пропустил и они умчались в переход в другой мир.

* * *

Старейшины города Артаргим находились в зале храма, где находился «Алтарь Границ». На самом алтаре лежал молодой парень лет тридцати, зеленоглазый, русоволосый, с длинной, острой бородой и слегка выющимися волосами, росшими шапкой. Он был худощав, но плечист, да и тело его было сплошные мышцы. Фигура атлета, из жгутов и бугров. Он был весь израненный, на теле множество шрамов. А в груди словно осколок льда. Темный кристалл, над солнечным сплетением. Вся спина его была исполосована жуткими шрамами, руки с загрубевшими от мозолей ладонями, и кровавыми ранами на запястьях. Было на нем и пару свежих ран, которые черными линиями гнили на его загорелом теле, источая зловоние и воду. Из этих ран действительно текла вода, медленно, маленькими ручейками, оставляя мокрые лужи на алтаре.

Все вокруг были заняты делом. Хелько сидел рядом с телом пришельца, глядя стеклянными глазами куда-то сквозь него. Он сканировал астрал, выискивая ниточки к местоположению иномирянина. Рядом сидел старик Фал и читал заклинание, остальные жрецы искали информацию об обряде или заклинании, которое могло бы им помочь. Многочисленные книги и свитки, перечитывались вдоль и поперек, в поисках ответа. А Лирда сидела молча рядом с алтарем и молилась.

Через некоторое время взгляд Хелько прояснился и он вышел из транса. Лирда встрепенулась и поспешила к парню.

— Кажется, я его нашел. Судя по остаточным фонам, я знаю где его сознание находится в астрале, но у него серьезные неприятности. — Глядя на Фала, сказал парень. — Он медленно умирает. Астрал поглощает его в себя. Это не бездна, но нечто похожее, хотя происхождение у этого места очень странное. Оно одухотворенное, словно порожденное живым существом. — Эти слова он уже говорил глядя на высшую жрицу. Фал сразу же за ним добавил:

— Я примерно так себе это и представлял. Нужно сделать астральный поиск внутри, и отыскать парня. Мы должны помочь ему выбраться. Может тогда он нам скажет, как остановить бурю.

— Да, но как мы это сделаем? Кто из нас сможет находиться в астрале и одновременно проводить поиск? — Задал очень своевременный и уместный вопрос Рольд, хранитель Артаргима. Все замолчали. Собравшиеся здесь маги прекрасно понимали, что это магия наивысшей ступени, и никто из них на это не способен, даже хранительница Лирда. Тишину нарушил Фал:

— Ну теоретическая возможность есть, только я не уверен, что это сработает. — Он читал что-то в свитке, а затем добавил: — Хелько произведет поиск. Он самый лучший наш поисковик по астралу, плюс опыта у него больше всех. — Все в резиденции вспыхнули:

— Вздор...

— Невозможно...

— Он не сможет...

— Сможет! — Отрезал Фал. — С моей помощью сможет. Я сам его отведу в астрал, и там он станет нашим проводником. — Все разом смолкли и посмотрели на старика, затем на Хелько, а затем на Лирду. Она немного подумала и спросила:

— Ты уверен, Фал? Ты уже не молод. Сможешь ли ты выдержать такую нагрузку? — Она говорила ласково, с заботой.

— Может и смогу, но что-то делать надо. Не мне Вам рассказывать, что могут произойти непредвиденные проблемы, если портал будет затоплен. Это может вызвать настоящую катастрофу.

— Ты прав. Нужно рискнуть, но я помогу вам. Я буду перенаправлять свою энергию в ваши ауры. А если у вас не останется сил покинуть Астрал, я вас выдерну из него. Надеюсь, это вас спасет. — Сказала Лирда.

Они начали подготавливать обряд.

Тень выкинула Славу из портала, в темном зале, огромного размера. Взгляд его не достигал стен, и казалось, что их здесь вообще нет. Он упал на холодный каменный пол, больно ударившись боком и левой рукой. Рядом с ним, в центре зала возвышалась высокая статуя. Это был человек, но очень высокого роста, одетый в доспехи, агрессивного вида. В шлеме, со щитом, и длинным мечом в ножнах. Тень мигом на него налетела пытаясь разорвать своими полупрозрачными когтями. Он перекатился, уходя от атаки. Она пролетела над ним в нескольких сантиметрах, заходя на новый круг. Славик вскочил на ноги, и в очередную атаку черной твари, вскинул меч. Оружие прошло сквозь бесплотное тело тени, не причинив ей ни малейшего вреда. Призрак из бездны, резко развернулся и ударил лапой Славика в грудь. Он отлетел, заскользив по холодному полу. Затем промчался, по камням до самого края зала, и едва не свалился в пропасть. На кромке пола зала, где его края соприкасались с непроглядной тьмой, он повис над пропастью. Посмотрев быстрым движением головы вниз, он понял, что у пропасти внизу нет дна.

Коварная тень уже развернулась и мчалась к нему. Он заскреб пальцами по гладкому полу, пытаясь ухватиться хоть за какой-нибудь выступ, чтобы не упасть назад. Пальцы попали в трещину, и Слава, напрягая все свои силы, перенапрягая мышцы, втащил свое тело на площадку зала. Его от своих же усилий словно выбросило на пол и он перекатываясь лежа на боку, поспешил ближе к центру, где стояла статуя. Тень промелькнула над его головой, вновь едва не располозовав своими длинными, эфемерными когтями. Он вскочил и спрятался за статую. Тень начала кружить вокруг нее, пытаясь его достать, но он шустро уклонялся от атак, раздумывая над тем, как же ему одолеть тварь бездны. Вдруг Тень замерла и застыла с другой стороны каменного изваяния, а Славик насторожившись затаил дыхание. Темный призрак резко открыл бесформенную пасть, и издал пронзительный звук — помесь животного рычания и птичьих криков. Пол сотрясло от звуковой волны, а каменная статуя завибрировала. От этих вибраций с нее слетела каменная облицовка, осыпаясь на пол. Под облицовкой находилась та же статуя, но сделана она была из мутного, едва прозрачного, черного стекла, так похожего на обсидиан. Глаза у статуи горели таким же алым светом, как и у самой Тени. Тень взревела и обрушилась градом ударов на Славу. Ему пришлось применить все свое мастерство, приобретенное в ходе схваток в этих подземельях, чтобы уйти от ударов. И тело послушно подчинилось ему, двигаясь очень быстро и плавно, а главное грациозно и эффективно. Не было бы здесь этой статуи, и Славе вообще негде было бы спрятаться, но она была. Тень кружила над своей будущей жертвой, воя и нанося удар за ударом. Силы беглеца уже были на пределе, и только ненависть к этой твари, которая убила его родителей, в нем кипела как раскаленный металл, не давая телу остановиться хоть на мгновение.

* * *

Возле «Алтаря Границ» в полной тишине сидели все главные чародеи города Артаргим. Фал и Хелько сидели по обе стороны парня из другого мира, который так неудачно и неожиданно принес к их порогу беду. Они сидели с закрытыми глазами, почти не шевелясь.

Хелько прижимал правую руку к лицу пришельца, средним пальцем касаясь виска, большой лежал на уголке губ, а указательный давил в переносицу. Левая его рука лежала у Славы на шее, словно прощупывая пульс на яремной вене. Фал держал одной рукой, загадочный артефакт, а другой локоть Хелько. Хранительница Лирда сидела позади них, глядя на их полу развернутые тела, готовая в любую секунду подпитать их своей магической силой. В самом начале обряда так и случилось. Уже не молодой маг Фал, не смог долгое время выдерживать магическую нагрузку от перехода в Астрал, выступая проводником, сразу для двоих людей. На том этапе вмешалась Лирда, увеличив силу советника по медицине в десятки раз, что позволило им вернуться в Астрал и начать поиски.

Спустя изнурительные шесть часов поиска, которые ни Фал, ни Хелько не прекращали ни на минуту, они нашли иномирянина. Хелько поставил на том месте маяк, и они с Фалом приняли решение вернуться в реальность, посоветоваться со жрицей. Они одновременно открыли глаза, и Хелько сказал:

— Госпожа, мы нашли его. Он заточен в странном месте, которое на мой взгляд есть отражение его собственного подсознания. Пробыться к нему нам тоже не удалось. Входы в это место охраняются очень мощной, и неизвестной мне магией крови. На такое колдовство способны лишь очень могущественные существа. — Хелько выглядел удивленным и слегка озадаченным. Его слова подхватил Фал:

— Мы хотим подпитаться новой энергией и установить за ним наблюдение. Если парню не удастся найти путь обратно, он может остаться там навсегда. Что будет с бурей, и с нами, когда его поглотит Астрал, я боюсь даже представить, госпожа. — Он замолчал, ожидая вердикта Лирды, но та лишь коротко кивнула, закрыла глаза и направила в них поток магической энергии.

Спустя еще несколько часов ожидания, что-то начало происходить. Выражения лиц Фала и Хелько изменились. Юный поисковик, свел брови вместе, губы его утончились, лицо потемнело, но через пару минут пришло в норму, разгладив мимику. С Фалом тоже что-то произошло. Но старику пришлось в разы тяжелее, и на его лице все эти пару минут сменялись гримасы боли, которые изменили жреца до неузнаваемости. Они вновь «вынырнули» и Хелько вновь отчитался:

— Он жив, и ищет путь обратно. Он тоже не знает где находиться. Энергия его души истончилась, и это медленно убивает его, но он оказался крепким орешком. Думаю у нас есть шанс его вывести оттуда. Мы указали ему путь, но пройти его он должен сам. — Все в зале с надеждой вздохнули, и только Лирда осталась непреступна к лучам мелькнувшей надежды. Она из опыта знала, что радоваться еще очень рано. Жизнь не предсказуемая штука, а магия и подавно.

Быстро перекусив, кусками мяса змеи, и свежей лепешкой, запив все водой, маги вновь отправились ожидать изменений, наблюдая за странствиями незваного гостя. Они просидели в трансе еще несколько часов, и в эти моменты, тягучее как клей время, едва не свело Лирду с ума. Она терпеть не могла ждать, хоть и потратила почти всю жизнь ожидая вторжения с той стороны врат. Остальные жрецы не изнуряли себя утомительным и таким тревожным ожиданием, а продолжали искать в книгах, свитках и документах, что-то что сможет удовлетворить их потребностям.

Едва ли просидев так почти до утра, с парнем так ничего и не произошло. Время с той стороны Астрала тянулось иначе, и двум добровольцам, что пытались помочь пришельцу, сон был ни к чему. Только еда и питье. Под утро с Фалом и Хелько вновь приключился

припадок, и вернувшись в реальность они сказали, что чужак борется. До них доносятся отголоски сражения, крики, удары. Он действительно сражался за свою жизнь.

— Он прошел часть пути, одолел своих демонов, и мы смогли указать ему путь дальше, но пока он попадает в такие сражения, мы ничего не можем поделать, кроме как ждать когда он справится со своими испытаниями, и лишь тогда мы сможем показать ему дальнейший путь. — Сказал советник Фал, и принялся жадно есть свою еду.

— Мы сами едва улавливаем, как его вывести оттуда, но мощные чары не желают его отпускать. Ему сейчас приходится очень туго. Не хотел бы я оказаться на его месте. — Хелько выглядел измученным. Все же такие длительные вылазки в Астрал, ему приходилось совершать впервые. Лирде было ужасно жаль его, ведь она с самого его рождения заботилась о нем, как о родном сыне. Когда его отец погиб, Хелько было всего пять лет. Мать же умерла при родах. Но обстоятельства не могли ей позволить жалеть парнишку, потому что он был надеждой для всех них.

После завтрака, проводник и маг, отправились обратно к «Алтарю Границ», продолжать выполнять свой долг.

* * *

Без магии против Тени у Славика почти не было шансов, но и твари не удавалось настичь свою жертву. Он несколько раз, едва не попадал под ее удары, но вовремя ускользал от яростных атак. Он попытался прочувствовать это место, своими уже натренированными инстинктами, и понял, что это место не Бездна. Он явно находился в Астрале, отголоски которого он ощущал спящим кристаллом за гранью черного ничто. Это мог быть выход. Если пробиться к энергиям Астрала, то возможно, ему и не потребуются магические способности «искры», он сможет соткать из нитей свободных энергий, какое-нибудь боевое плетение и сам.

Спустя несколько минут ментального сражения с бесплотными границами места их схватки, тонкий энергетический щуп, пробился сквозь нее, как через скорлупу. Славик начал впитывать энергии астрала щупом, формируя из него плетение, не закачивая в свое сознание, сразу формируя заклинание в Астрале. В его распоряжение, совершенно случайным способом попала энергия растений, и магия земли, на которой она основана. По наитию и логическому озарению, Славик добавил в заклинание новый узор магии земли, подражающий граниту и мрамору, который сплелся в серо-черную рукоять с изумрудного цвета прожилками мрамора. Выющиеся энергии растений, под воздействием магии стихии ростками и побегами прорвались из этой рукояти, и устремились в стороны, образуя тугие плетеные плечи зеленого и коричневых цветов. Словно стальное лезвие, блеснула тонкая как волос тетива, стягивая плечи магического рекурсивного лука.

Оружие плотно легло в руку, и Славик, испытывая сладострастное наслаждение, закружился в плавных, но очень быстрых стойках, сменяя их, словно в танце. Он выпускал тонкие, магические разряды по Тени, со скоростью полуавтоматического пистолета, и едва ли ни каждая «астральная стрела» попадала в рваные края бесформенного тела твари. Несколько зарядов прорвали крылья твари, вынудив ее сильно кричать. Тень заметив свою оплошность, поспешила заделывать пробоину в своем коконе, отсекая Славу от Астрала. Прежде, чем ей это удалось, она получила изрядную порцию огнено-зеленых стрел, все

время корчась от боли. В местах попадания «стрел» ее черная вуалевая кожа вспыхивала зелеными вспышками, рассеивая тьму внутри создания. Но она успела оборвать связь с эфиром. И в момент, когда в его руке рассыпался пеплом его астральный лук, он в ярости боя и бредовом пылу, прыгнул на Тень. Он скользнул сквозь нее, словно проскочив через заледеневшую тьму, которая поглотила на секунду его сознание. Пролетев через эту мерзость, Слава с грохотом налетел на статую из вулканического стекла. Та стремительно упала, и рассыпалась мириадами осколков, заблестевших в темноте, как черные алмазы.

Тварь из Бездны взвыла, и на месте статуи, как четырехконечная звезда мигнул луч. Он вспыхнул белым светом, разливаясь окном портала. Тварь было метнулась к своей строптивой жертве, но Славик увидел сквозь тонкую, дрожащую пленку портала монахов. Не раздумывая ни секунды, он бросился во чрево разрыва реальностей, проносясь через ее артерии. Его вынесло на площадку, в зале портала, откуда коварная Тень его и утащила. Монахи никуда не исчезли, как это обычно бывало, а взявшись за руки, начали творить волшебство. Славика это поразило, но затем он увидел, как структура портала дрогнула, и тварь, пытающаяся пробиться через заградительные барьеры монахов, не успевает их сломить.

Когда пространственный тоннель почти захлопнулся, Тень продолжительного выдохнула, и ее глаза полыхнули тьмой. Она начала гудеть, и срывающиеся заговоры с ее бесплотных губ, зашелестели, как спешно перелистываемые страницы. Воронка портала была уже меньше кроличьей норы, когда Тень выдохнула еще раз, изрыгая из своей пасти порцию напалма. Огненный вихрь мигом заполнил зал портала, и окутал своими языками все вокруг. Монахи стояли спиной к Славе, и он бросился к ним. Едва тронув одного за плечо, их фигуры растаяли, разлившись по полу водой, не оставив после себя даже балахонов. Он был в западне.

Стены и потолок полыхали тонкой, огненной паутиной синего цвета, как горит алкоголь, подожженный на барной стойке. Колонны тоже вспыхнули, и камень сводов начал плавиться. Надежды уже не осталось. Он проиграл. Теперь он сгорит в этой замкнутой печи, и его прах разлетится по пещерам этого странного места. Его сердце кольнула обида. Почему в реальной жизни, герой, который должен спасти Вселенную, не всегда может противостоять ударам судьбы на пути к своей цели? Хуже того: теперь ему была уготована участь погибнуть в неизвестности, в никому неизведанном месте, сгинув из страниц истории.

Славик закрыл глаза, и приготовился с честью и достоинством принять то, что предначертано. Мысль о том, что конца не избежать, окончательно прижилась в его голове, и его тело уже ощущало сильный жар очищающего пламени.

Как вдруг огонь закружился в языкатом вихре, полыхая красно-желтыми красками, и из его чрева вылетел огненный сокол. Он порхал над пляшущими кострами под собой, каждым взмахом притягивая языки пламени к своим роскошным, полыхающим перьям. Его стремительное тельце поглощало огонь, как прожорливый червь, поедающий большой листок. Сокол питался огнем, он управлял им, он и был огнем. Пламя подчинилось своему повелителю, и в порталном зале воцарилась тишина. Только хлопанье огненных крыльев и вибрации раскаленного воздуха, от горящего тела птицы нарушали эту тишину. Сокол начал разгораться сильнее, пока его красноватый отлив, не выгорел желтым цветом, а тот не взорвался ослепительно белой вспышкой. Свет залил все вокруг, создавая ощущение погружения в молоко. И все это, через пустяк времени, сменилось узкой полоской света, пробивающего сквозь сомкнутые веки.

Прошло уже трое суток, как юный читатель Астрала и поисковик Хелько, на пару с древним и мудрым советником Фалом, пытались вывести чужеземца и эфирного плана. За последние сутки иномирянин пережил несколько ужасных сражений с тварями Астрала, но он по-прежнему был далеко от выхода. Хотя если он выживет в том сражении, которое сейчас разворачивается на задворках его подсознания, то ему останется пробить последний слой эфира, в которых застряла его душа. Тогда они могли бы попробовать его вытащить в реальный мир.

Лирда сидела с закрытыми глазами, которые под встревоженными веками, были закатаны и немного дрожали. Она была подключена к астральному колодцу энергий воды, подпитывая иссякшие силы, потраченные на поддержку заклания для обряда. Фал и Хелько, едва сидели по обе стороны «Алтаря Границ», осунувшись и перекосившись. Их лица посерели от истощения, а скулы и глазницы немного впали от усталости. Они были смертельно измотаны и не ощущали уже своих тел. Хотя их сознания сейчас выжидали очередного завершения боя пришельца и тварей Астрала.

В комнате оставались лишь они, еще один жрец Тала — советник по науке и искусству магии, и Оло советник по снабжению и обеспечению. Советник безопасности, хранитель Артаргима Рольд отсутствовал, занимаясь более важными делами. Он никогда не славился медицинскими умениями или магическими экзерсисами, кроме боевой магии, а поэтому мог быть полезен во многих других местах.

Вдруг тело иномирянина затряслось в беспощадных конвульсиях. Жрец Фал, скорчился от дикой боли и сипло завопил. Хелько сдавленно прошипел, и весь покрылся испариной. Лирда, подпитывавшая все это время Фала, затряслась на стуле, а ее голова неестественно сильно, запрокинулась назад. Тала и жрец Оло вскочили со своих мест, отбросив свитки и поспешили к ним. Они не знали чем помочь своим соратникам и зачитали на перебой укрепляющее чары заклания, и заклинание Силы.

Спустя некоторое время все дружно открыли глаза и сбросили ярмо напряжения. Лирда, как и старенький Фал, обмякли в креслах, Хелько схватился за виски руками, а Оло и Тала просто гулко выдохнули.

— Что случилось? — Затрепетала Лирда, сильно переживая за своих соратников.

— Чужаку удалось прорваться к Астралу, госпожа. Скорей! Он почти готов был выйти, как неизвестные путы схватили его и утащили в иной подплан. Мы с советником Фалом, смогли ему помочь удрать от нечисти, но та успела выдохнуть какое-то заклание и теперь ему грозит сгореть в Очищающем огне. — Хелько очень торопился, проговаривая эту фразу.

— Поторопитесь, мальчик прав, нужны заклания от Очищающего огня. — Фал с трудом встал со стула, и максимально быстро направился к свиткам и фолиантам.

— Вот, нашел! — Возбужденно закричал Оло. — Это заклание призывает Рарошека духа огня. Он способен абсорбировать Очищающее пламя, но нужно усилить это заклание, и придумать, как его применить. — Лирда нетерпеливо слушала его, вытаращив глаза. Ему сразу ответил Фал:

— Я смогу его усилить защитными щитами от огня! — Это немного, но возможно это спасет его. — Его слова сразу подхватила Тала:

— А я могу перенести магическим рисунком, заклание призывает Рарошека на кожу

чужака. — Она вся дрожала от предвкушения, но преданно и с надеждой посмотрела в глаза жрицы. Все на мгновение стихли.

— Госпожа! За Вами остается навесить на общее плетение активатор портала и вырвать чужака из Астрала. — Фал сказал эти слова, и высшая жрица крикнула: — За дело!

Все кинулись подготавливать элементы заклятий и обустроить обряд. Тала начала подготавливать зелье для переноса заклятия на кожу. Фал нашептывал над ним чары защиты, навешивая якоря на его узоры. Хелько ассистировал Тале делать зелье. Когда она его попросила принести пепел Рарошека, он мигом мотнулся к полкам и нечаянно опрокинул две рядом стоящие баночки. Содержимое просыпалось, но Хелько смел все с пола в банки и принес Тале порошок из пепла огненного сокола, который смешался с экстрактом магической силы жизни, пропитанный на травах редкой морвы, из соседнего сосуда. Тала смешала все составляющие, а Фал закончил навешивать защиту. Лирда кивнула жрецам об окончании своей фазы и все принялись ткать заклинание.

Тело молодого иномирянина забилося в конвульсиях, а погода ухудшилась еще в сотни раз. Даже сквозь толщу скал и гор, они слышали и чувствовали бушующий водяной поток, срывающийся с неба на остров Тарг и город Артаргим. Заклятие, вначале невидимое, вспыхнуло изумрудно черными искрами, а затем воплотилось в тонкую материю, словно зеленый шелк, и жарким всполохом выжглось на груди у чужака. Затем его новая татуировка вспыхнула белым огнем, и он открыл глаза.

* * *

Что началось когда Славик пришел в себя, представить не мог никто. Он резко встрепенулся, дернулся и откатился упав с кровати. Он заерзал по полу ногами и руками, улепетывая по каменному полу от размытых черно синих силуэтов. Его зрение было затуманено, а страх подавил разум, и Слава призвал ближайшую энергию на помощь. Он обуздал ее и подчинил своей воли, активируя атакующее заклинание, непонятного для себя толка. То есть он даже не знал, на что оно способно. Но, как только заклятие завибрировало своими возмущениями, силуэты остановились и прекратили надвигаться на беззащитного человека. Спустя еще пару мгновений вернулось и зрение, а Слава вскрикнул от ужаса. Вокруг него было пятеро ужасных созданий. Внешне похожих на людей, даже в обычной, хоть и какой-то уж сильно помпезной, хотя и элегантной одежде, но с жуткими рожами. Их рты были чудовищно раскрыты и казались они, словно из потрескавшегося камня. Глаза закатившиеся, с одними белками, а изо рта, глаз, носа, ушей, текла вязкая вода. Они махали руками, хватая воздух, кто-то держался за шею, а самый молодой, будто пытался разорвать себе грудь собственными пальцами.

Он внимательно присмотрелся, и тревога уколом вонзилась в затылок. Они умирают, а точнее тонут, задыхаясь без воздуха. Это открытие сделало его менее воинственным, и он ослабил силу действующего, неизвестного, а точнее самостоятельно придуманного заклятия. И страшным монстрам полегчало. Он убрал действия чар, но на всякий случай активировал неподалеку спрятанные спусковые знаки, для удара воздушно-водяными бичами. Вода прекратила литься из отверстий у бедолаг, а рты вроде стали совершенно обычными. Все повалились на пол, отплевываясь, и жадно вдыхая воздух. Первым подал голос старик:

— Вот такой благодарности, я уж точно не ожидал! — И он то ли засмеялся, то ли

закашлялся.

Через пару минут, когда все отдышались, в зал «Алтаря Границ» влетело несколько стражей. Они были мокрыми и взъерошенными, на лицах застыл ужас, и они уставились на всех присутствующих в зале алтаря. Стало понятно, что с охраной произошло тоже самое, что и со всеми остальными. Они тоже попали под чары Славика. Миловидная женщина махнула им рукой, показывая, что все в порядке, отправляя их за дверь. Они сообщили, что ливень прекратился и буря стихла. Теперь ситуация под контролем. Затем стражи повиновались, но когда уходили, с опаской и подозрением смотрели на Славу, который вжался в угол, и настороженно осматривал помещение, и людей в нем.

Первая с ним заговорила именно эта женщина.

— Прощу не бойся нас! Мы не враги! — Ее голос немного дрожал от перенапряжения и тревоги, но в целом был мягким и успокаивающим. Она немного помедлила, глядя на него и добавила: — Тебе нужна помощь? Ты ранен?

— Где я? — Коротко бросил Слава, осматриваясь по сторонам, выискивая ходы для отступления, и прикидывая обстановку в комнате. Он «подбирал» полезные предметы, которые возможно пригодятся ему для побега. Женщина, которая с ним говорила, явно была местной госпожой. Она медленно встала и направилась к нему. Все в комнате дрогнули, и молодые мужчины немного шагнули вперед, как бы заступая перед своей повелительницей дорогу. Она жестом руки показала, что все в порядке, и мужчины повиновались, но бдительность не ослабили.

— Я Лирда, правитель этого города. Ты находишься в Артаргиме, городе, что находится на острове Тарг. — Славик слушал ее не глядя, продолжая рассматривать все вокруг. Но заинтересовавшись, он коротко спросил: — Нувок?

— Да, Нувок. Это один из островов империи. А ты? Ты откуда, и как тебя зовут? — Лирда была очень дружелюбна, и даже резких движений не делала, чтобы не напугать незваного гостя. Но Славик не успел ответить. Его виски пронзила острая боль, словно их проткнули раскаленной шпагой, и разум захлестнула волна образов и видений. Они калейдоскопом сменяли друг друга, проносясь в сознании, а затем успокоились являя уже знакомую картину.

Он словно висел над огромным красным морем цветов, которое полыхало рубиновым пламенем в лучах кровавого заката, переливаясь алыми вспышками от бликов на своих лепестках. Под маками сверкала изумрудная трава, переливаясь бриллиантовой росой. В небе клубились тяжелые, серые тучи, угрожая взорваться грозой. Здесь была очень гнетущая атмосфера, которая давила на его сознание тревожными волнами, и накатывала паническими атаками. Это местно вселяло в него страх. Адреналин закипел в организме, и Славе захотелось бежать. Ковер из маков шевелился, словно живой организм. Он излучал силу, могущество, но с этим одновременно невероятную боль и злобу. Каждый цветок в этом красном полотне, как отдельная клетка желал смерти Славика, и теперь казалось, что их ненависть стала материальной, обрела вес, и нашла цель. Яркая белая вспышка беззвучно взорвалась над полем ослепительным светом.

Этот свет заполнил все пространство вокруг, и вновь перед глазами помчались мыслеобразы, которые вереницей картинок затопили сознание, и Слава очнулся. Но перед этим он увидел, как от кристалла к правительнице Артаргима, скользнула серебряная

струна, по которой кристалл ворвался в ее сознание. Он передал ей несколько образов, включая и образ макового поля, а также еще многие непонятые беглецом. Женщина, и после ее связи с кристаллом, он знал, что ее звали Лирда, открыла глаза, и в ее глазах загорелось понимание происходящего, а еще сочувствие. Он, в свою очередь, узнал про Сакральный Портал, хранительницей которого она являлась. И про местных жрецов, и о стихии, которой они повиливали. В ее сознании часто повторялось слово Малор, которое имело какое-то отношение к чудовищному ливню, и ужасной буре. Это было имя духа, который управлял стихиями дождя и грозы. Но Лирда почему-то была уверена, что этот дух, это полу божество и есть Славик. Она часто в своих мыслях называла его именно так.

Когда они посмотрели друг на друга, в ее глазах горело понимание, и вместе с этим ужас, от того, какая чудовищная опасность грозит им всем. Лирда не знала, как и сам Слава, что означало видение о маковом поле, но это явно был дурной знак. Жрица поняла, что чужак все знает о Портале, и о их служении. Она почувствовала, что должна ему помочь спастись от неведомой опасности. Лирда кивнула Вячеславу, давая понять, что объяснять ничего не требуется, нужно действовать.

Они вскочили со своих мест, но в этот момент по залу «Алтаря Границ» пробежала вибрация, и добравшись до входной двери, сосредоточилась на них глухим ударом. Дверь завибрировала, но не сдвинулась с места. Все затаившие дыхание маги в комнате, выдохнули, а врата тут же распахнулись. Лирда и Славик приготовились ударить заклинаниями, но в зал алтаря вошел Рольд, хранитель Артаргима. Все в зале расслабились, кроме Лирды и чужака. Рольд остановился и удивленно посмотрел на всех присутствующих.

— Скорей Малор, ты в опасности! Нам нужно спешить. Я знаю кто ты и помогу тебе. — Торопливо заговорила Лирда, как вдруг в Славика полетели три лезвия, пересекая зал. Он почти уклонился от них, но одно все же задело руку. Беглец вскрикнул от боли, а сам посмотрел на Рольда, который его атаковал. Из руки хранителя города, которая трансформировалась в некое устройство, метаящее лезвия, выдвинулись еще три новых клинка. Никто раздумывать не стал. Лирда ударила водяным сгустком в Рольда, а Фал спустя пару секунд ударил заклинанием, которое выглядело, как водяные акулы плавники, которые образовались на поверхности пола, и как торпеды с бешеной скоростью устремились на врага. Мощно ударило от водяного шара, и три раза хлопнуло от ударов плавников. Рольд отшатнулся и начал трансформироваться в нечто невообразимое. Такого Славик не видел никогда. Чудовище, которое встало на место советника Рольда, было похоже на помесь чужого и хищника, безглазое и безгубое, с обнаженными челюстями. На его спине распустился бутон твердых лезвий, превращаясь в крылья, а руки приобретали формы различного холодного оружия, пока не превратились в веера. Каждый его палец удлинился и стал походить на футовый кинжал, а между этими клинками, как перепонки у рептилии была кожа, что и создавало строение веера. Это был Мимикрид. Его Славик узнал сразу. Он уже видел это адское отродье в видениях, которые ему показывал шаман Нойд. Монстр внушал такое ужасное впечатление, что он не сговариваясь с Лирдой, бросились бежать.

Она показывала ему дорогу, проводя через множество тоннелей, когда за их спинами, с душераздирающими криками, умирали люди — жрецы Сакрального Портала. Они оказались в одном смутно знакомом помещении, затем в другом, пока Славика не озарило: «Я уже был здесь!»

Он понял, что бежит по тем же тоннелям, что и в проклятой ловушке Астрала, откуда он едва выбрался. Они попадали и пересекали те же залы, и попали в зал с колоннами, и

наконец выбежали к Сакральному portalу. Там не было никаких врат, или прохода, тоннеля или дверей. Только огромная площадка, исполненная в виде резного круга, с множеством символов, геометрических фигур, рун и прочей атрибутики. Когда Лирда активировала портал, все вокруг затряслось. Стены и потолок пошли волнами, а пол вибрировал, как станок на производстве. Воздух задрожал и пошел рябью. По площадке начала разливаться вода, тонкими струйками стекаясь к его ногам, хотя он и не стоял в углублении. Площадка казалась идеально ровной и без наклонов. Потоки воды все больше скапливались, пока не закружились водоворотом вокруг его ног. Этот водяной смерч начал подниматься вверх окутывая все его тело, но в самый последний момент, когда ритуал перехода был почти завершен, он увидел Мимикрида, который ворвался в помещение, и разрубил своим веером спину Лирде. Она со вскриком упала на рисунки портала, и вокруг нее начала расплзаться лужа алой крови. Метаморф что-то выкрикнул своими клацающими зубами, и в Славу помчался сильнейший алый заряд энергии. Он взорвался, ударившись о водяную преграду портала, и беглец нырнул в тоннель перехода.

Это не было похоже на предыдущий переход. Славика мотало в тоннеле, как марионетку и он никак не мог это остановить. Его выбросило где-то в лесу, но лес был обычный, хвойный, а не джунгли в которых он был до этого, и Славе показалось, что все же он попал в другой мир, который искал. Мир, где ему предстоит отыскать Берона Арка, полководца и берендея.

Погода была расчудесная. Славик лежал на едва холодной траве, очень мягкой и пахнущей лугом. Деревья, немного странные и необычные, но вполне красивые и даже величественные. Воздух свежий и переполненный всевозможными ароматами природы. Разнообразие красок и звуков, привело его в такую эйфорию, что хотелось петь и кричать, бегать и прыгать. Радоваться. А в подсознании робкая мысль о том, что ему все таки удалось выжить, и не просто выжить, а сбежать от всех бед, и попасть в другой мир, который он разыскивал, сводила его с ума. Он был счастлив. Но счастье, штука скользкая и вертлявая, а поэтому его трудно удержать.

Слава поднялся на ноги, и начал осматриваться. Его внимание привлек шум и он обернулся в его сторону. На него бежало человек тридцать, в грязной, изорванной одежде, с завязанными руками за спиной. Их траектория и скорость приближения указывала на то, что Славик не успевал ни спрятаться ни убежать. Но чем ближе были люди, тем явственнее он понимал, что они от кого-то удирают. Когда до него оставалось еще несколько десятком футов, он решил не выяснять дальше, что происходит, а развернулся и побежал в ту сторону, куда все направлялись. Многие из бегущих даже обогнали его, и когда он был уже среди отстающих, а изнеможенный организм уже не мог справиться с усталостью, услышал позади себя рев. Этот рев был похож на рев ящера или динозавра, и когда Славик обернулся на звук, он завопил от страха и побежал еще быстрее. Усталость сняло, как рукой, когда он увидел за спиной больших змееногих людей, верхом на ящерах, похожих на варанов переростков. Ругаясь по дороге, в голове у него мелькнула мысль, что все путешествия в этих новых мирах будут выглядеть именно так, на бегу. И Славик побежал еще быстрее.

* * *

Вначале все, включая Славу, бежали нестройной толпой, рыская и петляя из стороны в

сторону, путаясь друг у друга под ногами, и всячески мешаясь. Люди кричали и толкались, спотыкались и падали, разбивали колени, подбородки и носы. Завязанные руки людей сильно мешали бегу с препятствиями по едва освещенному лесу. Нескольким соратникам по несчастью ему удалось развязать веревки, в коротких перебежках и играх в прятки, но долго прятаться от преследователей не удавалось. Хищные и огромные ящерки, охотничьими псами вынюхивали и выслеживали своих жертв. Множество криков из разных частей леса, оповещали о трагических неудачах некоторых беглецов, а от их жутких воплей по всему телу высыпали мурашки, бросая в дрожь.

Обернувшись в очередной раз, он увидел, как позади бегущего парня, почти настиг змееногий воин на своей рептилии, и ящер выпустив полтора метровый язык из своей зубастой пасти, схватила его за горло. Резким движением язык скользнул обратно в пасть, а несчастная жертва, полетела над своими убийцами через верх. Змееногий воин достал свой меч, широкий и искривленный, вида египетского хопеша, и в полете разрубил жертву на части. Куски тела упали на пол, а ящер принялся их пожирать. Это ужасное зрелище прибавило сил и решительности, и Славик прибавил в скорости.

Неожиданностью для него стал и тот факт, что змееногие воины прекрасно умели пользоваться магическими энергиями, убивая свои жертвы жестокими заклинаниями. Позади них, а иногда и впереди пролетали фиолетовые вспышки, похожие на энергетические медузы, круглые, со множеством щупалец, трещащих электрическими зарядами. Эти пульсары взрывались вокруг, как вражеская артиллерия, разметая в труху тоненькие деревца, и нанося серьезные раны, размером с большое дупло, в уже старых, древних деревьях. Периодически после взрывов, его накрывало землей и лесным мусором, но это мелочи, которые он даже не замечал. Магический фон, который преследовал Славу вместе с его хозяевами, говорил о многом. Эти змееногие, отлично умели колдовать, и поэтому пробовать с ними схлестнуться на этом попроще, попросту могло стать смертным приговором. Тем более, что Славик и сам очень плохо владел своим даром и возможностями. Использовать магию было бессмысленно. Змееногов было слишком много, а в парах со своими хищными питомцами, они и вовсе были грозной силой. Да и со своим даром он еще не до конца разобрался, чтобы надеяться дать отпор опытным охотникам.

Все же пережитые Славиком трудности, закалили его, сделали сильнее и выносливее. Многие беглецы уже выбились из сил, и пали жертвами жестоких охотников. Он и еще несколько человек, остались единственными, кто еще мог бежать. У преследователей образовалась некая заминка, чем остаток группы и воспользовался. Петляя, и делая резкие смены направления, замечая следы, они делали все возможное чтобы уцелеть. Их спасательным плотом, оказалась небольшая система ущелий, в невысоких скалистых породах, что лабиринтовым городком скрылась в чаще леса. Там они и укрылись.

Славик сидел тихо, и пытался отдышаться после бега, как можно тише. Звуки погони, и крики жертв разом стихли, являя слуху такие чудесные лесные мелодии и рассказы. Человек удивительное существо, которое способно найти красоту даже когда ему угрожает смерть. За валуном, покрытым зеленым мхом, что располагался неподалеку, он заметил движение. Чья-то макушка два раза всплыла над камнем, и так же стремительно исчезла. Несколько шорохов он услышал и позади себя, всей душой надеясь, чтобы это был один из беглецов, а не охотников.

В воздухе повисло дрожащее напряжение. Атмосфера сделалась гнетущей и мрачной, а каждая его клеточка трепетала от возбуждения и страха. Он увидел, как едва слышно, очень

грациозно и уверенно, на поляну перед ущельем вышел змееног на своем ящере. Теперь Славе удалось хорошо разглядеть охотника. Верхняя часть туловища принадлежала воину-человеку, в стальных серых доспехах, и немного блестящем серебристом шлеме с двумя крыльями по бокам. Шлем плотно прикрывал лицо, но рот охотника виднелся в открытой снизу прорези. Острые клыки торчавшие из рта, и тонкий раздвоенный язык, часто мелькавшим между его губ, предавали охотнику зловещий вид. Змееног своим двойным языком пробовал воздух на вкус, вынюхивая, где спрятались жертвы. Нижняя часть его тела, выглядела толстой змеей, обвивающей своим хвостом, мощное тело ящера. Зверюга охотника, тоже занялась поиском. Ее вытянутая морда с двумя прорезями на ее конце, тянула запахи в себя, а шарообразные глаза, выпученные и разноцветные, как у хамелеона, вращались во все стороны. Они выглядели, как единое целое, а всадник и вовсе создавал очень величественное и сказочное впечатление.

Охотник, зашелестев чешуей хвоста, грациозно соскользнул с ящера и они разделились. Славик вжимался в теплый камень, изредка поглядывая из-за него на преследователя. Раздался внезапный крик, и в воздухе запахло свежей кровью, и когда беглец высунулся, чтобы посмотреть, что же произошло, то увидел ящера, жующего рваную массу, с обвисшими и окровавленными кусками плоти, рядом с кустами, где прятался один из крестьян. Сам змееног, достав свой кривой меч, уже очень близко подобрался к нему. Очень осторожно и стараясь не шуметь, Слава двинулся по ущельям, петляя в их лабиринтах, уходя дальше в глубь системы оврагов. Человекоподобный змей резко обернулся на звук сорвавшегося камня под подошвой Славиных ботинок, но не заметил его. Совсем рядом зашелестели кусты, и мелькнул серый силуэт, спрятавшись в них. Бывший раб мысленно выругался из-за возни безалаберного крестьянина в кустах, и притаился.

Пришлось ненадолго замереть, затаив дыхание. Но этого оказалось недостаточно. Над головой зашумело чье-то тяжелое, зловонное дыхание, а на шею упали пару капель жидкости. Славик превратился в каменную статую, даже не пытаясь повернуться и посмотреть на незваного гостя. И так все ясно. В голове крутились мысли о том, что нужно делать, когда наткнешься в лесу на дикого, хищного зверя, но в голову лезла только одна мысль: не шевелиться. Нервы беглеца из соседнего схрона не выдержали первыми. Он рванул из укрытия, сметая ветки низких деревьев и кустов на своем пути, создавая столько шума, что змееног тоже повернулся в их сторону. Камни летели из под ног беглеца, кусты трещали ветками от безжалостного прорыва человека, но все старания были тщетны. Огромный ящер в два прыжка преодолел расстояние между ними, перепрыгивая с камня на камень и выстрелил из пасти своим длинным языком. Плотный, черный язык, толщиной с женское запястье, неуловимой, темной молнией метнулся к жертве, ударяя ее в затылок и присасываясь к голове. Крестьянина бросило на камни лицом вперед, и его нос громко хрустнул и даже чавкнул жидкий звуком. В лесной глуши, раздавшийся звук сломанного носа, царапнул душу по живому, и Славик зябко поморщился. Еще одно движение, и язык стремительно летит в пасть вместе со всем телом своей жертвы. Язык исчез в клыкастой пасти вместе с головой крестьянина, а челюсти с хлопком замкнулись, откусывая беглецу голову.

Все это он видел уже почти на бегу. Точнее он спешно, но бесшумно крался в лабиринте ущелья, скрываясь от охотников. Тем временем Славик потерял из вида змеенога, а собственные ноги несли его в неизвестном направлении. Это наверно и стало той самой роковой ошибкой, что чуть не сгубила его. Он бежал по узкому оврагу, как по коридору, не

оглядываясь назад. Едва он успел добежать до конца оврага, как с той стороны его ущелья появился охотник. Он крутил свой кривой хопеш в руке, рисуя в теплом воздухе невидимые узоры. Его глаза блестели, а язык показывался изо рта в двое чаще, и на короткое время, словно змей был перевозбужден. Ему явно все это приносило удовольствие, и он не спеша двинулся на Славика, извиваясь змеиным телом, по каменистой, пыльной земле.

Раздумывать было некогда и он не раздумывал. Метнув в змеенога сгустком белой энергии, невнятного толка, он лишь добился такого же эффекта, и сразу, Слава начал строить аркан воздушно-водяных бичей. Выставив свободную ладонь вперед, полу рептилия отразила удар невидимым щитом и лишь воздух пошел рябью и фиолетовыми разрядами в месте соприкосновения двух энергий. На руках у беглеца закрутились воздушные смерчи, обрастая водяной оболочкой, которая закружилась в таком же водовороте. Два крестообразных хлестких удара бичами, и змееподобную тварь бросило на камни, а в ответ в него полетел фиолетовый пульсар. Как выставить защитные щиты, он еще не знал, и поэтому по старинке бросился в укрытие за ближайший камень. Разряд ударил в ограждение и вспыхнул яркой сиреневой вспышкой, выбросив в воздух едкий, щиплющий нос, запах. Почти успев сменить укрытие, в руку Славика вонзилось нечто упругое и твердое, но подвижное как изворотливая змея. Это был язык ящера, подоспевшего на помощь хозяину.

Славик просто ударил наотмашь бичом, в момент отсекая рептилии рабочий орган. Язык, черным удавом заплесал в пыли, скручиваясь в кольца, и разворачиваясь в разных направлениях. Из его обрубленного конца хлынула черная слизь, вязкая и зловонная, а ящер с ревом отпрыгнул назад. Медленный, но воинственный змееног был уже совсем рядом, с занесенным для удара кривым мечом. Времени не хватало даже на то, чтобы развернуться, не говоря об уходе от атаки. Судьба и на этот раз внесла свои коррективы, словно желая, чтобы неудачливый беглец всегда оставался лишь на волосок от смерти, переживая капля за каплей океаны страха.

Огромный, черный медведь, с очень красивой шерстью, набросился на змеенога, вдавив его в камень. Он начал полосовать полу рептилию своими длинными и острыми когтями, вырывая куски плоти из мутанта. Хопеш охотника со звонким ударом о камень, отскочил в кусты, а змееног попытался отбиться от медведя магическим ударом. Медведь отбил руку в сторону и пульсар, пролетев над головой Славы ударился в дерево, раскалывая его на две части вдоль ствола. Его накрыло щепками, и Слава лежа на животе пополз в лаз между камнями. Ящер охотника прыгнул, и одним движением чуть не накрыл ползущего человека. Беглец успел. Его нога втянулась в проем между камнями, а на ее месте сверкнули когти рептилии, выбивая снопы искр из мелкого гравия на земле. Тварь не могла дотянуться до своей жертвы, а ее обрубленный язык, пытаясь выстрелить привычным образом, вяло трепыхался на выходе из пасти. Как развивалась драка между медведем и змееногом, Славик не видел, но сзади ящера, раздался рев, сразу же второй, и много резких глухих ударов. Рептилия взвыла, и развернулась к обидчикам. Перед ней на задних лапах стояло два медведя. Эти огромные звери бросились на ящера, схлестнувшись с ним в ожесточенной схватке. Рев, крики боли, звуки разрываемой плоти, кавалькадой заиграли в ушах. Оставалось лишь ждать окончания боя. Выйти и помочь, показалось ему не лучшей идеей. Он был измотан, и сил не осталось на сражение, хотя это его явно не остановило вступить в схватку, а вот его слабые магические способности, могли сейчас и навредить. Он мог бы ударить ящера своими бичами, или отыскать новое заклинание, но неумение точно

использовать эти магические энергии, подсказывали, что он может этим только навредить. Например промазав по противнику, и попав в союзных ему сейчас медведей.

Через десяток минут звуки схватки, крики боли, взмахи оружия и когтей утихомирились, сменившись отголосками возни, а затем и она прекратилась. Еще несколько минут холодной, будоражащей воображение тишины, и перед ним в проеме лаза появился мужчина, лет тридцати на вид, высокий и статный. Он посмотрел на Славу своими синими глазами и протянул широкую, открытую ладонь. Беглец ответил на жест, и ему помогли выбраться из лаза. За его спиной стояло еще двое таких же крепких, и высоких парней, а позади них, на камне, сидел молодой мужчина, весь изодранный и перепачканный, с заплаканным и окровавленным лицом. Спаситель осмотрел Славу с ног до головы, задержав свой взгляд в районе обнаженной груди. Его внимание приковал кристалл, едва мерцавший красно-белесым цветом. Мужчина посмотрел Славе в глаза, а затем с удивлением поднял бровь и скорее утвердительно, чем вопросительно сказал:

— Варэн!?! — Его сурового лица, коснулся блеск загадочной и многозначительной улыбки и он добавил: — Эралия мне говорила о тебе. Пойдем, нам надо убираться скорее отсюда. Азарлары скоро будут здесь. — Он отдал соответствующее распоряжение своим соратникам, и все побежали за ним.

После таких приключений, Славик ни за что не согласился бы вновь остаться один, и лишиться помощи хоть и незнакомых, но вроде дружелюбных людей. Тем более, что его спаситель назвал имя единственного знакомого человека в чужом мире — Эралии. Решение пришло безотлагательно: он должен бежать с ними...

После длительного и изматывающего марш броска по лесу, беглецы остановились на ночлег. Закончив обустройство временного лагеря, поужинав дичью, они все вместе отдыхали, сидя вокруг костра. Славик смотрел на потрескивающие в желтом пламени дрова, и провожая взглядом взмывающие вверх искры, ни о чем не думал. За время своего путешествия, прошло не мало: уже месяца три, а то и все четыре. С ним произошло столько событий, что он бы за десяток жизней в своем родном мире, не испытал бы. Сейчас, в данную секунду, ему просто хотелось смотреть в костер, наблюдая, как грациозные языки пламени обнимают и ласкают друг друга в танце. Он устал, он выдохся. Ему был необходим перерыв, и теперь он твердо решил наслаждаться каждой свободной секундой отдыха, понимая, что любой из таких привалов может оказаться для него последним.

Берон Арк, сидел напротив Варэна, и через дребезжащий в жаре костра воздух, наблюдал за ним. Его взгляд был прикован, как к самому кристаллу, так и к парню в целом. Этот удивительный маг, пришедший из закрытого мира, который раньше о магии и не слышал, восхищал Берона. Точнее он слышал конечно о магии, но в его мире она считалась выдумкой, мифом. Эралия рассказала об Варэне все, что знала сама, включая подробности их встречи, и какую немыслимую важность играет кристалл в его груди. Затем Славик услышал рассказ о засаде и похищении Эралии. Лорду Арку тяжело было рассказывать о своем провале, но он считал, что его новый союзник обязан знать все. Вся проблема заключалась в том, что они не знали, что им теперь делать, куда идти. Без Эралии их борьба стала невозможной. Именно она их объединила, а они теперь обязаны спасти ее. Берон пытался прочитать на лице своего нового знакомого хоть какие-то эмоции, распознать, что он за человек и даже предугадать его поступки, в связи с открывшимися ему новостями. Но этот измученный многонедельным преследованием мужчина, был как непробиваемая стальная дверь, за которой пряталось невероятно много сюрпризов.

После погони, один из спасенных берендеями мужчина, а именно молодой парень из крестьян, рассказал, что после захвата города Адалът, который был самым последним в империи Ранарг, на окраинах империи остались очень большие отряды захватчиков. Их оставили здесь для контроля за прилегающими территориями Сакрального Портала. Те долгие месяцы, которые Берон был в походе на империю Арсаил, охранно-заградительный гарнизон в городе Адалът пустился в разнос. Все воины, которые распробовали вкус крови, победы над врагом, и безнаказанность, начали творить бесчинства: грабить, насиловать женщин, охотиться на людей ради развлечения. Именно такую охоту их небольшой отряд, бежавший от засады возле Сакрального Портала, и застал. И если бы не Берон и его берендеи, никто бы не смог спастись. Это уже была удача, но чудом появившийся здесь чужак, имя которого Варэн, как нельзя кстати повстречался им на пути. Это превзошло все ожидания Берона. Эралия предупреждала его о их возможной встречи, потому что именно она направила Варэна на поиски молодого берендея-полководца. Но что все произойдет так удачно: Берон даже и подумать не мог.

Обманутый завоеватель заметил небольшие изменения в лице Варэна. Тот перестал казаться опустошенным и потерянным, а теперь его лицо покрылось тенью вдумчивости и легкой тревоги. Он сорвал охапку травинок, и принялся их рассматривать, словно изучая древний артефакт. Затем он просеял их между своими пальцами, а последнюю бросил в

костер, и спросил:

— И что будет дальше? Куда мы пойдём? — Берон пристально на него посмотрел и сказал:

— Нам необходимо вызволить Тиру. Без нее мы не сможем продолжать путешествие, и тебя рано или поздно разыщут слуги Баргозара, а этого мы допустить не можем.

— Они уже нашли меня. На той стороне портала, когда я бежал в этот мир, на нас напал Мимикрид. Теперь они знают, что я здесь. Этот мерзкий Метаморф убил хороших людей, которые мне помогли... Я раньше видел эту тварь в видениях, которые мне открыл шаман сайлоков. Этот оборотень напал на моих родителей и хоть они смогли бежать, убил их лучших друзей. — Его лицо еще больше помрачнело, а взгляд замылился влагой. Он посмотрел поверх костра на Берона, и увидел бурю черных эмоций на его лице.

— Я знаю эту историю парень. — Едва слышно сказал берендей Славику. Его голос звучал, как рвущийся картон, от пересохшего горла. — Это были мои родители...

Славик недолго смотрел на Берона не отводя взгляда, а затем понимающе кивнул и сказал:

— Мои родители тоже в итоге погибли, но уже от других тварей — порождений астральной Бездны. — Он словно рассматривал Берона, выискивая нечто неуловимое, а затем добавил: — Ты был там, когда убили твоих родителей, я это видел... мне жаль.

— Я ничего не помню, но мне тоже... жаль.

Они понимающе замолчали. Каждый молчал о своем, но горе у них было одинаковым, поэтому каждый понимал, что испытывает другой. Нарушил молчание первым Славик:

— Нам не за что не прорваться в замок Фалура. А тайно туда проникнуть надо еще постараться.

— К сожалению ты прав. Городская охрана Адальта выставлялась лично мною, и я со своими советниками разрабатывал стратегию по его защите. Без большого войска туда не прорваться. А пробраться небольшой группой и вовсе невозможно. Это плохие новости, но и хорошие одновременно. Тот факт, что именно я знаю, как будут действовать солдаты Фалура во время нападения на город, играет нам на руку. И на счет нашего количества ты не расстраивайся: у нас есть трехтысячный гарнизон в горах Сапши, вот туда мы и направимся. Я думаю у нас еще будет время на разработку стратегии вторжения в город, но время не на нашей стороне. Я знаю своего... — он смолк, словно колющий шип застрял у него в горле — ...Фалура. Он будет пытаться Эралию, пока она все не расскажет или не умрет.

— Тогда на рассвете отправляемся в путь, а сейчас нужно спать.

Берон и еще двое берендеев тоже были вымотаны странствиями и погоней, а потому он решил не вдаваться в расспросы своего нового союзника, а дать им всем вместе насладиться отдыхом. Еще было не заданно столько вопросов, и не получено столько же ответов, а время ускользало сквозь пальцы. Выставив поочередное дежурное охранение, они легли спать.

* * *

Выдвинулись в путь на рассвете. Особо не разговаривая, в тишине и спокойствии. Сквозь нефритовый полог великолепного леса виднелись холмы и предгорья Сапши, там где прятались повстанцы Фротгар. После недолгого поиска они вошли в ущелье, которое служило вратами гор Троллей, так переводилось название этих мест. Самих троллей здесь

давно не было, они покинули эти горы, согласно легендам, тысячи лет назад.

При входе в небольшое ущелье Славика кольнула игла тревоги. Он почуял опасность, но еще не привыкший к новым рефлексам и умениям разум не смог во время среагировать на ситуацию. Он вместе со всеми продолжил путь, хоть все его инстинкты кричали об обратном. Как вдруг вспышка в кристалле оглушила чувством опасности, словно вся аура вспыхнула огнем, от невидимого пламени, окрашивая ее в тона красной осени. Но было уже поздно.

Впереди на выходе из ущелья земля разверзлась, вскипела и острые скалы прорезали кожу земли, злобным оскалом встречая непрошенных гостей. Они метнулись ко входу, но такие же скалы угрожали своими острыми шпилями-копьями и позади них. Славик взглянул вверх, где на кромках ущелья, в ярких желтых лучах солнца, появились силуэты. Метнув сознание в боевой транс, он приготовил воздушно-водяные бичи, но ударить уже не успевал, как в них полетели каменные иглы. Славик проспал атаку, но во время вмешался Берон. Он выставил левую руку облаченную в металлические наручи с замысловатым узором и инкрустациями из драгоценных камней. Камни вспыхнули и словно небольшая волна прокатилась по воздуху, разворачиваясь в разные стороны прозрачным щитом, как панорамное стекло, окутала его. Сам же Берон закрыл собой Славу, защищая сразу двоих. Двое остальных берендеев сделали так же, и уже начали трансформироваться, превращая в могучих зверей. Но еще несколько других силуэтов мелькнуло на краю ущелья, и они загудели заклинания, воздев руки к солнцу. Из недр каменистой земли пробились коричневые корни деревьев, обвиваясь вокруг их ног. Берон убрал щит в сторону и Слава ударил бичами. До колдунов его удар не достал, но с сотрясением врезался в кромку ущелья и обрушил часть ее края. Маги призвали силу земли и камней, и под их ногами из скал взбурлились новые камни, подхватывая своих адептов. Корни окончательно окутали непрошенных гостей, и теперь невозможно было совершать некоторые манипуляции руками, чтобы очертить необходимый для заклятия рисунок движения энергий. Поэтому часть заклинаний, которые знал Славик, стали ему недоступны. Он попытался дотянуться до сознаний напавших магов, сплетая уже знакомое, придуманное им самим заклятие Колодца Дождей, как он его окрестил. Когда у жертв из всех отверстий в теле вытекала густая вода, а рты перекашивало от проклятья черной силы, превращая их в камень. После чего наступало утопление. Но дотянуться до их мыслей не смог, они имели свои барьеры от внешнего вторжения. Легкая паника затуманила его разум, и в этот момент разверзлись небеса, обрушивая потоки яростного дождя на людей.

Щиты по-прежнему накрывали их небольшой отряд, хотя сражаться они уже не могли. По щитам барабанили капли дождя, а тяжелые тучи затянули синие небо. Маги перестали атаковать, рассматривая их с высоты. Не теряя время даром, Берон взял ситуацию в свои руки и заговорил с нападавшими:

— Мы направляемся в лагерь повстанцев Фротгар. Я Берон Арк, Баллар мой дядя и правая рука погиб, защищая нас. Он сказал, что мы сможем обратиться здесь за помощью. Мы все, кто уцелел в резне возле храма Сакрального Портала. Нас предали. Это сделал Бларк. — Он говорил уверенно, с достоинством и неким величием. Ему ответил один из силуэтов, лиц которых они по-прежнему не видели:

— Мы знаем про Бларка и про засаду возле портала. Наши шпионы в Адальте докладывали, что Бларк вернулся в гарнизон города вместе с войском Фалура. Так же среди солдат активно обсуждается разгром армии сопротивления возле Сакрального Портала. —

Он помедлил:- Кто это с вами? — Силуэт указал рукой на Славику и добавил: — Я вижу ваши ауры, в нем нет отпечатка зверя, как у вас троих.

— Это иномирянин, который поможет нам напасть на город. Мы... — Колдун прервал его, резко бросив:

— Помолчи парень! Такие вещи не обсуждаются где попало. Тебе вообще повезло, что я знал Баллара лично, еще до того, как он стал служить Фалуру. Твое появление здесь большой риск для вас всех. Если наша армия узнает, что здесь Берон Арк, зверь, захвативший их дом и земли, они разорвут вас. Мы поможем вам, но о вашем присутствии не должны узнать. — Берон кивнул и сказал:

— Помогите нам прорваться в город и мы убьем Фалура...Я убью Фалура, а город достанется вам. Мы должны спасти свою подругу, она Сарбасес Тира(Последняя Стрела), она поможет мне забрать у прислужника Чернобога вещь, которая принадлежит мне по крови. Тем более я знаю, как устроена защита города. Мы сможем застать гарнизон врасплох.

— Хорошо! Да будет так! — Громыхнул эхом ущелья маг, и силуэты заколдовали.

Корни начали отползать от своих пленников, высвобождая их на волю. Камни на выходе их ущелья акульным гребнем нырнули в землю, освобождая проход. Отряд беглецов оказался в лагере повстанцев Фротгар.

* * *

Колдуна, приютившего беглецов, звали Ирда — адепт магии земли. Сильный маг, которых называют Негридами. Повелевает камнями, землей и всем, что с ними связано. Он был одним из трех сильнейших магов Фротгар. Поэтому ему была отведена роль в убеждении остальных двоих колдунов в необходимости напасть на Адалът. Сами же беглецы на время затерялись в лагере, поселившись повыше в горах Сапши в шатрах, из которых старались не выходить. Старейшины изумились рассказанной беглецами истории, а когда узнали, кто такой Варэн, и вовсе стали мрачнее тучи. Нужно было срочно решать, что делать дальше.

Переговоры шли долго и утомительно. Один из магов, тоже Негрид Тард согласился сразу, едва узнав о гостях посетивших их. Ему не терпелось отомстить Фалуру за смерть своего сына, капитана Фротгара, набиравшего вместе с Бларком добровольцев в рядах армии Берона и погибшего в боине при портале. А вот последний маг все никак не соглашался. Он был адептом сил леса и растений, всего растущего из земли. Таких магов называли Нартами. Они были друидами способными призывать силы природы в своих чарах, а также повелевали лесными духами. Он считал затею с захватом города преждевременной, а желание Тарда отомстить за сына, и вовсе безрассудной. Но вскоре от шпионов из города пришли известия о подготовке войск Фалура к новому походу. Похоже император Дорсилян решил самостоятельно укрепить власть в своей новой провинции Арсаил. Медлить было нельзя. Друид Нарт по имени Арис вынужденно согласился и началась подготовка к наступлению.

Отдохнуть больше не удалось. Лагерь кипел от приготовлений. Солдаты помогали кузнецам делать оружие, тренировались сами и учили тех, кто впервые брал в руки меч. Берон вместе с Арисом, самым опытным из всех магов стратегов, составляли план по захвату города, выверяя удачные моменты, придумывая неожиданные решения. Берон рассказывал о

нюансах, которые помогали гораздо тщательнее подготовиться к сражению, и по максимуму избежать неприятных сюрпризов. Славик же погрузился в изучения магических энергий и их переплетений, выискивая формулы новых заклятий. В этом ему не мало помогал Ирד, который всего за пару дней подтянул его в изучении магии. Он даже показал ему несколько заклинаний земли, которые сам практиковал в сражениях: Каменный Иглопад, Копья Земли и несколько видов щитов, способных отражать, как магические, так и обычные атаки стрел, копий, метательных снарядов. У повстанцев было не так уж и много магов, для нескольких тысячной армии: порядка двадцати человек. Самые сильные и опытные, как раз и были старейшины: Ирד, Тард и Арис. Еще около десяти колдунов, были не так опытны, но и в их арсеналах имелись опасные и смертельные заклятия. Эти маги занимались в основном производством боевых артефактов, которые они наделяли разовыми заклинаниями, для атак на расстоянии. Остальные имели по одному два базовых умения, многие из которых были нацелены на лечение ран и целительство. В полку имелся даже один поисковик и чтец Астрала, который свободно управлял и контролировал простейшие энергии эфира.

Нарт Арис помог разобраться с взаимодействием Астрала и подастрального плана — Бездны. Он научил Славу отгораживаться от нее, выставляя заслоны и защитные барьеры. После чего Славику стало на много спокойней и безопасней работать с Астралом, не опасаясь нападения Теней из Бездны. Он почти не выходил из своей палатки, посещая общий лагерь лишь во время трапез или координационных сборов, где солдаты Фротгар получали целевые указания. Работа кипела, подготовка почти завершалась, а темпы сборов все ускорялись. Когда с приготовлениями было покончено, на общем сборе сообщили о выступлении в сторону Адальта к завтрашнему дню. Пройдя световой день, они должны были выйти на позиции города к темноте. В этот последний вечер, перед таким важным, но и не менее опасным событием, к беглецу в гости заглянул немолодой мужчина с седыми волосами. Он был опытен и стар, а лицо испещренное глубокими морщинами, говорило о нелегкой судьбе этого мужчины. В тот вечер, он посмотрел на Славу, своими черными, как ночь глазами и сказал:

— В тебе есть огромная сила чужак. Ты еще в самом начале своего пути, и раскрыть границы своих возможностей, понять на что ты способен, будет нелегкой задачей. Но твой путь — это и есть твоя награда. Пройдя его ты уже не будешь прежним, как впрочем и все остальные миры. — Тогда Славик не понимал этих слов, но ему хотелось верить в них всей душой. Этого человека звали Тефар, поисковик и чтец Астрала. В тот вечер он отвел Славу на далекий утес, где провел его по лабиринтам Астрала, который был доступен и ему. Там он показал, как можно сплестать энергии и ткать из них новые заклинания. Славик и сам это уже примерно умел. Затем Тефар показал ему небольшое эфирное пространство. Он сказал, что это нечто подобное чулану, куда опытный маг может помещать некоторые свои заклинания. Главное условие, чтобы там хватало место для энергии, на основе которой и было сплетено заклятие. На удивление Славы, эта «коморка» не пустовала, выдавая энергетической пульсацией присутствие магии. Тефар заметив, что Славик обнаружил находку, едва улыбнулся и порекомендовал воспользоваться в учебных целях. С первых раз это никак не удавалось и астральный чтец посоветовал прислушаться к этим энергиям, вплестись в их узор и понять их сущность. Погрузившись в медитативный транс, он блуждал среди отголосков энергий, стихий, пульсаций, пока не открыл глаза и не промолвил:

— Вода! Очень много воды. В голове все время крутятся образы ливней, гроз, молний. Это стихия воды! — Резко воскликнул он, ожидая реакции Тефара. Поисковик лишь лукаво

улыбнулся и сказал: — Слейся с ней, стань ее частью, и тебе будет подвластно все то же, что и ей.

Вячеслав прыгнул в пучину стихии с головой, без страха и сомнений. Он открылся ее энергиям и впустил их в себя, пропуская через свое сознание. Рядом с ним поползли черные, клубящиеся облака, затопляя собой все вокруг. Он чувствовал их, как будто они состояли из его клеток. В его душе накапливалась сила, а грудь переполняли эмоции могущества и неудержимости. Он перестал сдерживаться и отпустил свою душу внутрь стихии.

По лицу побежали ручейки воды, и он открыв глаза, с изумлением понял, что на улице начался ливень. Славик вновь посмотрел на Тефара, а тот смотрел на него уже не скрывая своего удовольствия от происходящего. Делясь мудростью, он сказал:

— Все стихии, и магия на них основанная, будь-то вода, огонь, ветер или земля, плотно между собой переплетены и действуют сообща. И обуздав одну стихию, ты сможешь пользоваться и остальными. — Славик кивнул и вновь закрыл глаза, но на этот раз, лишь на секунду. Затем он резким движением вскинул руку к небу, и также быстро опустил ее вниз, словно что-то потянув. Ветвистая молния сорвалась с туч, и мощным ударом разнесла сухое дерево на другой стороне утеса. Вячеслав аж подпрыгнул от неожиданности и эффектности атаки, а затем повторил ее еще несколько раз. В использовании такой магии были и нюансы. Ему приходилось слишком много тратить энергии, поддерживая и ливень, и швальный ветер, вызывая при этом молнии. Да и находиться обязательно нужно было на открытом пространстве. Но попрактиковавшись, он уяснил, что радиус туч может быть меньше, интенсивность дождя слабее, ветер можно было спустить с поводка, предоставив самому себе, а контролировать лишь молнии. Таким образом заряды, а соответственно и разряды молний делались мощнее и быстрее. Это были непередаваемые ощущения власти и контроля над стихией, которые дурманили и кружили голову. Затем Тефар научил его методам астрального поиска и они распрощались до завтра. Завтра их ждала битва, от которой зависело слишком много жизней.

Город Адалът раскинул свои тени в лучезарной долине, залитый лунным сиянием. По небу плыли неспешные облака, заслоняя своими телесами радостный белый поток лунных лучей. Мимо города звенела неспешная речушка вытекая с предгорий Сапши. С правой стороны города золотой россыпью блестели колоски полей в бриллиантовом свете хозяйки неба. Погода была самая чудесная, которую только можно было представить в последний день своей жизни. Легкий ветерок гонял среди травинки и деревьев, что декоративным парком высадили с одной стороны города, на значительном удалении от городской стены. Деревья и кусты, перешептывались своей листвой между собой, неспешно ведя беседу. У каждого своя судьба. Вот и у этого искусственного леса своя: стать свидетелем великой битвы за свободу поработанного народа королевства Ранарг.

Войска свободных народов Фротгар быстрым маршем добрались до города на третьи сутки. Сейчас их трехтысячная армия, к которой по дороге присоединились еще восьмьсот крестьянских добровольцев, многие из тех, кто успели уже повоевать на этой войне и проиграли, занимали позиции в десятке лиг от Адалта. Сейчас они жаждали взять реванш и отомстить. Пребывание здесь лорда Берона Арка, по-прежнему находилось в тайне, но мало кто знал истинную величину помощи, оказанное этим молодым полководцем. Его роль в этом очищающем походе никогда не отпечатается в истории, но без него, этот поход был бы невозможен.

Старейшины и главные маги Фротгар стояли вместе с Бероном и Славиком, обсуждая детали наступления. Их план состоял из двух частей. Самого наступления, которое послужит прикрытием для проникновения их отряда в замок короля Фалура, и шпионской вылазке.

— У нас все готово! Можно начинать! — Сказал Ирда, обращаясь к из военному совету.

— Люди на местах? — Коротко спросил Арис. Ирда кивнул, и Нарт махнул в сторону группы солдат, которые обступили нечто накрытое плотным маскировочным халатом. Солдаты обступили глыбу сзади полукругом и начали ее толкать к старейшинам. Подкатив массивное строение, которое вблизи выглядело внушительно большим, солдаты сбросили с него покрывало. Перед ними появился Большой походный алтарь, который двигался на колесах.

Это был большая, плоская, треугольная плита, испещренная тысячами символов и рун, рисунков и графики. На ней лежала еще одна плита, только на этот раз в виде круга, который идеально лежал на треугольнике вписываясь в его грани. Два камня расположившиеся в центре подпирали один другого так, что первый был словно ложем, но с наклоном сорок пять градусов. Камень был плотно обвит во многих местах растениями и цветами, предавая серому цвету виридиановый ореол.

Арис, сбросив свой плащ, взобрался на алтарь и лег. Стоявшие неподалеку маги разных уровней начали подходить к алтарю занимая места на плите вокруг ложа. Нарт в слух начал читать заклинание, переходя на шепот, и снова громко гомоня. От его голоса начал дрожать воздух, вначале только вокруг мага, а затем и вокруг всего алтаря. Когда эта волна прошла по воздуху и накрыла магов сидящих вокруг ложа, они также зачитали слова, но уже монотонно гудя и мыча. Воздух дрогнул темным, изумрудным светом, и волна разлившаяся перед ними стала иллюзией лесной стены, которая плотно скрыла армию Фротгар в своих чарах. Нарт закончил обряд морока, и лежал закрыв глаза, веки которых едва светились

зеленоватым светом. Солдаты обступили алтарь и покатали его в сторону города. Вокруг алтаря, в тех местах где его катили, на земле расцветали цветы и вырастала трава. Словно почва не могла сдержать натиск древней энергии природы и разрождалась флорой от ее чар. Морок, закрывая их плотной завесой, помогал продвигаться к городу. Армия Фротгар двинулась следом.

Пройдя шаг за шагом, под маскировкой морока, повстанцы заняли свои позиции. Теперь до городских стен оставалось не больше лиги. Дальше они не решались продвигаться, поисковые маги Адальта могли на таком расстоянии уже что-то чувствовать, например: легкие эманации эфира. Тард кивнул магу собрату Негриду, что можно начинать вторую часть наступления. Арис продолжал поддерживать морок, когда Ирду встал по швам, вытянувшись в струну и закрыл глаза. Словно легкий толчок устремился из его тела в ночное небо, и исчез в его глубине. Вспышка падающей звезды расчертила небесный, бриллиантовый шелк, и погасла, сгорев в атмосфере. Это был сигнал.

Справа от них и города, вдалеке, на окраине полей, зажигались красно-желтые звездочки, вспыхивая в ночи, и мерцая в ее темноте. Затем они исчезли на мгновение, а уже через секунду, на их месте за клубился серый дым. Он клубами, обретая свободу, рвался в небо, пытаясь на радостях заполнить все пространство собой, а под его ногами заплескалось огненное море, которое разливалось в темноте теплой ночи. Через десять минут стараний огненной стихии, все поля горели ярким пламенем, пытаясь ухватиться за хвосты дыма, что предательски устремлялись в облака. А маги Фротгара, уже гнали ветра и воздушные потоки, направляя дым в сторону города. Эта дымовая завеса, грозным шквалом неслась на Адальт, и вот уже сторожевые башни вспыхнули, точками факелов, и внутри на стенах зашевелились люди. Тревожно зазвенели колокола, оповещая жителей об опасности. Пожар на полях угрожал людям не только пламенем, но и голодом. Поэтому сейчас в городе начнется паника.

Дождавшись когда на городских стенах появятся маги, способные потушить пожар, началась атака. Никто не станет тушить пожар, покинув периметр города. Они понимали, что это могло быть наступление. Войска повстанцев группами по дюжине человек начала проходить сквозь ширму морока и пригнувшись затрусили к городской стене. Они словно серо-зелеными пятнами моха покрывали всю территорию перед городом спешно группируясь в стройные ряды. Дым уже укутал правую городскую стену, спрятав часть города в своем едком лабиринте. Но стражи на южной стене, с которой наступали повстанцы, тоже не спали. Они увидели отряды солдат и подняли боевую тревогу, громко загудев в военный горн. Башни вспыхнули кострами, освещая стену, на которой уже зажигались факелы.

Не теряя времени зря, Ирду занял место Ариса, который соскочил с алтаря. Теперь была его очередь, усиливать свои чары через магический трамплин алтаря. На этот раз процедура повторилась с некоторыми отличиями. От магии земли, заигравшей мощью камней, все задрожало под алтарем. Сами плиты оцетинились каменными иглами, в тех местах где не было магов, наделявших походный артефакт силами. А перед алтарем вспучились невысокие скалы, встав карточным домиком с естественной амбразурой, через которую Ирду наблюдал за началом боя. Арис убедившись, что Ирду не требуется его помощь, подошел к ошарашенному Славику. Иномирянину еще не приходилось наблюдать за столь сильной волшбой, которая сейчас царила вокруг.

— Я пойду с вами! Моя работа здесь закончена, а мои способности могут вам

пригодиться в застенках города. — Арис, не напрашивался, он констатировал. Ему не требовалось чье-либо разрешение. Поэтому Славик просто кивнул. Его внимание отвлекли боевые действия фронта, и он устремил свой взор туда. Арис же направился в глубь рядов солдат.

Дорсилане не стали дожидаться начала атаки и нанесли превентивный удар. Град из стрел, стаяй жалящих птиц полетел на повстанцев. Но Ирда уже был к этому готов, и через секунду перед бегущими фротгарцами из земли выдвинулись толстые плиты, словно огромные парковочные столбы, появившиеся из неоткуда. Повстанцы спрятались за такими своевременными укрытиями, а деревянные жала разбились о них на мелкие щепки. Сразу же за ними Фротгар ответили едва ли не большим роем стрел, которые нашли свои цели на стенах города. До стены оставалось не больше полу лиги, но теперь им приходилось вступить в кратковременную позиционную войну, выигрывая время для волшбы мага Ирды.

Сам же волшебник Негрид уже плел свои заклинания. Из земли, под стенами форта поползли каменные плиты и валуны, подпирающие их. Они неспешно лезли, издавая скрежет адских жернов, которыми перетирают человеческие кости. Они извергались из земли невидимой силой, словно почва отторгала их, за только им известные грехи, отрекаясь от своих детей. Вскоре они встали мертвыми истуканами, сотворив своими исполинскими телами лестницу к верху стены. Таких лестниц было несколько десятков, а забежать по ним могли сразу по трое бойцов. Защитники Адальта увидели это, и уже подняли панику. На стенах показались маги, в пестрых балахонах, и боевых доспехах под ними. Они пытались сотворить рассеивающие заклинания, окутав лестницы потоками воды, ветра и песка. Эти природные силы способные точить камень, принялись за работу, как рой трудолюбивых насекомых опыляя цветы. Но Ирда, сила которого в десятки раз увеличилась за счет подпитки алтарем, не давал пробиться сквозь защиту своего плетения.

Возле одного отряда Фротгар, чуть в стороне, стоял мужчина лет тридцати, немного замурзанный, но одетый прилично, по моде Адальта. Это в нем сразу выдавало его жителя. Арис подошел к парню, и что-то ему сказал. Затем достал из кармана вещь, которая слабо вспыхнула галогенным светом и потухла.

Когда Славик повернулся, чтобы продолжить беседу с Арисом, то не обнаружил его рядом с собой. Он увидел, как Арис, стоящий далеко в рядах солдат, вешает на шею проводнику из Адальта украшение. Станные обряды и традиции заволаживали его, творившаяся вокруг магия обескураживала, погружая в атмосферу сказок и фантазии. Он посмотрел в сторону Адальта, на яркие вспышки магии, и ожесточенное противостояние, затем направился к Берону.

— Пора выдвигаться! Нельзя терять время, Эралия долго не продержится! — Сказал Славик Берону, который стоя в балахоне с капюшоном, скрывающим его лицо, наблюдал за началом сражения. Полководец кивнул, явно уже настроенный на сражение. Животные инстинкты кипели в нем, но его драка будет чуть позже, и он жаждал ее. Арис присоединился к ним минутой позже, и отряд двинулся в сторону реки, где был вход в городскую канализацию.

Тем временем защитники Адальта осознали, что за каменными плитами врага не достать, а потому сменили стратегию. Град из стрел прекратился, а на стенах исчезли все солдаты, прячась за выступами. Фротгар также прекратили сыпать стрелами. По ушам ударила чудовищная тишина, которая звенящим куполом накрыла поле боя. Так продолжалось еще двадцать минут, пока в небе не засвистели летящие снаряды, шумно гудя

в полете. В сторону повстанцев через стену летели небольшие бочки, которые вращаясь в полете, напоминали пушечные ядра. Бочки падали и разбивались об землю, выпуская в воздух прозрачный газ, который едко пах ртутью с нотками лаванды. Солдаты Фротгар закрывали лица тряпками, а те кто умел колдовать, накладывали на дыхательные органы фильтрующие чары. Но газ оказался не ядовит. Этот факт был бы для повстанцев более радостным, если бы не появившиеся защитники Адальта на стенах с горящими стрелами на своих луках. Повстанцы в миг все поняли. Огненная туча прорезала воздух, извиваясь в ночи черно-дымчатыми хвостами и накрыла солдат Фротгар. Газ мгновенно вспыхивал и взрывался напалмом, выжигая солдат за их каменными укреплениями. Ад обрушился на землю, сжигая заживо людей. Колдуны успели поставить магические щиты, спасаясь от свирепой стихии. Многие солдаты, которые имели амулеты сферических щитов, активировали их. А горящие повстанцы, оставшиеся без магической защиты, не желая умирать бес смысла, ринулись в атаку, как горящие факелы, на ходу разряжая луки и магические артефакты, с изумрудными молниями, фиолетовыми пульсарами и тучами каменных игл. Чудовищное зрелище постигло стражей Адальта. Горящие, уже не живые, но еще не мертвые люди, кричащие от боли, источающие вокруг запахи горелого мяса и волос, бежали по крутым лестницам, скаля оголенные зубы с выгоревшими губами. Эта армия преисподней, как нежить атаковала противника без страха и раздумий. Ненависть горела в их глаза, как и их страдающие тела. Но защитники города не давали прорваться сквозь свои ряды, яростно отбиваясь от горящих «демонов». «В воздухе свистели все новые залпы снарядов, и в один момент Астральный чтец Тефар, выхватил несколько бочек с газом в полете из этой реальности, спрятав их в Астрале, а затем открыл тонкую брешь рядом со стеной города, через которую эти снаряды вырвались, одновременно взрываясь. Опыта у старого мага хватило, чтобы нанести столь неожиданный и ловкий удар. Стена взорвалась сотней камней и тысячью осколков. Горящие и защищенные щитами повстанцы устремились в разлом стены. Они ворвались в город, смяв солдат на стенах, убивая их в рукопашную и холодным оружием, поджигая собственной плотью. Остальное войско Фротгар увидев такое самопожертвование ринулось в бой. Две тысячи человек бежали к пылающим стенам Адальта, выкрикивая боевые кличи. И это море разгневанных солдат хлынуло на лестницы и стены города, прорываясь через разрушенную собственным оружием, стену, захватывая первые его рубежи.

* * *

Пробраться в подземелья города не составило труда. Решетки и заслоны были для медведя Берона простым развлечением, с которыми он быстро справлялся. Шли вчетвером. Проводник показывал дорогу, а остальные прислушиваясь и оглядываясь, кто по сторонам, а кто и в астральных планах, шли за ним. По дороге Славик невзначай спросил проводника, которого звали Грэт, что дал ему Арис. Тот сказал, что это защитный артефакт. Славик пожал плечами, и они продолжили путь.

На всех была матово черная облегающая одежда, состоящая из штанов, высоких сапог по голень и кожаные куртки с капюшонами. На руках были наручи со встроенными артефактами, и ноги облаченные в заколдованные поножи. В одежду были вшиты заговоренные металлические пластины для лучшей защиты. Черные накидки развивались на

их плечах, размывая их силуэты в нечеткие тени в темноте тоннелей. Славик был вооружен трехфутовым одноручным мечем, который искривлялся от гарды к середине, и обратно выгибался к своему острию. На клинке были магические символы, которые укрепляли сталь, и облегчали вес меча. Рукоять выполнена в форме грифона. За спиной его висел добротный лук, черного дерева, словно закатанный в полупрозрачную черную смолу, что придавало оружию магический вид.

От запахов и обилия крыс, вернулось давно забытое чувство брезгливости. Все же Славе пришлось жить в последнее время не в очень комфортных условиях. Но это лишь подстегивало его быстрее пройти канализационные лабиринты. Их беспламенные факелы, основанные на свечении энергии, мерно горели, отлично освещая путь. Разговоры сейчас были не уместны. Каждый настраивался на бой, и что бы не преподнесла судьба, они собирались встретить ее повороты с честью.

Блуждая с получас по подземному лабиринту, Славик уже сбился с пути и потерял все ориентиры. Он не знал где они находятся в пространстве, откуда пришли и где находиться замок Фалура. Он пытался через астральный план выяснять эти подробности, но смог выловить в его эманациях лишь отголоски боя на окраине города. Значит они уже были близко. Грэт говорил, что они выйдут в подземельях крепости, и там смогут сразу начать поиски пропавшей девушки. Славик надеялся на помощь Эралии в сражении с Фалуром, потому что был до конца не уверен в своих собственных силах. Фалур всего лишь человек, хоть и сильный маг.

Перед ними выросла массивная деревянно-металлическая дверь, с большим замком и засовом. Грэт остановился перед ней, а в его глазах вспыхнули огоньки, и сразу погасли.

— Пришли! — Сказал Грэт, и уставился стеклянным взглядом на дверь. Славик раньше мог бы принять такое поведение за малодушие, но сейчас ему казалось, что Грэт не живой вовсе — кукла. Мысли его отвлек Берон, снова удивляя гибкий для всего нового ум Славика, своей трансформацией в медведя. Молодой полководец единственный, кто был одет в традиционную боевую броню берендеев, а не в легкие кожаные доспехи. Лорд Арк попытался сорвать замок, но он не поддался. За ним Арис попытался воззвать к силам природы и деревьев, но дверь была сделана из мертвого дерева, и магия Нарта на нее не действовала. Дверь оказалась заговоренной. Славик решил силой не брать, а погрузился в планы эфира, пытаясь выяснить рисунок плетения заклятия. Нашел несколько опорных потоков энергий, завязанных на неизвестной ему магии, и несколько ловушек для тех, кто захочет их потревожить. Кристалл показал четкую картину плетения, и объяснил на одних лишь импульсах, как справиться с ловушками. Славик легко их обошел, выдергивая одну за одной, основы плетения, и делая заклинание беззащитным. Затем он вышел из транса и ударил заклятием Каменных Игл в замок. Тот покорежился от ударов зачарованных камней и развалился. Берон играясь убрал тяжелый засов и толкнул двери. Они оказались в большом зале с высоким потолком. В нем царил полумрак, а многочисленные колонны каменными тенями стояли, как мертвый лес. Но чем глубже они продвигались, тем все меньше были тьмы. Она рассеивалась, разрушаясь под гнетом далекого света, к которому они все шли. Когда часть зала осветили невидимые светильники, из теней и тьмы их взгляды начали выхватывать атрибуты и орнаменты необычного вида. Статуи, колонны, вычурные барельефы и лепнина на неровных стенах. В конце зала было нечто вроде пьедестала, на котором располагался алтарь. Перед ним стояла фигура в плотной черной накидке с капюшоном. Человек не спеша развернулся и громко произнес:

— Добро пожаловать в нашу обитель путники! — Он снял плащ, откинув капюшон, и все увидели Бларка. Этого мерзкого предателя.

— Ты умрешь тварь! Из-за тебя погиб Баллар, твой друг! — Закричал Берон, а Бларк резко его дополнил: — И твой дядя...

Бывший соратник засмеялся, а огни в храме вспыхнули в два раза ярче. Из проемов по обе стороны алтаря, которые до этого скрывались в тенях, неспешно вышагивали воины. Первые из них держали на привязи по четыре скалящихся и рычащих псины, похожих на доберманов. Только вот пасти у них были скорее драконьи, чем собачьи, и шипы на голове, простирались вдоль хребта, как гребни. Сами же смуглые воины, были почти без доспехов. Только руки, ноги и плечи были защищены, а на теле были множественные кожаные ремни коричневого цвета, одетые крест на крест. Они были вооружены большими топорами и мечами в каждой руке. У двоих бойцов были и щиты. И в целом их выход охарактеризовывал их, как очень сильных и уверенных в себе бойцов.

Никто команды не ждал. Воины спустили псов и те с жадностью накинулись на своих жертв. Берон шагавший уже в лике медведя, бросился на этих шавок, раскидывая их по углам. Двум собакам удалось вцепиться ему в загривок, и теперь псы рвали плоть Берона. Арис ударил Несколько воинов воздушным потоком, сбивая их с ног, а сам выхватил свой меч и начал рубить противника. Славик стоял в отдалении от всех, и уже успел выхватить лук и наложить стрелу. Он выпустил подряд несколько снарядов и одним из них убил женщину в кожаной одежде. Долго орудовать луком ему не дали. Одна из собак подлетела к нему и попыталась вцепиться в горло. Он подставил под мощные челюсти лук, который не дал зубам сомкнуться на шее. Крутанул своим оружием и псина полетела в сторону, а сам уже доставал на бегу меч. Его клинок ударил в топор противника, выбив сноп искр и громко звякнул. Они обменивались ударами, как заведенные, уходя из под смертельных атак друг друга. Воин взмахнул топором, и Слава наотмашь отбил удар, а противник раскрылся в полу развороте. Ему лишь чудом удалось ударить его в грудь ногой, и тот полетел назад, падая на спину. Но Слава решил не терять момент и вызвал заклятие Каменных Копий из пола замка. Земля взбугрилась шипами, и воин смачно приложился спиной об острые камни. А сам Славик уже летел в прыжке, хлестким ударом рассекая брюхо лежащему воину. Рядом Арис танцевал в пылу сражения, вычерчивая в воздухе замысловатые фигуры блестящим клинком. Кровь от ран его жертв летела во все стороны, и забрызгала одежду Славику. Берон уже расправился со всеми собаками, и теперь грузно шел на одного из собаководов, прижимая его к стене. Быстрый прыжок, и лужа крови растекшаяся под его лапами, сказала о кончине врага. Берон развернулся и помчался на стоявшего возле алтаря Бларка, но тот сразу же выставил руку вперед и с его пальцев сорвались кривые разряды белой молнии. Молодой берендей лишь вскинул руку с магическим щитом, и молния с треском ударила в прозрачный заслон. Едва увидев это, Славик начал строить заклинание воздушно-водяных бичей, чтобы помочь товарищу, но острая боль опасности уколола затылок, и он бросая строить аркан развернулся в сторону, выставляя левую руку с активированным щитом. В прозрачную сферу врезался рубиновый поток, заставляя щит мерцать и истончаться. Секундный взгляд на противника — Арис. «Мерзкий предатель!!!» Разряд из второго браслета на правой руке, и огненный пульсар помчался в Нарта, который просто не ожидал такой атаки. Огненный шар взорвался ударившись в стену рядом с друидом, но плеснувшее на него пламя обожгло ему часть лица. Маг завопил, и попытался вызвать корни из недр замка, но те лишь сумели обвить ноги Славы, сразу же став трухой от действий его клинка. Удар воздушной волной

Нарта сбил его с ног, и Хранитель Искры отлетел в дальний конец зала.

— Ты думал так все будет просто, мальчишка? Тебе не победить нас. — Его лицо еще немного горело, но он кажется не чувствовал боли, а хищно скалился.

И тут сознание Славика накрыла пелена. В разум ворвалась черная ярость, заполняя его силой Бездны. Мышцы вскипели, вырастая на глазах мощными узлами, глаза затянула черная пленка, а ногти превратились в острые хитиновые пластины-когти. И сразу же собственное заклинание метнулось к разуму Нарта. Маг резко остановился, посмотрел на противника ошарашенными глазами, и схватился за горло. Прямо на глазах, его рот начал трескаться, покрываясь мелкой сеточкой, а из глаз и рта потекла вязкая вода. Взгляд Нарта помутнел, став водянисто-белым, и он начал захлебываться. Его руки свирепо хватали воздух и пытались разорвать грудь, в попытке вздохнуть. Славик взял свой упавший меч и направился к друиду. Тот с ужасом смотрел в глаза своей надвигающейся смерти, но нашел в себе силы и встав на одно колено поднял свой клинок. Славик взмахнул мечом, и без труда выбил оружие умирающего мага, а затем коротким росчерком ударил его по горлу. Кожа шеи раскрылась зевом рта, из которого хлынула вязкая вода. Маг упал, уперевшись мутными глазами в невидимый потолок и умер.

Тем временем Берон принимал жестокие магические удары от Бларка, который неустанно ими атаковал. Славик метнул в Бларка Каменные Иглы, но тот ловко подставив поток яркого света, расплавил острые камни. Требовалось испытать что-нибудь новенькое, и он нырнув в себя обратился к своей сущности, которая теперь стала частью его сознания, после сражения в подпланах Астрала. В его сознании зашумела вода, звуки которой были такими дружескими, нежными, родными, что Славик решил не копаться в эфирных энергиях, а поддаться естественному зову этой стихии. И все в его душе встало на места. Он открыл глаза и вокруг него во вспышках синеватого цвета начали зарождаться водяные шары, перетекающие половинками символа инь-ян. Они плескались и кружились вокруг него, как атомы хаотично крутятся вокруг молекулы, и Славик лишь сформировал мысленно свои желания, как эти водяные сферы устремились к Бларку на лету образуя из себя огромный водяной шар. Он подхватил в себя Бларка, по-прежнему разгоняясь до сумасшедшей скорости, и со всего разгона ударился в стену. Вода с плеском разлилась на пол, а вот находящийся внутри сферы Бларк влетел в стену, заставляя каменную кладку вомнута и потрескаться. Берон находившийся на своем прежнем месте в облике медведя, очень грациозным движением выхватил свой длинный двуручный меч, и держа его за рукоять, метнул как копье острием вперед. Меч влетел в оглушенного Бларка, который не успел выставить магический заслон. Славик увидев поверженного врага, из груди которого торчал двуручный меч, оборвал связь со стихией воды, и обессилено упал на пол. Берон уже обращался в человека, потому что сил и ходить в медвежьем облике и сражаться, уже не хватало.

— Скорее Варэн! Нет времени отдыхать, нам нужно еще найти Эралию. — Берон тоже устал, но Славик впервые так вымотался за все время своего путешествия, а повидать он успел не мало. Он осмотрелся и указав мечом в сторону стены, сказал:

— Там Грэт. Проверь, он живой? — Берон подбежал к проводнику и растормошил его. Тот был в ступоре, как зомби, не видя ничего и не слыша. Глаза стеклянные, и словно дышит через раз.

— Он зачарован. Мы уже ему не сможем помочь. — Берон уже поднимался на ноги с колена, как Варэн сказал:

— Без него мы не найдем Эралию. Амулет... Сними с него амулет. — Слова после боя давались тяжело, и он все никак не мог отдышаться. Берон сдернул кулон, и глаза Грэта снова начали наполняться жизнью, осмысливая происходящее. Берон затряс Грэта, желая услышать где им искать Эралию, а тот лишь перевел на него ничего непонимающие глаза и показал пальцем на вход одного из коридоров. Славик уже поднялся на ноги и они не сговариваясь с берендеем, нырнули во чрево тоннеля.

Блуждая в лабиринтах темницы с пол часа, Славику и Берону пришлось разделиться. Тюрьма была переполнена заключенными, которые стонали, кричали, плакали и молили их освободить. Коридоры подземелья были затоплены горестными эмоциями: страхом, болью, отчаянием. Эта атмосфера угнетала сознание, расшатывая и без того расхлябанные нервы. Поиски не давали результатов, а несколько раз он и вовсе попадал на засады стражников замка, но уже сноровисто расправлялся с противником.

Берону тоже не удавалось найти Эралию, но гнев и ненависть к Фалуру, гнали его вперед по коридорам, как дикого зверя. Острое медвежье чутье не давало результатов. Вся тюрьма была переполнена запахами, и помимо вони невымытых человеческих тел, его разум тонул в липких запахах ужаса и безысходности пленников. Он был в человеческом облики, так как размеры коридоров не позволяли ему комфортно передвигаться по ним в шкуре медведя. Проверая камеру за камерой, клетку за клеткой, он уже отчаивался найти Стрелу. В душе поселился мерзкий холодок осознания, что они могли и не успеть. Фалур уже давно мог развязать ей рот, а затем хладнокровно убить. Берон всячески отмахивался от этих мыслей, повторяя себе вновь и вновь, что она жива и еще ничего не потеряно. Но потеряно в жизни было уже многое. Саму жизнь у Берона отобрали и заменили чужой, наделив судьбой, которая ему не предназначалась. Теперь он наконец обрел контроль над своей жизнью, и никто ему не помешает совершить возмездие. Он твердо решил, что если Эралия мертва, то он убьет Фалура еще с большим наслаждением.

Извилистые тоннели подземелья, мотали его в разные стороны, сбивая с толку и окончательно запутывая. Новые пролеты открывали перед ним, новые ряды дверей камер, но и в них не было Последней Стрелы. Мысли засоряли сознание, чувства пеленали и замыливали взгляд, а тоннели и камеры проносились мимо бесконечными составами. Не разбирая дороги он вбежал в очередное крыло, и обнаружил две длинные стены оканчивающиеся тупиком, с двумя горящими факелами в настенных подставках. Глухие стены коридора без единой двери ввели Берона в легкий ступор. Зачем иметь целое крыло, где нет ни одной камеры. Хотя вывод напрашивался сам по себе: незачем. Только если это не сделано для отвода глаз. Берон начал прощупывать стены, принохиваться к камню, пытаясь отыскать стыки или щели. Полное отсутствие магических способностей иногда сильно раздражало его. В разных мирах столько могущественных магов и колдунов, а ему не досталось и крупицы их умений, даже самых жалких. Но с другой стороны, миллиарды людей и других существ жили как и он, без магии, но в отличии от него, они не умели перекидываться в медведя. Хотя раньше было огромное множество рас животных перевертышей. Но теперь он был едва ли не последний в своем роде.

Мысли и переживания сейчас явно были не к месту, но события последних дней, что-то переключили в Бероне. Раньше ему не требовались лишние доводы чтобы исполнить свой долг, но после всей этой многолетней лжи, он просто не мог перестать анализировать, теперь уже принадлежащую только ему жизнь. Копаясь в себе, он исследовал стену тупика, и найдя под держателем факела тонкий крючок, потянул за него. Дверь со скрежетом отползла в сторону и перед молодым полководцем открылся проход в новый тоннель, тусклый и мрачный. В душе шевельнулась надежда. Такие мрачные застенки, как раз для особых заключенных.

Приглушенный до минимума свет, скрадывал истинные объемы коридора, но медвежье зрение помогало без труда ориентироваться в пространстве. Обследовав несколько дюжин камер, он наткнулся на дверь за которой находилась караулка, и еще один небольшой коридор. Открывая дверь, он резко ворвался в комнату, чтобы застать врасплох раскисшую от томительного ожидания, охрану. Но в дверях сработала ловушка, и на молодого берендея, светящейся зеленым цветом вязью, налипла обжигающая магическая сеть. Берон взревел, пугая на смерть ничего не подозревающих охранников и бросился на них, превращаясь в воинственного медведя. Стражники не успели даже взять в руки оружие, когда восемьсот килограммовый медведь накинулся на них, разрывая их хлипкие тела на кровавые ошметки. Подхватив с одного из стражников связку ключей, и два странных амулета, выбежал из караулки в новый коридор. Проследовав в него, Берон вышел еще к одной двери, которая выглядела очень мрачно и надежно. Кожу жгло от воздействия магической сети, но он был неумолим. Стальные засовы и огромные замки служили надежным гарантом сохранности помещения за дверью, но Берон понимал, что без магических замков здесь не обошлось. Ключи со связки, после тщательного подбора, открыли замки, и теперь Берон искал способ применения амулетов. Дверь казалась монолитным камнем, но прощупывая дюйм за дюймом ее поверхность, он отыскал желоб, скрытый мороком, куда четко лег один из амулетов. Спустя еще некоторое время, нашлась выемка и для второго артефакта. По двери прошла волна серовато-феолетового цвета, и она начала отпираться шипя, словно выпуская пар.

Войдя в помещение, уже приняв человеческий вид, Берон, бросился к лежащей на полу девушке. Он подхватил ее голову, и аккуратно убрав волосы с ее лица, посмотрел на Эралию. Тира была в полусознательном состоянии, и едва держала слезящиеся, раскосые глаза открытыми. Она была вся в грязи и крови. Тело в ранах и порезах, а из одежды, бесформенный балахон из мешковины, который едва прикрывал интимные места. Берон взял ее на руки, и вынес из комнаты, в которой он ощущал сильные вибрации эфира. Они словно вытягивали жизнь и силы из любого, кто находился в стенах этой камеры. Наверно комната оснащена специальными артефактами или заклинаниями. Он уложил Стрелу на стол в караулке, и принялся шарить в карманах пояса. Из секретного поясного кармана вынырнул небольшой мешочек, утонувший в могучей руке берендея, из которого он достал несколько листочков сизо-зеленой травы Морвы Белой. Это была одна из разновидностей редкого целебного растения. Он вложил листки в рот Эралии и она постепенно рассасывая их, принялась жевать. Она немного взбодрилась и вытянулась в струну, но тут же из ее пересохших губ вырвался стон боли. Тира постепенно приходила в себя. Раскосые веки открылись и великолепные зеленые озера глаз, затопили его сознание. Он проникся к ней такой нежностью и любовью, замешанной на фундаменте собачей преданности, что был готов уничтожить любого, кто посмеет ей причинить вред. В груди горевший огонек ненависти, вспыхнул пожаром, и Берон с нетерпением сжал кулаки.

— Берон — это ты? — Тира едва произносила слова, но его слух распознавал все оттенки чувств звучащих в ее голосе. И он незамедлительно ответил: — Да Эралия, не говори больше ничего. Ты слишком слаба.

— Варэн?? Он жив, он нашел тебя? — Ее голос сорвался, и она сипло простонала.

— С ним все в порядке. Я сам его нашел. Мы разделились в поисках тебя, но договорились встретиться на первом этаже. — Берон заметил, что Стреле легчает на глазах, и здоровый блеск глаз возвращается вместе с румянцем на веснушчатых щеках. — Ты должна

отдохнуть и набраться сил. Он стянул с руки браслет и надел его на Эралию. Этот магический артефакт мигом соединился с ее аурой и начал закачивать в нее энергию. Силы постепенно возвращались, но очень медленно и Тира попросила Берона закрыть дверь в ее камеру. Она ощущала, что эманации эфира продолжают выкачивать из нее силы. Так и оказалось. Дверь захлопнулась, а Эралию накрыла волна восстанавливающей энергии и силы от браслета. Спустя десять минут она была полностью отдохнувшей и свежей. Раны затянулись под воздействием целебных заклятий, и теперь она разве что была грязная, да и только.

— Ну как ты себя чувствуешь? Сможешь идти? — Берон с тревогой в глазах смотрел на Тиру и она кивнув, решила сбавить напор своего заклинания лояльности. В тот момент, когда она пришла в себя, она инстинктивно надала на сознание молодого берендея своей ментальной силой, вызывая к себе безграничную любовь и всепоглощающее желание защищать ее. Так она исключала нападение от источника опасности, превращая в своего защитника.

Берон встрепнулся, и удивленно посмотрел на Эралию. Таких ментальных способностей он еще не ощущал раньше, даже не знал о таком. Но не было времени объясняться. Нужно было спешить. Они вылетели через дверь за которой нашла лестница на первый этаж. Теперь им нужен был свиток.

* * *

Обойдя каждый закоулок подземелья, Славик вышел к просторной лестнице, которая вела на первый этаж. Туда, где находился тронный зал замка. Не найдя Эралии, он решил ждать Берона на первом этаже, как и условились. Проходя по широкому коридору, в альковах которого стояли разнообразные статуи воинов, Славик почувствовал мощный удар магической энергии. А сразу после него щедрую волну астральных колебаний. Где-то рядом открыли астральную воронку, из которой обильными потоками поступала энергия, попадая в нашу реальность и будоража магические поля. Слава до конца не осознавал, что все это значит, но что это приведет к чему-то очень плохому, не сомневался.

Он помчался на зов Астрала, который как сладкая музыка манил к себе, завораживая своими чудесами. Ворвавшись в арку распахнутых, круглых ворот, он оказался в тронном зале, где под потолком висела большая овальная люстра, что как фиолетовый улей приютила в себе тысячи пурпурных камней. Они мерно гудели, сияя сиреневыми молниями, пропуская через себя широкий луч, сплетенных в одну энергетическую веревку. Луч бил вниз, исчезая в изголовье трона установленном на алтаре, на котором сидел мужчина в дорогом камзоле, и расшитом серебряной нитью плаще. Его тело сияло аметистовым светом, а сам он дрожал от мощи энергетического потока. Это был император Фалур. Славик не стал дожидаться пока на него обратят внимание и ударил градом каменных игл, которые в белом облаке помчались в Фалура. Тот едва опустил голову, и злобно взглянув на незваного гостя выставил руки перед собой. От ладоней мгновенно растеклась розовая волна, застывая щитом, словно надутый пузырь из жвачки, в который ударились иглы, а император Дорсилан даже не сдвинулся с места. И сразу же принял серьезный заряд белой молнии, который чужак в него метнул левой рукой.

Фалур словно и не думал защищаться, видимо ощущая свое превосходство, продолжая

качать астральную энергию. Астральные эманации вносили дикий хаос в привычное поведение магических и природных энергий, но Славик цеплялся лишь за те нити, которые давно изучил, и знал их поведение. Он своевременно хватался за них, накидывая друг на друга узорами, создавая плетения, и тут же вливая в них свою силу, атаковал Фалура. Нужно было отрезать его от астрального канала. Поэтому он вытянул из общего потока несколько узлов, распутывая их и переплетая с другими, и под алтарем с грохотом выросли острые скалы, как наконечники копий, разрушая его основание, а в его сторону уже приближался водяной шар, размером с кабана, который смысл Фалура с трона. Он не поднимаясь с пола, метнул в Славика огненный пульсар, который ударился своим краем в выставленный им щит из браслета на руке. Слава не дремал, и мощный воздушный поток, непроницаемой, прозрачной стеной с диким ревом и свистом помчался на предателя своего народа. Но поток рассыпался не долетев до цели, потому что Славика захлестнули видения. Вновь кроваво красное поле маков, распростертое до самых горизонтов. Вечно хмурые тучи, свинцовыми каплями нависшие над алеющей землей. И ненависть ко всему живому, перемешанная с отчаянием и тоской.

Эта ошибка для Славика могла стать роковой. Фалур уже заканчивал творить заклятие, которое серебрянным шаром зависло на уровне его груди, похожее на туманную снежинку. Затем каждая ось снежинки крутанулась, развернулась и помчалась вперед, острым и тонким, как бумажный лист, диском. Слава рванул с места, отбивая каждую из крутящихся пластин своим энергетическим щитом, выхватил меч, и разрубил еще один диск в полете. Магические снаряды с едва металлическим звоном ударялись в щит, издавая короткое жужжания, разлетались на осколки. И так сжавшись от страха, Славик напрягся и выдернул очередное плетение из водной энергии, добавив его своей формой, и метнул в Фалура водяное копьё, которое светилось тьмой на конце. Император прыгнул за осколок алтаря, а именно спинку трона и глыбу обрушившегося камня, как мрамор взорвался белесой крошкой, и копьё разворотило его укрытие. Цепной пес Баргозара рассердился не на шутку, и на зарвавшегося мага обрушилась череда мощных ударов и свирепых атак. Шесть золотых магических колец, похожих на чакрам, один за одним полетели в него. Но он уже успел влиться в темп боя, наслаждаясь его горячкой. Он рванул кувыркком в сторону, уходя от опасных снарядов, несколько ударили в щит, но одна все же обожгла щиколотку. Затем три ровных нефритовых луча, как лазеры обстреляли стену в том месте, где он только что был. Беглец и не думал останавливаться, он бежал зигзагами, все время петляя. Над головой просвистели воздушные кинжалы, один из которых впился в левой плечо, и растаял белым дымком. Руку дико свело, она плетью повисла вдоль тела, а Фалур неожиданным удар исполинской кувалды, отправил наглеца в нокдаун. Удар частично пришелся на щит, который все же скрывал частично корпус, иначе костей целых бы не осталось после него. Славик держался за кровоточащее плечо, не выпуская из него меч. Но смог вызвать одним лишь ментальным усилием заклинание Каменных Копий, и острозубые скалы вновь вырвались из недр пола, норовя пронзить разбушевавшегося тирана. Но Фалур лишь подпрыгнул, исполняя сальто назад в изящном пируете и взгромоздился на кончике самого высокого шпиля. Руки его были расправленные в стороны, уже собирая по крупицам нужные энергетические ингредиенты для заклинания. Его плащ развивался в стороны, и сейчас Фалур был похож на огромного орла на пике поднебесных гор.

Правитель-маг резко свел руки, между которыми вспыхнул электрический шар лилового цвета, и медленно разводил их по сторонам. От шара к рукам тянулись тонкие

энергетические нити, как электрическая дуга, дрожащая среди двух электродов. Славик раненный лежал на полу, наблюдая за магией противника, а позади него в одном из коридоров ведущих в тронный зал, он слышал бешенный рык, и жуткий топот перекликающийся с цоканьем когтей о камень замка. Удар заклятия грозил быть смертельным, судя по тому как долго его создавал чародей, и закачивал туда силы. Славик начал ползти в сторону тоннеля, когда яркая фиалковая вспышка слетела с это магической дуги и он решил, что это конец...

* * *

По крутой винтовой лестнице, Берон вместе с Эралией взбирались все двенадцать пролетов. Только там обнаружилась дверь, которая вывела их на небольшую смотровую площадку, внутри стен замка. Город был в агонии. Столбы дыма, разносимые ветрами в разных направлениях, пожары, шум, крики и будоражащие звуки городских сражений, вскружили голову, вызывая жажду боя. Армия Фротгар, прорвав оборону, теснила дорсилан к стенам замка, в котором сейчас находилась военная резиденция Фалура в этом захватническом походе. Многие горожане увидев серьезные успехи у повстанцев сразу же хватались за оружие, принимая сторону освободителей, от чего армии Фалура все сложнее становилось удерживать позиции.

Берендей и Стрела нырнули в еще одну дверь, которая вела в другое крыло замка. И им теперь пришлось спускаться по лестнице вниз. В замке почти не было солдат, а многие из тех редких стражников, случайно попадавших на глаза беглецам, либо умирали, либо ретировались, узнав в противнике лорда и полководца. Эту часть замка Берон знал неплохо, ведь эти стены последние восемь месяцев заменяли ему дом. Они без труда отыскивали кабинет Фалура и рассказав Эралии, что они ищут, принялись переворачивать рабочий кабинет императора верх дном. Они искали небольшой лунный камень — Меникс, который смог бы открыть магический тайник в книжном шкафу. Но увы его здесь не было. Очевидно он находился у самого лже-отца. Тем лучше! Берону не терпелось сразиться с этим чертовым выродком.

Когда они оказались на первом этаже, они услышали страшный грохот и взрывы, и помчались на источник шума. В тронном зале происходило сражение, и Берон понимал, что единственный союзник, который находился с ними в стенах замка — это Варэн. Берон на бегу обращаясь в медведя, гортанно зарычал, и ворвался в зал.

... Когда разряд дуги уже почти достиг цели, Славик понял что это конец. В тот же удар сердца, из тоннеля вылетел огромный бурый медведь, перелетая его по изогнутой траектории. Зверь был в своей боевой броне и с неизменным прозрачным щитом на браслете, который и принял этот чудовищный разряд. Артефакт исчерпав свои возможности зашипел сразу за вспышкой от удара, и щит пропал. Берона отшвырнуло назад, и он заскользил гладкой шерстью по каменному полу едва не налетая на Славика. Но из коридора выскочила Эралия, и как-то хитро на расстоянии, ухватила раненого беглеца невидимыми путами, откинув его в сторону. Туша медведя проскользила в футах от него, и берендей ударился в стену. Эралия сразу же атаковала Фалура, и дюжина фотовспышек, яркими всполохами бросилась на императора, слепя всем глаза, оставляя черные фосфены после себя. Это были как мгновенные взрывы сверхзвезд, только небольшие в диаметре и на много

быстреедвигающиеся. Фалур некоторые обезвредил заклинанием Паучьего Кокона, которое высасывает из других чар силы. Но от нескольких фотовспышек ему все же досталось. Он закричал от боли и хотел было уже увернуться, когда Славик метнул в него небольшой кинжал. Это абсолютно не магическое, и даже не отравленное холодное оружие, ускользнуло от внимания правителя, вонзилось ему в грудь в районе плеча. Еще один крик, но концентрация для нового заклинания была сбита, и Фалур смертельно опаздывал сделать свой ход. Бывший пасынок, а ныне кровный враг — Берон, с ревом бросился на Фалура и насадил его брюхом на три своих длинных когтя, поднимая его над полом. Тело императора дрогнуло, вытянулось, а затем обмякло. Глаза его как-то задорно продолжали смотреть на Берона, словно и на этот раз человек, отнявший у него все, победил. Тело упало на камень, а Медведь обрел человеческий вид. Берон сорвал с шеи мертвого врага камень Меникс, и кинул его лежащему на полу Варэну. Тот улыбнулся, поймав трофей на лету, и устало улегся на пол. Эралия подбежала к ним, помогла встать своему подопечному, и они направились прочь из тронного зала, где все было пропитано боевой магией и астральными эманациями.

В кабинете императора Фалура, с помощью Меникса, они смогли отыскать свиток. Реликвию ордена Киранхоши. Теперь им предстояло выяснить, что в нем написано, и понять, что им делать дальше. Прежде чем покинуть стены замка, Эралия попросила отвести ее в подземелье, где ее заточил Фалур. Там подойдя к одной из камер, она отперла ее. Внутри было темно и ничего не видно. Затхлый запах грязного тела, разносящийся по камере вышибал дух, а в углу помещения, гремя цепями, лежал ворох тряпья. Эралия подошла поближе к пленнику и зажгла рядом с собой слабо мерцающий шар. Он осветил камеру, и они увидели высокого мужчину, который был закован в кандалы, цепи крест на крест через грудь и железную маску. Слипшиеся от грязи, длинные волосы, свисали сосульками, на маску, а огромные квадратные металлические коробки заковывали его плечи. Эралия освободила пленника и тот вначале робко, а затем все более уверенно поднялся на ноги. Она хотела снять с него маску, но он отдернул ее руки от своего лица, и она решила оставить все как есть. Замок они покинули вчетвером. И на фоне захваченного города Адалът, где повсеместно были слышны победные крики, они воссоединились с войсками Фротгар. В сражении погибло много хороших, и не очень хороших людей, но правда перешла на сторону заслуживших ее людей, а значит все было не напрасно.

В обугленном тронном зале, где Баргозар проиграл свое самое крупное сражение лежал мертвый император Фалур. Его кожа была серой и безжизненно блестела в огоньках горящей от магических взрывов мебели. Затем она вовсе потемнела, и начала трансформироваться, словно новые мышечные волокна и сухожилия нарастают поверх кожи. Все тело охватила трансформация, и через пару секунд в центре зала стоял раненый Мимикрид, в оборванной и обгоревшей одежде императора Фалура. Мерзкий Метаморф не испытывал никаких ощущений от поражения, он по птичьему склонил голову набок, и посмотрел в сторону востока, своим безглазым лицом, а затем резко развернулся и скрылся в одном из тоннелей.

* * *

Спустя почти шесть недель после кровопролитного сражения за освобождение Адалъта, Берон, Эралия и Славик сидели на поляне недалеко от разрушенного замка, давно умершего князя местных земель. С ними был и парень, которого они освободили. Звали его Рэлик, один из воинов армии Непокорных. Он встретил их небольшой отряд на выходе из города Адалът, и твердо объявил о своем намерении отправиться в путешествие вместе с ними. Он был обязан им жизнью, и теперь мечтал отплатить тем же. Никто возражать не стал, и все дружно приняли его в свой отряд.

Здесь, на развалинах старого замка, они ожидали, когда наступит сближение миров, и Эралия сможет открыть для них портал в другой мир, который скрывает еще миллиарды секретов и тайн. Их путь только начинался, и теперь судьба вселенной находилась в их руках. Все остальное было не важно.

Конец.

Больше книг на сайте — Knigolub.net